

0 ЕСЛИ

СЕНТЯБРЬ 2005

ФАНТАСТИКА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

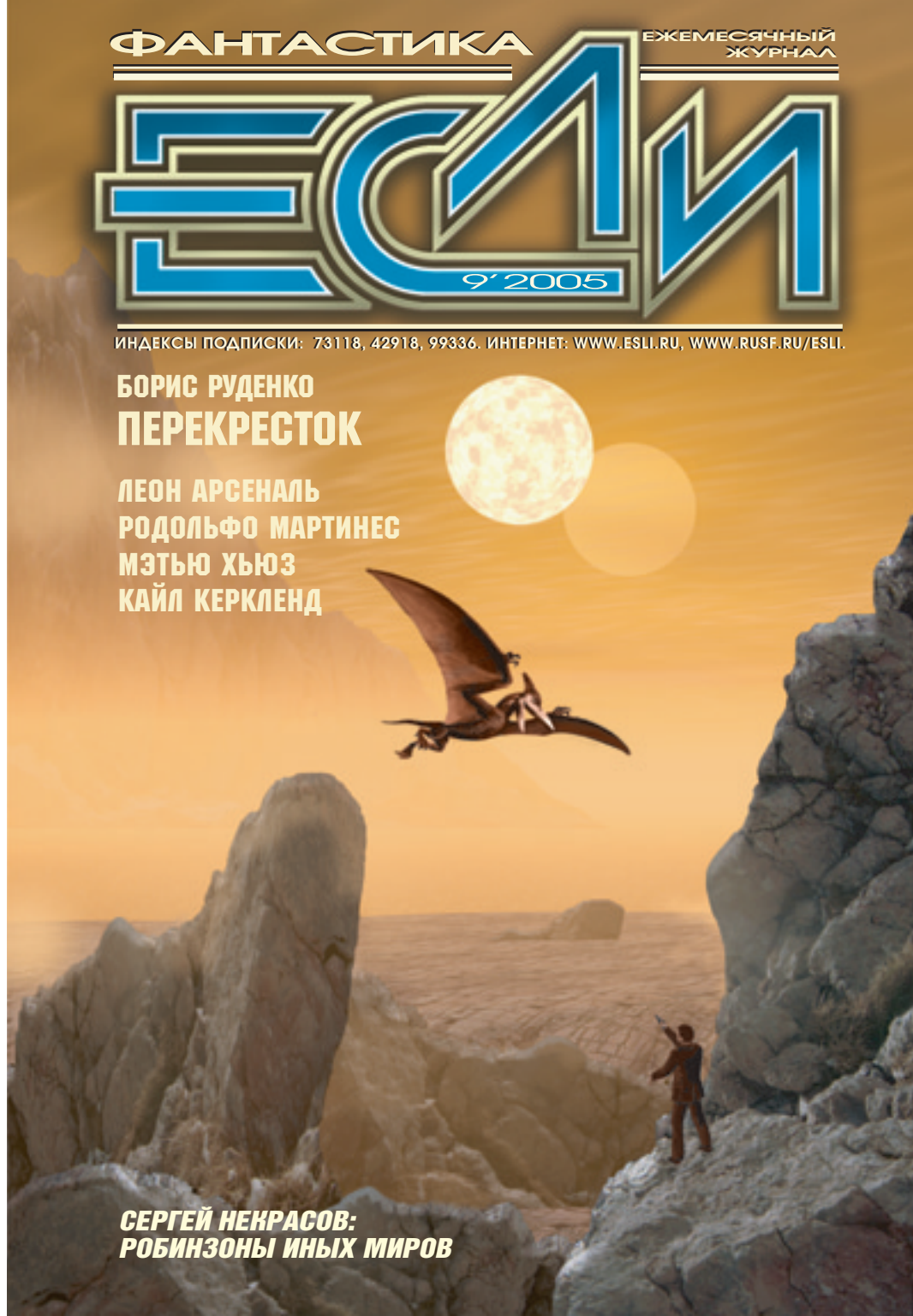
ЕСЛИ

9'2005

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918, 99336. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU, WWW.RUSF.RU/ESLI.

**БОРИС РУДЕНКО
ПЕРЕКРЕСТОК**

**ЛЕОН АРСЕНАЛЬ
РОДОЛЬФО МАРТИНЕС
МЭТЬЮ ХЬЮЗ
КАЙЛ КЕРКЛЕНД**

**СЕРГЕЙ НЕКРАСОВ:
РОБИНЗОНЫ ИНЫХ МИРОВ**

РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:
Александр ШАЛГАНОВ.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:
Татьяна МУРИНА.

РЕДАКЦИЯ:
Екатерина АРОЯН,
Дмитрий БАЙКАЛОВ,
Владимир ГУБАРЕВ,
Михаил КОМАРОВСКИЙ,
Евгений ХАРИТОНОВ,
Тамара ШЕЛАМОВА,
Людмила ШЁКОТОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:
Эдуард ГЕВОРКЯН,
Александр ГРОМОВ,
Олег ДИВОВ,
Марина и Сергей ДЯЧЕНКО,
Евгений ЛУКИН,
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО,
Владимир МИХАЙЛОВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:
Игорь ТАРАЧКОВ.

ИЗДАТЕЛИ:
Издательский дом
«Любимая книга»,
ЗАО «Асмэръ».

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:
МОСКВА, 119435,
Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:
esli@rusf.ru
if@esli.ru

САЙТЫ ЖУРНАЛА:
www.rusf.ru/esli
www.esli.ru

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:
248-08-90, 248-08-91.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
ИД «Любимая книга»,
тел. 248-21-90.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:
«Наша пресса», АРП «Регион»,
«Сейдс», «Метропресс» СПб,
ХК «Сегодня пресс»,
«ЗРС Периодика»,
«Роспечать», ДМ Пресс.

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ОАО
ордена Трудового Красного
Знамени «Чеховский
полиграфический комбинат».
142300, г. Чехов Московской обл.,
ул. Полиграфистов, д. 1.

Тираж 14 400 экз.

Перепечатка материалов
допускается только
с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку
только на страницах журнала.
Редакция не несет
ответственности за содержание
рекламных объявлений.
© «ЕСЛИ», 2005

161 Борис РУДЕНКО
ПЕРЕКРЕСТОК

Прыжок в чужой мир можно совершить в обыкновенных «жигулях»; главное, чтобы с компанией повезло.

3 Леон АРСЕНАЛ
МЕРТВАЯ ТОЧКА ВСЕЛЕННОЙ

Здесь все призрачно — и экранный образ собеседника, и присутствие кровожадного монстра. Однако чувство вполне реальной опасности не покидает героя.

19 Хуан Хасинто Муньос РЕНХЕЛЬ
ЧУЖИЕ КОДЫ

Человечество может вздохнуть с облегчением. Ответ на вопрос вопросов — есть ли жизнь на Марсе? — найден.

31 Родольфо МАРТИНЕС
ШОССЕ

Это дорога с односторонним движением, и обратный билет — утопия.

55 Стивен ПОПКЕС
ВЕЛИКИЙ КАРУЗО

Пока Минздрав не в курсе, предупреждает фантаст: курение способно радикально изменить вашу жизнь.

75 Кайл КЕРКЛЕНД
ТАЙНЫ КОМПАНИИ

Волки и овцы информационного пост-постиндустриального общества.

117 Мэтью ХЬЮЗ
КОГДА ВНУТРИ ЗАКИПИТ

Сколько усилий, работы ума и самоотреченности требуется порой, чтобы быть человеком, а не свиньей...

47 **Владимир ИЛЬИН, Вероника РЕМИЗОВА**
ФАНТАЗЕРЫ КАСТИЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Все, чего мы не знали об испанской фантастике, но хотели бы знать — в обзоре московских исследователей.

257 **Сергей НЕКРАСОВ**
РАССЧИТЫВАЙ НА СЕБЯ!

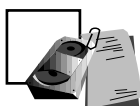
Изгибы литературной истории удивительны: подозревал ли публицист Дефо, описывая приключения моряка из Йорка, что изобрел новое направление, очень популярное среди фантастов?

268 **РЕЦЕНЗИИ**

Рецензенты «Если» бдительно следят за книжным рынком, но занятие это не из самых простых: попробуй отдели в бурном потоке книг зерна от плевел!

300 **КУРСОР**

И хоть сказано, что события культуры не должны попадать в ранг новостей, приходится опровергать сие высказывание.

149 **ВИДЕОДРОМ**

Кристиан Бэйл: от Юм-Юма к Бэтмену... «Война миров»: от Уэллса к Спилбергу... Амитивиль: от маньяка к блокбастеру... «Земноморье»: от Урсулы к «Холлмарку».

275 **Сергей ЛУКЬЯНЕНКО**
ИСТОРИЮ НЕ ОСТАНОВИТЬ!

Анализ книг популярных авторов всегда вызывает острый интерес. Но вдвойне любопытно, когда в роли критика выступает писатель.

278 **«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**

Если хочешь стать фантастом, стань им!

291 **Геннадий ПРАШКЕВИЧ**
ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ

В этом году классику отечественной НФ А.Н.Стругацкому исполнилось бы 80 лет...

297 **ВСТРЕЧИ**

В жизни людей, которые его знали, Аркадий Натанович оставил яркий след.

302 **ПЕРСОНАЛИИ**

Все зарубежные авторы номера далеко не новички в НФ, но дебютанты в журнале.

Л Е О Н А Р С Е Н А Л Ъ

МЕРТВАЯ ТОЧКА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

ВСЕЛЕННОЙ

В голубом сумраке каюты Гульс Гаратан, прикрыв веки и с сигаретой в руке, лежал на койке. Дым медленно поднимался в темноте, и его белесые спирали казались миражами, навеянными воспоминаниями о других планетах, о других лунах, о других мирах, об экзотических городах, о космопортах под чужими небесами. Воспоминаниями о космических кораблях с вычурными названиями, ожидающих загрузки на посадочных полосах, описывающих бесконечные орбиты или заходящих на посадку в тучах дыма и пламени.

Гаратан опустил руку к полу каюты, подсознательно надеясь ощутить тот глухой гул, который всегда присутствует в корпусе корабля от работающих двигателей и бортового оборудования. Но сейчас металл лишь слабо вибрировал.

Лениво потянувшись, Гаратан посмотрел в псевдоиллюминатор, отвел взгляд, но тут же опять вернулся к экрану кругового обзора. Его так и тянуло созерцать Мертвую Точку. Он словно наслаждался видом межзвездной бездны, огромных солнц, пылающих в вакууме, и мертвых космических кораблей, неподвижно висящих во мраке. Гаратан подошел к экрану, не в силах оторвать глаз от звездного кладбища. Останки кораблей были похожи на рыб, попавшихся в невидимую гравитационную сеть.

Он медленно выпустил струю дыма, впившись глазами в экран. Чернота на нем, казалось, вмещала в себя всю безбрежность, пустоту и безутешность космоса, и от нее невольно кружилась голова. Безмянные светила пылали в космической ночи. Сотни, тысячи неподвижных кораблей блестели во мраке, как миниатюрные искусственные луны.

И где-то там, в этой мертвой точке Вселенной, среди созвездия потерянных кораблей, уже несколько веков дремал древний корпус звездолета «Мильг Мерайн», капитана которого звали Арога.

Мысль об этом любопытном человеке, который почти четыреста лет тому назад погиб, но странным образом продолжал жить, побудила Гаратана наконец оторваться от экрана. Он включил систему видеосвязи, настроенную на частоту «Мильг Мерайн», и монитор сразу ожил. Капитан Арога был доступен для связи круглосуточно.

На экране появился высокий, смуглый и тощий человек. Небрежно одетый, окутанный табачным дымом, он сидел, развалившись, за письменным столом необычной формы. Это был общительный собеседник и большой любитель поспорить, обладатель непринужденных манер и блестящих темных глаз. Капитан корабля «Мильг Мерайн» — или, точнее, его призрак.

Когда-то Гаратан не раз слышал и, случалось, сам, посмеиваясь, рассказывал истории о призраках на борту космических кораблей. Ино-

гда он даже верил, что порой видел в мертвенно-бледном свете коридоров туманные силуэты, которые при попытке рассмотреть их лучше растворялись в воздухе. Но он не мог себе представить, что когда-нибудь ему доведется беседовать с электронным призраком, созданным бортовым компьютером на основе данных о давно умершем человеке.

Гаратан мог лишь предполагать, какими были последние дни жизни настоящего Энтаунса Ароги. Он представлял, как тот прозябает в этом гравитационном болоте, на исковерканном корабле, в окружении трупов своих товарищей, лицом к лицу с неминуемой смертью. Как, отчаянно стремясь избежать смерти и небытия — подобно всем тем, кто терпел бедствие в Мертвой Точке, — капитан подвергает свой мозг мучительной процедуре передачи электронному мозгу корабля массивов данных, накопленных в нейронах — потоков воспоминаний, эмоций и чувств...

— Добрый вечер, суперкарго, — улыбнулся Арога. — Что, не спится?

— Да, капитан, — вздохнул Гаратан. — Надоело уже все. Одно и то же, день за днем...

— Скорее, ночь за ночью, — вежливо поправил его собеседник. — В космосе не бывает дней, тут только ночи. В наше время профессионалы выражались более точно.

— Сдается мне, вам нечего сказать по существу, — проговорил, закуривая еще одну сигарету, Гаратан.

— Нечего, к сожалению, — покачал головой Арога. — Я не хотел бы лишать вас надежды, но сюда, в Мертвую Точку, попадают редко. Только один гиперпространственный прыжок из миллионов заканчивается таким образом. И когда это происходит, корабль прибывает сюда сильно поврежденным, если не сказать — разбитым.

— Ясно. Но надо жить, словно ничего не произошло, и не терять надежды.

— Конечно. Пасть духом — хуже всего. В Мертвой Точке — это верная гибель.

— Что ж, капитан, мне пора немного поработать. Потом, когда у меня будет побольше времени, я снова приглашу вас.

— Прекрасно. — Арога с наслаждением затянулся своей вечной сигаретой. — Может, тогда нам удастся сгонять пару партий в какую-нибудь настольную игру.

Суперкарго кивнул на прощание и отключился.

Должно быть, капитан «Мильг Мерайн» был заядлым курильщиком и страстным поклонником тех игр, которые требуют от участника одновременно везения и мастерства.

Затушив окурок, Гаратан вышел из каюты.

Система переходов в виде туннелей, где царил невесомость, про-

низывала весь корабль, как будто сеть искусственных вен. Суперкарго неспешно плыл по коридору без определенной цели, проверяя показания датчиков в те моменты, когда лампы вспыхивали белым или фиолетовым светом.

В одном из туннелей висевший между полом и потолком механик, вооружившись визором, возился с каким-то массивным агрегатом, явно пытаясь устранить одну из многочисленных аварий, вызванных прыжком в Мертвую Точку.

Гаратан медленно подплыл к нему:

— Как поживает эта штука?

— Как поживает? Мы можем остаться без воздуха в любой момент. Аварийные системы дышат на ладан — они ведь не предназначены для длительной работы.

Гаратан молча кивнул, и механик больше не произнес ни слова. Вдруг сильный удар сотряс стены туннеля. Тяжелый грохот, удаляясь, понесся по металлической обшивке корабля.

— Вот черт!.. Что это было? — Механик вздрогнул так, что перевернулся в воздухе вверх ногами.

Приложив палец к губам, суперкарго попросил его помолчать, потом, оттолкнувшись ногами от пола, взмыл вверх, вцепился в потолочную переборку и приложился ухом к металлу. Они долго пробыли в этом положении: один — медленно вращаясь вокруг своей оси в голубоватом полумраке коридора, другой — прилипнув, словно некое паразитическое растение, к арочному своду коридора. Оба ждали, что звук повторится, но этого не произошло.

Наконец Гаратан отцепился от потолка и плавно опустился на пол.

— Ничего не слышно. Наверное, какой-то обломок задел корпус.

— Наверное.

Гаратан опасливо покосился на переборки. Из-за неудачного прыжка через гиперпространство в каркасе корабля возникли опасные повреждения, и суперкарго постоянно совершал обход отсеков, опасаясь, что в любой момент какая-нибудь секция корпуса не выдержит нагрузки.

Он повернулся к механику:

— Пойду в рубку. Думаю, старик уже там.

— Наверняка. А я тут еще повоюю: может, удастся что-нибудь исправить.

— Если этот грохот повторится, сообщи мне.

— Конечно.

* * *

Капитан сидел в темной рубке, держал в руке чашку с горячим кофе и неотрывно смотрел на экраны. Гаратан остановился, чтобы зре-

ние адаптировалось к темноте. Капитан не шевелился. Тихо шелестела вентиляция, и на мониторах пульсировали огни ада и корабли, парящие в пустоте космоса.

Наконец капитан заметил присутствие своего помощника. Вяло ткнул рукой в один из настенных экранов, и суперкарго понял, что капитан был поглощен созерцанием гигантского звездолета, который дрейфовал чуть выше и левее «Сульса».

Это была исполинская космическая рыбабилина размером с небольшую луну. Множество палуб, расположенных друг над другом и закрытых огромными куполами. Платформы, башни, сложная сеть конструкций, между которыми протянуты висячие мостики. Искусственный мир, переливающийся оттенками тусклого золота и меди в космической ночи, как легендарный летучий город.

Взгляд на этот огромный мертвый звездолет вызывал беспокойство и даже тревогу. Не то из-за его форм, объемов, размеров, не то из-за неприятного ощущения заброшенности. Это впечатление усиливалось изображением, которое передавали телескопы: тысячелетняя эрозия корпуса под воздействием медленного дождя обломков и метеоритов. «Да, это великолепное зрелище», — подумал Гаратан, усаживаясь в темноте в кресло и взирая на гигантскую развалину, висящую во мраке, словно потерянная кем-то в космосе драгоценность. Она была великолепной — и ужасной.

Однако в тот момент, когда они, потерпев бедствие, оказались в Мертвой Точке с вышедшими из строя системами жизнеобеспечения, этот корабль внушал им надежду на спасение, и они решили, что для пополнения запасов продовольствия и оборудования было бы неплохо обыскать трюмы гигантского соседа...

— За свои тридцать лет службы, из них десять — в должности капитана, я не потерял ни одного человека, — пробормотал капитан, словно прочитав мысли суперкарго. — И, естественно, ни одного корабля.

— Да не переживайте вы так, теперь это уже не имеет значения.

Капитан развалился в кресле, баюкая в ладонях все еще горячую чашку, и мрачно посмотрел на экран.

Да, тогда ему показалось, что это хорошая идея... Пусть штурман и бортинженер причалят на катере к звездолету, а остальные члены экипажа будут ждать в погруженной во мрак рубке: сам он — в своем кресле, прихлебывая кофе; суперкарго и механик — расхаживая взад-вперед, выкуривая одну сигарету за другой и внимательно следя за маневрами катера вокруг гиганта.

Капитан отлично помнил, какие сомнения и опасения он испытывал в тот момент, когда катер медленно подплыл, сверкая, будто светлячок, к огромной позолоченной ракете, отбрасывавшей блики отра-

женного света. Короткое ожидание, сообщение об успешной стыковке, обмен комментариями, пока смыкались створки шлюза. А потом — тишина, тишина, тишина...

— Нам тогда надо было установить связь с капитаном Арогой: он мог бы вовремя предупредить нас, — сказал капитан.

— Но ведь связь тогда не работала, — устало вздохнул суперкарго. — Да и что толку, если бы даже работала?.. Послушайте, хватит уже об этом!

— Идея-то была правильной, но...

Капитан умолк, потому что внезапно один из мониторов включился, показывая измученное лицо механика.

— Это, наверное, по мою душу, — поспешно сказал суперкарго. — Ну, что там у тебя? — обратился он к механику.

— Этот шум... послушайте, он опять слышен.

Раздался долгий, словно замедленный звук, похожий на громохание гигантского пустого ведра. Грохот повторился, когда еще не стихло эхо первого раската, словно кто-то бил в исполинский колокол. Механик продолжал висеть в голубовато-тусклом свете туннеля, плавно кувыряясь в воздухе и растерянно озираясь на выгнутые стены. Шум раздался опять. Гаратан в замешательстве тербил свою бородку. Капитан наклонился так, чтобы оказаться в поле зрения механика.

— Уходи быстрее отсюда. Живо! — приказал он ему.

— Вас понял. Сейчас отсоединю агрегат и...

— К черту агрегат! Уходи! — Капитан повернул голову к Гаратану.

— Надо измерить силовые поля.

Кивнув, суперкарго направился к пульту управления.

— Что это может быть? — с тревогой спросил он, не отрываясь от монитора. — Трещины в корпусе? Или мы столкнулись с каким-нибудь обломком?

— Нет-нет, тогда звук был бы другим. Впрочем, сейчас мы увидим, в чем там дело.

На черном фоне экрана схематическое изображение «Сульса» медленно вращалось вокруг своей оси, в оболочке в виде стабильного и обширного ореола желтоватого цвета. Так выглядело невидимое защитное поле корабля.

Капитан ткнул пальцем в экран:

— Вот оно!.. Там что-то есть!

Изображение рывками стало увеличиваться до тех пор, пока на экране не осталась только нужная зона.

Вздвигнув, суперкарго откинулся на спинку сиденья, нашаривая в кармане сигарету. В рубку вошел механик и, бросив взгляд на экран, неподвижно застыл.

Казалось, что на корпусе «Сульса» возникло большое разноцветное завихрение с постоянно меняющимися очертаниями. Оно будто кипело и дергалось, медленно закручиваясь вокруг своей оси.

— Это всего лишь замер силового поля, а не отображение реальных объектов, — наконец сказал капитан. — Не будем понапрасну тратить нервы.

Командиру никто не ответил, и люди в рубке молча продолжали наблюдать за вихрем. Он медленно перемещался по корпусу, постоянно изменяя форму и объем. Казалось, этот вихрь состоит из кипящих узлов, которые то завязываются, то развязываются вновь.

Гаратан курил в темноте. Капитан подался всем телом к монитору, и его лицо было освещено экраном. Механик беспокойно топтался на месте, позвякивая металлическими амулетами со своей родной планеты Вильгиариум-3.

— Смотрите-ка, — наконец сказал он. — Это что-то живое и очень большое.

— Нет-нет, Науим, — пробормотал капитан. — Мы тоже об этом сначала подумали, но космических монстров не бывает.

— Конечно, не бывает, — вздохнул механик. — Это всего лишь сказки — как и Мертвая Точка...

Капитан вытер вспотевший лоб. Когда-то и он принадлежал к числу тех, кто отрицал существование Мертвой Точки. Некоторые корабли бесследно исчезали во время гиперпространственного прыжка, но он не допускал и мысли о том, что они оказываются в каком-то недоступном для остального мира секторе, где полным-полно древних звездолетов, пропавших без вести.

— Дело в том, что мы еще слишком мало знаем о сущности гиперпространственных перелетов, — сказал он. — Поэтому нет ничего удивительного, что один прыжок из нескольких миллионов заканчивается трагически. Но я всегда думал, что, когда это происходит, корабли перестают существовать, разлетаясь на мельчайшие осколки. История о Мертвой Точке казалась мне легендой — вроде хрестоматийной, о крысах на корабле. Этаким современный вариант древних мифов Земли... Но то, что мы сами оказались здесь, — непреложный факт.

— Допустим. А это что? — Гаратан показал тлеющим кончиком сигареты на экран, где крутилось загадочное завихрение.

— Не хочу повторять своей ошибки. — Капитан вновь вытер лоб. — Я допускаю, что это может быть нечто вроде живого существа.

В рубке вновь воцарилась тишина.

— Значит, мы пропали, — наконец мрачно проворчал Гаратан. — Из этой передраги нам не выбраться...

— Не хочу даже слышать об этом! — оборвал его капитан. — Каж-

дый может думать все, что ему взбредет в голову, но при этом пусть держит свои мысли при себе! — Он повернулся к механику. — Мы можем получить какую-нибудь дополнительную информацию?

— Вряд ли, — покачал головой механик. — Поскольку бортовой комп вышел из строя, все системы превратились в обычные датчики. Они лишь регистрируют информацию, но неспособны обрабатывать и анализировать ее. — Он задумчиво закурил сигарету. — А почему бы нам не посоветоваться с капитаном Арогой? Ему наверняка есть что нам рассказать. В конце концов, он торчит здесь уже четыреста лет и должен быть в курсе.

* * *

— Да, это космический монстр, — подтвердил Арога.

Вздыхнув, капитан «Сульса» пробежал взглядом по экранам, начиная с того, на котором маячило лицо его коллеги, и кончая тем, где завихрение вскипало на корпусе корабля. Потом запустил растопыренные пальцы в свою шевелюру.

— А нельзя ли было предупредить нас об этом заранее?

— Предупредить? — впился взглядом в своего собеседника Арога. — Нет-нет... Этот монстр появляется не всегда, а у вас и так было достаточно проблем.

— Но раз уж он возник, что может произойти?

— Трудно сказать. — Арога откинулся на спинку кресла, медленно выпуская изо рта кольцо дыма. — Скорее всего, он будет нащупывать в корпусе корабля наиболее слабое место, чтобы проникнуть внутрь.

— И у него это получится?

Капитан Арога отвернулся, явно не желая отвечать на вопрос.

— Раньше ему это удавалось в двух случаях из трех, — наконец выдал он.

— Но что же это такое на самом деле? — Капитан «Сульса» вертел в руках чашку, пытаясь сохранить самообладание. — Нам нужна любая информация об этой твари.

— Разумеется, — Арога переплел пальцы. — Но мне мало что известно. По моим сведениям, никому еще не удавалось увидеть этого монстра. В лучшем случае, его обнаруживали, как и вы сейчас, лишь косвенно, по замерам защитного поля. И столь же мало известно о том, как этой штуке удастся проникать внутрь корабля. По моему мнению, он просачивается через малейшие щели, которые образуются в корпусе при гиперпространственных перелетах... Но все это, разумеется, лишь предположения.

— Как вы думаете, что это может быть? — повторил вопрос Гарант, с тревогой глядя на экран.

— Затрудняюсь с ответом. Измерения показывают, что этот монстр состоит из органических веществ, но не целиком, а лишь частично... К сожалению, имеющихся сведений недостаточно, чтобы получить более полное представление об этой твари.

В холодном и тусклом свете рубки капитан «Сулса», покачивая головой, с удивлением смотрел на призрак. Он думал о том, что нечеловеческий мозг «Мильг Мерайн» проявлял себя за маской Энтаунса Ароги в самые неожиданные моменты.

— А существует ли способ остановить это чудовище, капитан?

— Никому пока не удалось. Хотя это не исключает такой возможности. И все-таки будет лучше подготовиться покинуть свой корабль — на случай, если монстру удастся проникнуть внутрь. Это единственное, что я могу вам посоветовать.

* * *

С этого момента Гаратан постоянно слышал, как монстр пробует на прочность внешний корпус корабля. Перемещаясь по коридорам, он не раз вздрагивал от оглушительного удара над головой и прислушивался, как грохот отдается долгим эхом в лабиринтах туннелей. Удары всегда раздавались рядом с суперкарго, словно чудовище за бортом каким-то чутьем улавливало присутствие человека и пыталось пробиться к нему сквозь металл.

В эти моменты, прислушиваясь к грохочущим переборкам, Гаратан инстинктивно сжимался и напряженно вглядывался в ближайшие мониторы. Карабкаясь по изгибам туннеля, как гигантское насекомое, он следил за каждым изменением уродливого объекта, прилипшего к корпусу звездолета, за разноцветными спазмами его смутных очертаний, которые постоянно то увеличивались в размерах, то сжимались, то закручивались вокруг своей оси.

Суперкарго подолгу торчал возле экрана, одолеваемый смешанным чувством любопытства и отвращения. Это было некое порочное влечение, которое, похоже, разделял и капитан Арога.

— Да-да, — мрачно соглашался он. — Именно это существо и покончило со мной. По крайней мере, к такому логическому выводу я пришел, хотя на этот счет в бортовом компьютере «Мильг Мерайн» нет никаких данных. Но поскольку монстр все время крутится рядом с моим кораблем, то нетрудно предположить, что в конце концов он сумел проникнуть внутрь.

— И вы, конечно же, не имеете представления о дальнейших событиях?

— Нет. Арога принял необходимые меры, но, должно быть, они его не спасли. Поскольку он перестал подключаться к компьютеру кораб-

ля, тот, согласно заранее полученным указаниям капитана, решил, что Арога мертв и запустил мою программу. Вот и все, что я знаю. — Арога сделал паузу, задумчиво сомкнув веки. — А знаете? Мне хотелось бы хоть краешком глаза взглянуть на этого монстра, чтобы увидеть, как он выглядит. Никто еще не запечатлел его внешний вид: потому что он ускользал от всех ловушек и перемещался в теоретически недоступных для наблюдения местах... Должно быть, он довольно умен.

— Вы считаете, он обладает разумом? — вздрогнул Гаратан.

— Разумом? Но ведь разум — это искусственное и произвольное понятие, — пренебрежительно махнул рукой собеседник. — Нет-нет, речь идет о существе ловком, хитром и способном обучаться ради своего выживания. Именно эти характеристики монстра он занес в компьютер «Мильг Мерайн».

— Кто — он?

— Я, кто же еще? В последние дни своей жизни капитан Арога, казалось, забыл обо всем на свете, кроме монстра, и собирал все возможные данные о нем.

— Порой мне трудно понимать вас, капитан, — устало вздохнул Гаратан.

— Почему?

— Говоря о себе самом, вы путаете первое и третье лицо.

— Но это логично. — Человек на экране принялся раскачиваться в кресле. — Мои воспоминания, мои действия, мой облик не принадлежат настоящему Энтаунсу Ароге, просто он себя так обрисовал. Однако это не одно и то же, разница все равно существует. То есть я — это он, но мы оба — не одна и та же личность.

— Кажется, я понимаю вас.

Гаратан бросил взгляд на мониторы, потом вновь повернулся к своему собеседнику и осторожно сказал:

— Но я частенько спрашиваю себя, зачем он это сделал.

Капитан Арога долго молча смотрел на Гаратана, наклонив голову.

— Чтобы избежать смерти, разумеется, — наконец ответил он.

— И ему это удалось.

— Нет, он сумел лишь отсрочить ее. Дело не в том, что Арога слишком дорожил своей жизнью. Физическая гибель — это факт, который надо воспринимать спокойно, ведь она неизбежна. Нет, больше всего мне не давала спать мысль о том, что смерть принесет забвение и сотрет самые яркие впечатления, дорогие воспоминания. Я не мог смириться с тем, что однажды исчезну, не оставив следа.

— Раз вы так говорите, значит, на вашей родине не верили в жизнь после смерти.

— Нет-нет, это я никогда не верил в подобные глупости.

— Я вас понял, — вздохнул Гаратан. — Я тоже только об этом и думаю. И еще больше, — криво улыбнулся он, — после нашего прибытия в Мертвую Точку.

Суперкарго закурил сигарету, выпуская большие облака дыма, а потом продолжал:

— Здесь легко размышлять о разных вещах и задавать себе вопросы. Я отлично знаю, что ситуация безвыходная. Вначале у меня еще теплилась слабая надежда на спасение, но теперь я понял: мы приговорены. Как все, кто оказался здесь до нас. Думаю, теперь и наши часы сочтены.

Он умолк.

Они оба курили, медленно затягиваясь табачным дымом и разглядывая друг друга между затяжками. Капитан Арога — или, точнее, компьютер «Мильг Мерайн» — явно о чем-то раздумывал. Суперкарго догадывался: неподвижная поза собеседника вкупе с его молчанием означали, что программа, управляющая этим виртуальным персонажем, перебирает варианты решений.

— Да, — наконец признал Арога, оскалив зубы в усмешке. — Я тоже так считаю. Знаете, я тоже не верю, что у вас в запасе еще много времени.

* * *

Гаратан опять стоял перед псевдоиллюминатором, покуривая в голубом полумраке и зачарованно созерцая панораму Мертвой Точки. Он смотрел на корабли, висевшие в черноте космоса блестящими точками и яркими шариками. Вдруг взвыли сирены тревоги, и суперкарго вздрогнул.

Он подбежал к экранам под вой сигнальных датчиков. На одном из экранов он увидел капитана.

— Монстр сумел проникнуть на борт, — быстро и спокойно проговорил тот. — Отправляйся ко мне в каюту.

— Я сейчас нахожусь во вспомогательной рубке...

— Знаю. — Капитан склонился к какому-то прибору, находившемуся вне поля зрения Гаратана. — Основной коридор пока в безопасности, но нельзя терять ни секунды.

Гаратан быстрым шагом покинул каюту, и вскоре перешел на бег, минуя одну палубу за другой. Он изо всех сил несся по кораблю и не мог избавиться от мысли о том, что впереди, за очередным поворотом, его ждет нечто огромное и ужасное, и стоит ему приблизиться, как существо бросится на него.

Он промчался по анфиладе пустынных коридоров, миновал лестницы, палубы, трапы. Он бежал от того, что, как он знал, находилось по-

зади него, и боялся, что чудовище может оказаться впереди. Наконец, задыхаясь, он достиг каюты капитана.

Гаратан увидел, что капитан сидит и смотрит на дверь, кинув ноги на стол и скрестив руки на груди. Суперкарго понял: командир слегка пьян.

Капитан сделал небрежный жест:

— Заходи, Гульс.

И красноречиво ткнул пальцем в большой экран.

Гаратан, все еще тяжело дыша, повернулся к экрану, где обозначались сложные, разноцветные диаграммы. Он узнал в них схемы отсеков корабля, по ним быстро перемещалась мигающая красная точка.

— Это он, — пояснил капитан. — Наш Кракен.

— Кто?

— Монстр, старина, — капитан взглянул на суперкарго из-под полуприкрытых век. — Давным-давно на Земле существовала легенда о гигантском морском спруте с множеством щупалец, который нападал на корабли в океане. Его назвали Кракеном. А наш монстр генерирует поля, которые шевелятся, словно щупальца, вот почему я вспомнил о том чудовище.

Суперкарго вновь взглянул на схемы отсеков.

— Монстр идет сюда, — заявил он, и капитан кивнул в подтверждение. — А где Науим?

— Кто его знает? Он не откликнулся на мой вызов, хотя sireны звучали по всему кораблю. — Капитан провел ладонью по волосам. — Думаю, эта тварь его сцапала.

— Она и нас сцапает. — Гаратан с тревогой глядел на диаграммы. — Монстр скоро будет здесь. Надо покинуть корабль.

— Здесь самое безопасное место, — возразил капитан. — «Сульс» — достаточно старый корабль, он много повидал на своем веку. Его не всегда использовали на трассе между Вильгариумом-3 и Ги-Куаном. До этого он мотался повсюду в поисках новых фрахтов. — Капитан показал на потолок каюты. — Это были рискованные рейсы, и весь каркас капитанской каюты покрыли дополнительной броней. — Он улыбнулся. — Не делай такое лицо, малыш, ты не мог знать об этом. Это одна из моих маленьких тайн. Броня не фигурирует ни в чертежах, ни в документах.

Суперкарго скептически оглядел каюту, то и дело скашивая глаза на монитор.

— Он движется к нам.

Капитан вальяжно кивнул, не меняя позы и не отрывая взгляда от коридора, видневшегося в приоткрытый входной люк. Гаратан с показным спокойствием поставил одну ногу на порожек каюты, медленно

прикуривая сигарету. Ему не хотелось проявлять малодушие перед капитаном.

Время тянулось очень медленно. Коридор, казалось, стал шире под их взглядами. Он был пуст, и в нем царил тишина, только время от времени мигали голубоватые вспышки ламп аварийного освещения.

Капитан откинулся на спинку кресла, суперкарго медленно выпускал кольца дыма.

Наконец до них донесся мощный грохот, что-то массивное перемещалось по туннелям, ударяясь о переборки. Трещал металл и хрустели стекла. Гаратан бросил последний взгляд на красную точку.

— Монстр совсем близко, — предупредил он.

Аварийные лампы в коридоре внезапно погасли. Капитан поднял руку, шелкнув пальцами, и люк, издав гулкий, раскатистый звук, закрылся, как по мановению волшебной палочки.

Прошло еще несколько секунд, прежде чем что-то увесистое ударило в переднюю переборку, сотрясая каркас каюты. Потом наступила тишина.

Суперкарго и капитан переглянулись.

— Видел? — пробормотал капитан. — Даже свет погас.

— Это влияние полей, генерируемых Кракеном. Арога предупреждал меня... Жаль, мне не удастся взглянуть на этого монстра.

Переборка затряслась под новым градом ударов. Палуба завибрировала под ногами звездолетчиков, и на сей раз металл переборки слегка продавился вовнутрь. Большая вмятина размером с человеческую голову появилась рядом с входным люком.

Капитан привстал, бормоча проклятья:

— Он действительно силен. Теперь уж точно: нам конец!

Опять послышались удары, и в переборке возникли новые вмятины. А потом удары стали сыпаться почти непрерывно.

— Надо уходить отсюда! — крикнул Гаратан, пытаясь перекрыть голосом шум.

— Нет. — Покачав головой, капитан сделал еще одно движение рукой, и в задней стене открылся люк аварийного выхода. — Этот ход ведет к спасательным капсулам, ты ведь знаешь дорогу... Иди, а я остаюсь.

— Идем вместе, капитан! — Гаратан схватил шефа за руку. — У нас нет времени!..

— Нет-нет, — оттолкнул его капитан. — Я не пойду в капсулу. Не хочу замуровывать себя в мышеловке, где воздуха хватит максимум на неделю. И где придется загнуться от удушья, в тесноте, обливаясь потом. Худшая из всех смертей... Я уже давно принял решение оставаться здесь до конца.

Пошарив в столе, он достал длинноствольный пистолет крупного калибра и улыбнулся:

— Еще одно воспоминание о былых временах...

Он принялся неторопливо заряжать оружие.

Суперкарго оценивающе взглянул на переднюю переборку. Каюта под натиском монстра тряслась, резонируя, как колокол, и металл вспучивался и деформировался с каждым ударом.

— Я все же попытаюсь, — прокричал Гаратан.

— Удачи, — хладнокровно откликнулся капитан.

Гаратан кинулся к люку. Пробежав два десятка метров, он оказался у спасательной капсулы. Тут он задержался на мгновение — ровно настолько, чтобы повернуться и проверить, что капитан не передумал. Но позади него никого не оказалось. Туннель был пуст, и в красном свете аварийных ламп не было видно ни малейшего движения, а в капитанской каюте переборки гремели так, словно какое-то обезумевшее божество злобно лупило в гигантский гонг.

Гаратан влез в капсулу и онемевшими пальцами нажал на рычаг запуска. Катапульта выбросила капсулу за борт корабля.

Внезапно малогабаритные двигатели сработали на торможение, и перемещение капсулы прекратилось. Ошеломленный Гаратан впился взглядом в мониторы, пытаясь найти причину столь неожиданного решения бортового компа. Наконец он понял, в чем дело. Сенсорные датчики показывали, что капсула неподвижно зависла между «Сулсом» и какой-то массой, по величине не уступающей небольшой луне. Суперкарго узнал в ней огромный корабль слева по борту, который они с капитаном часто разглядывали из рубки. Катапульта выбросила капсулу прямо на него, и компьютер был вынужден затормозить, чтобы избежать столкновения.

Гаратан понял: двигателям может не хватить мощности для второго маневра. Чувствуя, как все сильнее трясутся руки, надел на предплечье медицинский браслет, тщетно пытаясь избавиться от мысли, что капсула остановилась слишком близко от «Сулса», в пределах досягаемости монстра.

Браслет выстрелил в вену заряд успокоительного. Гаратан откинулся на спинку сиденья, сомкнув веки и прислушиваясь к беспорядочному стуку сердца. Струйка холодного пота, как змея, медленно ползла по спине.

Открыв глаза, он оглядел тесную кабину, приборы, соседние пустые сиденья, привязные ремни которых плавали в невесомости, словно водоросли на морском дне. Гаратан погладил мягкую обивку стен. Прислушался к тишине капсулы и вспомнил тот момент, когда «Сулс», совершая гиперпространственный перелет, попал в Мерт-

вую Точку. Суперкарго сразу понял: произошло нечто экстраординарное.

Обычно этот момент был неуловим. Все происходило слишком быстро, чтобы органы чувств могли зафиксировать прыжок. Переход в Мертвую Точку вызвал у экипажа ощущение падения. Испытывая изумление, а не панику, суперкарго обнаружил себя летящим куда-то в космическую бездну. Время в этом свободном падении показалось ему вечностью, и в его омраченное сознание хлынул поток воспоминаний и мыслей.

С неестественной точностью — видимо, сказывалось действие наркотика, впрыснутого в кровь — Гаратан вновь вспомнил тот миг, когда они вынырнули после прыжка: красные огни аварийных сигналов, вой сирен тревоги, ослепшие обзорные экраны, забытые помехами. Весь корабль дрожал и ходил ходуном, словно собираясь развалиться на куски. Предметы стучали о подставки, палуба вибрировала под ногами...

Двигаясь словно во сне, Гаратан включил систему связи и настроился на канал «Мильг Мерайн». Капитан Арога появился на фоне своей каюты. Окутанный табачным дымом, он сидел за своим обычным столом и пронзал суперкарго взглядом.

— Добрый вечер, суперкарго.

— Монстр проник на борт нашего корабля, — сообщил Гаратан, с трудом выговаривая слова. — Механик исчез, а я сумел катапультироваться на спасательной капсуле. Она была нашей последней надеждой, ведь катер мы потеряли еще раньше...

— А капитан?

— Остался на корабле, чтобы вступить в схватку с Кракеном.

— С Кракеном?

Арога на секунду умолк, и Гаратан догадался, что компьютер «Мильг Мерайн» роется в своих базах данных. Наконец капитан улыбнулся:

— Ах, Кракен... Что ж, неплохое имя вы ему подобрали... Как сейчас ваши дела, суперкарго?

— Я завис между своим кораблем и останками гигантского звездолета, который был от нас слева по борту, как вы уже знаете. И не могу сдвинуться с места. Боюсь, Кракен настигнет меня.

Капитан Арога вновь замер, на этот раз чуть дольше, чем несколько секунд назад.

— Да, — наконец вымолвил он. — Монстр может достать вас в любой момент.

— Много ли у меня времени?

Новая пауза.

— Времени у вас уже почти нет.

— Значит, воздух мне уже не понадобится, — пробормотал Гаратан, закуривая сигарету.

Будто по взаимному согласию, они хранили молчание, вновь исполняя привычный ритуал наблюдения друг за другом, словно каждый из них пытался найти ответ на мучившие его вопросы в позе собеседника.

Капсула начала наполняться дымом, засвистели фильтры, на приборной панели замигал индикатор оповещения.

Снаружи послышался гулкий скрежет, а за ним последовало раскачивание капсулы.

— Он уже здесь. — Сигарета выпала из пальцев Гаратана и поплыла по кабине. Суперкарго потянулся и поймал ее.

— Я слышу его, — кивнул Арога.

Снаружи вновь раздался шум — на этот раз он был сильнее, словно неизвестное существо пробовало корпус капсулы на прочность.

— Я погибну, — сказал Гаратан, охваченный ужасом, который уже не поддавался действию транквилизаторов. — Но, как и вы, я тоже боюсь испариться бесследно и перестать существовать.

Кивнув, капитан Арога поднял руку, и изображение, транслируемое с борта «Милъг Мерайн», впервые изменилось. Каюта сменилась видом на большой зал, битком набитый людьми, и Гаратан с изумлением увидел, что в первом ряду этой толпы находятся капитан и механик «Сулса». И его собеседник тоже был там.

— Вам не о чем беспокоиться, — мягко сказал Арога, обводя жестом помещение. — Как видите, почти все мы здесь.

Гаратан ошеломленно созерцал зал на экране. Только сейчас до него дошло, что компьютер «Милъг Мерайн» собирал данные о всех своих собеседниках, чтобы создать их виртуальные образы.

Прозвучало еще несколько ударов, и капсула в объятиях монстра закачалась еще сильнее.

Потрясенный Гаратан в последний раз взглянул на монитор наружного наблюдения. Спасательная капсула крошилась под возрастающим давлением, обломки разлетались в разные стороны. Капитан Арога выдающе смотрел на все это с другого экрана.

И наконец, когда искореженный металл не выдержал напора и стал прогибаться, Арога сделал шаг вперед и простер руку, делая суперкарго знак поклониться к экрану. Это был жест хозяина, приглашающего гостя не задерживаться на пороге.

**Перевел с испанского
Владимир ИЛЬИН**

© Leon Arsenal. El centro muerto. 1994. Публикуется с разрешения автора.

Х У А Н Х А С И Н Т О
М У Н Ъ О С Р Е Н Х Е Л Ъ

ЧУЖИЕ КОДЫ

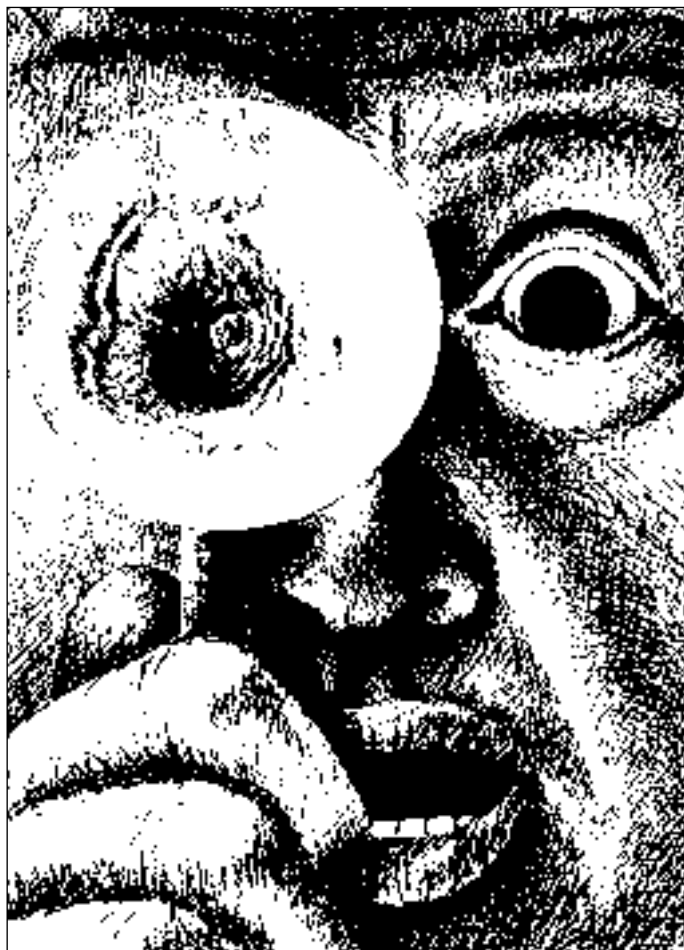

Иллюстрация Евгения КАПУСЯНСКОГО

Журнал полевых исследований

14.03.02 г., 00 час. 33 мин.

Предметы имеют разную зернистую структуру, но обладают одинаковой четырехугольной формой. Их высота составляет около десяти сантиметров, а каждая из сторон тела не превышает пятидесяти сантиметров. Поверхность у них темного цвета и пористая. Несомненно, они относятся к классу минералов. Возможно, они образовались из базальтовых пород с высоким содержанием полевого шпата, к изучению которых я приступлю завтра. Пока всё.

15.03.02 г., 07 час. 45 мин.

Сегодня утром руководители проекта передали мне информацию, которая в корне меняет мое отношение к данному исследованию: предметы, что я начал изучать, были собраны космическим зондом «Патфайндер-2» в районе Тарсиса (восточнее горы Олимп), в долине, образованной вулканами Арсия и Павлина. *И рядом с этими четырьмя предметами лежали еще восемь или девять тысяч им подобных!* Вывод из этого необычного обстоятельства ясен: такое количество предметов, расположенных в соответствии с законами геометрии (то есть упорядоченно) и имеющих сходные размеры, вряд ли может быть результатом природного явления, которое объясняется простыми физическими или химическими взаимодействиями и реакциями между неживыми субстанциями. Значит, эти предметы могут оказаться следствием органической деятельности или же воздействия на них *ex professo** какой-либо формы жизни. Доказательство одной из этих двух гипотез означало бы величайшее открытие, которое человечество сделало в отношении происхождения жизни во Вселенной: существование жизни (а возможно, и разума) на другой планете.

15.03.02 г., 14 час. 06 мин.

Обозначил предметы как α , β , γ и δ , соответственно.

* В данном случае: в ходе профессиональной деятельности (лат.).
(Здесь и далее прим. перев.)

Данные об их весе:

	Вес на Земле, кг	Вес на Марсе, кг
α	21	7,98
β	19,5	7,41
γ	20,3	7,71
δ	19,9	7,56

Под воздействием марсианской гравитации все четыре предмета являются относительно легкими. Несмотря на то, что «Маринер-9» с 1971 года передает сведения о Марсе, мы пока еще очень мало знаем о геоморфологических характеристиках этой планеты, поэтому следует иметь в виду возможность того, что предметы являются природным образованием, обусловленным эрозией горных пород (и хотя мы предполагаем, что на Марсе действуют геофизические законы, аналогичные нашим, также нельзя сбрасывать со счетов вероятность того, что предметы являются результатом затвердения магмы, которая извергалась одним из вулканов в районе Тарсиса).

15.03.02 г., 20 час. 35 мин.

Базальтовый состав предметов таков:

Неизвестный минерал (А)	1,3 %
Неизвестный минерал (В)	0,17 %
Неизвестный минерал (С)	0,08 %
Полевой шпат	98,45 %

Анализ алюминиево-силикатных солей, из которых состоит полевой шпат, показал следующее:

Калий	53,21 %
Натрий	12,41 %
Кальций	3,08 %
Неизвестный минерал (D ¹)	8,19 %
Неизвестный минерал (D ²)	23,11 %

16.03.02 г., 09 час. 30 мин.

Мой коллега Лоуэлл принес результаты спектрографического анализа. Проба на калий-40 показала, что предметам 270 миллионов лет. Для скальных пород это не такой уж большой возраст, ведь, как известно, на Земле имеются скалы, которым не менее 3800 миллионов лет. Однако странно, что скальные обломки, образовавшиеся 270 миллионов лет назад, находятся на поверхности планеты, а не имплантированы в более глубокие страты отложений (и, как предполагает астронавт Х.Уайлдер, они выстроены вдоль прямой линии на протяжении нескольких миль по всей краснопесчаной марсианской долине, как если бы речь шла о целой армии, построенной в боевой порядок, либо о триумфальном шествии в духе древнеримских центурий).

17.03.02 г., 12 час. 45 мин.

Рассек предмет α . Процесс его вскрытия был весьма впечатляющим. Темный цвет внешней поверхности α становился все более светлым по мере продвижения вглубь, а поверхностные поры, оказалось, продолжают и внутри предмета, образуя нечто вроде микроскопических канальчиков, подобных тем, которые имеются в костной ткани. В ходе анализа образца внутренней поверхности α я заметил, что базальтовые элементы, выявленные посредством предыдущей пробы, исчезли (примерно на глубине 1,5 см), и остались лишь алюминиево-силикатные соли, теперь уже в смеси со следующими минеральными солями:

Гидратизированный трикальциевый фосфат	87 %
Карбонат кальция	9 %
Магниеиный фосфат	4 %

В основном, именно эти элементы (с некоторыми вариациями) составляют основу костной ткани живых многоклеточных организмов Земли, в том числе из них состоят и кости человека. Есть еще один фактор, который делает уникальной суть моего открытия: наличие *воды* (которая на Марсе должна была содержаться в костных отложениях в виде льда, вследствие того, что давление на Марсе составляет 7,5 миллибар). Из всего этого следует сделать закономерный вывод о том, что мы обнаружили не обломки марсианских скальных пород и даже не предметы, которые использовались какой-либо формой жизни, а подлинные доисторические ископаемые (полностью превратившиеся в камень за счет базальтовой оболочки), и это само по себе доказывает: в прошлом на Марсе существовала жизнь.

18.03.02 г., 19 час. 40 мин.

Я еще больше продвинулся в глубь α . Должен внести поправку в свою предыдущую гипотезу: все четыре предмета моего исследования не являются ископаемыми. Эти объекты (или субъекты?) на самом деле все еще ЖИВЫ.

Костная ткань субъекта α является оболочкой для многоклеточного организма. Этот многоклеточный организм живет. Клетки организма — сложные и имеют четко определяемое ядро. Однако они не организованы во внутренние органы, так что у образца нет ни пищеварительной, ни нервной, ни дыхательной, ни репродуктивной системы, поэтому речь не может идти о животном или растении. Это также не мох и не паразитный *phylum**. Клетки α лишены митохондрий (или каких-либо иных органул, обеспечивающих дыхание клетки). Однако они обладают структурой, аналогичной центриоле, кото-

* Вид растений или животных (лат.).

рая наделяет их функцией движения. Необъяснимо, каким образом субъект α продолжает жить.

18.03.02 г., 22 час. 20 мин.

Я сбит с толку. Лоуэлл и парни из нашей команды тоже пребывают в растерянности. Мы не знаем, сможем ли довести до конца нашу миссию. Функционирование субъекта α абсурдно и непонятно. Свыше поступило распоряжение в том духе, что мы не должны говорить об этом представителям СМИ. До новых указаний все четыре предмета, доставленные с Марса, остаются ископаемыми.

19.03.02 г., 02 час. 07 мин.

Субъект α погиб. Причем так же необъяснимо, как он жил до этого.

19.03.02 г., 07 час. 45 мин.

Осмотр α ничего не дал. Расчленив α , мы обнаружили внутреннюю однородную структуру, без систем внутренних органов. Лишь в центре мы нашли твердый хрящевой элемент, образованный в основном коллагеновыми волокнами и имеющий форму спирали. Вокруг «спирального рога» (как мы его назвали) существует множество нитей, которые не имеют каких-либо очевидных функций.

19.03.02 г., 16 час. 30 мин.

Мы подвергли β , γ и δ воздействию рентгеновских лучей, опасаясь, что, как и α , они не перенесут хирургического вмешательства. У всех трех субъектов имеется «спиральный рог». Наблюдается движение нитей вокруг «рога».

19.03.02 г., 20 час. 25 мин.

На совещании группы решено утвердить следующее заключение: несмотря на наше незнание механизмов, обеспечивающих жизнедеятельность субъектов, следует полагать, что эта форма жизни не обладает разумом.

20.03.02 г., 10 час. 00 мин.

«Рога» имеют микроскопические нарезки, которые идут по всей их поверхности сверху вниз. Ни один из «рогов» по своим очертаниям не похож на остальные. Думаю, что в этом заключается критерий дифференциации данного вида существ, как у нас отпечатки пальцев.

20.03.02 г., 16 час. 30 мин.

Высказывается предположение о том, что «рога» могут выполнять функцию языкового кода, а нарезки на них представляют собой систему письменности. Идея эта полностью лишена смысла, если исходить из того, что «рога» являются не чем иным, как нефункциональным хрящом неразумной формы жизни, сходной с простейшими пассивными белковыми, без систем органов. Однако я подозреваю, что не имею права высказываться на данную тему, поскольку вся физиология этих существ является для нас загадкой.

21.03.02 г., 09 час. 30 мин.

В состав исследовательской группы включили команду криптографов во главе с Т.С.Мюллером. Они привезли с собой новейшие компьютеры, разработанные специально для выполнения комбинаторных программ. Народ забавляется гипотезой о том, что нарезки на «рогах» являются кодификацией, аналогичной рунной письменности.

22.03.02 г., 23 час. 00 мин.

Новостей нет.

23.03.02 г., 14 час. 35 мин.

Белки всех живых систем Земли состоят из 20 аминокислот:

глицин	аргинин
аланин	аспарагин
валин	глутамин
лейцин	цистеин
изолейцин	метионин
серин	фенилаланин
треонин	тирозин
аспартат	триптофан
глутамат	гистидин
лизин	пролин

У субъектов α , β , γ и δ аспарат, триптофан и метионин отсутствуют, их заменяют неизвестные аминокислоты (a^1 и a^2), которые мы, возможно, сумеем синтезировать лабораторным способом. Этот феномен, похоже, подтверждает текущую версию о так называемом «случайном заморозении», согласно которой первая клетка образовалась из этих двадцати аминокислот спонтанно, а уже из нее стала развиваться вся последующая жизнь на Земле.

24.03.02 г., 23 час. 00 мин.

Ничего нового.

25.03.02 г., 12 час. 42 мин.

Мюллер неожиданно расшифровал код! Нарезы на «рогах» представляют собой криптографическую последовательность, из чего следует вывод о том, что на Марсе есть или когда-то была *разумная* жизнь.

26.03.02 г., 23 час. 00 мин.

Новостей нет.

27.03.02 г., 09 час. 45 мин.

Длина «рога» каждого из четырех субъектов составляет 30 см. Группа Мюллера пока сумела расшифровать лишь две записи на «роге» γ , каждая из которых обладает размерами в 0,04 микрона. Ниже я попытаюсь воспроизвести приблизительный перевод обоих фрагментов.

Фрагмент номер один: «Представим себе бесконечное множество Книг [*предполагаю, что под «Книгой» имеется в виду то, что мы назвали «рогом»*] с ограниченным количеством знаков [*«рун»*]. Очевидно, что бесконечное повторение ограниченной серии знаков породило бы огромное количество комбинаций, в которые уместились бы все возможные Книги. Но Математика бесконечных множеств гласит, что это число комбинаций должно быть исчерпаемым и что Книги будут повторяться. Математика бесконечных множеств также гласит, что каждая Книга повторялась бы бесконечное количество раз. Для Нас очевидно, что, хотя может показаться [*глагол содержит указание на обманчивую первичную внешность в духе недуга-*

листической майявады в индуэской философии*], будто в этой совокупности количество бессмысленных Книг будет больше, чем Книг, имеющих смысл, это лишь вопрос частотности, а оба количества будут в равной степени бесконечными. В этой бесконечной совокупности Книг мы могли бы найти прозрачные объяснения Порядка, толкования будущего, описания смерти, ничто или вакуума. Однако мы также смогли бы найти бесконечные фальсификации этих Книг, бесконечные искажения Истины, которые были бы порождением Случая. Как узнать, какая из Книг содержит Истину? Как отличить ее от другой, почти идентичной ей? Книги рассказали бы об этом абсолютно [*данный термин ссылается на какое-то непереводаемое понятие космического масштаба*] всё, но были бы ни к чему не пригодными, за исключением того, что сеяли бы хаос, скептицизм, эпистемологический анархизм... Похоже, эта аналогия ни к чему нас не привела, но нас вновь обманывает Внешность [*майя*]: эта аналогия сама по себе объясняет Происхождение Жизни. Знаки Вселенной ограничены (100.000.000.000 галактик x 135.000.000.000 звезд x 10 планет x 10.000.000.000 лет) [*марсианский год равен 687 земным суткам*], а количество вселенных бесконечно. Следовательно: всё, что существует, было порождено Случаем, возникло благодаря бесконечному взрыву Начал [*имеется в виду бесконечное число Больших Взрывов?*] и существует, повторяясь бесконечное количество раз».

Фрагмент номер два: «Стояло лето. Было тепло: -287° . У подножия Ттлаха [*тут дается оригинальное наименование горы Олимп, которая, видимо, имеется в виду в записи на «роге» γ*] всё выглядело чудесно. Ттлах, самая большая гора в Солнечной системе, высотой в 27 километров, дрожал на розовом небосклоне. Это было колоссальное зрелище, которое можно наблюдать только пятьдесят тысяч раз в течение жизни, через каждые 5000 лет [*по марсианскому летосчислению*]. Ттлах готов был вот-вот лопнуть, и мы стояли там, чтобы получить от него пожизненную дань и одновременно чтобы воздать должное Началу^{подкласс 1} [*теперь имеется в виду «малое начало» Марса, а не Вселенной*]. Небо из розоватого превратилось в розоватое [*полагаю, что у них были различные названия для того оттенка цвета, который нам кажется одним и тем же, поэтому в переводе не сделано*

* *Майявада* — доктрина, согласно которой мир есть майя, т.е. иллюзия.

различий], земля затряслась, охваченная пламенем. Внезапно появились орды Ккё, они подкрались к нам, скрываясь за завесой красного песка, который двигался с востока. Они взяли нас в плен почти всех. Это произошло во второе время 56³² года [*по неизвестному летоисчислению*].»

28.03.02 г., 08 час. 30 мин.

С учетом изложенного на этих страницах, существование разумной жизни на Марсе неоспоримо. Нами были сделаны потрясающие открытия. Однако остается ответить на последний критический вопрос: марсианская разумная жизнь существовала когда-то ранее или продолжает существовать и поныне (свидетельством чего являются субъекты α , β , γ и δ)? В этой связи мне в голову приходят два возможных варианта:

а) Когда-то на Марсе существовала разумная жизнь, которая погибла по неизвестным причинам. Перед гибелью разумные существа оставили завещание своей цивилизации, записанное на «рогах» простейших многоклеточных, обладающих высокой прочностью. Возможно, эти многоклеточные были созданы искусственно с единственной целью: использовать их «рога» в качестве архивов, пригодных для хранения на протяжении миллионов лет.

б) Второй вариант заключается в том, что субъекты α , β , γ и δ являются разумными. У них нет нервной системы (ни нейронов, ни мозжечка, ни чего-либо другого, с помощью чего обеспечивается мышление), но нет и других органов, обеспечивающих их жизнедеятельность, однако они, как это ни парадоксально, живы (кроме α). Не знаю, как эти разумные существа могут передвигаться по Марсу, несмотря на свой незначительный вес, как они могут видеть и как могут делать записи на своих внутренних хрящах. Однако эти противоречия механического типа не идут ни в какое сравнение с невероятным фактом того, что они живут. По необъяснимым причинам лично я склоняюсь ко второму варианту, согласно которому объекты нашего исследования обладают разумом. Моя теория заключается в том, что марсианская форма жизни развивалась путем не усложнения, а упрощения жизненных систем наряду с повышением их эффективности. Предполагаю, что α , β , γ и δ являются существами, находящимися на гораздо более высокой стадии развития, чем человечество. Полагаю также, что на протяжении длительного времени (миллионов лет) марсиане перешли — возможно, намеренно — к бо-

лее пассивной форме жизни, склонной к наблюдениям и размышлениям, почти без физического взаимодействия с окружающей средой, но внутренне очень богатой и насыщенной. Думаю, со временем я сумею доказать, что нитевидные отростки, окружающие «рога», используются этими существами, чтобы читать и неоднократно перечитывать свои собственные воспоминания о прошлом, научные хроники и историю своей цивилизации.

29.03.02 г., 00 час. 40 мин.

Не знаю, смогу ли я продолжать это исследование. Я пережил эмоциональный шок. Собираюсь передать руководство работами Лоуэллу. Постоянно думаю лишь об одном: я убил α , и мысль об этом терзает меня — ведь я погубил разумное существо, которому было 270 миллионов лет! Я должен быть последовательным в своих принципах, должен: то самооправдание, которое позволяло мне на протяжении многих лет проводить эксперименты на морских свинках из-за того, что речь шла о низших существах (не осознающих действительность так же, как люди), теперь возлагает на меня ответственность за убийство высшего существа (более сознательного и более разумного). Если средняя продолжительность жизни человека оценивается в 80 лет, то по своему возрасту существо α равноценно (хотя бы по этому параметру, не говоря уже о качественных критериях) трем миллионам человек! Я могу быть последовательным в своих принципах, могу не быть; но если я буду таковым, то на моей совести лежит самый настоящий геноцид!..

29.03.02 г., 09 час. 40 мин.

Я должен лететь в Берлин. Новое известие меняет все мои планы. В Берлине мой коллега Шпиттлер (кажется, ранее я не упоминал о нем) с самого начала следил за тем, как проходит мое исследование. Вначале он проявлял к нему интерес как посторонний наблюдатель, но когда Мюллеру удалось расшифровать код «рогов», исследовательская деятельность Шпиттлера приобрела иной, абсолютно неожиданный характер. И теперь, полагаю, он тоже войдет в Историю, как и я. Мне надо спешить на самолет: Шпиттлер расшифровал криптографический код чайной розы.

**Перевел с испанского
Владимир ИЛЬИН**

© Juan Jacinto Muñoz Rengel. Códigos foráneos. 1998. Публикуется с разрешения автора.

Владимир ИЛЬИН, Вероника РЕМИЗОВА

ФАНТАЗЕРЫ КАСТИЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

Вот парадокс: мы прекрасно знаем классическую и современную литературу Испании, неплохо разбираемся в испанском кино и даже музыке. Но это едва ли не единственная европейская страна, чья фантастика совершенно неизвестна в России. Причин тут немало, но одна из главных кроется, вероятно, в том, что сама литература древней Кастилии настолько напитана магическим и фантастическим эликсиром, что весьма неохотно приняла в свое лоно фантастику «чистого розлива», тем более — научную. Действительно, Испания, славная своими классическими традициями в литературе, до сих пор не стала одной из фантастических держав Европы. Однако история ее насыщена любопытными фактами и событиями. О непростой биографии жанра в Испании — обзор фантаста, переводчика и специалиста по испаноязычной литературе Владимира Ильина и критика Вероники Ремизовой.

Сервантес и Ко

Говоря о литературных истоках, первое же имя, которое приходит на ум, разумеется, Мигель де Сервантес с его бессмертным «Дон Кихотом». Роман, конечно же, далек от фантастики, но и в нем обнаруживается НФ-фрагмент, а именно описание «самодвижущегося экипажа». Исследователи, впрочем, чаще вспоминают в качестве предтечи Антонио де Гевара с его «Золотой книгой Марка Аврелия» (1527).

Однако настоящий всплеск утопических и НФ-произведений в испанской литературе пришелся на XIX век. Эту эпоху с полным основанием можно было бы окрестить «серебряной» в истории кастильской фантастики. К жанру

активно обращаются не только многочисленные авторы приключенческих, развлекательных книг, но и маститые писатели, сама же фантастика XIX столетия пестрит тематическим разнообразием. Встречаются в этих ранних образцах испанской НФ и подлинные открытия. Например, Энрике Гаспара, описав в романе «Анахронопед» самую настоящую машину времени, вполне заслуживает места в списке доуэлловских изобретателей темпоральной НФ, а Тирсо Агимана де Века в романе «Буря на самой прекрасной из планет», посвященном экспедиции на Сатурн, едва ли не первым в мировой НФ изобразил космический скафандр. Книгу же Камило Мийяна «История любви в XXI ве-

ке» современные исследователи и вовсе относят к предтечам киберпанка.

В произведениях того времени обнаруживаются практически все расхожие темы и сюжеты из арсенала ранней фантастической прозы: и антиутопические истории (рассказы Н.М.Фабра «Тейтан Великолепный: рассказ о грядущем», Мигеля де Унамуно «Механополис», Рамона Переса де Айяла «Сентиментальная революция»), и рассуждения на темы биологической революции (рассказы «Исправившийся пессимист» Сантьяго Рамона-и-Кахаля, «Научное преступление» Хосе Фернандеса Бремона), и попытки создать футурологические зарисовки (рассказ «Путешествие в Аргентинскую Республику в XXI веке» Н.М.Фабра). Философской глубиной и нетривиальностью сюжета выделялась антиутопическая новелла Леопольдо Аласа «Будущий рассказ», в которой уставшее от своего однообразного существования человечество решается на массовый суицид.

Первым же профессиональным фантастом, чье творчество целиком связано с молодым жанром, стал Нило Мария Фабр (1843—1903). Отдавая предпочтение малой форме, Фабр за свою литературную карьеру создал целую галерею занимательных историй — от мрачных антиутопий до футурологических проспектов завтрашнего дня науки и общественной жизни. В

рассказе «Путешествие в Аргентинскую Республику в XXI веке» мы видим мир будущего, в котором технологические чудеса XXI века позволяют всего за четыре дня домчаться на поезде из Мадрида в Буэнос-Айрес, а в рассказе «На планете Марс» описывается инопланетное общество, по своему уровню развития стоящее гораздо выше человечества. В «Тейтане Великолепном...» фантаст рисует картины страшной диктатуры будущего, когда властитель подчиняет себе своих подданных с помощью миллионов скрытых микрофонов, подключенных к стенографическим аппаратам в Министерстве полиции, а также телефотографических камер, передающих изображение на дальние расстояния.

Впрочем, сочинения Фабра не пользовались особой любовью читателей — к НФ испанцы еще долго относились настороженно, предпочитая ей более традиционный «магический реализм» или приключенческую прозу. Но этот фантаст открыл дорогу другим.

Следом за Фабром список жанровых профессионалов пополнили такие авторы, как Хосе де Элола, Хесус де Арагон и Паскуаль Энгиданос Усач, создавший грандиозную фантастическую эпопею «Сага об Аснарах».

Хосе де Элола (1859—1935), писавший под псевдонимом Полковник Игнотус, стал первым испанским фантастом, кому удалось добиться хоть какого-то коммер-

ческого успеха. Дебютировав в 1918 году, он в течение пяти лет выпустил 17 НФ-романов, объединенных в шесть серий—саг! Весьма неряшливо написанные, изобилующие многостраничными псевдонаучными объяснениями, они тем не менее пришлись по душе испанским читателям. Самый популярный цикл де Элолы — серия романов о приключениях севильской изобретательницы некоего «орбитального движителя». Красноречивы названия этих романов: «Пророчество дона Хауме», «Межпланетные путешествия в XXII веке», «Любовь в сотом веке», «Возрожденные земли» и т.п.

В 1922 году Полковник Игнутус неожиданно оборвал, казалось, нескончаемый книжный конвейер, но довольно быстро освободившееся место литературного «хитмейкера» заняли сразу два персонажа — Капитан Сириус и Х. де Ногара, за которыми, как выяснилось, скрывался один и тот же литератор — Хесус де Арагон (1893—1973), коего современники окрестили «испанским Жюлем Верном». В литературном плане романы де Арагона заметно выигрывали рядом с обильными опусами Игнутуса. В них было меньше утомительной псевдонаучности и больше живых приключений в духе Жюль Верна. Наибольший же успех выпал на долю дилогии «40 000 километров на борту аэроплана «Призрак» и «Ночной полет над Запретным городом». В тридцатые годы Арагон

(уже под своим именем) опубликовал ставший классикой испанской фантастики роман «Башня семи горбунов».

Между «Будущим» и «Новым измерением»

В середине 1950-х, после почти двадцатилетнего затишья, в Испании наметился новый всплеск интереса к фантастике. Чаще всего критики связывают этот факт с успешной карьерой в жанре известного писателя-реалиста Хосе Майорки. При поддержке издателя Хермана Пласа автор знаменитого «Койота» придумал и запустил в 1953 году межавторскую серию НФ-романов и комиксов под общим названием «Будущее». Большинство книг сериала принадлежало перу самого Майорки, а центральным персонажем «Будущего» стал звездный капитан Ридо — эдакий испанский аналог капитана Кирка из телесериала «Стар Трек». В своих бесконечных космических похождениях предприимчивый Ридо вел извечную борьбу с машинами, управляемыми злодеями-компьютерами, а между подвигами подрабатывал частным извозом на... машине времени. Другим излюбленным героем Майорки был инопланетянин по имени Ян Сит. Изгнанный с родной планеты (между прочим, за низкий уровень интеллекта), на Земле он превратился в супермена.

Почти одновременно с серией «Будущее» издательство «Вален-

сиана» запустило цикл НФ–романов «Космические воины». Книги этой серии выходили в свет под различными англоязычными именами, но многие из них были написаны одним человеком — испанцем Паскуалем Энгиданосом Усачем. В 1978 году на Евроконе в Бельгии цикл «Космические воины» был признан лучшим европейским фантастическим сериалом.

Но настоящую — хотя и кратковременную — популярность в Испании фантастика приобрела лишь в 1960–е годы, когда на прилавках магазинов появился первый в стране жанровый журнал «Новое измерение». Издание это воспитало совершенно новую генерацию фантастов, заставивших читателя иначе взглянуть на жанр. В числе ведущих авторов «Нового измерения» были такие нынешние классики испанской НФ, как Хуан Мигель Агилера, Габриэль Бермудес Касильо, Доминго Сантос, дуэт Эдуардо Гальего и Гильома Санчеса.

Журнал просуществовал до середины 1980–х годов и оказал колоссальное влияние на развитие всей современной испанской НФ и фэнтези. Кроме того, этому изданию обязан своим рождением и испанский фэндом, насчитывающий сегодня несколько сотен фэнзинов и два крупнейших ежегод-

ных конвента с международным статусом — «Испакон» и «Эспатрек».

На волне возрастающего успеха жанра в 1960—1980–е годы довольно активно вторгались на фантастические территории такие признанные авторы мейнстрима, как Торренте Баллестер («Возможно, ветер унесет нас в бесконечность»), Хосе Мария Мерино («Роман об Андресе Чос»), Роса Монтеро («Темблор») и др.*

К 1980–м испанским авторам впервые удалось покорить зарубежного читателя — в основном, французского, венгерского, немецкого и, конечно, латиноамериканского. Но у себя на родине практически до конца десятилетия отечественная фантастика оставалась в положении бедной родственницы, Золушки — кратковременные выезды на бал, да еще в каретах эконом–класса, сменялись затяжными периодами прозябания в самых пыльных уголках книжных магазинов.

«Золотой век»?

Анализируя нынешнее состояние испанской НФ и фэнтези, онлайн–энциклопедия «Wikipedia» не без оптимизма сообщает: «Нельзя утверждать, что фантастика в Испании достигла такого же уровня популярности среди читателей и

* *Забавно, что десятилетие спустя, когда, казалось бы, в стране установилась почти абсолютная «коммерческая диктатура» фантастики, теперь уже фантасты стали эмигрировать в Большую литературу. (Прим. авт.)*

приобрела весомость в издательских кругах, как это наблюдается в англоязычных странах. Несмотря на это, в стране существует довольно значительная группа авторов, благодаря которым ежегодно публикуется большое количество произведений, и число подобных авторов постоянно растет... После многих лет почти беспредельного влияния англоязычной (и особенно американской) фантастики испанская НФ все больше обретает свой собственный голос».

Похоже, что сегодня испанская фантастика и в самом деле ощущает себя гораздо увереннее, нежели лет двадцать назад. Ежегодно в стране вручается целых восемь жанровых премий — UPC (учреждена в 1991 году Политехническим университетом Каталонии), «Минотавр», «Игнотус», «Гигамеш», «Спираль», а также три именных — Альберто Магно, Жюля Верна и Доминго Сантоса.

О расцвете жанра говорит и такой факт, что в относительно небольшой стране регулярно выходит (кстати, при поддержке крупных издательств) около десятка специализированных журналов. Самые известные из них — «Галактика», «Гигамеш», «Солярис», «Предвидение», «Кандама». Создана достаточно разветвленная сеть жанровых издательств: например, «Библиополис», «Минотавр», «Издательство Б», «Гигамеш», «Фабрика идей», «Силенте» и «Спираль».

Но этот «Золотой век» пришел в Испанию непозволительно поздно — к 1990-м годам.

Чаще всего начало последнего Ренессанса испанской фантастики критики связывают с именами двух авторов, стартовавших практически одновременно — в первой половине 1980-х.

Тонкого стилиста Рафаэля Марина величают не иначе как духовным лидером нынешнего поколения испанских фантастов. Для его творчества характерны смешение жанров и стилей, склонность к антигероическим сюжетам, а главное, стремление следовать канонам классической испанской литературы; его стилю осознанно или неосознанно подражают многие современные фантасты Испании. На счету этого автора немало книг, демонстрирующих широкий диапазон творческих возможностей Марина: это и трилогия в жанре эпической фэнтези в духе литературы эпохи Возрождения «Легенда о мореплавателе» (1992), и иронический роман о приключениях комиксных супергероев в фантастической реальности «Мир богов» (1997), и пародийная фантастика, а также емкие рассказы, составившие содержание авторских сборников «Единороги без головы» (1987) и «Озимандийские хроники» (1995). Однако самым значительным произведением Рафаэля Марина остается его дебютный роман «Слезы из света» (1984), выдержавший несколько переизданий. Это эпичес-

кая НФ с элементами сатиры и комедии, в которой парадоксальным образом смешаны средневековые быт и супертехнологический антураж XXI века, массовая культура, авантюризм Конквисты и романтика межзвездных полетов. Значение этого романа для испанского фантастического сообщества трудно переоценить: испанская фантастика наконец избавилась от многолетнего комплекса неполноценности, а престижные мадридские издания всерьез заговорили об НФ как о литературе.

Гранд-дама и едва ли не единственная женщина испанской фантастики Элия Барсело дебютировала в жанре почти одновременно с Рафаэлем Марином и стремительно добилась репутации испанской Урсулы Ле Гуин. Творчество Барсело и в самом деле тяготеет к «мягкой» (гуманитарной) НФ, а центральная тема ее повестей и романов — взаимоотношения полов. Этой теме посвящены и последние на сегодняшний день романы Элии Барсело «Полет гиппогрифа» (2002), «Секрет ювелира» (2003) и «Ужасные маски» (2004).

Эти два автора дали серьезный толчок развитию современной испанской НФ и фэнтези. На подготовленной Марином и Барсело почве в 1980—1990-х годах вспыхнуло новое поколение испанской фантастики, среди которых — Эдуардо Вакерисо, Родольфо Мартинес, Сезар Майорки, Хуан Мигель Агилера, Леон Арсеналь,

Армандо Бойкс, Карлос Кастросин, Даниэль Марес и многие другие. Невозможно в рамках ознакомительного обзора перечислить всех тех, кто олицетворяет собой современную НФ и фэнтези Испании, поэтому ограничимся самыми заметными авторами рубежа веков.

Примечательной особенностью поколения 90-х является их литературная открытость: оставаясь верными любимому жанру, многие авторы сумели сделать неплохую карьеру и на чужой территории — кто-то в детской литературе, кто-то в триллере, кто-то в историческом романе или реалистической прозе.

Самым преуспевающим современным фантастом рубежа веков критики единодушно называют Родольфо Мартинеса. «Выходец» из фэндома, он в большей степени тяготеет к фантастике экспериментальной, отчасти психоделической. В его творчестве встречаются откровенно постмодернистские произведения в стиле британской «Новой волны» («Алфавит плотника», 1998; «Йормунганд — ничейная земля», 1996), фантастическая пародия на холмсиана («Мудрость мертвецов», 1996), психоделические триллеры в духе ранних фильмов Хичкока («Бездна смотрит на тебя в ответ», 1999; «Небесные киллеры», 2004).

К экспериментальной фантастике, близкой по духу произведениям Дж.Балларда, тяготеет и эпатажный Карлос Кастросин, которо-

го критика называет великолепным интерпретатором классических идей. Среди самых заметных произведений этого автора сборник «Зооропа» (1994) и роман в рассказах «Непроглядный туман» (1997).

Творческая судьба любимца критиков Феликса Пальмы напоминает литературный путь Виктора Пелевина: ярко дебютировав в начале 90-х в жанровой периодике, он стремительно приобрел известность модного автора современной прозы — при том, что рассказы сборников «Наблюдатель за саламандрой» (1998), «Методы выживания» (2000) и «Паукообразные» (2004), с формальной точки зрения, — чистейшая фантастика.

Леон Арсеналь успешно сочетает в себе сразу несколько ипостасей: он активист фэндома, главный редактор одного из ведущих испанских НФ-журналов «Галактика» и плодовитый многогранный литератор: мощно прозвучав в 2000 году со сборником «Поцелуй скорпиона», в который вошли рассказы с широким жанровым диапазоном (от классической НФ до «альтернативки» и фэнтези), он неожиданно ушел в историческую прозу, чтобы в 2001 году вернуться с романом в жанре альтернативной истории «Була Матари» (в соавторстве с Хосе Мигелем Палларесом). Самой же коммерчески ус-

пешной книгой Арсеналья стал роман вполне традиционной эпической фэнтези «Убийственные маски» (2004), удостоенный в том же году премии «Минотавр».

Даниэль Марес примечателен уже хотя бы тем, что, в отличие от многих своих коллег, ни разу не изменял любимому жанру*. Начав с публикаций в фэнзинах, он ярко заявил о себе в 1997 году повестью «Шесть», номинированной на премию UPC; с тех пор он опубликовал в сборниках десяток рассказов и несколько повестей и успел заслужить репутацию самого многообещающего автора испанской НФ.

Эдуардо Вакерисо — не слишком распространённый пример в испанской НФ автора, сделавшего себе имя не романами, а короткими рассказами. Блестящий стилист, настоящий мастер малой и средней форм, его повести «Метатель» (1997) и «Рекс» (2000) стали заметными событиями фантастической жизни. В 2001 году вышел первый (и пока единственный) роман Вакерисо «Ледяные ночные умы», написанный на стыке антиутопии (в результате нанотехнологической войны в Европе утвердилась военная теократия) и космооперы (борьба с инопланетной расой хамелеонов за обладание космическим артефактом — порталом, позволяющим свободно странствовать по Вселенной). Этот

* См. рассказ «Кампос-де-Отоньо» в «Если» № 3 за этот год. (Прим. ред.)

роман сделал писателя одним из самых популярных фантастов Испании.

В жанрах приключенческой и юмористической фантастики работает многократный номинант и лауреат премии UPC, преподаватель греческого языка Хавьер Негрете, отдающий предпочтение короткой повести. Дебютировал он, однако, мрачной работой «Кроткая луна» (1992), но подлинную популярность автору принесли вещи «легкие» — такие, как комическая история про инопланетян «Состояние небосклона» (1993), космоопера «Lux Aeterna» (1996) и повесть в жанре science fantasy «Искатели теней» (2000). Впрочем, после не слишком удачного НФ–триллера «Взгляд фурий» (1997) Негрете удивил читателей и критиков неожиданно глубокой, многоплановой эпической книгой «Огненная шпага» (2003).

Среди авторов, пришедших в литературу уже в нынешнем веке, заметнее других выделяется Виктор Конде. Молодой фантаст явно ориентируется на коммерческий успех своих книг. Пожалуй, они ближе всего стоят к американским стандартам, которым испанская НФ так долго и упрямо стремилась противостоять, старательно оберегая свою индивидуальность. Действительно, не блистая оригинальностью НФ–идей и сюжетов,

фантастика древней Кастилии выделялась стилистическими изысками, многоцветием языка, своим родством с Большой литературой. Конде попытался направить фантастику в русло качественной массовой литературы. Впервые этот фантаст был замечен критикой в 2002 году, после публикации повестей «феминистской» космооперы «Бассейн Зинтры» и «Бассейн Песка», за которыми последовала масштабная космическая сага в манере романов Дэна Симмонса и Фрэнка Херберта «Третье имя императора» (2002). Последний на сегодняшний день роман молодого автора «Мистес» (2004), номинировавшийся на премию «Минотавр», подтвердил верность Конде космической тематике: действие книги снова разворачивается на планете иной звездной системы, а герои пытаются разгадать тайну последнего Сфинкса, оставленного на планете неведомыми пришельцами.

Непросто оценить перспективы фантастики современной Испании. С одной стороны, действительно, в стране наблюдаются все признаки расцвета жанра, с другой же, вызывает смущение, как часто испанские фантасты мигрируют в направлении более респектабельных жанров — будь то триллер, детская литература или мейнстрим. □

Авторы статьи выражают благодарность испанскому издателю и критику Луису ПРАДО за помощь в подготовке данного материала.

Р О Д О Л Ь Ф О М А Р Т И Н Е С

ШОССЕ

© BIGANT COMICS

Иллюстрация Андрея ЕРМАКОВА

Дорога ведет всегда только вперед. Не помню, кто это сказал. Но это верно: она бежит, не останавливаясь, и с монотонным постоянством упирается в горизонт. Она бежит и не останавливается — как и я.

Сейчас меня окружает пустыня: обожженный песок и палящее солнце по обе стороны Шоссе. Гладкая поверхность — как затвердевшее море цвета ржавчины. Всего пару часов назад огромные деревья роняли свои увядшие ветви на асфальт (если только эта инопланетная субстанция действительно асфальт; по крайней мере, она обладает теми же свойствами). Потом зелень внезапно исчезла, воздух стал сухим и горячим, и передо мной распростерлась пустыня. Сколько бы лет я ни прожил здесь, никогда не привыкну к столь резкой смене декораций. И это логично: в конце концов этот мир был создан не людьми и не для людей.

Вчера я нашел нечто, смахивающее на заправочную станцию. Может, это и была заправка, кто знает. Я там долго не задержался. Ведь мое задание состоит не в том, чтобы любоваться пейзажами, мне нужно просто мчаться по этому Шоссе, спроектированному каким-то чокнутым инопланетным инженером так, что оно тянется вокруг всей планеты, словно лента вокруг коробки с подарком на день рождения. По крайней мере, мне так сказали. По правде говоря, мне совсем не нравится здесь, в кабине железного гроба. Почти все пространство занято канистрами с горючим и продовольствием. Время от времени Компания сбрасывает баллоны с водородом и контейнеры с продуктами и запчастями для турболета, но некоторые из них не долетают до земли или падают вне Шоссе. А я не могу покидать его. Я уже пытался это сделать. Проклятая колымага отказалась поворачивать. Я могу прибавлять скорость или останавливаться, поднимать машину над дорожным полотном или мчаться на бреющем полете, но всегда только по Шоссе, будто я прикован к этой серой ленте, которая сверкает и переливается, как озеро под жаркими лучами солнца.

Несколько секунд я созерцал заправочную станцию. Рядом с ней стояла пустая машина. Ее пассажиров не было видно. Я подождал еще немного, но они так и не появились. В здании (если, конечно, это было здание — как можно быть в чем-то уверенным в таком дурдоме?) что-то скрипнуло, потом вновь воцарилась тишина.

Я уехал. Машина у заправки принадлежала конкурирующей Компании, и то, что произошло с ее пассажирами (по размерам машины я сделал вывод, что их было несколько), меня не касалось. Вскоре за-

правочная станция — или что там было, черт возьми! — осталась за моей спиной, и горизонт проглотил ее.

Тут все меняется: пейзаж, климат, даже состав атмосферы. Ты можешь проехать мимо развалин, напоминающих руины Нью-Йорка, а затем с головой окунуться в ад из горящего аммиака, после чего оказаться в окружении стай воющих зверей, которые стараются сомкнуть свои челюсти (или что-то в этом роде) на турболете. Все меняется, нет ничего одинакового. Но дорога все время бежит вперед, вперед, вперед...

Наверное, я сошел с ума, раз согласился на эту проклятую работу. Я действительно сумасшедший — об этом сказал и судья, который вынес мне приговор.

Думаю, мне не суждено завершить работу. До меня никто не сумел этого сделать. Все, что удавалось отдельным счастливицам, — найти Дверь. Впрочем, логично: если бы кто-то довел дело до конца, то меня не стали бы нанимать. Люди Компании могут быть мерзавцами, но они не из тех, кто швыряет деньги на ветер. Возможно, эту работу вообще нельзя завершить, ведь Шоссе бесконечно. Я слышал, что это невозможно, но, черт возьми, кто может знать об этом? Я отдал Шоссе уже пять лет своей жизни и, кажется, отдам еще больше. Если не погибну. Что, кстати, вполне возможно. Среднее время выживания разведчиков составляет три года, а я уже с лихвой превысил его. Но удача не всегда будет сопровождать меня. Однажды Колесо Фортуны повернется вниз, и я вместе с ним. Что ж, пусть уж лучше так, чем корчиться в тесной кабине три на три, в инопланетном аду, построенном без какой-либо цели. Я так думаю.

— Что ж, кажется, он отвечает нашим требованиям. Как он вел себя в последнее время?

— Ну, вы же знаете, как они себя ведут. Вроде бы он утратил прежнюю агрессивность, но, скорее всего, просто затаился до тех пор, пока не станет возможным вновь показать себя.

— Это именно то, что нам нужно. Как вы думаете, он согласится?

— Возможно.

— Что ж, вызовите его. Я хочу с ним поговорить. И без охраны.

— Вам должно быть известно, что мы будем следить за вашей беседой.

— Это меня не волнует. Я только хочу, чтобы мы были с ним вдвоем. А вы можете записывать наш разговор сколько угодно.

— Хорошо, сейчас я его приведу.

Вчера на Шоссе выпрыгнул гибрид змеи и носорога. Никогда не встречал ничего подобного. Я-то думал, что Шоссе неприкосновенно.

Но, конечно же, ошибался. К счастью, я вовремя заметил это существо и промчался над ним сверху. Видимо, оно было не опасным. Возможно, ему просто захотелось поиграть со мной, чтобы я погладил его по загривку. Может, я так и сделал бы, если б у этой твари имелся загривок. Но теперь она осталась далеко позади, а Шоссе бежит передо мной все время по прямой, не кончаясь.

1. Не покидать машину за исключением тех случаев, когда необходимо залить горячее или подобрать запчасти и продовольствие. Но и тогда следует стараться находиться вне кабины как можно меньше времени.

2. Если разведчик Компании просит о помощи своего коллегу, тот должен оказать эту помощь, соблюдая пункт 1.

3. Если разведчик конкурентной Компании исследует ту же территорию, но не проявляет враждебных намерений, его следует игнорировать.

4. Не разгерметизировать кабину до тех пор, пока бортовой компьютер не произведет полный анализ атмосферы. В этом случае необходимо быть готовым к внезапному изменению окружающей среды.

5. Использовать снотворные пилюли не реже, чем через каждые тридцать шесть часов, и не чаще, чем через двадцать часов. Любое применение снотворного, выходящее за эти временные рамки, будет зафиксировано бортовым компьютером и сообщено Компании.

6. Максимально экономить горячее и продовольствие. Разведчик никогда не знает, когда сумеет найти очередной контейнер обеспечения.

7. Постоянно поддерживать в рабочем состоянии очиститель воздуха. Периодически проверять его. От него зависит жизнь разведчика.

СЛЕДУЮЩИЕ ПУНКТЫ ОТНОСЯТСЯ ТОЛЬКО К РАЗВЕДЧИКАМ КЛАССА С:

8. Избегать любых контактов с любыми типами существ, которые могут встретиться. Работа по их изучению возложена исключительно на разведчиков класса А.

9. Не сходить с Шоссе ни при каких обстоятельствах, даже если жизнь разведчика находится в опасности. Лишь разведчики класса В вправе исследовать окрестности Шоссе.

— Полагаю, вы знаете, кто я такой, господин Словоски.

Он не возразил. Только оглядел собеседника с ног до головы своими светлыми, как у альбиноса, глазами. Лицо его ничего не выражало.

— Я представляю Компанию исследований «Альбрес». Подряжаю для нее разведчиков.

Человек, сидевший на другом конце стола, шевельнулся, сделав почти незаметное глазу движение.

— У меня есть разрешение забрать вас отсюда, если вы согласны на наши условия.

Глаза человека за столом прикрылись, превратившись в холодные голубые шелки. Поднеся руку ко рту, он изобразил зевок.

— Так вот, господин Словоски, я не могу тратить на вас целый день. Интересует вас мое предложение или нет?

— А вы как думаете?

Гость вздрогнул от этого голоса, лишеного каких-либо интонаций, словно он был воспроизведен на синтезаторе речи.

— Мне не платят за то, чтобы думать. Интересует ли вас то, что я хотел бы сказать вам?

— Конечно, нет. Меня интересует, что вы можете мне предложить. А на ваши слова я чихать хотел.

Это было самое длинное высказывание Станислава Словоски за тот день. В дальнейшем у него было достаточно времени, чтобы раскаться в своей многословности.

А вот в небе маячит корабль Компании.

— Компьютер, визуальный режим. Увеличение пять-три-восемь. С координатной сеткой. Давай.

Да, это кто-то из наших. Я спрашиваю себя, о чем думают эти типы там, наверху. Они же не могут видеть поверхность планеты, скрытую от них пеленой туч, но им известно, что мы (и не только мы) можем видеть их. Подожди-ка: кажется, они что-то сбрасывают. Да, верно: ракетные двигатели вспыхивают и тут же гаснут. Парашют. Эта штука упадет довольно далеко. Ладно, у меня пока нет проблем ни с топливом, ни с пищей. Едем дальше.

— Компьютер, обычный визуальный режим. Давай.

Выжимаю газ до отказа. За спиной свистят турбины. Меня вжимают в сиденье. Краем глаза вижу, как за мной исчезает мир. Впереди меня — Шоссе. Всегда впереди.

Нижеподписавшийся Станислав Словоски берет на себя обязательства в рамках контракта, заключенного им с Компанией исследований «Альбрес» (именуемой ниже Компания), в качестве разведчика класса С, по работе на планете, известной под названием Блюеюэй, звездная система Сириуса (Альфа Большого Пса), пятая планета.

Нижеподписавшийся обязуется под страхом смертной казни не расторгать настоящий контракт. В случае успешного завершения его миссии Компания обязуется выплатить ему вознаграждение в размере двадцати оскопов в сутки. Вознаграждение может быть увеличено в зависимости от погодных условий, длины пройденного пути и результатов выполнения задания.

Нижеподписавшийся обязуется оставаться разведчиком класса С до тех пор, пока он не совершит облет из конца в конец так называемого Шоссе, которое опоясывает вышеуказанную планету, либо пока не найдет Дверь. В случае, если нижеподписавшийся решит покинуть планету, не выполнив какой-либо из указанных выше пунктов, Компания вправе расторгнуть настоящий контракт и привлечь нижеподписавшегося к уголовной ответственности, вследствие чего он может быть приговорен к приведению в исполнение смертной казни.

Нижеподписавшийся обязуется, кроме того, соблюдать нормы Устава разведчиков по классу С. В противном случае он может быть наказан штрафом, вычитаемым из его денежного вознаграждения, либо расторжением с ним контракта со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Подрядчик:

Джошуа Фернан (представляющий Станислава Словоски перед Компанией исследований «Альбрес»).

Представляемое лицо:

Станислав Словоски.

Филиал Компании на планете Альбрес, Альфа Центавра А, 19 октября 438 г. по галактическому летосчислению.

Система проста и эффективна. Места в кабине хватает лишь для тела разведчика. Ни больше, ни меньше. Часть его нервных окончаний подключена к электрическим цепям, через которые на тело разведчика ежедневно подаются разряды тока, чтобы заставить работать мышцы. Поэтому разведчику не суждено растолстеть, и его мускулы всегда готовы к действию. Не потому, что Компанию беспокоит состояние здоровья разведчика — просто если он растолстеет, то не поместится в кабине и даже может умереть, а это будет означать, что Компания выбросила деньги на ветер.

Система проста и эффективна. Тело разведчика подвергается химической обработке, уменьшающей потребность в отдыхе. Снотворные пилюли обеспечивают 20 минут глубокого сна. Строго столько, сколько требуется. И вовсе не потому, что Компанию волнует психическое

здоровье разведчика. Но если он сойдет с ума, то окажется ни к чему не пригодным.

Система проста и эффективна. Синтетические продукты с адекватным содержанием белков, калорий, витаминов и солей. Все легко усваивается организмом. Вреда почти нет. Вода, в которой нуждается тело человека, содержится в пище. А условия труда Компанию абсолютно не интересуют. Для нее главное — чтобы разведчик продолжал двигаться по нелепой дороге безумной планеты.

Вчера я наткнулся на Ревуна. Вернее, на то, что от него осталось. Он был хорошим парнем. Когда мы встретились в первый раз, он попытался прикончить меня, хотя мы оба работали на одну Компанию. Потом, когда мы узнали друг друга, он мне пришелся по душе. Думаю, и я ему тоже, иначе он не делился бы со мной своими компьютерными познаниями. Ревун усовершенствовал мой бортовой комп, адаптировав его к моим запросам так, что он словно стал частью тела. И это не раз спасало меня в различных передрыгах.

Турболет Ревуна был полностью разрушен, часть обломков валялась за пределами Шоссе. Не знаю, что с ним случилось, какая штука могла рухнуть на него сверху, но она наверняка была громадной и очень тяжелой. Из всех, кого я встречал, у Ревуна была самая быстрая реакция. Однажды я видел, как он избежал столкновения с огромной пружиной, хотя у него совсем не было времени для маневра. Но он сумел это сделать, и его турболет остался целым и невредимым, без единой царапины.

Ревун нравился мне. Он принимал жизнь такой, какая она есть, а это единственный разумный подход. Помню нашу последнюю встречу. Она произошла два с лишним месяца назад. Он подлетел ко мне, узнал и стал выделять головокружительные фигуры на своем турболете. Потом мы остановились потреться. К счастью, рядом оказался контейнер с горючим и пищей, и мы сумели обмануть свои компы, чтобы покинуть кабины турболетов. Всегда, когда я выхожу из кабины, мне кажется, что я не смогу сделать ни одного шага, рухну лицом в грунт и буду валяться до тех пор, пока какая-нибудь неизвестная тварь не сожрет меня. Но проклятые микротоки поддерживают наши мышцы в отличном состоянии — по крайней мере, достаточном для ходьбы и даже для бега, если нам вздумается рвануть во весь опор.

Мы с Ревуном провели вместе пару часов, болтая о разных пустыках. Он был родом с Земли, из Европы, если я не ошибаюсь. А вчера его изуродованное тело лежало среди обломков турболета. Он мне

нравился. Может быть, в другом мире и в моей прежней жизни он стал бы моей жертвой или, наоборот, я — одной из его жертв, кто знает... Но здесь мы были друзьями. Я ценил его, черт возьми! А теперь от него осталась кучка сторевшей плоти среди обломков.

Такой конец ждет и меня. Рано или поздно нечто подкараулит меня и сделает со мной то же самое, что оно сделало с Ревуном, или еще хуже. И тогда я перестану существовать.

Я остановил машину, созерцая останки турболета и Ревуна до тех пор, пока проклятый комп не уведомил меня, что разрешенное время истекло. Я включил максимальную скорость и покинул то место.

Блюейуэй — пятая планета системы Сириуса (Альфа Большого Пса). Непригодна для колонизации. Территорию исследуют различные компании.

Доступная тематическая информация:

- общие сведения и история;
- видимость с орбиты;
- схема Шоссе;
- категории разведчиков;
- животный и растительный мир;
- атмосфера и окружающая среда;
- Двери.

Видимость с орбиты:

С ближней орбиты — практически нулевая. Из космоса Блюейуэй выглядит как шар, покрытый облаками. Облачность не пропускает все виды электромагнитного излучения. Однако это не означает, что волны не проходят через слой облачности. Просто они не возвращаются обратно. Планета безвозвратно поглощает всю поступающую из космоса энергию. Так обстоит дело с точки зрения наблюдателя, потому что в действительности подобное невозможно, иначе планету давно бы уничтожило столь резкое нарушение энергобаланса.

Видимо, следует полагать, что планета как-то использует все виды излучений. По этому поводу имеется множество различных гипотез, начиная с теории о том, что Блюейуэй использует внешнюю энергию для создания различных атмосферных сред вокруг так называемого Шоссе, и кончая предположением, что планета просто рассеивает энергию неизвестным нам образом.

В любом случае очевидно: электромагнитные волны и, в частности, световые лучи в видимой части спектра достигают поверхности планеты. Это доказывают многочисленные наблюдения разведчиков, для которых небо представляется абсолютно нормальным; они видят на

нем созвездия, а также космические корабли, пролетающие мимо планеты или находящиеся на ее орбите.

Таким образом, облачность функционирует как сеть одностороннего действия: электромагнитные волны могут проходить через нее к планете, но задерживаются при их возвращении обратно в космос. Поэтому разведчики могут принимать сообщения с кораблей Компании, однако не способны что-либо передать. Как выяснилось, есть только один способ пробить щит, окружающий планету — луч гамма-лазера, но высокая стоимость эксплуатации ограничивает возможности применения аппарата лишь чрезвычайными ситуациями. Разведчики используют его лишь при обнаружении Двери. Кроме того, гамма-лазер применяется бортовым компьютером для сигнала о том, что разведчик нарушил условия контракта. В остальных случаях разведчик не может поддерживать связь с базой.

До настоящего времени мы знаем эту планету только по картам, которые были составлены выжившими разведчиками. Из них следует, что на Блюейуэй отсутствует всякая логика и целесообразность. В частности, бывали случаи, когда разведчики пересекали один и тот же район, но всякий раз он отличался от того, что было запечатлено на карте.

Сейчас ночь. Приближается время снотворных пилюль. Они мне не нравятся и никогда не нравились. Но мне действительно нужно поспать, а без снотворного ничего не выйдет. Эти типы из Компании — своего рода извращенцы, сукины дети. Сначала они обрабатывают нас химией, чтобы отбить желание спать, а потом снабжают пилюлями на полчаса концентрированных сновидений. Они говорят, что это полезно для нашего психического здоровья. Хотя вполне могли бы оставить наше тело в прежнем виде. Но тогда нам требовалось бы, как минимум, восемь часов сна, что весьма непродуктивно. Компании и так тереют слишком много разведчиков.

Достаю пилюлю из аптечки. Она медленно тает во рту, с отвратительным сладким вкусом, который завершается капелькой горечи. Шоссе расплывается передо мной. Теперь я заложник бортового компа.

Через двадцать минут я просыпаюсь посреди ада, объятого разноцветным пламенем. В кабине невыносимо жарко. Испечься можно. Сотни огоньков загораются и гаснут на панели управления. Комп свихнулся. Что ж, добро пожаловать в клуб самоубийц, электронная рухлядь, — теперь нас двое.

Наконец пламя медленно гаснет, оставаясь позади машины. Новая

местность выглядит достаточно безопасной, и я приказываю компьютеру остановиться и оценить ущерб. Через десять тоскливых минут искусственный и неестественно любезный голос сообщает, что ничего серьезного не произошло. Некоторые датчики отказали из-за перегрузки, а в разных местах корпуса турболета от сильного жара потрескалась краска. Но, вырываясь из огненного ада, мы потратили почти половину запасов горючего. Это скверно, хотя могло быть и хуже. Оставшегося топлива хватит на два-три дня. Если за это время мне удастся найти канистру с горючим, то я спасен. Если же нет... Что ж, у меня всегда в запасе есть возможность нажать красную кнопку. Тогда турболет взмоет стрелой вверх, и за облаками кто-нибудь подберет меня. Но это будет означать, что я расторг свой контракт — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Об этом лучше не думать. Вообще ни о чем не думать. Жми по Шоссе и молись о горючем.

Двери. Ах, да, Двери... Несомненно, это интересный вопрос. Спасибо, Михайлович, можете сесть. Двери... Подождите, у меня погасла трубка... Тф-фери... Кто-нибудь может объяснить, что они собой представляют?.. Как я и предполагал... Хорошо, тогда я вам расскажу о Дверях. Я скажу вам только одно: мы о них ничего не знаем, вот и все. До сего момента ни один из тех разведчиков класса Д, которые входили в Двери, не вернулся обратно — разумеется, если речь идет о перемещении в пространстве. Нам известно лишь, что эти артефакты — порождение планеты Блюейуэй, что время от времени Шоссе разветвляется и одна из дорог на такой развилке может привести к Двери. Вот и все. Конец диссертации. Нет-нет, это была шутка. У нас еще остается несколько минут, а мне платят за то, чтобы я говорил с вами целый час, хотя, как я подозреваю, вам абсолютно до лампочки то, что я мог бы вам сказать. Но раз уж мы завели об этом речь... что за долбаная трубка!.. я должен признаться, что все это не интересует даже меня самого. Можете идти, если хотите... Нет, это я опять шучу. Надо бы бросить курить... Итак, Двери... Странное, конечно, название, но эти штуковины похожи именно на дверь. На обычную дверь обычного дома... этакий прямоугольник с дверной ручкой посередине, с замком и декоративными планками. Черт его знает, что это такое. Ну, вот теперь действительно всё... Когда разведчик находит Дверь, то имеет право завершить свой контракт. Тогда он возвращается домой или куда-нибудь еще, с деньгами в кармане, а Компания посылает разведчика класса Д исследовать Дверь. Тот приземляется на Блюейуэй, хотя термин «приземляться» тут не годится... в общем, совершает

посадку. Иногда, если ему повезет, место расположения Двери не смещается (а зачастую выходит как раз наоборот), и разведчик обнаруживает ее именно там, где она была найдена в первый раз. Он подходит к ней, входит... и исчезает. А теперь, поскольку это всё на сегодня... к тому же скоро прозвонит звонок... через... пять... четыре... три... два... один... Ага! Ну а завтра я хочу, чтобы вы представили мне анализ третиных уравнений Каренкова. До свидания.

Однажды я имел женщину. Или лучше сказать, что она имела меня. Это старая хохма периода Междуцарствия. Я вычитал ее в одной из книг Лао-Шэ Эрнандеса. Великий был тип, этот Лао-Шэ, мы бы с ним спелись, это точно. Я бы рассказал ему анекдот про Бэтмана. Я ведь многое знаю о временах накануне Беспорядков, особенно что касается хохм, да и не только... Жаль, что я провел на том свете почти пятьсот лет. Вот это было настоящее наказание...

Я имел женщину или она имела меня — какая теперь разница в этом бессмысленном аду? Хотя, наверное, если бы в аду был какой-то смысл, то он перестал бы казаться адом. Раньше были другие времена, как принято говорить. Столько воды с тех пор утекло... И все-таки я еще помню ее лицо и вижу его перед собой каждую ночь, когда выключаю свет в кабине и веду машину только при свете фар, выхватывающих из тьмы Шоссе. Да-да, я совершенно отчетливо вижу ее.

Однажды у меня была женщина. Да, не красотка. Но я любил ее, и, думаю, она любила меня — по крайней мере, сначала. Нет, она не была сногшибательной женщиной, да я и сам оставлял желать много лучшего, поэтому мы с ней были отличной парой — если, конечно, в этом безумном мире люди вообще способны подходить друг другу.

Однажды у меня была женщина. Всего один раз и так давно... Я помню ее лицо, ее глаза. Глаза у нее... Откуда берется такая властность в женском взгляде? А еще красота, жалость, нежность? Ее глаза... Следовало бы принять закон, запрещающий такие глаза, чтобы они не могли смотреть на меня из глубин времени, врываясь в мои кошмарные пилюльные сны и заставляя меня корчиться от тоски. Да, такие глаза надо запрещать законом.

Я имел женщину. Да, это был я... Она не была богиней, но она была женщиной, и ее глаза смотрели на меня как... Ни у кого больше нет такого взгляда. Ни у кого. И ведь взгляд-то — ничего особенного, кто, черт возьми, будет спорить с этим? Но почему-то мне было достаточно ее взгляда — он до сих пор преследует меня...

Однажды... или это было во сне?... я имел женщину. Ее глаза пленили меня, смяли, сделали беззащитным.

Однажды я имел женщину. И убил ее. Ее глаза не переставали смотреть на меня, пока она истекала кровью. Эти глаза... Никогда больше я не увижу таких глаз, как эти. Думаю, что я любил больше глаза, чем ту, которой они принадлежали. Я убил ее. А она, умирая, все глядела на меня. Она продолжала смотреть на меня, пока истекала кровью, своим бездонным и беззащитным взглядом. Я любил ее, когда целая свора врачей твердила, что я свихнулся. Я любил ее, когда адвокат-импотент назвал меня монстром. Я любил ее, когда двенадцать неудачников выносили вердикт, приговаривая меня к сумасшествию. Я любил ее. Да-да, я любил ее. Я любил ее глаза. Впрочем, и ее саму — тоже...

Однажды у меня была женщина. А теперь у меня есть только Шоссе. Всегда впереди. Только это. У меня была женщина, но ее уже нет. У меня остались лишь ее глаза. И Шоссе. Надо было запретить эти глаза, надо было принять специальный закон против них.

Она была мне нужна.

Дорога ведет только вперед. Да, вот она тянется передо мной, никуда не сворачивая, всегда прямо, становясь все уже и уже, пока полностью не исчезает. Но на самом деле она есть, и она тянется всегда впереди меня.

Вокруг меня пустота. То есть ничего не видно. Только Шоссе и в стороне от него что-то белое, сверкающее, на что невозможно взглянуть. Ничего нет, только одно Шоссе.

Дорога ведет всегда вперед, да-да, всегда вперед. Кто это сказал? Наверное, кто-то это сказал. Да, кто-нибудь. Всегда вперед, всегда прямо.

Белое сверкание улечивается, и я оказываюсь среди нагромождений каких-то дурацких конструкций, не имеющих никакого смысла, сделанных из какого-то морщинистого и неестественно пористого материала, который мерно колышется, словно дышит. Абсурд. Прошу комп проверить состав атмосферы. Как я и предполагал, дышать снаружи невозможно. Высокое содержание углекислого газа, а кислорода очень мало.

А дорога ведет всегда только вперед. The road goes ever on and on. Теперь я припоминаю, это сказал старый Профессор. А я был Фродо... Нет-нет, я был Бильбо. Или и тем, и другим. Неважно. Дорога ведет всегда вперед.

— Что ж, засранцы, посмотрим, как вы с этим справитесь. Засранцы. Он нас так называл. Засранцы. Для него мы были не бо-

лее чем засранцами, кусками дерьма, которых он должен был научить выживать на планете, превращенной чужой расой в самый большой дурдом во всей Вселенной.

— Словоски, и это все, что ты можешь? Я-то думал, что ты — знаменитый убийца. Или тебе надо слышать вопли беззащитных жертв, сукин сын?

Он был высокого роста. В первые дни он казался мне вообще огромным как гора. Его мускулы натягивали кожу так, что она чуть не лопалась вместе с рубашкой. Он был высокого роста, а его мозги были такими же квадратными, как его нижняя челюсть. Раньше он был солдатом. Уволился из армии из-за самоубийства одного рекрута. Об этом поговаривали за его спиной шепотом, чтобы он не услышал. Да, мы боялись его, но теперь мне кажется, что он больше боялся нас, чем мы — его.

— И вот так ты надеешься выжить? Именно так ты будешь действовать, когда какая-нибудь зеленая скользкая штука бросится на тебя? Руки по швам, Хуарес, когда я с тобой говорю!

Он жил в вечном страхе. Да, теперь я знаю, что страх преследовал его, это была самая настоящая паника. А мы расплачивались за его страх. Он вымещал его на нас, как когда-то выместил на том новобранце, который покончил с собой. Мне не было жаль беднягу, ведь тот, кто не намерен выжить любой ценой, не заслуживает иного обращения. Тебя могут обзывать самыми последними ругательствами, но жизнь — это единственная твоя цель, и лишь за нее ты должен цепляться. Нет ничего более ценного, чем жизнь. Да, он боялся нас, и все не потому, что мы могли убить его. Не знаю почему, но он нас боялся. Теперь я часто вспоминаю его крохотные глазки, похожие на голубые шелки, в которых нельзя было разглядеть что-либо, кроме страха. Этот тип наверняка наложил бы в штаны, если бы не боялся опозориться перед нами.

— Мне по барабану то, что может сделать бортовой комп! Я должен научить вас выживать своими собственными силами, даже если ради этого мне придется убить кого-нибудь из вас!..

И он хорошо нас натаскал. Да, человек с носорожьей челюстью научил нас выживать. Покуривая свои вонючие сигареты, он научил нас, как самим постоять за себя. Пуская в ход свои гипертрофированные бицепсы, он наделил нас умением выбираться живыми из самой опасной ситуации, какую он только мог представить своим скудным умишком. Он научил нас всему.

Вот козлы! Они нападают на меня. Наверное, полностью спятили, раз не могут придумать чего-нибудь получше, чем набрасываться на

меня... Вот и чудесно, именно это мне было нужно. Сейчас они снижаются. Что ж, пусть узнают, как иметь дело с камикадзе.

— Комп, режим атаки. Отклонение один-три-пять. Давай.

Эта железяка — просто чудо, в этом нет сомнений. Тем более, после того усовершенствования, которое проделал с ней Ревун. Турболет резко взмывает вверх, и они лезут вверх за мной. Они еще не знают, что их ждет. Вот они, прямо подо мной. Черт, плохо дело: у них лазеры. Ну и ладно...

— Комп, полный стоп. Давай.

Вот так, прекрасно. Машина камнем рушится вниз, а они продолжают набирать высоту. Давайте, давайте, малыши. Успеете надеть в штаны перед смертью. Я вновь испытываю полузабытое ощущение охотника. Боже, сколько же времени прошло с тех пор, я даже успел забыть, каково это, а это так здорово!.. Земля все ближе, ближе... Еще немного, еще...

— Комп, верхполнаямощьдавай!

И я опять набираю высоту. Они по-прежнему внизу и полностью сбиты с толку. Хороший залп на высокой мощности. Слишком просто для них. Посмотрим, удастся ли нам повтор. Противник переворачивается, явно намереваясь сопротивляться. Залп! Тебе не больно, дружок? Прекрасно. Ты шустрый, намного шустрее, чем твой товарищ, который уже превратился в грудку расплавленного металла и сожженной плоти. Хороший ответный выстрел, он чуть не достал меня. Повернись-ка, приятель, вот так, хорошо...

— Комп, огонь-три на поражение цели. — Я выжидаю несколько мгновений. — Давай!

Колпака кабины, этой драгоценной герметичной стекляшки, как не бывало. А теперь еще пару... Подожди-ка, декорации меняются. Гениально! Мы влетаем в участок Шоссе, где нет кислорода. Я вижу, как он корчится и изгибается в тесном пространстве кабины. Потом его лицо зеленеет. Наверное, в воздухе содержится какой-то яд. Его турболет теряет управление. Сейчас он упадет. Если мне хоть капельку повезет, он рухнет на Шоссе, и тогда, если турболет не взорвется, я смогу слить горючее из его бака.

Славная получилась охота. Бедняги, им не следовало нападать на меня. Кажется, они были из компании «Стресс», судя по бортовым эмблемам. Но это уже не имеет значения.

Хороший выдался денек.

— Скажите мне одну вещь, Шнейдер, почему — именно мы?..

Врач взглянул на него из-за стекол своих очков — анахронизм, который, по его мнению, годился в качестве защиты от пациентов.

— Что вы имеете в виду?

— Вы прекрасно знаете, о чем я. Почему компании набирают своих разведчиков из отребья?

Врач пожал плечами и скрестил руки на груди. Толстыми пальцами побаранил по предплечьям.

— Ну, это сложный вопрос. Просто, как показал опыт, лица с определенными умственными патологиями адаптируются к изменениям окружающей среды на Блюейуэй лучше, чем... гм... нормальные люди.

— Ну да. Нормальный человек давно бы спятил. А с нами этой проблемы не возникает. Мы и так уже психи, дальше некуда.

Врач вынул изо рта потухшую трубку и вновь поджег табак в ней. Еще один анахронизм — наверное, тоже выполняет защитную функцию. Облако сизого дыма наполнило помещение. Приятный запах.

— Не совсем так. Я бы сказал, что ваш разум — ввиду его особых характеристик — лучше подготовлен к резким изменениям обстановки, которые типичны для Блюейуэй.

— Обстановка для психов, да? Обстановка без всякой логики, без целесообразности. Как мы сами.

Трубка погасла. Врач снова принялся раскуривать ее.

— Скажите, а почему вы согласились на эту работу?

— Это лучше, чем камера три на четыре, обитая мягким поролоном. Полагаю, лучше этого может быть даже инопланетный дурдом.

Я стою здесь уже почти полчаса. Вскоре пластиковый голос компа сообщит мне, что я исчерпал лимит времени, отпущенный для остановок. Пусть он засунет этот лимит себе в задницу! Я никогда не думал, что это может произойти со мной. Всю жизнь мне не везло, так почему же должно было повезти на этот раз?

Боже, что я делаю! Я отдаю компу команду трогать с места, а на развилке свернуть вправо. Я еще не верю своим глазам, настолько это нереально. Но турболет послушно уходит вбок, и мы покидаем Шоссе. Развилка. В конце ее будет Дверь, а это означает обратный билет домой. Это нереально, я знаю.

Через несколько метров после поворота от Шоссе не остается и следа. Я знаю, что оно там, слева от меня, но я его уже не вижу. Небо тоже куда-то исчезает, и вокруг меня остается лишь развилка и темнота. Я нервничаю, мои руки потеют и дрожат. Это нереально, я знаю.

Время течет, течет, течет, но ничего не происходит. Только дорога, только развилка, только неразборчивые тени вокруг меня. Нет ни неба, ни земли. Только развилка и мрак. Моя одежда пропитана потом. Комп спрашивает меня, нужно ли мне успокоительное. Он говорит,

что мое сердце бьется слишком часто. Пошел в задницу, не нужно мне никакое успокоительное! Я хочу увидеть ЭТО, находясь в полном сознании и оставаясь самим собой.

Турболет останавливается. Что-то мешает ему двигаться дальше. Вытираю пот с лица и вижу ее. Дверь. Вот она. Боже мой, это же Дверь! И я выберусь из этого инопланетного дурдома и вернусь домой! Надо только включить гамма-лазер и подняться на орбиту. Там меня подберет корабль Компании. Мне заплатят и доставят на Альбрес.

Вот она, передо мной. Стоит неподвижно. Мой обратный билет. Билет — куда? На самом деле нет такого места, куда стоило бы отправиться. В другой дурдом, в карцер или в то, что идиоты называют реальным миром? Обратный билет. Чтобы вернуться в безумие. Билет для возвращения к монотонности, к серости, к пустым, бездумным лицам. Билет для возвращения в пропасть, в мир без тех глаз, которые я своей рукой закрыл навеки. Дверь. Приговор к возвращению в чужой мир.

Комп вызывает меня. Он просит разрешения связаться с Компанией и доложить об обнаружении Двери. Приказываю ему подождать. Он подождет, но несколько минут, не больше. А потом, хочу я этого или нет, он выйдет на связь с Компанией.

У меня мало времени. Надо решаться. Проверяю состав воздуха снаружи. Там немного холодно, но можно дышать. Открываю колпак кабины. Выпрыгиваю из турболета. Голос компа осведомляется, куда это я собрался. Ему-то какое дело? Подхожу к Двери. Она выглядит как обыкновенная дверь, таких миллионы, вот только стоит она неподвижно посреди пустоты. Я долго гляжу на нее. Позади меня комп завывает, как сумасшедший. Он говорит, что свяжется с Компанией, и если я не вернусь в турболет, то меня не смогут забрать отсюда. Идиот. Тупая машина.

Я смотрю на Дверь. Да, это билет, но не обратный.

Моя дрожащая рука тянется к Двери. Прикасаюсь к ней. Никаких ощущений. Делаю шаг вперед. Еще один. Теперь она всего в нескольких миллиметрах от кончика моего носа.

Решайся же!

Еще один шаг.

Я вхожу в Дверь.

Перевел с испанского
Владимир ИЛЬИН

журнал

АНТИКВАРИАТ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА

И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

**Достоверная информация
и реальные цены**

Подписка:

- ◆ по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс **99438**;
- ◆ по каталогу «Пресса России» — индекс **45720**;
- ◆ в отделе распространения, тел. (095)248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (095)248-2090 (редакция), 248-6819
(отдел распространения), тел./факс: 248-2190.
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@uuu.ru (отдел распространения)

С Т И В Е Н П О П К Е С

ВЕЛИКИЙ

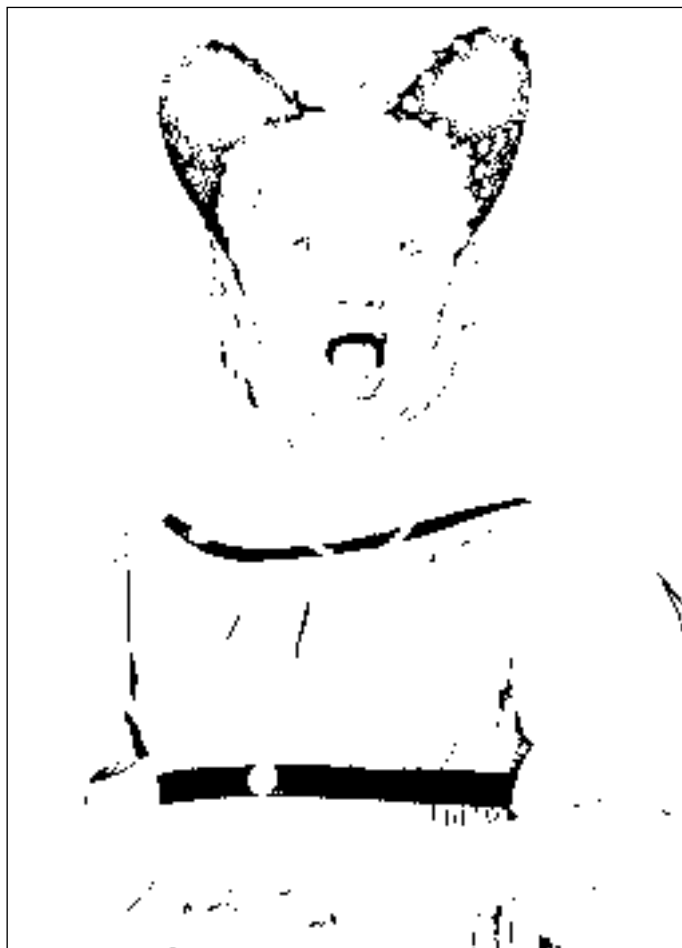

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

КАРУЗО

Норма бросила курить, когда обнаружила, что беременна. Все ее поздравляли, но каждый считал своим долгом напомнить, как важно во время беременности не курить. Ведь это ужасно вредно для ребенка! Норма смирилась, но пообещала себе, что уж после родов-то она оторвется... Однако не тут-то было. В городской больнице Альбукерке новорожденный Ленни показался ей таким крошечным и сморщенным, он с таким отчаянным усилием дышал и цеплялся за жизнь, что Норма решила дать ему еще пару лет — пока она кормит грудью и все такое... Но уж когда он окрепнет, никто не запретит ей дымить как паровоз!

Томас, кстати, тоже не одобрял этой ее вредной привычки. Впрочем, он вообще не одобрял всего, что не надо было вдыхать через нос... Он был в восторге от того, что она бросила курить. Точнее, был бы в восторге, если бы его не застрелили за неделю до того, как Норма узнала о беременности. Он играл в местной рок-группе «Тюрбан Кингс», но пристрастие к кокаину его сгубило. И хотя Томас был настоящий красавчик, Норма всегда знала, что все это у них ненадолго.

Когда его не стало, ей пришлось всерьез задуматься о хлебе насущном. Вздохнув, Норма стала искать работу. После полутора месяцев бесплодных поисков ей удалось зацепиться за место служащей хладокомбината, неподалеку от университета. Никотиновую жажду она утоляла, слоняясь в клубах табачного дыма возле индейцев, которые торгуют безделушками из бирюзы на углу Старого города. Нередко можно было встретить ее на улице перед дешевой забегаловкой, рядом с каким-нибудь древним мексиканцем, попыхивающим изумительно скверной сигарой. Плюс иногда удавалось выкроить минутку для «пассивного перекура» на грузовом причале, рядом с вечно раздраженными сослуживцами. Благодаря этим уловкам жизнь казалась Норме почти сносной. «Два года, всего два года», — твердила она себе. А потом она снова начнет курить, и все будет прекрасно.

Но когда Ленни исполнилось пять, по телевизору, как назло, день и ночь стали твердить о том, как плачевно пассивное курение сказывается на умственных способностях детей. Норма точно знала, что если возьмется за сигарету, от курения в доме ей не удержаться. Скрепя сердце, она решила потерпеть еще немного — пока Ленни не освоится в школе.

Когда ему было десять, Норме стукнуло пятьдесят — опасный возраст, если верить газетам. Возраст, когда запросто можно взять да и отбросить копыта от сердечного приступа. А что приводит к сердеч-

ным приступам? Правильно, сигареты... Она ведь не хочет, чтобы сыну пришлось хоронить ее? Он ведь еще совсем малыш...

И только когда Ленни, тридцатилетний здоровяк, уже несколько лет отслужил в полиции Альбукерке, Норма решила: все, с нее хватит. Помирать — так с музыкой! Теперь ей было семьдесят, и похоронить мамашу — его сыновний долг. В конце концов, рано или поздно ему в любом случае придется это сделать...

Ей никогда не забыть эту затыжку. Пожар в горле, мурашки до кончиков пальцев, кровь в лицо и резкий зуд в глазах... Боже, как давно она не чувствовала себя такой здоровой и счастливой! Она будто снова стала сопливой девчонкой, и это была ее первая сигарета... И как тогда, в тринадцать лет, через минуту-другую она позеленела и ее вырвало. «Ну что ж, — философски рассудила Норма, — за удовольствие надо платить».

Не прошло и пары недель, как она уже снова смолила по две пачки в день.

Ленни, разумеется, пришел в ужас. Явившись к ней домой, он, перекрикивая музыку, пытался поговорить с матерью. В доме Нормы всегда звучала музыка: блюз, кантри, классика, рок... Если мотив был знакомый, она непременно подпевала ему. По красоте и нежности ее голос больше всего напоминал рычание переполненного городского автобуса, однако Норму это нисколько не смущало.

Сперва Ленни пытался вести с ней душеспасительные беседы.

— Ну, мам, — упрашивал он, — ты ведь держалась столько лет! К тому же тебе уже за семьдесят, а это не шутки.

Потом он объявил ей бойкот: неделю не пускал в свой дом и запретил видаться с внуками. Но из этой затеи тоже ничего путного не вышло. Ленни с семьей жил на одной улице с матерью, в таком же четырехкомнатном бунгало, и если Норма не могла попасть к внукам, те сами прибегали к ней.

Убедившись, что уговоры и угрозы не возымели никакого эффекта, Ленни перешел к «зачисткам территории». Пользуясь служебным положением, он просто врывался к ней и конфисковывал все найденные сигареты. Эта тактика могла сработать: курево стоило теперь одиннадцать долларов за пачку, а Норма за тридцать лет так и не сменила работу... Припертая к стенке, она стала искать способ курить, не храня при этом сигареты в доме. А еще лучше — найти сорт подешевле, чтобы не жалко было и пожертвовать несколькими пачками в месяц.

В интернете, как оказалось, можно найти все. «Реджинальд Сигаретс», крошечная фирмочка, основанная на Сандвичевых островах (которые прежде, пока не отделились, звались Гавайями), торговала сигаретами по почте. В этом была масса преимуществ. Во-первых, Норма дала им адрес ближайшего отделения «до востребования», чтобы Ленни не мог доставать сигареты из почтового ящика раньше нее. Во-вторых, они поступали из другой страны, а значит, не облагались грабительскими американскими налогами. В-третьих, они обходились дешевле изначально, поскольку были синтетическими.

На сайте компании немало говорилось о медицинских преимуществах таких сигарет перед натуральными, и Норма знала, что ответить, когда Ленни все-таки вычислит ее. Хотя как раз на это ей самой было глубоко наплевать. Она резонно рассудила, что всегда можно опорожнить несколько пачек «Реджинальда» и наполнить их старыми добрыми «Мальборо». А Ленни пусть думает, что она курит синтетику. Однако когда прислали первую партию, новые сигареты ей понравились. Да, по вкусу они уступали «Мальборо», зато были, что называется, «забористее».

Когда Ленни, как и следовало ожидать, обо всем пронюхал, она продемонстрировала ему пачку.

— Вот! — визгливым старческим голосом заявила она. — Видишь?! Они полезные!

— Мам, — возразил Ленни, глянув на пачку, — в них ведь все равно есть табак.

— Да, но ты взгляни на цифры! Вот здесь, сбоку. Видишь, они намного лучше, чем «Мальборо».

Ленни только вздохнул, и Норма поняла, что победа осталась за ней. У нее наконец-то были сигареты. Жизнь наконец-то начинала складываться!

Пять лет спустя Норма проснулась от привычного утреннего кашля. Выбравшись из кровати, она заковыляла вниз, чтобы поставить кофе. Дождаясь, пока он закипит, она как всегда включила радио — утреннюю программу классической музыки. Была неделя оперы (а оперу Норма обожала), передавали какую-то старинную запись Энрико Карузо — «великого Карузо», как говаривала ее матушка, когда Норма была еще девчонкой. Дождаясь по-настоящему сильного приступа кашля, знаменующего начало дня, она подумала мельком, что надо будет как-нибудь взять посмотреть один старый фильм о Карузо — там, где еще играет Марио Ланца.

Вдруг в горле у Нормы запершило, словно там что-то застряло. И что самое противное, это что-то не собиралось оттуда выходить. Норма в панике бросилась к раковине, чтобы выпить воды, но спазмы в груди буквально парализовали ее. Все, что ей оставалось, это стоять прямо и не падать. Эта штука, чем бы она ни была, постепенно продиралась вверх по горлу, и вскоре Норма выплюнула ее — окровавленную и покрытую слизью — в раковину.

Это был комочек примерно четверть дюйма в ширину и вдвое больше в длину. Норма выудила его из раковины и поднесла к глазам. Он был пористый, как губка, и неожиданно твердый на ощупь. Она аккуратно промыла его под краном.

Она догадывалась, что это. То самое, о чем ей столько твердил Ленни. Рак легких. Не то чтобы это стало для нее неожиданностью, но неужели так скоро? Норма вздохнула. За удовольствия надо платить.

Радио зашипело, и она машинально поправила волну, не отрывая глаз от выпавшего из нее комочка пораженной плоти. Тот слегка вибрировал в пальцах. Просто так, из любопытства, Норма поднесла его к уху. Звук был едва различим, но ошибки быть не могло: он пел. Пел вместе с Карузо. И тоже весьма неплохо.

Врач не знал, что и сказать. Норма уже битый час сидела в его кабинете, а он все изучал результаты обследования. Женщине до смерти хотелось курить. Поймав себя на этой мысли, она сочла ее забавной и хрипло хихикнула.

Доктор Пибоди поднял на нее глаза и так грозно сдвинул брови, что Норма сразу притихла. Здесь явно было не до смеха. Ну что ж, она посмеется потом. Когда покурит.

— Миссис Карстейрс... — начал было доктор Пибоди.

— Мисс, — перебила его Норма.

— Что, простите?

— Я не замужем. Так что «мисс» будет в самый раз.

Врач кивнул.

— Буду с вами откровенен: мне и самому не вполне ясно, что с вашими... гм... легкими. Но явно что-то не то. И не только с ними. Затронуты также трахея и гортань. Необходимо провести дополнительные исследования. — Он помолчал. — Вы курите?

— Разумеется, — радостно сообщила она. — Две пачки в день.

— Вот как, — заметил доктор с плохо скрываемым неодобрением.

— Да, кстати, об исследованиях... — Норма покопалась в сумочке.

— Может, вам пригодится вот это?

Вытащив из недр своего ридикюля прозрачный пакетик, Норма водрузила его на стол. Некогда трепещущий комочек плоти теперь высох и сморщился, поэтому она встала, смочила бумажное полотенце и промокнула его. Однако и это не помогло: комочек не ожил.

— Что... это? — пролепетал доктор.

Норма пожалала плечами и вложила сохшийся шарик ему в руку.

— Без понятия, — сказала она. — Но эта штука была во мне. Откашлялась вчера утром. Вот, думала, вам пригодится...

Доктор Пибоди не отвечал. С брезгливым ужасом он смотрел на кусочек мертвой плоти в своей ладони.

Врач велел ей явиться снова на следующей неделе. Когда Норма пришла, он был не один. В кабинете кроме него сидели еще три врача — видимо, для моральной поддержки. Консилиум пришел к мнению, что у нее рак легких какой-то редкой, возможно, даже неизвестной разновидности. Норма с притворной заинтересованностью поразглядывала рентгеновские снимки, потом мило улыбнулась и, извинившись, попросилась в туалет. Доктора кивнули все разом, словно связанные одной ниточкой.

Выбравшись из кабинета, Норма решительно направилась по коридору к выходу, а оттуда — напрямик на стоянку. Приехав домой, она устроилась за кухонным столом в компании бутылки портвейна и пачки любимого «Реджинальда».

Доктор Пибоди, разумеется, позвонил Ленни. Рабочий день еще не кончился, а он уже барабанил кулаками в ее дверь.

— Что тебе нужно, Ленни? — крикнула Норма из-за двери.

— Ради Бога, мама! Ты знаешь, что мне нужно. Мне нужно, чтобы ты вернулась в больницу!

Она отхлебнула вина. Бутылка к этому моменту, не устояв перед ее вполне здоровой жаждой, уже почти опустела.

— Не хочу.

— Что это еще за «не хочу»? А умереть — хочешь? Пибоди сказал, если начать лечение вовремя, у тебя хорошие шансы.

Норма отрицательно покачала головой. Потом, спохватившись, что сын ее не видит, ответила вслух:

— Нет!

— Мам, ты что, пьяна?

— Как ты мог обо мне такое подумать! — воскликнула она возмущенно.

— Тебе не стоит пить в твоем возрасте.

— Меня многого лишали в детстве.

— Ну, пожалуйста, мам! Ты должна туда пойти.

Норма прислонилась лбом к двери.

— Нет, — повторила она, старательно выговаривая слова. — Не должна.

— Ну, мам!

— Я так решила! — выкрикнула она. — Мои легкие — что хочу, то и делаю. Могу я, в конце концов, сама выбрать, умереть мне или нет?! Это мое священное право!

— Кстати, раз уж ты заговорила о священном. Не хочешь слушать меня, послушай хотя бы церковь. Знаешь, что тебе там скажут? Что-бы ты быстренько подняла свою задницу и бегом бежала в больницу!

— Нехорошо так разговаривать с матерью, Ленни.

— Нехорошо вести разговоры через дверь.

— А почему нет? — Норма постучала по дереву. — По-моему, отличная дверь.

Ленни минуту помолчал. Даже не видя его, она знала, что сейчас он озадаченно трет переносицу. Наконец он предпринял еще одну попытку:

— Впусти меня.

Она снова покачала головой.

— Завтра поговорим.

Предоставив сыну кричать за дверью, сколько влезет, Норма нетвердым шагом направилась в спальню. Как это важно — иметь хороший жесткий матрац, думала она. Если не держишь равновесие, хотя бы не свалишься с кровати...

Однако не видеться с Ленни вечно Норма не могла. Да и не хотела. Она гордилась своим сыном: застенчивый и худенький в юности, теперь он стал таким высоким и сильным. Кроме того, она всегда была равнодушна к мужчинам в форме. Именно этим в свое время пленил ее и Томас — у «Тюрбан Кингс» были похожие на униформу сценические костюмы.

Ленни пытался добиться от матери вразумительного ответа, почему она отказывается от лечения. Такого ответа у Нормы не было. Было только инстинктивное чувство, что все идет своим чередом: с этим телом она пришла в эту жизнь, с ним, когда понадобится, из нее и уйдет. Но споры с сыном действовали на нее удручающе.

Через неделю после побега от доктора Пибоди Норма отправилась в ближайший магазинчик, чтобы пополнить запасы хлеба и мороже-

ного. Вернувшись домой, она увидела на крыльце своего дома человека с дипломатом.

Когда она подошла ближе, он поднялся. Вид у незнакомца был странноватый. Во-первых, он был чрезвычайно тощим. И хотя покрой дорогого костюма призван был скрыть это обстоятельство, худоба просвечивала сквозь него, как солнце через стекло. Скулы явственно выпирали над впалыми щеками, и если бы не полные губы и большие глаза, он выглядел бы отталкивающе. А так вид у него был просто затравленный и унылый, словно у монаха, горько сожалеющего о своем обете.

Незнакомец шагнул ей навстречу.

— Мисс Карстейрс? — спросил он, протягивая руку.

— Да, — попятившись, осторожно ответила Норма.

— Я Бен Кори. — Он уронил не востребованную ладонь. — «Реджинальд Сигаретс».

С минуту Норма молча смотрела на него. Потом разрозненные звенья сложились у нее в голове в единую цепочку.

— Это связано с моим раком легких?

Он улыбнулся:

— Именно.

— И что же тут особенного? Ведь я заядлая курильщица.

— Может, поговорим в доме? — предложил гость.

Норма пожалала плечами.

— Можно и в доме, мне не жалко.

Руки у Бена были длинные и тонкие, запястья бесследно терялись в рукавах пиджака. Теперь, когда он, потягивая кофе, сидел за столом напротив, Норма прониклась внезапным уважением к его портному. Костюм настолько полнил его, что Бен казался просто очень худым человеком. На самом же деле он был настоящим скелетом.

— Вы адвокат?

Бен аккуратно поставил на стол свою чашку.

— Нет, всего лишь инженер. А также управляющий, ведущий менеджер, главный бухгалтер, президент компании и совет директоров в одном лице. А по совместительству продавец и веб-дизайнер. Как раз адвоката мне пришлось нанять.

Норма выпрямилась.

— Я не понимаю...

Бен откинулся в кресле. Оно даже не скрипнуло под ним.

— Я разрабатываю табачный продукт. Он производится маленькой фабрикой на Кубе. Потом фабрика переправляет его для упаковки в

Северную Каролину. Оттуда готовые пачки попадают на склад в Нью-Джерси. Веб-сайт, зарегистрированный в Южной Африке, посылает заказы в Нью-Джерси. Почтовая служба США доставляет их вам. Компания «Реджинальд» зарегистрирована на Гавайях. Собственно говоря, единственная реально существующая часть фирмы — это кабинет в моем доме, в Сент-Луисе.

Бен отхлебнул кофе.

— Ясно, — кивнула Норма. — Значит, вы делаете сигареты.

— Не совсем, — осторожно поправил ее Бен. — Я делаю табачный продукт. А точнее, я конструирую маленькие машинки, задача которых — взять табак, разобрать его на кусочки и сложить заново, уменьшив содержание канцерогенов и токсинов. Со всего Юга на фабрику привозят сушеные табачные листья, а увозят нечто, лишь отдаленно напоминающее сушеные табачные листья. Это и есть «табачный продукт».

— И какое отношение все это имеет ко мне?

Бен раскрыл дипломат и извлек оттуда два рентгеновских снимка. Он аккуратно положил первый перед Нормой.

— Вот ваши легкие.

— Я их уже видела. Где вы это взяли?

— Откопал в Сети. Знаете, там можно найти все, что угодно, если потратить немного времени и денег. — Он выложил второй снимок рядом с первым. — А вот обычный рак легких.

Разница была очевидной. Нормальный рак легких (если, конечно, можно так выразиться) выглядел как пятна неправильной формы. В ее же собственных легких было нечто, состоящее из ровных линий и многоугольников. Бен указал на нестандартный квадрат.

— Я почти уверен, что это усилитель. А вот тут, рядом — низкочастотный фильтр. Причем, судя по всему, весьма оригинальной конструкции. Эти круги — что-то вроде датчиков.

От взгляда на эту картину у Нормы защемило в груди.

— Что за чертовщина творится у меня внутри?!

— Этого я не знаю.

— Но вы хотя бы знаете, как это получилось?

Бен покачал головой.

— Нет. То, что с вами произошло, невозможно.

— Невозможно?! — Норма ткнула пальцем в снимки. — Но вот же оно, прямо перед вами.

Бен снова кивнул и улыбнулся лучезарно, как череп.

— Это так.

Норма уставилась на него.

— Ладно. Теперь объясните.

Бен вытащил из дипломата несколько листов бумаги.

— Вся работу в моем бизнесе делают нанороботы. Знаете, такие малюсенькие машинки размером не больше клетки. Предположим, однажды вместо нормальных механизмов мы получили бракованную партию. Каким-то образом эти существа, выполнив свою обычную работу, остались в табаке. Не знаю, как им это удалось, но их скопление прошло контроль, сушку, резку, упаковку и даже облучение и в конечном счете вместе с сигаретами попало к вам. Потом они вдруг принялись работать у вас внутри — причем занялись не разрушением, а целенаправленным созданием. Впрочем, это все только мои догадки. На самом деле, такое совершенно невозможно.

Норма медленно, чуть ли не по слогам произнесла:

— Маленькие машинки у меня внутри? *Ваши* машинки?

— Что-то вроде того, — кивнул Бен. — Вот только я не знаю, на что именно они запрограммированы. Да и никто не знает.

— И как много их было? Этих... скоплений?

— Насколько я могу судить, только одно.

— Почему вы знаете?

Бен развел руками.

— Пока что-то такое проявилось только у вас.

— Быть того не может! — Норма всплеснула руками и саркастически воскликнула: — Столько счастья — и в одни руки!

— И не такое бывает, — философски заметил президент «Реджинальд Сигаретс».

— И что же эти ваши наномашинки во мне делают?

— Сложно сказать. Похоже, *мои* нанороботы были заражены или, говоря точнее, перепрограммированы особями какой-то иной разновидности. Это тем более вероятно, что способность к сотрудничеству — часть их сущности. Но я не уверен, чем именно они сейчас занимаются.

— А что они *могут* делать? — поинтересовалась Норма. — Чем занимаются «особи иной разновидности»?

— Всевозможными вещами. Один вид, например, создает музыкальные инструменты, — сказал Бен, опираясь о стол. — Гобои там разные, флейты, тубы... Или, скажем, если они прибыли из Индии — то, соответственно, ситары или что-нибудь в этом роде. Другой вид был предназначен для обслуживания немецкой коммуникационной

системы. Были еще наномашинки для консервирования бананов, их заказывали из Малайзии... В общем, ассортимент огромный.

Норме вспомнилось пение слизистого комочка.

— У меня в легких музыкальные машинки. И это ваши машинки.

— Как я уже говорил, они вовсе не мои, — возразил Бен. — Те, что когда-то были моими, по сути, уже погибли.

— А вы точно не адвокат? — спросила Норма.

— Будь я адвокатом, не сидел бы сейчас здесь, — успокоил ее Бен.

— Тогда зачем вы здесь?

Он уставился на свои руки и заговорил только после долгой паузы.

— Чтобы присутствовать при Акте Творения...

— Это еще что за новости? — опешила Норма.

Бен придвинулся к ней.

— Поймите, при любом раскладе эти штуковины должны были просто уничтожить вас. *Мои* нанороботы, например, действуя согласно *моей* программе, превратили бы ваше тело в табачный продукт. В любом случае, для вас результат был бы однозначно печальным и фатальным. Однако те роботы, что живут у вас внутри, явно заняты чем-то другим. Они строят, и строят нечто цельное. Взгляните на снимок, это же очевидно! Так же очевидно, как и то, что вы все еще живы и на вид совершенно здоровы.

— Да, настолько здорова, что сейчас же отправляюсь в клинику, чтобы мне вырезали всю эту гадость.

— Вот за этим-то я и пришел. Я хочу отговорить вас.

Норма уставилась на него.

— Вы что, псих?

Бен расцвел в улыбке.

— Возможно. И люди, и нанороботы сделаны из одних и тех же веществ: углерод, азот, кислород, кое-какие металлы... И они, и мы — все вышли из праха земного. Но роботов построил человек. А теперь произошло нечто невероятное. *Они* строят человека. Это чудо.

— Чудо?

— Именно.

— Это все равно что сказать, будто рак — чудо.

Бен решительно замотал головой.

— Вовсе нет! Рак — это производное, явившееся результатом накопленных ошибок организованной системы. Это следствие случайных событий...

Норма потрянула головой, которая уже шла кругом от этого чудака и его манеры разговаривать.

— В чем же тут разница? — поинтересовалась она.

— Появившись в системе, — с воодушевлением продолжал Бен, — рак выводит ее из строя. Он никоим образом не улучшает эту систему, он ничего не создает. Рак неплодотворен. А поселившиеся в вас роботы сделают вас лучше.

— Они убьют меня, вот что они сделают.

Бен пожал плечами.

— Определенный риск, конечно, есть. Но и мы, и они — все мы дети Земли. Мы выразители ее воли, и эти малышки тоже. — Он кивнул на рентгеновские снимки. — Этот низкочастотный фильтр очень смахивает на фильтры, использующиеся для замыкания цепи в нервных клетках. Ни в одной программе ни одного вида наномашин нет ничего подобного. Они додумались до этого сами. Это вам не рак!

— Однако эта штука и сведет меня в могилу.

— Но ведь вы смирились с тем, что вас погубит болезнь, не так ли? Иначе вы не сбежали бы от доктора Пибоди.

— Это совсем другое дело. — Норма на секунду задумалась. — Это была *моя* болезнь. Мое собственное тело словно говорило мне: пора, твоё время истекло. А эти штуки... они чужаки, пришельцы!

— Микроскопление состоит из нескольких сотен машин. Это чуть больше горчичного зернышка. Оно пустило в вас корни — именно в вас и ни в ком другом.

— Вы хотите сказать, эти штуки меня *выбрали*?

— Нет, что вы. Они не могут выбирать. Это всего лишь маленькие автоматы. Как хромосомы или сперматозоиды. Ребенок ведь тоже результат деятельности генов, но гены не способны производить селекцию. Из таких вот автоматов появились и мы с вами. Так что нанороботы вас не выбрали. Это Земля выбрала вас.

— Нет, вы все-таки псих. И все равно эти штуковины загонят меня в гроб.

— Мы можем немного подтасовать карты. — С этими словами Бен вытащил из дипломата баллончик-ингалятор. — Вот FTV. Все без исключения наномшины устроены так, что прекращают работу в его присутствии. FTV используется для насыщения воздуха в нанофабриках — в качестве меры предосторожности. Если вы будете дышать им, то это может, по крайней мере, замедлить их развитие.

— Однако это не в ваших интересах, не так ли?

— Отнюдь. Продолжая аналогию, это что-то вроде предродовой подготовки. Вынужденная отсрочка даст им возможность как следует освоиться в окружающей обстановке.

Норме снова вспомнилось пение губчатого комочка.

— А если они вырвутся наружу? Я не хочу, чтобы они поработили мир или отмочили еще что-нибудь в этом роде.

Бен снова полез в дипломат и на этот раз извлек оттуда небольшой квадратный приборчик.

— Пока мы с вами беседовали, это устройство проводило анализ воздуха в комнате. Взгляните сами: никаких наномашинок.

— Может, они затаились? Как споры грибов?

— Так кто из нас псих?

Норма задумалась.

— Пибоди сможет их вырезать?

Бен покачал головой.

— Не думаю. Они ведь существа коллективные. Удалите часть звеньев цепи, и они бросятся выстраивать ее заново. Только тогда им придется восстанавливать утраченные навыки и просчитывать новую топологию, получившуюся в результате операции. Думаю, от этого будет только хуже.

— Признайтесь, вы ведь сказали бы так в любом случае?

Бен снова пожал плечами и ничего не ответил.

В конце концов, она все равно готовилась к смерти. А так — хоть какое-то приключение...

Норма глубоко вздохнула. Нет, дыхание пока ровное. Не хуже чем обычно.

— Ладно, — сказала она. — Я согласна.

Жизнь, казалось, вернулась на круги своя. Норма больше ничего не выкашливала. Вот только когда она разговаривала, голос ее странно вибрировал и дрожал. Однако это, рассуждала она, еще не слишком большая плата за роботов, живущих у тебя в легких.

Компания «Реджинальд Сигаретс» бесследно исчезла с рынка. Правда, Норму Бен предупредил об этом заблаговременно, так что в подвале у нее была припасена дюжина аккуратно упакованных коробок.

Однажды, спустя приблизительно месяц после первого разговора с Беном, Норма проснулась в настроении нервном и раздражительном. Когда Ленни пришел с утренним визитом, она в сердцах велела ему убираться. Голос у нее ломался, как у пятнадцатилетнего мальчишки.

— Мам,пусти меня, — попросил Ленни.

Норма приоткрыла дверь.

— Ну, чего тебе?

— Брось, мам, не злись. Я ведь твой сын, ты еще не забыла?

— Я знаю, кто ты такой, — проворчала Норма, но посторонилась, пропуская его в дом.

— Симпатичную ты тут музыку слушала, — заметил он, кивнув на радиоприемник. — Кто это пел?

— Хватит мне зубы-то заговаривать! — Норма уперлась кулаками в бока. — У тебя же на лице написано: тебе от меня что-то нужно.

— Мам, тут такое дело... Скоро твой день рождения и все такое...

— Он запнулся и протянул ей конверт. — В общем, с днем рождения.

Норма открыла конверт и нацепила на нос очки. Это были билеты в оперу. Два билета на «Дон-Жуана».

— Ты ведь так любишь музыку, — застенчиво пробормотал Ленни.

— Я подумал, может, тебе захочется...

Норма не сразу нашлась с ответом.

— Почти сорок лет тебя знаю, — проговорила она наконец, чмокнув сына в щеку, — а ты до сих пор меня удивляешь.

Целую неделю она подпевала всему, что слышала по радио, — иногда складно, но чаще не очень. Голосила вместе с Патси Клайн, выводила слашавые ругады дуэтом с Синатрой, похлопывала и при-топывала под рок-н-роллы Элвиса.

Дождаясь, когда Ленни за ней заедет, Норма пребывала в таком волнении, что заставила себя трижды сходить в туалет — на всякий случай, чтобы не пришлось бежать в дамскую комнату на самом интересном месте.

Ленни ради такого случая даже нацепил галстук и вообще был так мил, что Норма, дабы доставить ему удовольствие, решила на один вечер забыть о сигаретах. Не надеясь на свою силу воли, она оставила пачку «Реджинальда» в ящике комода.

Поездка в машине по вечернему городу, парадный подъезд театра, людный зрительный зал и их места — в середине, у самого оркестра, — все было словно подернуто праздничной дымкой счастья. Норма устроилась в кресле, а когда свет начал гаснуть, положила ладонь на руку сына. Зазвучала увертюра.

«Я ведь слышала это тысячу раз», — говорила она себе. Но теперь, сыгранная и спетая людьми из плоти и крови, здесь, совсем рядом, эта музыка словно ожила.

В середине второго акта, когда Эльвира начала свое гневное соло, Норма вдруг всем телом наклонилась вперед. Ее душило нестерпимое желание откашляться. Но не успела она что-нибудь предпринять, как приступ прошел сам собой. Однако вскоре неприятные ощущения повторились и на этот раз сильнее. Похоже, начинался один из тех мучительных приступов кашля, во время которого из нее однажды вышел тот губчатый комочек. Она почувствовала, что не сможет сдержаться. Надо было срочно уходить.

Зажав ладонью рот, Норма встала и торопливо засемила по проходу. Ленни проводил ее удивленным взглядом, но она исчезла в фойе раньше, чем он успел опомниться. Туалет. Где же здесь туалет?! Не найдя двери с табличкой, Норма выбежала на улицу, чтобы прокашляться или опорожнить желудок в какой-нибудь мусорный бак.

Оказавшись на свежем воздухе, она вздохнула полной грудью, и ей стало легче. В ушах все еще звучал гневный голос Эльвиры, измученной Дон-Жуаном и собственной слабостью. Норма открыла рот, и вдруг, словно чистый горный родник, из нее хлынул поток музыки. Трепещущая мощь собственного голоса сотрясала ее тело, заставляла сердце биться сильнее и сладко шекотала легкие.

Ежедневно слушая музыку, Норма выпитывала ее всем телом, каждой клеточкой. И вот эта музыка наконец прорвалась наружу. Норма замолчала, лишь когда закончилась ария. Перед ней стоял Ленни.

— Мам, ты в порядке? — спросил он с тревогой.

Норма кивнула. Ей не хотелось говорить.

— А это было круто, — осторожно заметил он. — Немного неестественно, пожалуй, но все-таки здорово.

— Правда?

— Угу. — Он кивнул. — Правда. — Ленни помолчал. — Завтра пойдем к доктору Пибоди.

— Отстань.

Норма улыбнулась. Она снова была молода, и мир переливался перед ней разнообразием возможностей. Ей было шестнадцать, она, ухмыляясь, сидела за рулем старенького «шевви» с сигаретой в зубах и гнала машину вперед по шоссе — прямому, словно стрела, и гладкому, как стекло.

В 1711 году, перед премьерой своей новой оперы в Лондоне, Георг Гендель побился об заклад, что из-за кулис выкатит запряженная живыми лошадьми колесница, над сценой воспарит челн с тенорами, а

еще грянут фейерверки и появятся не один, а целых два огнедышащих дракона... Опере вообще и опере в Альбукерке в частности никогда не были чужды нововведения.

По словам Бена, на прослушивании Норма имела целых два преимущества. Во-первых, возраст. Согласитесь, нелегко сделать из хошенькой тридцатилетней дивы семидесятипятилетнюю старуху. И дело даже не в том, что проделать этот фокус с Нормой было гораздо проще. Главное, она, в отличие от молодых оперных див, ничего не имела против. Ну и во-вторых, у нее был голос. Как только директор труппы согласился ее прослушать, она получила место.

Нельзя сказать, чтобы ей доставались главные роли. Она играла старых вдовушек, коварных свекровок, скупых трактирщиц, древних предсказательниц — короче говоря, любые роли, подходящие по возрасту и не настолько крупные, чтобы представлять интерес для молодых певиц. Норму это вполне устраивало. Она от души наслаждалась новой работой.

«Ничего себе, — думала она иногда, прыская себе в горло из баллончика, — подумать только! Я — великий Карузо!»

Два года пролетели незаметно. Норма все время боялась, что в ее голосе, учитывая его природу, появятся какие-нибудь неприятные металлические нотки. Но вместо этого он звучал на удивление человечно. «Как выдержанное терпкое вино», — отзывался о нем один критик в Кистоуне. «Блестяще!» — восклицал его коллега в Скоттсдейле. А дальше она и не ездила. В те годы оперный театр испытывал проблемы с финансированием, и труппа не выезжала на гастроли восточнее Амарилло и западнее Нидлса.

Впрочем, Норму не смущало и это. Музыка никогда ей не надоедала, пение не теряло своего манящего блеска. Но однажды, когда она слушала «Риголетто», готовясь к роли Магдалены (читать ноты она так и не научилась), Норма взглянула в зеркало. Выглядит она так же, как всегда, но что происходит у нее внутри? За последние два года голос Нормы не только не ухудшился, но даже развился. Кашель ее больше не мучил. О произошедшем напоминали лишь ежедневная доза FTV из баллончика да два рентгеновских снимка в рамочках на стене.

Норма взгляделась в свое отражение. Не за горами восьмидесятилетие, и это заметно.

«Что там происходит? — думала она. — Я должна была умереть еще два года назад. Я живу чужой, украденной жизнью...»

Где-то в глубине души Норма чувствовала, что крошечные машинки у нее внутри затаились и ждут...

— Чего они ждут? — спросила она у Бена, потягивая кофе. Стоял теплый мартовский день, и они сидели на веранде открытого кафе возле театра. Это был ее восьмидесятый день рождения.

— О чем вы? — Бен смущенно откинулся в кресле. По сравнению с нормальными людьми, он все еще выглядел ужасно худым, хотя за последние несколько лет заметно поправился. Теперь глаза на его лице смотрелись почти пропорционально, да и рот не выделялся так сильно, как прежде. — Разве вы не счастливы?

— Счастлива.

— Тогда не задавайте лишних вопросов.

Норма фыркнула и поболтала ложечкой в чашке.

— Это и есть то чудо, которое вы так жаждали увидеть?

Бен загадочно улыбнулся в ответ.

— Я повидал достаточно.

— Эти наномашинки... Они столько труда на меня потратили — и ради чего? Почему они остановились?

— Из-за FTV.

— Чушь, я в это не верю. По-моему, FTV было всего лишь поводом. Я думаю, они решили остановиться. По каким-то своим причинам.

— Вы считаете их умнее, чем они есть. — Бен зажмурился под веселым солнышком.

— Здесь дело не в уме. — Норма побарабанила пальцами по столу. — Для того чтобы иметь цель, много ума не требуется. А у них есть цель. Как это вы тогда сказали? Мое пение — это *производное* их цели.

— И какова же, по-вашему, эта цель?

— Почем я знаю? Может, отправить шифровку на Луну или послать экспедицию к Андромеде, а может, построить более удобную подземку... — Норма задумчиво помолчала. — Я перед ними в долгу.

— Глупости, вы ничего и никому не должны. Считайте это наградой за праведную жизнь.

Норма хмыкнула. Ее преследовало ощущение проходящего времени, словно у нее внутри работал часовой механизм. Итак, выбор был за ней. Что ж, теперь ей восемьдесят. Когда-то ведь придется сделать выбор... Когда не останется ни зубов, ни ума, выбора у нее уже не будет. Так почему не теперь, когда такая возможность есть?

— Черт подери, — вслух пробормотала она, — я готовилась умереть от рака легких. Чем эти штуки хуже?

Бен встрепенулся:

— О чем это вы?

Норма смотрела вслед велосипедисту, лавировавшему в оживленном уличном движении.

— Я перестала пользоваться ингалятором.

— Когда?!

— Только что.

Результат не замедлил сказаться. Нанороботы только того и ждали. Месяц спустя после прекращения ингаляций Норма проснулась в своей постели и поняла, что не в состоянии дотянуться до телефона. Ленни по дороге на работу заскочил к ней и нашел ее в плачевном состоянии. Врачи «скорой» ходили по комнате, словно в замедленном кино. Когда они еле-еле ташились мимо нее, их руки оставляли следы в воздухе. Аппараты на груди и кислородная маска казались легче пуха. Норма улыбнулась и куда-то улетела...

Очнулась она в больничной палате, с маской на лице и распятым Христом напротив. Взгляд у него был сочувственный — разумеется, настолько, насколько возможно сочувствие, когда висишь, прибитый к кресту железными гвоздями.

Должно быть, ее подключили к каким-то приборам, потому что стоило ей очнуться, как в палату тут же вошла медсестра. Минут через десять появился и доктор Пибоди.

Вид у него был торжествующий. Казалось, он все эти годы мечтал об одном — сказать ей, что время упущено и теперь ее может спасти только операция.

Норма оторвала маску от лица.

— Когда мне можно будет поехать домой? — прохрипела она.

Пибоди окаменел на полуслове. Ради того чтобы увидеть его лицо, можно было потерпеть даже черные пятна перед глазами.

— Мисс Карстейрс... — начал он.

— Да знаю, знаю, — нетерпеливо перебила его Норма, — я умираю. Назначьте мне сиделку, чтобы я могла получать кислород дома. Доктору Пибоди самому, кажется, не хватало воздуха.

— Что-нибудь еще? — ласково спросила Норма.

Пибоди как ветром сдуло.

Как только он исчез, в палату вошел Бен.

— Подождите-ка, дайте, я угадаю. Вы отказались от операции?

Норма кивнула и, истощив запас сил, опустилась на подушку.
— Вытащите меня отсюда. Лучше я умру у себя дома.

Ленни говорил, что ей крупно повезло: пневмония оказалась не слишком серьезной. Боли, которых так боялась Норма, так и не появились. От перспективы потонуть в собственных жидкостях она тоже была милосердно избавлена. Оставалась только сильнейшая и непроходящая слабость. Поднять руку или перевернуться на другой бок казалось почти невыполнимой задачей. Повезло, говорите? Пожалуй...

Ленни переехал к ней. Бен навещал ее ежедневно. Раз в два дня приходила сиделка — помогала ей мыться и проверяла кислород.

Норма постепенно привыкла к кислородной трубке. Не будучи в силах изменить ход событий, эта штука хотя бы облегчала его. Норма представляла, с какой радостью принимали эту помощь ее наноработяги.

— Так значит, это Земля, да? — с улыбкой обратилась она к Бену.
— Земля говорит во мне?

— Теперь я так не думаю, — раздраженно отвечал Бен. — Это просто глупость. Еще не поздно, и вы можете снова начать пользоваться FTV...

Позади него со страдальческим выражением лица стоял Ленни.

— Не уходи, мам... — тихо проговорил он.

— Все уходит, — сказала она спокойно, уплывая вдаль. — И я тоже.

Норма парила над лесом, а может, фабрикой — трудно было сказать наверняка. Мир внизу пребывал в лихорадочном движении. Огромные деревья стремительно росли и переплетались меж собой так густо, что отдельные ветви различить было невозможно. Дороги таяли вдалеке, превращаясь в кусты, а кусты плавно сменялись морем. Воздух наполнился рабочими шумами: перестуком молотков, визжанием пил, людскими голосами. Повсюду в поте лица трудились похожие на паучков существа, а когда Норма пролетала мимо, они оборачивались к ней с тем, что называлось бы улыбкой, будь они укомплектованы необходимыми для улыбки органами.

Прямо из-под земли выросла скамейка. Норма приземлилась на нее.

«Все это я, — думала она, переполненная гордостью. — Каждый паучок, каждая машина и фабрика. Все я».

Потом к ней подсел Энрико Карузо. Не тот грузный, страдающий ожирением Карузо со старых фотографий, а симпатичный и стройный, похожий на Марио Ланца.

Норма взглянула на него.

— Так ты теперь призрак?

Он рассмеялся звучным ванильным смехом.

— Вряд ли. Просто клетки твоего мозга одна за другой умирают, и мы подумали, что это самое меньшее, что мы можем сделать. Все это, — он взмахнул мягкой рукой по направлению к морю, — твой собственный мир. Он не имеет ничего общего с действительностью. Но поскольку это *твой* мир, ты видишь то, что хочешь видеть.

— А-а, — протянула Норма и улыбнулась. Разлитая в воздухе музыка разрешилась темой из «Трубадура» Верди. Эта мелодия была здесь весьма кстати, однако Норме не хотелось петь. Сейчас ей достаточно было слушать. — Ты случайно не знаешь, что сейчас происходит в моей комнате?

Энрико задумался на мгновение.

— Я знаю лишь то, что известно тебе. Ты впала в кому. Ленни рассказывает Бену о том, каким образом ты завещала распорядиться своими останками. Бен изобретателен, так что наверняка все устроит.

— Мы споем им?

— Обязательно. Всей сетью.

— Это то, чего вы хотели?

Энрико пожал плечами:

— Нам этого достаточно. А тебе?

Норма улыбнулась заходящему солнцу.

— Мне тоже.

Спускались сумерки. Океан бледнел в прозрачной пурпурной дымке, а вместе с ним и закат, и наступающая ночь. Все подаренные ей фантазией образы постепенно гасли. Тьма сгустилась, пока Норма вслушивалась в музыку деловитых наномашинков.

— Ты, конечно, этого не увидишь, — с сожалением заметил Энрико, когда наступила ночь.

Желая его успокоить, Норма нащупала его руку в темноте. Рука была теплой и сильной. Она крепко пожала ее и рассмеялась.

— Поживи с мое — и не такое увидишь.

Перевела с английского

Зоя ВОТЯКОВА

© Steven Popkes. The Great Caruso. 2005. Печатается с разрешения журнала

«Fantasy & Science Fiction».

КАЙЛ КЕРКЛЕНД

ТАЙНЫ

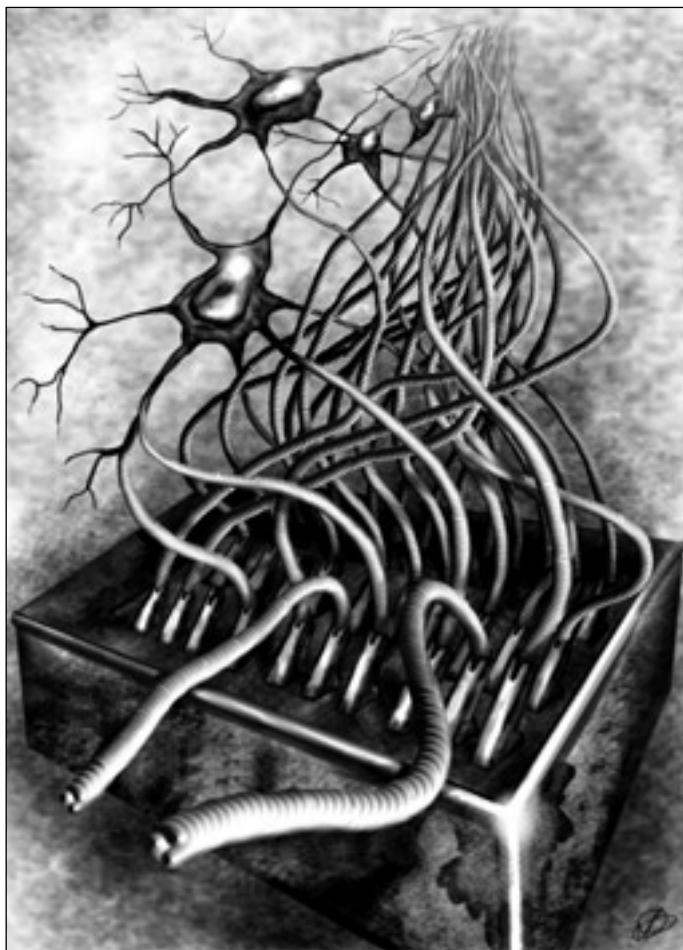

Иллюстрация Людмила ОДИНЦОВОЙ

КОМПАНИИ

Видеомонитор в такси — миллионобаксовая модель широкого обзора с трехмерной графикой и суперчетким изображением. Но я с трудом различал картинку, потому что в крепежной скобе отвинтился пятицентовый винтик, и если долго смотреть на дергающийся экран, начинала кружиться голова. Каждый толчок, каждая встряска, неизбежные в вечерний час пик, провоцировали очередной приступ телеэпилепсии, да такой, что двоилось в глазах.

Монитор был укреплен на потолке под углом сорок пять градусов, и мне пришлось запрокинуть голову, чтобы во всех деталях рассмотреть прибывающие к Массингем-сквер пожарные машины. Я поднял руку и повернул регулятор звука, стоявший почти на нуле. Тот тип, что брал такси последним, должно быть, обзавелся имплантами усиления звука и не выключил их в машине, хотя здесь наверняка не велась беседа, которые стоило бы подслушать.

«...Массингем-сквер, один из старейших и красивейших районов города»...

Краем глаза я заметил, как пролетавший мимо «ниссан» задел мой бампер, — это такси, должно быть, делало сто сорок километров в час или даже больше, — и монитор немедленно выдал серию искажений, смотреть на которые было по-настоящему больно.

Когда осцилляции улеглись настолько, что можно было хоть что-то разглядеть, телекамера снова показала дом, а комментатор тем временем пространно описывал процесс эвакуации. Людской поток продолжал струиться из здания.

Вот тебе и Дейл Хаузер, Инк. Остается надеяться, что никто не пострадал, иначе Дейл попал в крутой переплет. Но даже если здание не сгорит дотла, все равно его бизнесу конец. Финиш, капут, кранты — Массингем находился в его зоне обслуживания, и я готов был голову прозакладывать, что знаю, где он напорточил.

Я закрыл глаза и положил ладонь на снабженный ограничителем акселератор такси. Какая жалость, что все эти такси строго запрограммированы на соблюдение скоростных лимитов! Требуются громадные баксы, чтобы обойти встроенные программы и вести машину самому (громадные для меня, разумеется).

Я колебался.

Нет, я все же мог себе это позволить... просто не был уверен, хочу ли. Полиция и пожарные наверняка справятся с критической ситуацией. Но они не смогут сделать то, что, возможно, сумею я: спасти бизнес Хаузера.

Проблема в том, что день был длинным, и такси уже оказалось на

ничейной земле. Массингем-сквер довольно далеко отсюда: почти в десяти минутах езды. Мой маленький кондоминиум, примостившийся почти наверху синевато-серой башни, манил... а в духовке томился аппетитный сочный ростбиф, к которому полагалось нечто мокрое и восхитительное на вкус. Плюс телевизор: экономический анализ последних тенденций в бизнесе. Может, стоит заглянуть и на канал нудистов «Ньюд Санбейтинг». Или посмотреть хоккей.

Неужели это я? Я хочу спасти бизнес-конкурента?!

— ...ожидают пожарные команды, — договорил комментатор. На экране возник величественный фасад. — Массингем не только большое административное здание, но и жилой комплекс. К счастью, в это время большинство офисов уже опустело. Вой сирен стихает... я вижу на крыше нашу телекоманду... Через несколько минут слушайте репортаж с места событий от Сьюзи Карнелл, Инк.

Разумеется, нужно быть полным психом, чтобы желать спасти бизнес-конкурента. Но следует учитывать и другие факторы.

Я провел кредитной карточкой по считывающему устройству, и панель отошла, открыв акселератор и тормоз. Но тормоз пока мне не понадобится. Я развернулся и ринулся назад, в городские джунгли.

Движение в этом направлении было таким же оживленным, как и в противоположном: та самая орда, что трудилась в предместьях, сейчас возвращалась домой, в город. Почему, спрашивается, эти овцы не живут там, где работают?!

Поглядывая одним глазом на исполняющий джиттербаг* монитор, я подстегивал такси, пока оно не рванулось вперед, то и дело сталкиваясь со стадом идущих впереди машин. Пришлось медленно выбираться из заторов: было уже шесть, время бодаться транспортными средствами. Я смущенно улыбнулся типу, яростно грозившему кулаком, после того как его «кадди», слегка потесненный моей машиной, отлетел к дорожному ограждению.

Мы с Дейлом были однокашниками в бизнес-колледже и окончили его почти в одно время, четыре года назад, хотя он гораздо старше меня. Славный парень, гением, правда, не назовешь: хуже того, он никогда не имел того киллерского инстинкта, без которого не выживет ни одна корпорация. Дейл, вне всякого сомнения, настоящая овца. Типичный работяга, созданный для получения конвертиков с жалованьем в конце недели.

* Американский быстрый танец с резкими движениями под джазовую музыку. (Здесь и далее прим. перев.)

Дейл, как и я, был инфомастером, а следовательно, конкурентом, поэтому я старался отслеживать его шаги. Но в последнее время он стал для меня незаменим еще и по другой причине, поскольку оказался главным источником информации по «ТриСай», у которой был офис в Массингеме. Корпорация состояла из троих ученых экстра-класса, они могли бы помочь мне заработать достаточно денег, чтобы выбраться из ничейной земли и отодвинуть мое собственное грядущее банкротство. Разумеется, после того, как я прижму их за нарушение антимонопольного законодательства и соберу причитающееся вознаграждение. Всем хотя бы раз в жизни нужен прорыв в Большой Бизнес, а это будет моей удачей. Сорванным джек-потом.

В динамике монитора раздался женский голос:

— Сьюзи Карнелл, Инк., ведет репортаж с Массингем-сквер. Я стою как раз за полицейским ограждением на южной стороне здания.

— Надеюсь, уже все под контролем? — спросил комментатор.

— Еще нет. Несколько минут назад я говорила с брандмейстером, и выяснилось, что пожарных по-прежнему беспокоит создавшееся положение. Причина возгорания пока не установлена, а эвакуация не закончена.

На мониторе возник тоненький людской ручеек, по-прежнему вытекавший из дверей здания. Какой-то голый до пояса старик обвел злобным взглядом все вокруг, включая камеру. За ограждением собралась толпа.

Но тут камера показала кое-кого еще, и я понял, что мое сердце уже никогда не станет прежним.

Она была ослепительна! Светлые волосы до плеч, классный загар, гладкая кожа, скулы, глаза — все на своем месте и соответствующего качества. Сьюзи Карнелл, Инк. Должно быть, она недавно в городе: раньше я ее не видел, а она, можете быть уверены, не из тех, кого легко забыть.

— Вижу стробоскопический свет, — объявила Сьюзи. Даже голос у нее сексуальный!

Она перегнулась через ограждение и приложила ладонь ко лбу: в процессе этой операции ее блузка задралась, и я уставился на ее упругий животик.

— Теперь свет стал мигать чаще, — продолжала она.

Смысл ее слов дошел до меня не сразу, но значение было достаточно ясно. Стробоскопический свет начинает мигать с удвоенной частотой, когда электрическое напряжение в здании резко увеличивается. Похоже, времени у меня почти не остается.

Оторвав взгляд от монитора, я поставил акселератор на максимум и вклинился в поток машин. Все мое внимание было поглощено крутыми поворотами вправо-влево, так что я едва успевал раздавать извняющиеся взгляды, когда очередной зигзаг не удавался.

Зато удался маневр в целом. И уже через несколько минут я оказался на спуске к Массингему. Визжа шинами, такси остановилось почти у самого ограждения.

Как ни странно, там никого не оказалось. Оглядевшись, я заметил плотную массу людей, валивших обратно в здание. Пожарные скатывали шланги, складывали лестницы, убирали снаряжение. Зеваки постепенно расходились. Я поднял глаза. Стробоскопический свет погас.

Я даже растерялся. Что это творится? Мерв Данн, Инк., прибыл на помощь. Только, похоже, гроза прошла стороной. Катастрофы не произошло.

Я пораженно вытаращился на Массингем-сквер. Обстановка, можно сказать, нормальная: жильцы вернулись в дом и последняя пожарная команда наконец уехала. Словно ничего и не случилось.

К счастью. Но я никак не мог сообразить почему.

Массингем — одно из самых крутых местечек, эксклюзивное здание для тех, у кого денег куры не клюют и кто не возражает и даже настаивает на том, чтобы расплачиваться мегабаксами за все купленное. Им владели и управляли люди, не любящие перемен: когда ты на первом месте и достиг вершины мусорной кучи, тогда любая (неважно какая) перемена — только к худшему. Так что информационная революция оставила Массингем позади. Хаузер часто и горько жаловался на данное обстоятельство, поскольку это означало, что ему приходилось *вручную* шарить в распределительной коробке. Той самой, которую мне и предстояло найти.

Обнаружить ее было нелегко. Здание окружал небольшой парк, всего футов в сто шириной, но с меня и этого было довольно. Чертова коробка могла оказаться где угодно.

Я посмотрел налево. Ничего. Посмотрел направо и вздрогнул при виде двух копов. Оба бросали в мою сторону подозрительные взгляды. С полицией беда: они хоть и овцы, но зато облечены властью. Странная комбинация, ничего не скажешь.

Я передвинулся влево.

Не то чтобы у меня были большие проблемы с копами. Всё в порядке. Однако неприятно сознавать, что люди, не имеющие делового чутья, дипломов или связей, способны вмешиваться в деятельность корпораций.

Я медленно пошел по парку, шаря глазами в поисках уродливой серой коробки. Она должна быть больше обычного из-за нежелания обитателей Массингема поставить новую проводку. Вернее, нежелания вырвать старую и заменить простой системой подачи питания. Вместо этого Хаузеру пришлось сделать так, чтобы ввод в Массингем был разделен на составляющие: электроэнергия, поток данных, голо-совая почта, цифровые линии, медицинский вход/выход и, что всего важнее, огромное количество спутниковых связей, с помощью которых общается остальной мир. Массингем был динозавром, по-прежнему цеплявшимся за ту далекую эру, когда все передачи шли по раздельным кабелям, а не по одному каналу. Дурацкое расточительство.

Я был почти уверен в причине пожара: рукоделие Хаузера, возможно, было столь же надежным, как и та скоба крепления в такси. Один крошечный толчок, да хотя бы гигантский мусорный грузовик, громыхающий по дороге чуть быстрее обычного, вызывает вибрации в стоящих на земле предметах: и сигнал высокого напряжения неожиданно идет в маленький провод, предназначенный для переноса цифрового импульса в пять вольт. Результатом могут явиться расплавленная изоляция и дым, а возможно, и пожар. Но если случилось именно это, кому удалось все устранить? Нужно быть специалистом, чтобы разобраться с распределительной коробкой. Овцы не знают даже, как открыть кожух. А сам Хаузер был в пригороде — по крайней мере, так доложили мои источники. Пытался заключить какую-то Сделку Века.

Наконец я нашел коробку, спрятанную за детскими качелями.

На крепко запертом кожухе стояло имя Хаузера. Не проблема. Я достаточно хороший инфомастер, чтобы суметь взломать электронную защиту конкурента, особенно если этот конкурент — Хаузер. Менее чем через пять минут мой дата-комп нашел пароль и открыл будку.

Первое, что поразило меня — хаотичная путаница проводов внутри. На работу Хаузера не похоже: пусть мозгов у него не так уж много, но и неряхой его не назовешь. Мое внимание привлек болтающийся провод, старомодная медная штука, кончик которой почернел и оплавился. Я потянулся было к нему, но тут за спиной раздался голос.

— Мистер Хаузер?

На долю секунды, только на долю секунды, я съезжился. Надеюсь, это прошло незамеченным. Но уже до того как повернуться, я знал, кому принадлежит этот голос. Голос, которому предстоит звучать в моих бесчисленных снах. Сьюзи Карнелл, Инк.

— Нет, я не Дейл Хаузер, Инк., — ответил я, оборачиваясь к красотке-блондинке и захлопывая кожух. Ее брови едва заметно припод-

нялись, но лицо немедленно приняло обычное выражение: умное, решительное, страстное, осуждающее.

Я едва подавил порыв пробормотать: «Невиновен, Ваша Честь».

Вместо этого я запел стандартную песню:

— Мерв Данн, Инк. Распоряжаюсь всей основной корпоративной информацией. Информация — мой бизнес, и я готов сделать его вашим. Предоставляем любую информацию.

— Я Сьюзи Карнелл, Инк. Точные и острые новостные репортажи в любое время и по всем каналам. Рада познакомиться, мистер Данн.

— Взаимно!

Я выдал свою лучшую улыбку.

— Видел ваш репортаж о массингемской истории. Хорошая работа. Но я пропустил последний отрезок. Очевидно, все обошлось, но я не понял, каким образом.

— Я тоже. Уверена, что полиции тоже интересно было бы это знать, — заметила она, бросив на меня вопросительный взгляд.

Как бы мне ни хотелось поговорить с ней еще немного, в данный момент благоразумнее всего было убраться. Я кивнул и посмотрел на часы. Но она, очевидно, не собиралась так просто снять меня с крючка.

— Не хотите ли объяснить, почему копались в оборудовании, принадлежащем Дейлу Хаузеру, Инк.?

— Работа по контракту.

Она ответила очередным вопросительным взглядом. Испытующим, оценивающим, прикидывающим. Судя по выражению, выводы оказались неутешительными: Мерв Данн, Инк. — лжец.

— Не против, если я поинтересуюсь, какого рода эта работа?

— Против, и очень.

Я учтиво улыбнулся и шагнул к ней.

— Что ж, мне пора. Рад встрече, Сьюзи. Помните: Мерв Данн, Инк. — вся необходимая вам деловая информация. Расценки предоставляются по первому требованию.

Она молча и довольно долго смотрела на меня, но, очевидно, решила не копать дальше.

— Счастлива была познакомиться, мистер Данн. Когда смотрите новости, в которых все правда, думайте о Сьюзи Карнелл.

Я едва успел повернуться и шагнуть прочь, как меня остановила следующая фраза:

— Значит, вы видели мое шоу. Я в этом городе недавно. Много работала на рынках поменьше, мостила дорогу наверх. Это мой первый серьезный шанс. Вам действительно понравилась передача? — спросила она.

— Еще бы. Особенно когда камера выхватила ваш пупок.

Она злорадно ухмыльнулась. Ну да, мол, так я тебе и поверила, приятель! Чего не было, того не было!

Поэтому я поспешно добавил:

— Классная татушка!

Я успел все разглядеть: красный дракон, голова которого лежит на животе, а хвост показывает на...

Самоуверенность Сьюзи, похоже, несколько поблекла. Я вежливо поклонился.

— Надеюсь, еще увидимся.

Пронизывающий взгляд голубых глаз скрестился с моим: похоже, в нем плясали смешинки, хотя сказать наверняка было трудно. Я все-таки повернулся и двинулся в путь, сильно подозревая, что два маленьких голубых лазера прожигают дыры у меня в затылке.

Всю дорогу до ничейной земли я продолжал думать о репортере с татуировкой-драконом. Приятное путешествие. Примерно на полпути я вспомнил о необходимости задействовать микроволновку с ростбифом.

Жаль только, что съесть его так и не довелось.

Я все-таки добрался до дома и со вздохом облегчения вошел в лифт.

Выйдя на своем этаже, зашагал по коридору. В голове боролись за власть мысли о ростбифе и Сьюзи Карнелл. Но, свернув за угол, я увидел трусившего впереди человека. Достаточно было взглянуть ему в спину, чтобы узнать, кто это.

Я припустил за ним.

— Дейл Хаузер! — завопил я.

И в это мгновение кто-то выключил свет.

Сны были прекрасны. Я и Сьюзи. Вместе. Гуляем по пляжу Малибу, под теплым солнышком, подставляем лица легкому морскому бризу, любуемся чайками, грациозно слетающими в море с длинного ряда нефтяных вышек и нефтеперегонных заводов.

Я и Сьюзи. Вместе. Бродим по Елисейским полям и говорим по-французски, восхищаясь модами и заодно обнаруживая фантастически огромное количество парижан, отчаянно нуждающихся в наших корпоративных услугах.

Разбудил меня мой бот.

— С-с-с-сообщение от Дейла Хаузер-р-р-ра.

Глаза никак не хотели открываться, а левая рука онемела. Оказа-

лось, что я лежу на диване. Я сел и даже умудрился нащупать ногами пол; попытался встать, но не смог. Попробовал еще раз. Не удалось. На третий раз я вынудил бота помочь мне, что он и сделал, перекачившись через правую ступню. Боль оказалась прекрасным катализатором: на этот раз все удалось.

— С-с-с-с-сообщение, — упорствовал мой бот. — От Дейла Хаузер-р-р-р-ра.

— Проваливай.

— С-с-с-с-сообщение от Дейла Хаузер-р-р-р-ра.

Я огляделся. Комната была в привычном состоянии: джунгли после урагана. По крайней мере, ничего важного не пропало. Хотя, честно говоря, во всем доме ничего ценного не было. Особенно это верно в отношении моего древнего, обшарпанного, устаревшего, почти бесполезного бота, за который я все еще не выплатил совершенно живодерские проценты.

— С-с-с-с-с-сообщение от...

Слышал, слышал. Ну ладно, давай!

— Дейл Хаузер-р-р-р-р посылает свои сожаления.

— И?

— Конец с-с-с-с-сообщения.

Превосходно!

Я смутно помнил, как встретил Хаузера в коридоре, но после этого — полная амнезия. Вполне возможно, что именно он ответствен за внезапный провал в памяти и за то, что я оказался лежащим на диване в не слишком удобном положении.

Скорее всего, наша неожиданная встреча оказалась основной причиной того, что мой бедный мозг невероятно распух и готов вот-вот взорваться.

Бот услужливо напомнил мне о важном свидании через «один час-с-с-с-с и девятнадцать минут». Пресс-конференция «ТриСай», первая с образования временного объединения. Там непременно будут Фостер и Эставиа, а может, и Риктер потратится на передачу по спутниковому каналу.

Я нашел душ, зубную щетку, туалет, расческу и пузырек с аспирином.

А также нашел пол. Это случилось после того, как я поспешно выскочил из гардеробной и немедленно налетел на бота, который как раз стоял на пороге. Это вошло у него в обычай: неважно, какой бы чип ни торчал у него в мозгу, чего бы он ни хотел от меня, все равно упорно ждал на пороге той комнаты, где я в этот момент находился.

Когда-нибудь мой бизнес будет иметь оглушительный успех, и я немедленно добуду одну из новейших моделей. Которые действительно работают. Которые не забывают записать новости бизнеса и биржевые бюллетени. Которые могут различать ваш голос, даже когда в комнате полно людей, болтающих одновременно, и не скисают, если вы включаете радио или видеоканал.

— Что тебе нужно?

— Инс-с-с-струкции.

Я вставил в него бухгалтерский чип.

— Просмотри книги. Доходы-расходы за квартал. Ясно?

— Р-р-р-р.

— Да, и еще одно.

Я помедлил у двери и включил сигнализацию. Бот никогда не умел делать этого как следует.

— Пошли сообщение Дейлу Хаузеру, Инк. И передай, что мой адвокат свяжется с его адвокатом.

Как только у меня будут деньги купить адвокатский чип для своего бота.

День выдался прекрасный. Повсюду сновали овцы: играли в теннис, плавали на лодках по реке, гуляли в парках или грелись на солнышке, слушая уличные концерты. Должно быть, здорово.

Рабочих мест с кучей выходных всегда полно. Чтобы получить такое, достаточно желая работать на правительство, на некоммерческие организации или, как иногда бывает, на суперкорпорации, которым одних ботов зачастую оказывается недостаточно. При такой работе можно целыми днями не появляться в офисе.

А можете жить на пособие. Вот они, те налоги, которые с меня дерут. Загорают на солнце.

Что ж, как-никак сегодня суббота! И, полагаю, кто-то должен потреблять товары для отдыха. Довольно развитая отрасль промышленности. Я тоже с удовольствием прогулялся, поскольку до пресс-конференции оставалось девять минут.

Разумеется, овцы всегда жаловались на свое экономическое положение, на то, что не получают достаточно большого куска пирога. Приходилось быть осторожным, поскольку наступил уик-энд, а я надел деловой костюм: овцы поймут, что я принадлежу к корпорации, и некоторые вполне способны выразить свое недовольство метко направленным цветочным горшком из окна.

Большую часть прогулки я глазел в небо. И, как выяснилось, правильно сделал. Потому что успел вовремя отступить в сторону. Гор-

шок пронесся в двух метрах от меня и разлетелся на мелкие осколки. Определить, из какого окна он выпал, было невозможно, но по крайней мере никто не пострадал. Если не считать...

При виде несчастной бегонии, одиноко лежавшей на тротуаре, с корнями, все еще цеплявшимися за комочки земли, я поморщился, швырнул пару долларов ближайшей овце и велел найти место, куда посадить цветок.

Бальный зал отеля, арендованный «ТриСай», кишел народом. Куча репортеров — хотя ни малейшего признака Съюзи — и инфомастеров вроде меня, от которых так и несло деньгами. Но были и ученые, желавшие оставаться в курсе дел конкурентов. Причем успешных конкурентов.

Я не знаком лично ни с кем из тройцы, никогда с ними не встречался, но успел покопаться в их прошлом. Эд Фостер, Инк., был одним из самых богатых ученых планеты, биохимиком, заработавшим первое состояние на patente энзима, который увеличивал количество красных кровяных шариков в крови человека. Это повышало сопротивляемость организма процентов на тридцать, и почти каждый родитель покупал средство для сына или дочери.

Джулия Эставиа, Инк., была, возможно, так же богата, хотя гораздо менее известна, не настолько эффектна и старалась не так лезть в глаза, как Фостер. Физик по образованию, она каким-то образом участвовала в разработке коммерческих систем слежения и навигации.

Самый эксцентричный член трио — Аллин Риктер. Он не был корпорацией, хотя и овцой тоже не считался. Академик. Психолог, специализировавшийся на ощущениях и восприятиях. И большую часть работы выполнял в какой-то нездешней лаборатории.

Вот эти три человека, два бизнесмена и один академик, и должны были стать моей дойной коровой. Эд Фостер всегда выдавал великие идеи, мало того, обычно ухитрялся заставить эти идеи работать. Великие идеи означают большие деньги, и некий процент с добычи «ТриСай» должен пойти пряником в мой карман.

Все, что нужно для этого сделать, — представить доказательства нарушения ими антимонопольных законов. Зацепок — пруд пруди. Хотя очевидные правила для временных научных объединений были соблюдены, у членов «ТриСай» разные специальности, так что следовать *всем* правилам было просто невозможно. Ученые, например, могут вести совместную работу только над одним, строго определенным продуктом, любой обмен информацией на другую тему считается незаконным. Поэтому, если после распада объединения Эставиа пред-

ставит продукт, полученный с помощью остальных (скажем, благодаря небольшому биохимическому открытию, сделанному Эдом Фостером), обоим придется платить немалый штраф, состоящий из некоего процента от продажи любого продукта: как незаконного, так и полученного в объединении.

Давным давно правительство сообразило, что представители органов управления и охраны порядка, побуждаемые либо политическими амбициями, либо туманной идеологией любого рода, либо просто-напросто злобой, как правило, не являются достойными представителями органов управления и охраны порядка. И поэтому правительство, как ни удивительно, выдвинуло довольно жизнеспособную идею: штраф с нарушителей и финансовое поощрение избалованных нарушителей вроде меня. Наделенные умением добывать информацию, инфомастера стали превосходными слугами закона — при условии получения достаточной финансовой поддержки.

Фостер вышел на трибуну с формальным объявлением о создании временного объединения, которое, собственно говоря, уже состоялось недели три назад. Он оказался весьма ухоженным мужчиной с поседевшими сединами висками и здоровым загаром.

— Сегодня индустрия науки сделала гигантский шаг вперед, — говорил он под жужжание мини-камер, после чего сделал одну из своих знаменитых пауз и обозрел комнату с поистине голливудским апломбом. — Повторяю, в наши дни индустрия науки, поистине облагодетельствовавшая человечество всеми мыслимыми способами, делает новый шаг в достижении главной цели, а именно: всеобщего благосостояния, здоровья и рационального образа жизни. Сегодня я счастлив объявить о создании временного объединения...

Примерно в таком же духе продолжалось следующие десять минут. Нужно отдать должное Фостеру, свое дело он знал хорошо: не сказал ничего определенного, и даже упоминания о конечном продукте были на удивление туманными.

— То, чего мы надеемся добиться в «ТриСай», можно с полным правом назвать настоящим чудом. Это открытие много лет было мечтой талантливых ученых и технологов. Мы стремимся найти драгоценные и до сих пор недостижимые методы применения средств биологических связей, внедренных в технические устройства. Клетки, миллиарды клеток, составляют человеческое тело, и каждая клетка — сама по себе механизм, леди и джентльмены. Наша жизнь возможна исключительно благодаря взаимодействию этих клеток. Клетки образуют сети: органы, системы и тому подоб-

ное, причем каждая клетка выполняет определенную работу. Что заставляет их работать? Передача информации на биологическом уровне. Клетки «сотрудничают», передавая друг другу огромное количество сообщений. Цель деятельности «ТриСай» — понять принцип этих связей и создать их технологический аналог. Забудьте об ответственном интеллекте, леди и джентльмены. Интеллект — это не просто куча алгоритмов, не только чистая логика и не обыкновенные вычисления. Интеллект — это умение передавать информацию...

Я поерзал на стуле и оглядел зал. Похоже, несколько человек искренне заинтересовались сказанным, зато остальные явно скучали.

Но я не скучал. Потому что был сбит с толку. Мои инстинкты бизнесмена дружно вопили одно: все это не более чем дымовая завеса. Фостер — хороший политик и знает, как отвлечь внимание от реальных проблем.

И все же... подобные трюки именно здесь вряд ли имели смысл. У троицы нет причин скрывать программу исследований. Мало того, в заявке требовалось указать истинную природу временного объединения. Никто не лжет на этапе создания временных объединений. Ложь начинается позже, когда риск разоблачения не настолько велик.

Под конец мы услышали краткие выступления остальных членов «ТриСай». Место Фостера заняла Эставиа, выглядевшая типичной ученой дамой, каких любят показывать в телесериалах: нечесанные грязноватые волосы, морщины и очевидное презрение к любой косметике. Ее речь длилась ровно три минуты и оказалась перепевом излияний Фостера.

Риктер был еще более краток.

— Я счастлив участвовать в этом благородном предприятии, — заявил он по спутниковой связи. Гигантский монитор в глубине сцены показал мужчину средних лет, говорившего медленно и очень отчетливо. — Точное знание поведения простых клеток в чрезвычайной ситуации приведет к созданию новых высоких технологий, — добавил он и немедленно замолчал, очевидно, предположив, что все слушатели сумеют понять его загадочный комментарий, а если не смогут, что же, тем хуже для них. Этим он очень напомнил мне преподавателя геометрии в моей школе.

В общем, все это обернулось мыльным пузырем, сплошным разочарованием. Большинство присутствующих выходили из зала, задумчиво хмурясь. А я чрезвычайно встревожился, опасаясь, что дойная

корова на самом деле обернулась бедной церковной мышью. Отсутствие продукта означает отсутствие доходов, что, в свою очередь, грозит полным крахом моих надежд.

И когда я собрался уходить, случилось нечто такое, отчего я занервничал еще больше. Случайно подняв глаза, я увидел, как Фостер и Эстасиа дружно плятятся на меня.

Через час после пресс-конференции бот позвонил мне на коммуникатор и сообщил, что Дейл Хаузер просит о встрече. Ну что ж, не будем ему отказывать.

Офис/дом Хаузера находился на седьмом этаже комплекса, всего в нескольких милях от того места, где жил я. Подобно мне и другим недавно оперившимся корпорациям, Хаузеру по карману только жилье на ничейной земле, между предместьем и городом. Процветающие корпорации и ничтожная часть овец, имевших деньги, жили в предместьях, более соответствовавших их вкусам: застройки в тех местах тянулись по горизонтали, тогда как город рос вверх.

Ничейная земля не отличалась ни горизонтальной, ни вертикальной застройкой. Уродливые, приземистые здания, хаотично разбросанные то тут, то там невыразительным лоскутным одеялом, без всякой организации, дизайна или плана, резали даже невзыскательный глаз.

Робот-секретарь в здании Хаузера впустил меня после тщательной проверки моего опознавательного сигнала, посланного с компьютера в моем офисе.

— Последнее время у нас было несколько несанкционированных вторжений, — официальным тоном объявил он.

— Сюда? Вторжения?

Хаузер жил на еще худшей, чем моя, помойке. Выглянув в окно, я увидел результаты одного из проектов общественных работ, которые наше правительство неизменно финансирует. Огромная гора земли. На время это должно занять наших овечек. Кроме того, это обещает новый приток денег налогоплательщиков, идущих через специальные финансовые комитеты, которым предстоит выделять ассигнования на очередной проект: засыпать землей яму, из которой она была извлечена.

Даже растения в вестибюле медленно умирали, а герань в углу просто вопила, умоляя о воде и солнечном свете. Но на ничейной земле солнца не видно: его заслоняют городские небоскребы и дым из пригородных домов. Да кому нужно вторгаться сюда?!

Кряхтевший от старости лифт поднял меня на седьмой этаж, и я

ухитрился найти дверь Хаузера, несмотря на почти неразборчивые, облупленные таблички.

Датчик отреагировал на рисунок пальцев и сетчатки глаза и отпер замок, поэтому у меня сложилось впечатление, что Хаузер по крайней мере помнит о нашем договоре. К сожалению, в доме никого не оказалось. Я обыскал все четыре комнаты и даже сунул нос в чулан. Никаких признаков Дейла Хаузера, Инк.

Но тут я услышал шорох, донесшийся из комнаты, которая, похоже, служила ему офисом и штаб-квартирой.

Я снова отправился туда. По спине пополз холодный озноб.

Снова какой-то неясный шум, похожий на разряды статического электричества. И только сейчас я заметил свет, пробивавшийся между щелями деревянного шкафчика в стенной нише. Открыв дверцу, я обнаружил монитор комма. Две маленькие камеры немедленно повернулись, пригвоздив меня к месту продолговатыми глазами. Я понял: они передают мое изображение на другой конец линии.

— Мистер Данн, — сказал Дейл. На мониторе высветилось его бледное, встревоженное лицо. — Очень хорошо, что вы... э... смогли прийти. Добро пожаловать в штаб-квартиру корпорации Дейл Хаузер, Инк. Благодарю за то, что нашли время уделить мне внимание.

— Брось расшаркиваться, Дейл. Что происходит? И почему вчера ты меня отключил?

— Я... э... ужасно сожалею о событиях вечера семнадцатого числа. Досадная случайность. Я готов предложить небольшую, но вполне адекватную компенсацию за чрезмерную дозу сонного газа, случайно вырвавшегося из моего баллончика...

— Дейл! Нас здесь только двое, верно?

Хаузер судорожно втянул в себя воздух.

— О'кей, о'кей! Ты прав. И я ненавижу деловой протокол. Но никогда не знаешь, кто тебя подслушивает, особенно сейчас. Я до смерти напуган, Мерв. Возьми хоть вчерашний вечер. Ты подошел сзади и окликнул меня. Я растерялся. Честное слово, не сообразил, что это ты. Говорю же, я боюсь, ужасно боюсь!

— Это видно.

Со лба Дейла струился пот.

— Прости, что не мог остаться и подождать тебя в своей штаб-квартире, но я был вынужден выйти. Услышал шум.

— Значит, услышал шум, — саркастически повторил я, но тут же поймал себя на том, что поглядываю по сторонам. Страх малодушно-го Хаузера начинал действовать на нервы.

— Я ничего не могу сделать, как следует, — сообщил Дейл. — Никак не удается угодить этим людям.

— Кому?

— Фостеру. «ТриСай». Кому же еще?! Я закрываю весь свой чертов бизнес. Выхожу из дела. С меня довольно. Аннулирую свою корпорацию и распродаю имущество.

И хотя это был всего лишь Хаузер, я растерялся. Аннулирование дела — метод, не слишком характерный для корпораций. Вернее, совершенно не характерный. Как правило, бизнес кончался только с банкротством или смертью, причем два этих термина обычно считались синонимами.

— Я устал от такой жизни, — продолжал Дейл. — От непрерывной гонки, необходимости постоянно лавировать, от интриг, обмана, политики. Всего.

— Хочешь стать овцой?

— Бе-е-е-е... Бе-е-е-е, — расплылся в улыбке Дейл.

— Значит, действительно решил стать овцой...

Хотя втайне я всегда думал о Дейле как об овце, все же никогда не предполагал подобного поворота событий. Омерзительно.

— Нет ничего дурного в том, чтобы зарабатывать себе на хлеб их способом, — пожал он плечами. — Если можешь найти хорошую должность. А я смогу.

— Сообщаю новость: за хорошие должности идет постоянная драка. Далеко не все овцы в стаде стали овцами, потому что желали свободно пастись на травке. Низкие результаты тестирования погубили большинство из них.

— У меня прекрасное образование.

— Одного образования недостаточно, — возразил я. Неужели Дейл так ничего и не усвоил? — Достойных мест на всех не хватает.

— Поскольку шестьдесят процентов всепланетного валового продукта дают именно работники, всегда найдется место еще для одного. Меня, например.

Я покачал головой. Дейл из тех людей, которые достаточно умны, чтобы сослаться на статистику, но недостаточно сообразительны, чтобы понять истинный смысл цифр.

— Тут ты прав. Шестьдесят процентов ВВП дают овцы. Впечатляющие цифры. Пока не вспомнишь, что этих овец — восемь миллиардов. Остальные сорок процентов — результат работы трехсот тысяч корпораций. Подумай об этом: кем бы ты предпочел быть?

Дейл нахмурился и, помолчав немного, вдруг ответил:

— Полагаю, я предпочитаю быть тем, кто доволен жизнью. — И,

пожав плечами, добавил: — Да, за высокое жалование придется побороться. Но даже эта борьба не настолько жестока, как существование в качестве корпорации.

— Возможно, но...

— А вот теперь мы подошли к тому, зачем я просил тебя прийти. На моем письменном столе ты найдешь кое-какие документы. Копии также будут посланы по обычным электронным каналам, но я хочу быть абсолютно уверенным в том, что они попадут именно к тебе. Прости. В твоём физическом присутствии не было необходимости, но мне от этого как-то легче. Если твой бот, как и мой, привык...

— Больше ни слова. Кстати, где твой бот? Я не заметил его, когда пришел.

— Кто-то его прикончил. Несколько дней назад его пришлось отправить на свалку.

— Прикончил?

Я снова огляделся.

— Послал пять тысяч вольт по каналу связи. Схемы расплавились.

На подобные случаи роботы снабжались фильтрами, выключателями и электронными системами теплозащиты. Но бот Хаузера, скорее всего, был самой дешевой моделью. Двойник моего.

Я понял, что начинаю терять равновесие.

— Но кто на такое способен?

— «ТриСай», разумеется.

— Брось, Дейл. Приди в себя. На кой черт «ТриСай» твой дурацкий бот?

— Ладно, не хочешь — не верь. Мое дело предупредить. В конце концов, это тебе предстоит иметь с ними дело.

Я молча уставился на Хаузера. Дрожь, гулявшая по спине последние несколько минут, начала передаваться в более чувствительные участки моей нервной системы.

— Именно это я и хотел обсудить с тобой, Мерв. Это мое последнее распоряжение, если не считать всей бумажной волокиты по аннулированию корпорации. Когда я решил уволиться, «ТриСай» потребовали замены инфомастера, и я назвал тебя. Похоже, они остались довольны, поскольку велели мне действовать поскорее и заключить сделку. Я перевожу контракт с «ТриСай» на твоё имя.

Я так яростно затряс головой, что в виски снова ударила боль.

— Ни за что! Никакой сделки. Найди кого-нибудь другого. Я пас.

Дейл, казалось, страшно удивился.

— Ты отказываешься от выгодного контракта? Или прошлой ночью я попотчевал тебя слишком большой дозой «Усни скорее»?

— Не волнуйся, с моей бизнес-стратегией все в порядке. Контракт наверняка напичкан запретами — например, совать нос в дела нанимателей. Но я собираюсь прищучить «ТриСай» в тот момент, когда они нарушат антимонопольное законодательство.

Дейл, словно не веря собственным ушам, подался вперед. Выражение испуга в глазах мгновенно исчезло.

— Ты?! Ты собираешься прижать Фостера и Эставиа? — выдавил он, корчась от смеха.

— Что тут забавного?

Но Дейл, кажется, меня не слышал. Слишком уж развеселился. Наконец он вытер слезы и снова обрел голос.

— Я знал, насколько ты амбициозен, Мерв. Должен признать, ты настоящий профессионал. Чертовски хорош в своем деле. Но вот дураком я тебя никогда считал, за исключением тех случаев, когда речь идет о представительницах противоположного пола.

— Я знаю, что делаю.

— Ты слишком импульсивен. И всегда был таким, — улыбнулся Хаузер. — Помнишь Мисс Галактика? В тот раз ты...

— Всего лишь мимолетное увлечение.

— А как насчет красотки, не помню ее имени... той, с кем ты встречался, когда мы заканчивали бизнес-колледж?

Хаузер продолжал зачитывать список, по моему мнению, чересчур длинный.

— А та приятная брюнетка, когда мы были на первом курсе...

— Ничего, кроме бушующих отроческих гормонов. Тогда мы были всего лишь тинейджерами.

— А теперь тебе сколько — двадцать пять?

Дейл помолчал, шурясь на меня.

— Похоже, ты успел приобрести несколько седых волосков, старичок.

— Ничего, покрашусь.

Дейл наградил меня очередным взглядом, в котором сочувствие мешалось с тревогой.

— Вообще-то ты разбираешься в бизнесе куда лучше, чем в женщинах, но с «ТриСай» тебе потребуется все твое умение. Тебе нужно повзрослеть и поумнеть. И как можно скорее.

— Очевидно, ты имеешь доступ к закрытой для меня информации. Не хочешь прошептать мне секрет на ушко?

— Это, сэр, будет нарушением антимонопольного законодательства, — издевательски серьезным тоном объявил Дейл. — А ты знаешь, что я всегда вел свой бизнес в строжайшем соответствии со всеми правилами и нормами.

— Тебе известно также, что охотники за вознаграждением никогда не станут обременять себя такими бедными корпорациями, как мы. Так что нам совершенно необязательно волноваться насчет правил и норм. Пока не разбогатеешь, — отмахнулся я.

— Пока *ты* не разбогатеешь. О'кей, мистер Корпорация. Мистер Инк. Лови свой первый мегабакс. Но знаешь, что думаю я? Думаю, что очень скоро миллиард крошечных кусочков Мерва Данна, Инк., будет разбросан по всей ничейной земле. Единственное, чего ты добьешься, — станешь кормом для стаи бродячих собак и кошек.

— Ты имеешь полное право на собственное мнение. Ну ладно, пора идти. — Я направился к двери. — С собаками и кошками я еще справлюсь. Но не люблю иметь дело с овцами.

— Мерв, подожди. Пожалуйста, — жалобно попросил Дейл.

Что-то в его тоне остановило меня на пороге. Камеры продолжали жужжать и поворачиваться, пока снова не отыскали меня.

— Когда-то мы были друзьями, — продолжал Дейл. — Знаю, что больше этому не бывать. Но я не хочу видеть, как с тобой случится несчастье. Твоя беда в том, что ты свято веришь тому вздору, который нам скармливали в бизнес-колледже. Встроился в систему и не хочешь видеть ее недостатки. А недостатков немало, Мерв. И есть люди, которые их используют. Не так, как мы: обходим кое-какие незначительные правила, если уверены, что сможем выйти сухими из воды. Некоторые корпорации играют так грубо и грязно, что ты просто не поверил бы, если б узнал. Понимаешь, у многих руки по локоть в крови, и чем богаче они становятся, тем крови больше. Предупреждаю: «ТриСай» опасна.

Я кивнул.

— Спасибо за предупреждение. Кстати, я тут хотел спросить: что вчера случилось с Массингемом? Источник тревоги?

— «ТриСай». Больше ничего не случилось.

Я нахмурился. Ясно, что теперь Дейл готов свалить на «ТриСай» все, что угодно.

— Откуда ты знаешь?

— Прямых доказательств у меня нет, но и сомнений тоже. Слушай, в жизни есть вещи похуже, чем быть овцой. — Дейл поморщился. — Честно говоря, предпочитаю быть овцой, чем беспардонным эксплуататором.

— А мне не нравится ни то, ни другое.

По какой-то причине (опять инстинкты) у меня сложилось впечатление, что Дейл что-то скрывает. Но в своем нынешнем состоянии он мне все равно ничего не скажет.

— Еще раз спасибо за совет.

— Без проблем. Удачи, Мерв. Надеюсь, ты избежишь превращения как в овцу, так и волка. А я, очевидно, потерпел крах.

Он выразительно пожал плечами.

— Чему быть, того не миновать. Скажу «ТриСай», что твоя тарелка уже полна и в настоящее время ты не можешь взять еще одного клиента.

Как выяснилось (к моему неподдельному изумлению), «ТриСай» была обижена моим отказом заключить контракт. Я бы сам в это не поверил, но несколько инцидентов меня убедили.

Первый случился утром, на следующий день после моего разговора с Дейлом. Я ловил такси на ничейной земле, что всегда сопряжено с некоторой опасностью. Овцы, жившие здесь, считались беднейшими из бедных, а некоторые к тому же были отчаянно несчастны.

Так или иначе, я вовсе не думал о «ТриСай». На уме были вещи поважнее: Сьюзи Карнелл, Инк.

Давненько я ее не видел, и за это время осознал, до чего же хочу снова с ней встретиться. Умная, хитрая, сексуальная — чего еще желать мужчине?

Найти ее было легко. После нескольких коротких вопросов поисковая программа ТВ выдала ее последний репортаж на девяносто третьем канале. Она интервьюировала какую-то корпорацию, у которой хватило наглости пустить свои акции в публичную продажу. Продавшись овцам, парень получил по заслугам: банкротство и судебный групповой иск.

Судя по всему, интервью скоро закончится, поэтому я помчался к ближайшей стоянке, чтобы взять такси до студии.

Я нажал кнопку вызова, но несколько такси пролетели мимо, очевидно, кто-то успел раньше. Нетерпеливо ожидая следующей свободной машины, я вдруг ощутил странное покалывание и легкой толчок в спину, но решил, что это просто ветер, и не оглянулся. Мой взгляд был устремлен на замедлившее ход такси, которое направлялось прямо к стоянке.

Леди, покидавшая машину, ступила на подножку и пронзительно завопила, показывая на что-то позади меня.

Круто развернувшись, я увидел лежавшего на тротуаре человека. Бедняга, раскачиваясь и тряся головой, пытался подняться.

— Что случилось? — вскричала леди.

— О, ничего особенного, — заверил я, мгновенно сообразив,

что именно сбило его с ног. — Полагаю, всего лишь некоторые переживания. Все обойдется.

Я поднял бумажник парня и нашел удостоверение личности. Алберт К. Бигг, Инк. Прочитал надпись на визитке: «Требуется деловая информация? Вспомните о Бигге. Бигг — это масштабы».

Я уронил бумажник, сел в такси и набрал код места назначения и кредитной карточки.

В жизни не слышал о мистере Бигге, Инк., хотя он, как и я, был инфомастером. Но прекрасно представлял, кто нанял его, чтобы помочь мне взять такси. У меня также не возникло ни малейших сомнений в том, куда бы отправилось это такси, если бы это зависело от мистера Бигга.

Разумеется, от него ничего не зависело, но только потому, что он не знал о моем электрошоковом костюме. Весьма полезная штука — при условии, что вы носите изолирующее белье и туфли с особыми подметками. Костюм выдает довольно чувствительный разряд, если кто-то за него достаточно настойчиво схватится. Повезло моим друзьям, что сейчас при встречах никто уже не хлопает друг друга по спине.

Неужели «ТриСай» вообразила, будто имеет дело с дилетантом? Я не Хаузер. И меня так легко не запугать.

Зато слишком много тревожусь, так что из такси позвонил боту, чтобы проверить, как обстоят дела. Мы обменялись паролями, закодированными приветствиями, и я на всякий случай вошел в домашний комп и еще раз убедился: сигнализация включена.

Такси доставило меня с умеренными потерями: всего несколько шишек и синяков, на этот раз движение было не таким напряженным. Я успел захватить самый конец интервью Сьюзи. Она свернула разговор как раз тогда, когда я прибыл.

Пришлось подождать в глубоком каньоне, образованном высокими зданиями. Я стоял в тени до тех пор, пока она не вышла из студии, что-то торопливо бормоча в коммуникатор и одновременно записывая камеру в висевшую на плече сумку.

— Ты подводишь меня, Барни, — рассерженно тараторила она. — Когда я говорю, что прошу доставить трансфокатор к определенному дню, значит, так и должно быть... не желаю ничего слушать. Только пришли мне трансфокатор, pronto!

Почти сразу мне удалось поймать ее взгляд.

— Не возражаете, если мы потолкуем? — спросил я.

Она немедленно узнала меня, я понял это по глазам. Ха! Она вспомнила! Значит, тоже думала обо мне, так ведь?

Но Сьюзи хмурилась, и я так и не понял, в чем причина: во мне или в том типе, которого она отчитывала по комму.

— В таком случае, завтра, — сказала она в тонкий, как волосок, микрофон мини-наушников. — И попробуйте только снова меня надуть!

— Не хотите пообедать со мной? — улыбнулся я.

Лицо ее мгновенно стало бесстрастным.

— Времени нет, — бросила она, но тут же добавила: — Простите, я действительно очень занята. Что вы хотели, мистер Данн?

Всегда приятно, когда помнят ваше имя. Впрочем, это одна из составляющих работы Сьюзи — запоминать имена, даты, источники. И, разумеется, немало найдется таких, кто готов занять место рядом с ней (а может, уже и нашелся). Что ж, люблю потягаться с соперником.

— Хочу раздобыть у вас информацию, — объяснил я.

— Просто удивительно, как часто я слышу это от инфомастеров.

— О, мы знаем, кого просить. При такой работе, как у вас, невольно слышишь много всякого. Слухи, и все такое.

— Разумеется. Но я не верю и половине того, что слышу. А вторая половина крайне подозрительна, — заметила Сьюзи и посмотрела на часы.

— Не найдется у вас несколько минут, чтобы поговорить со мной о «ТриСай»?

— Новая игрушка Фостера и Эставиа?

— Да. Но не забывайте о Риктере.

— Никогда о таком не слышала.

Сьюзи снова взглянула на часы.

— Прошу прощения, мистер Данн, я опаздываю. Но если проводите меня до машины...

Она показала на подземный гараж в подвале одного из ближайших небоскребов и торопливо пошла вперед.

— Я был на пресс-конференции по случаю образования «ТриСай», — начал я, догоняя ее. — Весьма странное впечатление. По-моему, все это блеф.

Сьюзи искоса взглянула на меня.

— На вашем месте я была бы поосторожнее, мистер Данн. Мне говорили, что мистер Фостер — человек чувствительный. Да и мисс Эставиа не стоит недооценивать.

— Я вполне трезво оцениваю всех троих: Фостера и Эставиа, не говоря уже о Риктере. Поэтому и хочу узнать о них как можно больше.

Снова взгляд исподлобья.

— Охотитесь за наградой?

— Собственно говоря, да.

Лгать не было смысла. Сьюзи уже доказала, что может быть пресходным детектором лжи.

— Итак, вы знаете, что они затевают?

Остановившись у входа в гараж, Сьюзи недоверчиво покачала головой.

— Так молоды и уже пытаетесь загнать крупного зверя? Смотрю, вы своего не упустите.

— О, я бы так не сказал. Могу и поддаться соблазну, особенно если...

Я многозначительно закатил глаза.

— Неужели не шутите? — рассмеялась она. — А теперь простите, мистер Данн, но я действительно опаздываю. И поверьте, ничего особенного о «ТриСай» я не знаю, слухов не помню, ни пикантных, ни иных. Но буду следить в оба. Если из этого можно сделать репортаж, я в деле.

И, вежливо улыбнувшись, скрылась в гараже, оставив меня в гордском каньоне с разбитым сердцем.

Прошагав несколько кварталов, я подошел к остановке, прыгнул в такси и набрал код кредитки, а также координаты моего офиса/дома. Потом развалился на сиденье и снова стал думать о Сьюзи Карнелл, Инк.

Однако довольно скоро оказалось, что такси не имеет ни малейшего намерения отправиться на ничейную землю. Похоже, оно было исполнено твердой решимости ехать в другом направлении и не собиралось позволить управлять собой.

Даже не взглянув на карту, я понял, куда меня везут.

Когда машина остановилась у Массингема, там уже ждали две гориллы.

— Как раз именно сюда мне и хотелось, — заметил я, когда дверца такси скользнула вбок. — Надеюсь, парни, вы не ждете чаевых?

Ни улыбки, ни искорки юмора в глазах. М-да, похоже гориллы не понимают шуток. Меня почти втолкнули в корпоративную штаб-квартиру «ТриСай». Я не сомневался, что здесь уже ждут Фостер и Эставиа: в конце концов это не только их офис, но и жилье, по крайней мере, на срок существования объединения, хотя ученые-богачи наверняка имеют собственность и дома по всему миру. Просто многие утверждали, что Массингем прекрасно умеет заботиться о влиятельных клиентах.

Меня отвели в небольшой конференц-зал, где за столом сидела Эставиа.

— Добрый день, — приветствовала она. — Добро пожаловать в «ТриСай».

— Привет, я Мерв Данн, Инк., и имею доступ ко всем необходимым источникам деловой информации. Информация — мой бизнес, и я смогу сделать его вашим.

Эставиа вежливо кивнула.

— Рада познакомиться, мистер Данн. Я Джулия Эставиа, Инк., специализируюсь в системах слежения и навигации. Назовите любую, и я найду ее.

— Полагаю, вы удивлены моим появлением, — пробормотал я, заметив с некоторым облегчением, что гориллы исчезли. — По правде сказать, я тоже.

— Садитесь, мистер Данн. Мистер Фостер скоро будет, мистера Риктера нет в городе, но с ним можно связаться через спутник.

Она нажала выключатель на какой-то невидимой для меня панели, и с потолка спустился экран комма. Через секунду появился Риктер. Вид у него был скучающий. Я кивнул, но он, похоже, не заметил. Во всяком случае, выглядел он так, словно мыслями находился в миллионе миль отсюда. Возможно, так оно и было.

Эставиа снова взглянула на меня.

— Мы сожалеем о столь нетрадиционном и, вероятно, не слишком приятном способе доставки сюда. Однако с вашей корпорацией тяжело иметь дело. Учитывая вашу молодость, я нахожу это удивительным.

— У меня слишком амбициозная корпорация.

— Это мы знаем.

Эставиа вроде бы прокручивала какой-то документ на считывающем устройстве, но разглядеть получше с того места, где я стоял, не представлялось возможным.

Уставившись на экран, она поправила непокорную прядь седых волос, то и дело закрывавшую левый глаз.

— Преподаватели бизнес-колледжа отметили вашу деловую интуицию и впечатляющее стремление добиться успеха.

— Неужели?

Я изо всех сил старался не выказать удивления.

— Да, хотя своего мнения они, очевидно, вам не высказали. Но для вас как инфомастера вряд ли является новостью тот факт, что люди любят накапливать информацию. Отчеты, оценки, определения, списки, перечни. В наше время информацией может стать все. Полагаю, вам этого объяснять не надо?

Ответить я не успел: в комнату вошел Фостер и, шагнув ко мне, протянул руку. Пожатие было крепким, улыбка — вежливой, глаза... хищными. А Хаузер назвал меня жадным! Все в Эде Фостере кричало о примитивной, неукротимой жажде денег и власти.

И тут мне в голову внезапно пришла опасная мысль. Неужели именно таким человеком я мечтаю стать?

На минуту я потерял уверенность в себе. Хуже того — начал колебаться. А тот, кто колеблется...

— Я как раз обсуждала с мистером Данном вопросы информации, — сообщила Эставиа.

— Кто же лучше него подходит для подобной дискуссии? — отозвался Фостер.

Я кивком поблагодарил его за комплимент. Он сел рядом со мной и откинулся на спинку стула.

— Перейдем к делу? Мы хотим сделать вам предложение, мистер Данн. Думаю, вы найдете его интересным и уж определенно стоящим вашего внимания. Мы изучили ваши анкетные данные, окружение и связи, вашу корпоративную лицензию, вашу деловую практику и считаем, что вы идеально подходите для этой работы.

— Лучше, чем Дейл Хаузер, Инк.? — спросил я.

— Начнем с того, что я с самого начала не желал видеть его на этой должности, — процедил Фостер, бросив раздраженный взгляд на Риктера, который, казалось, совершенно не обращал внимания на происходящее. — Я не слишком высокого мнения о мистере Хаузере.

— Зато о мистере Бигге, похоже, мнение у вас самое лестное.

Фостер смутился. Я взглянул на Эставиа. Та нахмурилась.

— До сегодняшнего дня Риктер поставлял почти всю необходимую информацию, — продолжал Фостер, — для тех мелких проблем, с которыми нам приходилось сталкиваться. Но теперь, когда начинается настоящая работа, пора подумать о профессионалах-инфомастерах.

— Инфомастерах? — повторил я. — Во множественном числе?

— Проект большой. Я бы добавил, многогранный.

— И не имеющий ничего общего с тем, о чем вы говорили на пресс-конференции, — улыбнулся я.

— Это неправда, — вмешалась Эставиа. — По крайней мере в том, что касается внешней стороны дела.

— Кроме того, — добавил Фостер, — мы уже исследовали и создали продукт. Закончили расчеты несколько месяцев назад. Думаю, это настоящий бестселлер, который произведет революцию в средствах связи. Это средство поиска, действующее, как нервная система. Имеет динамические синапсы из пластика, автоматически при-

способливающиеся к различным нагрузкам, пользователям, повреждениям цепи, оно самообучается маршрутам трафика информационного обмена.

— Боюсь, не совсем понимаю. — Я помедлил. — Согласно правилам...

— Да-да, знаю, — вздохнул Фостер. — Но мы постоянно сотрудничаем. Приходится... Иисусе, было бы глупо работать врозь. Признаю, что правила устанавливались с благими намерениями, и думаю, правительство верно поступило, поощряя конкуренцию. Но будем рассуждать здраво. Мы — люди, и как все люди привыкли собираться вместе и вести беседы.

— Но...

Я хотел напомнить, что мы не просто люди, а корпорации, но Фостер меня перебил:

— А теперь, мистер Данн, я вас спрашиваю: кто из нас не имеет по крайней мере нескольких скелетов в шкафу?

— Интересно, почему вы так откровенны? — пробормотал я, неловко ерзая на стуле.

— Насколько мне известно, это именно та добыча, за которой вы охотитесь, — пояснил Фостер, пронизывая меня хищным взглядом. — Но я бы решительно не советовал вам, мистер Данн. Прежде всего вам будет трудно доказать преступный сговор. Более того, вы скоро обнаружите, что цена такого поступка неприемлемо велика.

Он скорбно покачал головой.

— Нет, в этом нет ни малейшей выгоды. И кроме того, крайне неразумно.

— Ты должен дать ему альтернативу Эд, — неожиданно прогремел на всю комнату голос Риктера.

Я удивленно вскинул глаза. Риктер безмятежно взирал на нас со своих высот.

Лицо Фостера едва заметно омрачилось.

— Я как раз подхожу к этому.

— Итак, мистер Данн, — продолжал Риктер, — мы хотели бы предложить вам контракт, который будет выгоден финансово и удовлетворит ваши гражданские чувства.

— Я заинтригован.

— Видите ли... — начал Риктер.

— Видите ли, мистер Данн, — перебила, в свою очередь, Эставиа, бросив извиняющийся взгляд на Риктера, но, несмотря на то, что он явно порывался закончить фразу, пояснила: — В наши дни всякий стремится разработать и изготовить системы, основанные на принци-

пах биологии, однако, уверена, в мире всегда найдется место для физики.

Риктер громко откашлялся.

— Физика во многих отношениях одна из самых фундаментальных дисциплин.

— И мы хотим применить ее, чтобы сделать наше общество как можно более стабильным и экономически устойчивым, — оживленно добавила Эставиа. Я сообразил, что она и Риктер занимались научными аспектами, а на долю Фостера выпала деловая часть проекта. — Именно в этом вы можете помочь нам.

— Каюсь, в колледже я вечно пропускал лекции по физике.

— Но вы, без сомнения, слышали о квантовой механике? — спросила Эставиа.

— Вы никогда не задавались вопросом, — протянул Риктер, — почему атом так устойчив? Почему вращающиеся вокруг ядра отрицательно заряженные электроны не «сбегают» и не притягиваются к положительно заряженному ядру?

Похоже, Риктеру нравилось пространно высказываться по любому вопросу. Возможно, это импонировало его математическому уму.

— Откровенно говоря, я не задавался этим вопросом.

— А следовало бы, — упрекнул Фостер. — Потому что это ответ на вопрос: что делать с овцами всего мира.

— А вот теперь понял, — улыбнулся я. — Вы собираетесь уменьшить овец до размера электрона.

— Мы не шутим, — возразила Эставиа. — Их необходимо разделить на дискретные уровни. Атом так стабилен именно потому, что орбиты электронов дискретны и могут иметь только определенные значения. Они не являются непрерывными. Они не похожи на числовую ось, где числа имеются в каждой и всех точках. Они больше напоминают точки, выстроившиеся в линию.

Риктер снова откашлялся и произнес:

— Идеальное общество, состоящее исключительно из стабильных структур.

— Ну да, — согласился я. — Как кастовая система. Но мне это не кажется таким уж заманчивым.

— Вы неправильно поняли, — покачал головой Фостер. — Мы совершенно не хотим принуждать и ограничивать людей. Никакого тоталитаризма. Люди по-прежнему будут иметь право и возможность двигаться вверх. — И, бросив на меня многозначительный взгляд, добавил: — И падать вниз тоже.

Я немного подумал, прежде чем предположить:

— И все это имеет какую-то связь с информацией, иначе меня бы здесь не было. Полагаю, вы собираетесь манипулировать информацией, проходящей через эти самые интеллектуальные средства поиска. Я не ошибся?

Фостер и Эставиа заулыбались и дружно кивнули.

— Но я не понимаю, каким образом вы планируете достичь этих дискретных уровней.

— Взгляните на дело с другой точки зрения, — посоветовал Риктер. — Скажем, вы участвуете в игре, где обязательно присутствуют судьи, требующие выполнения правил. Учтите тот факт, что во время игры судья, скорее всего, вынесет несколько таких решений, с которыми вы не согласитесь. Позвольте спросить: когда вы вероятнее всего начнете горячо оспаривать наказание, назначенное вам судьей — когда счет в вашу пользу или когда вы безнадежно проигрываете?

— В мою пользу, разумеется. Иначе это уже не имеет никакого значения.

Риктер улыбнулся, очевидно, признав во мне хорошего ученика.

— А теперь рассмотрим следующие сценарии. Когда вы больше расстроитесь — из-за несостоявшегося повышения или плохой оценки на экзамене: если проиграли десятую долю очка сопернику или если цель все равно оставалась безнадежно далека? И подумайте о противоположной ситуации: в каком случае стоит тревожиться за работу — при условии, что ваши оценки всего лишь достигают минимального уровня или приближаются к максимальному?

— Так вот что вы задумали...

Должен признать, это умно. Все оценки, отметки, результаты экзаменов, собеседований, суждения, служебные характеристики — все проходит через каналы связи, потому что как же еще осуществить передачу? А если цифрами оперировать так, чтобы распределение образовывало дискретные группы? Можно манипулировать индивидуальными множествами, можно — известной статистикой... любым способом вы сумеете отнести большинство людей в одну категорию или другую. И поскольку персональные данные в основном конфиденциальны, собираются и распределяются автоматическими системами, никто не думает перепроверять результаты или слишком углубляться в детали. Все слепо доверяют официальным выводам. Но если внедрить в каналы связи то, о чем я только что узнал, тогда все становится ясным, четким и определенным. Меньше неоднозначности — меньше эмоций. Меньше опасных колебаний.

— Полагаю, это можно проделать таким образом, что никто ничего не заподозрит.

— Совершенно верно, овцы ничего не заподозрят, — согласился Фостер. — Но нам нужны специалисты в области информации, чтобы осуществить и поддерживать работу системы. Риктер составил общий план, определил оптимальные параметры распределения. Теперь дело за программистами. Для того, чтобы достичь стабильности, мы просто создаем дискретные распределения.

Эставиа неожиданно просияла.

— Поверьте, мы не собираемся влиять на реальную экономику или чей-то социальный статус. Ни в коем случае. Влияние распространяется исключительно на психологию овец.

— Это очень важно, — вставил Риктер. — Главное отнюдь не действительное состояние мира, а то, что люди воспринимают в качестве состояния.

— Кроме этого важно кое-что еще, — возразил я, уже готовый пояснить, что именно имею в виду, но слово вертелось на кончике языка, а вспомнить его я не мог.

— Красота плана — в легкости его осуществления. — Глаза Фостера хищно блеснули. — Современные системы связи имеют, как вам известно, мистер Данн, всего один канал. Как просто их контролировать! К счастью, прошли те дни, когда бесчисленное количество каналов управлялось бесчисленным количеством компаний и шло по бесчисленным количествам сетей.

— Понятно.

Я снова откинулся на спинку стула. Фостер и Эставиа пристально за мной наблюдали.

— План идеальный, — убеждал Фостер. — Мы сделаем кучу денег и заодно решим проблему овец. Рано или поздно нам все равно придется этим заняться.

— С каждым годом их все больше и больше, — оживилась Эставиа. — Стремительно растущая популяция. Кое-кто из них достаточно компетентен, чтобы сделать небольшой, но необходимый вклад в экономику, однако в целом они вряд ли стоят налогов, которые с нас тянут. И они вечно жалуются, вечно хотят больше. Гораздо больше, чем гарантируют их способности.

— Неприятности с овцами начались с тех пор, как корпорации впервые стали уменьшаться, — добавил Фостер. — Теперь, когда подавляющее большинство корпораций состоит из одного человека, ситуация становится критической. Вы, надеюсь, готовы признать, что это самые невинные меры, которые мы можем принять в отношении потенциальных смутьянов. Нужно каким-то образом держать их в узде, а этот способ куда более человечен и справедлив, чем многие другие.

— Угу.

— Итак, мистер Данн, что вы думаете о нашем проекте? — осведомился Фостер.

— Думаю, что он — дерьмо.

Эставиа негодуяюще выпрямилась, а губы Фостера чуть искривились.

— Это ваша профессиональная оценка? — прошипел он, угрожающе подавшись вперед.

— Так вы о моей профессиональной оценке? Считаю, это вполне может сработать.

Напряжение в комнате немного ослабло.

— Мы рады, что вы встали на нашу точку зрения, — кивнула Эставиа.

— Я этого не сказал.

— Ладно, предположим, что вы еще ничего не решили. Но учтите: если подпишете контракт, получите хорошие деньги. Подумайте.

— А если я откажусь?

— Нет проблем. Надеюсь, нам больше повезет с другими инфомастерами. Ничего страшного — при условии, что сказанное здесь не выйдет за стены этой комнаты. Впрочем, я не могу даже представить, чтобы вы собирались обнародовать конфиденциальную информацию. Вы здоровый человек, мистер Данн, и знаете, как дорого обходится человеческая глупость.

— Разумеется, — кивнул я, поднимаясь. — Счастлив был познакомиться. И вспомните Мерва Данна, Инк., если возникнет необходимость в информации. Расценки предоставим по первому требованию.

Была уже середина ночи, когда я наконец сообразил, что делать.

Нет, я вовсе не размышлял о том, стоит ли подписывать контракт с «ТриСай». Подобного рода дела не для меня.

Честность. Именно это слово я пытался вспомнить на встрече. И, возможно, весьма показательно, что это слово так долго не приходило на ум. Но само *понятие* застряло в мозгу и долго таилось где-то глубоко, в складках коры головного мозга.

Вопрос в том, так ли уж я хотел удовлетворить свое любопытство. Риск велик, возможно, куда больше, чем оно того стоит.

И все же я решил попробовать. Все же оставалось что-то, чего я не понимал... что-то, услышанное мной в офисе «ТриСай», но на первый взгляд не имевшее смысла. Однако я не мог бросить это дело, даже не попытавшись найти ответ.

Поэтому я, таясь, поехал обратно в Массингем. И даже не взял такси: просто попросил приятеля подвезти. Тот высадил меня в нескольких кварталах от здания. Но я не собирался вламываться в их офис. Мне нужна была распределительная коробка.

В маленьком парке было почти темно, что мне на руку. Единственный фонарь, отбрасывающий тусклый желтый свет, находился у входа в здание. Правда, из прикрытых занавесями окон тоже пробивались неяркие лучи.

Коробку я нашел довольно легко, потому что мой дата-комп сохранил название пароля. Только на этот раз я принес с собой кое-что: сверхминиатюрный информационный нюхач.

Еще когда я учился в бизнес-колледже, то вместе с однокурсником разработал опытный образец. Если насадить его на входящий канал связи, он будет шерстить данные, пока не найдет ключевые фразы, на поиск которых был запрограммирован. Затем он передаст копию данных на мой домашний компьютер. Он работает достаточно быстро, чтобы не замедлить скорость потока данных, поэтому никто ничего не заподозрит.

Я запрограммировал прибор на поиск и копирование всех сообщений, предназначенных для «ТриСай». И поскольку Фостер и Эставиа жили тоже здесь, добавил их имена к списку задач.

Все формы связи, личной и деловой, были зашифрованы. А ведь сообщения, как считалось, невозможно перехватить! Правда, лишь наиболее деликатные сообщения были зашифрованы тщательно. Эти коды самого высокого уровня поддавались взлому только с помощью квантовых компьютеров. Обычные сообщения, однако, не стоили подобных усилий, и алгоритмы их кодов были куда менее сложными: люди вполне сознавали, что если даже кому-то удастся их перехватить и взломать код, невелика потеря.

Только вот до них не доходило, сколько всего хороший инфомастер вроде меня может вытянуть даже из самых рутинных данных...

На ум снова пришло слово «честность». Но меня оправдывало то, что на этот раз я имел дело с весьма неприятными людьми.

О'кей, я полагаю, предлог всегда найдется.

Открыв коробку, я посветил туда тонким, как карандаш, фонариком и обнаружил, что болтавшийся провод, замеченный мной раньше, был подсоединен. Мешанина остальных проводов тоже приведен в порядок. Интересно.

Я как раз заканчивал установку прибора, когда сзади раздался голос.

— Нам пора перестать встречаться при подобных обстоятельствах.

Дежа вю. Если не считать небольшой разницы: сейчас я настолько разнервничался, что имел несчастье ударить крышкой кожуха по пальцу.

— О-о-о-й!

— Тихо.

Я ощутил, как меня крепко берут за руку и подталкивают в тень гигантского дуба. Сухая веточка царапнула ухо.

Сьюзи Карнелл, Инк.

И я ничуть не возражал, что она прижимается ко мне всем телом.

— Забавно встретить вас здесь, мистер Данн.

— Счастливейший миг в моей жизни!

— О, в этом я уверена, — хмыкнула Сьюзи, исподтишка оглядывая парк. По-прежнему ни души.

— Эй! Меня только что осенило, — прошептал я. — У вас туфли с заземлением, верно?

— Приходится, поскольку я постоянно имею дело с молодыми корпорациями. Ваши электрошоковые костюмы! Совершенное ребячество...

В темноте блеснули жемчужно-белые зубы. А волосы... насыщенные статическим электричеством, почти белые пряди стояли дыбом. Но даже сейчас она умудрялась выглядеть потрясающе.

— Я кое-что хочу сообщить вам, мистер Данн. До меня дошли слухи. Они касаются определенной корпорации, назовем ее, допустим, Т.С., и некоего инфомастера с инициалами М.Д.

— И что вы слышали? Как М.Д. послал подальше Т.С.? Или предпочитаете рассказать, когда мы доберемся до моего жилища?

— Никуда мы не доберемся. И вы никуда не поедете, разве только в тюрьму, что вполне вероятно.

— Да ну?

Теперь настала моя очередь оглядываться.

— Вам никогда не приходило в голову, что другие люди могут оказаться не менее сообразительными, чем вы?

— Кажется, разок-другой я об этом думал.

Лицо Сьюзи было так близко, что я даже в отдаленном свете уличных фонарей видел тонкие, мягкие волоски на ее щеках. И пахло от нее замечательно... какими-то духами с примесью озона, свежими и чудесными, и поэтому мне никак не удавалось сосредоточиться.

— Вы и представить не могли, что ваша деятельность находится под контролем?

— Они проделали классную работу, угнав мое такси. Думаю, при-

шлось перепрограммировать всю систему, чтобы привезти меня, куда им было нужно. Впечатляюще.

— Так почему вы явились сюда?

— Потому что моя храбрость безгранична.

Откуда-то донесся вой сирен. Похоже, машины были еще далеко, но звуки по городским каньонам распространились мгновенно.

— Полагаю, они вызвали копов.

— Вы правильно полагаете. Когда они явятся и раскопают ту штуку, которую вы туда сунули, вполне могут подумать о вас не очень хорошо. Вам лучше немедленно вытащить ее и надеяться, что вас не обыщут.

— Совершенно необязательно ничего вынимать. Ее не найдут, — ухмыльнулся я. — Он не только почти невидимый, но еще и подвижный. Поглощает часть электричества, как паразит, и использует эту часть для зарядки микроскопических серводвигателей. Маловато, чтобы уничтожить сигнал, но вполне достаточно, чтобы привести двигатели в действие. К этому времени жучок, возможно, успел добраться до антенн приемника. Они могут разобрать всю станцию связи по винтику и ничего не обнаружить.

Сьюзи снова показала жемчужные зубки.

— Похоже, вас недооценили.

— Люди иногда склонны недооценивать гениев. И дорого за это платят.

Сирены выли уже почти рядом. Неприятно.

— Хотите сделать мне одолжение? — спросил я.

— То есть объяснить вам, откуда я узнала, что вы будете здесь?

— Нет... то есть да. Но потом. Сейчас я прошу о другом. Если бы вы попытались их отвлечь, я бы благополучно улизнал.

— А, это! Хорошо. Что же касается первого: видите ли, у меня связи в полиции. Именно так я и узнала, что вы будете здесь. Я отслеживаю все их звонки, а им сообщили о вашем присутствии здесь, в Массингеме. Постарался некий доброжелатель. Видно, у вас немало друзей.

— И не говорите, — вздохнул я, рысцой направляясь к боковой аллее. Но все же обернулся и добавил: — Похоже, я действительно задел кого-то за живое.

— Я скажу, что вы убежали туда, — пообещала Сьюзи, показывая в противоположную сторону.

Но меня это мало волновало. Главное, что я твердо намеревался увидеть Сьюзи Карнелл, Инк., снова. И снова, и снова, и снова.

Я вернулся домой кружным путем, включая совместную поездку в такси с общительной овцой, отработавшей ночную смену и готовой

заплатить по счетчику, если я подробно объясню, как сделать новую проводку в ее доме.

Прибыв наконец домой, я обнаружил, что кто-то послал импульс сверхвысокого напряжения по каналу связи прямо в мою корпоративную штаб-квартиру. Бот, однако, был жив, здоров и бодро шевелил колесами. Спасен собственной устаревшей конструкцией. Бот предположил, что это я дал сигнал приступить к жарке ростбифа, и старательно передал «с-с-с-с-сообщение».

Поэтому у меня по-прежнему имелся действующий бот, но теперь я нуждался в новой микроволновке.

На следующий день я велел боту договориться о встрече с «ТриСай». Они, вероятно, воображают, что я сдался... но их ждал сюрприз.

Всю ночь напролет я анализировал сигналы, идущие в «ТриСай» и обратно. И узнал много чего интересного. Особенно любопытными были аудиосообщения: я записал их на карманный плеер и взял его с собой в Массингем.

Поскольку «ТриСай» явно предполагала, что я ползу к ним, поджав хвост, за собственную безопасность волноваться не стоило. Поэтому я поймал такси и всю дорогу до Массингема думал о проекте «ТриСай».

Может, это не такое уж безумие. По части физики я не уверен, но сама идея не так уж плоха. Меры можно назвать крайними, но отчаянные времена призывают к подобного рода действиям. Каждая корпорация прекрасно осведомлена о проблеме с овцами. Но никто из нас, похоже, не знал, что предпринять. Кроме того, мы не имели права легально заниматься этой проблемой, ведь сотрудничество запрещено, предпринимать согласованные действия невозможно. Я имею в виду *открытые* согласованные действия.

А как насчет правительства? Безмерно раздутое, оно в последние годы настолько переполнено овцами, что стало, скорее, частью проблемы, а не решением.

И все же я не хотел иметь ничего общего с идеей «ТриСай». Хотя манипуляция данными не изменит фактического положения людей, зато изменит их планы, мысли и поведение. А это несправедливо. Я вспомнил, что, когда учился на последнем курсе, встречал на лекциях шестидесятитрехлетнюю старушку, усердно трудившуюся, чтобы заработать лицензию на право стать корпорацией. И почему нет? Но пошла бы она в бизнес-колледж, если бы все, включая результаты тестов, обескураживало ее? Расхолаживало? Лишало надежду?

Кроме того, думаю, «ТриСай» так или иначе поймут, что их план

— решение временное. И едва о нем станет известно (а это рано или поздно обязательно случится), стоит ждать весьма сильной негативной реакции. И я знаю, кто окажется «стрелочником» — уж конечно, не Фостер, не Эставиа и тем более не Риктер. Вот она, истинная причина, по которой им понадобились инфомастеры: им нужны козлы отпущения. Зачем же еще «ТриСай» настаивала на встрече в своем офисе? Они наверняка проделали то же самое с другими рекрутами-инфомастерами. Самый надежный способ обеспечить конфиденциальность беседы.

Такси доставило меня до ближайшей от Массингема стоянки, и остальную часть пути я прошел пешком. Как и ожидалось, детекторы у ворот немедленно подняли тревогу, как только я оказался у входа.

Я был вооружен и очень опасен, поскольку прятал в кармане плеер.

Комитет по приему меня разочаровал, ибо состоял из одной Эставиа.

— Мистер Фостер занят, — сообщила она после того, как меня проводили в тот же конференц-зал. — Но, заверяю вас, он очень заинтересован в вашем ответе. Содержание нашего разговора я передам чуть позднее.

— Нет, думаю, Фостер захочет услышать собственными ушами все, сказанное мной, — возразил я, показывая на монитор комма. — И бьюсь об заклад, что после этого вам настоятельно понадобится поговорить с Риктером. Так почему бы вам не вызвать его сейчас и одним махом не избавиться от кучи неприятностей?

Эставиа нахмурилась и покачала головой. Сальные волосы метнулись взад-вперед.

— Но так не принято, мистер Данн. Подобное поведение не отвечает нашим стандартам.

— Новости, которые я принес, тоже вряд ли соответствуют вашим стандартам, — заверил я, награждая ее своей лучшей корпоративной улыбкой. Эставиа поколебалась.

— Не можете ли вы сообщить природу вашей информации... — начала она.

Я достал плеер и продемонстрировал одну из записей. Менее чем через пять минут в конференц-зал влетел Фостер, а на мониторе спутниковой связи возникла физиономия Риктера.

Фостер недоверчиво уставился на меня, но я спокойно выдержал взгляд.

— Невероятно! — возмутился он. — Хотите сказать, что подслушивали переговоры нашей корпорации? Невозможно!

— Вполне возможно, — поправил я. — Правда, только зашифрованные простыми кодами. Например, в 7:22 утра вы получили сообщения от Ю Му, Инк., касательно некоего электроприбора. Верно?

Эставиа проверила записи. Лицо ее побледнело.

— Кроме того, — добавил я, — в 7:26 вы получили...

— Неважно. — Фостер откинул голову на спинку стула и закрыл глаза. — Я вам верю. Не знаю, как вы это проделали, но факт налицо.

Я уже хотел рассказать ему о своем жучке, но решил, что не стоит. Никогда не выдавай тайны компании.

Из динамика комма донесся голос Риктера. Судя по тону, он нервничал и был близок к отчаянию.

— Если никто не возражает, я вернусь к себе в лабораторию, тем более, что все это, по моему мнению, только отвлекает от работы.

— Я бы не рекомендовала слишком торопиться, — проворчала Эставиа.

— Из-за чего вся эта суматоха? — Риктер опустил глаза, очевидно, сверяясь с часами. — У меня не слишком много времени.

— Речь идет о манипуляторах, — пояснил я. — А именно, об одном манипуляторе. О вас.

Я еще раз прогнал ту запись, которую ранее продемонстрировал ученой даме. Чей-то голос давал указания боту. Боту с речевым управлением, разумеется. Голос очень походил на манеру Эставиа говорить, хотя, если прислушаться, имитация была очевидна. Боту было приказано внести следующие предложения в дневник Эставиа: «Последнее время я постоянно не в настроении. Все думаю, насколько пуста моя жизнь. Разве деньги приносят счастье? Нет, только не мне. Чего-то не хватает. Чего-то осязаемого, того, что можно... любить. Того, что ответит любовью на любовь».

Тот же голос приказал внести еще несколько дополнений подобного рода в дневник Эставиа. Сигналы были посланы непосредственно в квартиру Эставиа и переданы через динамики ее комма. Незвестный, очевидно, получал сведения обо всех ее передвижениях и физиологических процессах: я заметил, что за всем этим последовал поток исходящих сообщений, подозрительно похожих на сигналы медицинского монитора. Команды давались лишь тогда, когда Эставиа либо спала, либо находилась в другой комнате и не могла их слышать.

— Не уверен, что все понял точно, — заметил Фостер.

— Эти слова вносились в мой дневник. Не только прошлой ночью,

— пояснила Эставиа. — Очевидно, все это повторялось последние несколько дней. И учти, я часто перечитываю дневник.

Фостер как-то странно на нее покосился:

— Неужели ты не поняла, что не писала ничего подобного.

Я круто повернулся к нему.

— А вы? Вы всегда помните, что диктовали? Особенно, если пишете много, а к концу дня сильно устаете? Эставиа, ведь именно в это время суток вы обычно работаете с дневником, не так ли?

Она кивнула. Фостер нахмурился.

— Полагаю, вы правы. И я тоже не все запоминаю. Но как же...

Глаза его внезапно блеснули.

— Погодите-ка. Имеет ли это какое-то отношение к книге, которую ты читала?

Эставиа болезненно поморщилась, а Фостер ухмыльнулся.

— Так вот оно что! А я-то никак не соображу... Ты пыталась спрятать от меня книгу, но сегодня утром я подсмотрел название и поразился: это был любовный роман! Джулия, но ты никогда не читаешь любовных романов!

Эставиа вздохнула.

— Не читала. Раньше. Но вдруг подумала... как тосклива моя жизнь. Фразы из моего дневника... те, которые я, как была уверена, надиктовала сама, заронили некие семена...

Она осеклась и медленно опустила голову.

— Хотя Риктер наверняка сможет рассказать вам больше, все и так легко объяснимо, — начал я. — Сила убеждения — вещь сама по себе поразительная, но особенно действенна, когда человек твердо уверен, что идея возникла в его собственном мозгу.

Входящие блоки информации имели один источник, тот же самый, куда шли сигналы с медицинского монитора: Риктер.

— Ну... — протянул Риктер, — Джулия, Эд, я не вижу причин расстраиваться. Все совершенно невинно. Я всего лишь экспериментировал. Был уверен, что Джулия питает тайные желания, и добавления в дневник только подкрепили их.

Из горла Эставиа вырвалось хриплое рычание.

Эд расплылся в улыбке:

— Ну же, Джулия, перестань. Я вполне понимаю твои чувства и согласен, что со стороны Аллина это неэтично и даже незаконно. Но, в конце концов, ничего страшного не произошло.

Я проворно сменил кассету.

— Рад слышать, что вы так считаете, Эд. Значит, сможете спокойно выслушать эту запись. Учтите, она проигрывалась в вашей квартире.

На этот раз зазвучала довольно сносная имитация голоса Фостера, с инструкциями боту Фостера заказать и установить как можно больше зеркал во всех помещениях квартиры.

Фостер ошеломленно вытаращил глаза.

— Я удивлялся... я все гадал... но подумал, что это работа менеджеров Массингема. Мне и в голову не пришло спросить, зачем эти зеркала.

Он перевел взгляд с Риктера на меня, и я заметил, как на его лице промелькнуло нечто вроде страха.

— Но какова цель?!

— Приступить к следующей фазе эксперимента, — усмехнулся я.

— А именно: проигрывать запись в вашей спальне, когда вы спите.

Фостер насторожился, как учувший крысу терьер.

— Запись?

— Совершенно верно.

Я нажал другую клавишу:

— Сообщение, которое повторялось все ночи напролет.

На этот раз голос имел непререкаемый оттенок. Как у человека, облеченного властью.

— Ты обязан делать пробор слева, — твердил он. — Ни в коем случае не справа. С любым другим пробором ты выглядишь непрофессионально. Только слева. Иначе люди не признают тебя высшим человеческим существом. Волосы любого человека естественно ложатся на одну из сторон. У тебя она слева. Если не станешь зачесывать волосы на естественную сторону, окружающие посчитают тебя глупцом.

Эставиа, в свою очередь, искренне развеселилась.

— А я все удивлялась, почему ты ни с того ни с сего стал делать пробор слева! — прыснула она.

Под бронзовым загаром Фостера проступил темный румянец.

— Да как ты посмел так нагло манипулировать мной?! — прошипел он, негодуяще глядя на Риктера.

— А, брось! — отмахнулся тот. — Всего лишь очередной эксперимент. Нужно было провести испытания. Подсознательное восприятие — важная часть нашей жизни, и кроме того, давно доказано, что ощущения за порогом сознания могут регистрироваться в мозгу. Это включает и все, что мы слышим во сне. Но подсознательное восприятие — вещь не слишком мощная: это в середине двадцатого века обнаружили бизнесмены, пытавшиеся впарить рекламу ничего не подозревающей публике. К сожалению, по-настоящему способ так и не сработал. И если уж всерьез манипулировать людьми, значит, необходимо чем-то подкреплять подсознательные восприятия. В этом и за-

ключается роль зеркал, Эд: заставить тебя думать о своей внешности. За те годы, что мы с тобой знакомы, я отметил несколько интересных черт твоего характера. Несмотря на поразительный успех, ты... скажем так, не совсем в себе уверен.

— Я бы посоветовал вам, — зловеще процедил Фостер, — не лезть не в свои дела.

— Эд, Джулия, неужели вы не способны понять? — взмолился Риктер. — Мне был необходим эксперимент в регулируемой среде, и ничего лучшего я не смог придумать. Надеюсь, вы сознаете, что наш проект разделения общества с помощью дискретных распределений всего лишь временная мера? Нужно смотреть вперед. Нам необходимы новые идеи. Я предвижу время, когда всем нам понадобятся более прогрессивные формы управления. Не станете же вы возражать против собственного участия в испытательной фазе нового эксперимента, который позволит раз и навсегда решить проблему с овцами!

Остаток дня и всю ночь я проспал. Во времена студенчества я с легкостью оставался на ногах сутками, но теперь, заимев собственный бизнес, быстро выхожу из строя.

Наутро я без особого удивления узнал, что «ТриСай» распалась. Немногословный пресс-релиз констатировал, что разрыв произошел по причине «разногласий в философских воззрениях». Такое нечасто случается в корпоративной среде. Но, полагаю, Фостер и Эставиа нашли собственное лекарство чересчур горьким.

Риктер, с другой стороны, не проявлял ни малейшего раскаяния, и это настораживало. Именно его тесные связи с инфомастерами, о чем упомянул Фостер при нашей первой встрече, сбивали меня с толку, но теперь я знал, с какой целью он их нанял. Однако у него не хватило ума найти лучших, а может, просто пожалел денег и, вместо того, чтобы нанять компетентных людей, взял первых попавшихся. Они-то и наделали ошибок, когда переделывали устройство маршрутизации для «ТриСай» и в результате едва не сожгли Массингем-сквер.

Сначала я думал, что Риктер, возможно, просто развлекается, используя своих чванливых коллег, но подобные шутки совершенно не в его духе. Риктер — ученый, считавший весь мир своей лабораторией, а людей — подопытными животными.

Лично я не находил ничего забавного в том, чтобы стать морской свинкой Риктера, но помешать ему вряд ли в моих силах. Что я могу сделать в одиночку? Поэтому я избрал образ действий, совершенно

мне не свойственный. Гласность. Публику — как корпорации, так и овец — необходимо предупредить. И я знал человека, который мне в этом поможет.

К тому же это давало мне законный предлог опять увидеться с Сьюзи Карнелл, Инк.

Телевизионное поисковое устройство быстро определило место ее пребывания, и я направился в пригородный парк, где она делала короткую программу о сохранении дикой природы. Пришлось ждать двадцать минут, пока она закончит, зато потом мне сразу удалось привлечь ее внимание.

— Мерв Данн, Инк.! — приветствовала она, укладывая компактное оборудование в сумку. — Рада новой встрече. Насколько я понимаю, в «ТриСай» произошел раскол, причем прощание было не слишком дружеским. Полагаю, ваших рук дело.

— Я действительно сыграл определенную роль, — признался я, осматриваясь. Похоже, нас никто не подслушивал, но я все же нервничал. — Не хотите немного прогуляться по парку? Можем полюбоваться природой. И я расскажу вам нечто пикантное.

— Я очень занята.

Словно чтобы подчеркнуть ее слова, раздалось жужжание: заработал ее канал связи. Сьюзи, нахмурившись, поднесла к губам крошечный микрофон.

— Можно вам перезвонить? — коротко спросила она и, сняв наушники, сложила их и сунула в карман.

Я вопросительно поднял брови.

— Я действительно занята, мистер Данн, но для вас у меня всегда найдется время, — заверила она и, взяв меня под руку, повела по тропинке, выходящей среди буйной растительности и аккуратно подстриженного газона.

Рука и плечо были самым совершенством: упругие и одновременно податливые. Я втянул носом пьянящий аромат ее духов.

Несколько минут мы шагали молча.

— Так вы собирались рассказать мне нечто пикантное, — напомнила Сьюзи. Мы остановились у небольшого ручейка: бурлящая прозрачная струя каскадом падала с уступов, сделанных в виде каменных чаш. Мы уселись на скамью.

И в этой уютной атмосфере, под мелодичное журчание я рассказал ей о грандиозном плане «ТриСай» и экспериментах Риктера, пытаясь держать эмоции в узде и не повышать голос — иное поведение считалось бы непрофессиональным.

Сьюзи слушала, не перебивая.

— Думаю, необходимо что-то предпринять, — заключил я. — Надеюсь, вы поможете.

— Ну... не знаю, — протянула Сьюзи. — Идея, похоже, неплохая, но вы уверены, что она сработает?

Я помедлил.

— Сработает?

— Риктер провалил план «ТриСай», но есть ли гарантия, что кто-нибудь не поставит подножку нам?

— Поставит подножку нам? — медленно повторил я, вопросительно глядя на нее.

— Разумеется, — раздраженно бросила Сьюзи. — Нам придется иметь дело не только с кретинами вроде Риктера, но и с овцелюбами.

— Хотите сказать, что...

— Именно. Понимаю, вы еще очень молоды и, возможно, чуточку наивны. Но в процессе работы мне не раз приходилось сталкиваться с овцелюбами. И поверьте, столкновения были не из приятных. Дело в том, что у нас имеется небольшое количество корпораций, занимающих невероятную неэкономичные позиции. «Овцы заслуживают больше того, что имеют, — твердят эти люди, — овцы нуждаются и в том, и в этом, и в этом...» Их не волнует, что овцы склонны к бесчинствам. Они жалки и ничтожны даже в роли потребителей. Именно они мешают повышению производительности, что перевешивает выгоды, получаемые от их деятельности. И все же они постоянно требуют большего, несмотря на все налоги, которые нам уже приходится платить. Согласна, делать что-то надо, иначе еще немного — и нам придется столкнуться с восемью миллиардами озлобленных неудачников, одновременно сорвавшихся с цепи. Поймите, я считаю, что дело требует серьезных размышлений.

— Ну да, — кивнул я, вставая.

Ужаснее всего, что буквально за десять секунд все мои мечты обратились в прах.

Разлетелись.

Я и Сьюзи. Вместе. Проводим уик-энд в Вейле. Катаемся на лыжах по заснеженным полям. Сидим, обнявшись, у ревушего огня, слушая ежедневные бюллетени о состоянии рынков Скалистых гор.

Я и Сьюзи. Вместе. Мы плаваем в невесомости на космической станции, наблюдая вращение Земли и считая количество континентов, на которых коэффициент нашей прибыли превысил десять процентов.

Растаяло, все растаяло.

— Я дам вам знать. Спасибо, что выслушали. И вспомните Мерва Данна, если возникнет необходимость в информации. Расценки предоставляются по первому требованию.

Я поклялся никогда больше не видеть Сьюзи.

До дома я добрался только через час, потому что ехал самой дальней дорогой.

Я продиктовал боту сообщение. Адресат — Дейл Хаузер.

У меня появилась идея. Стратегия рынка. Бизнес-ниша.

Информационные фильтры. Похоже, очень скоро они станут весьма ходовым товаром. Я нащупал потенциально мощную индустрию с перспективами безграничного развития, огромную, быстро растущую потребность: необходимость мониторинга поступающей информации и каналов связи, с одной стороны, и необходимость блокировки нежелательных сообщений и отслеживания подозрительной деятельности — с другой. Прошли те времена, когда вы могли быть уверены в полной защищенности собственного дома: мир пронизан связями, даже самым сложным и современным ботом можно манипулировать без особых хлопот. Покончено и с альтернативными маршрутами связей: теперь все слилось в общий сигнал, идущий по единой артерии. И, к сожалению, вы уже никак не узнаете, кто контролирует ваш комм.

Но мне понадобится помощь. Не могу же я создать целую индустрию в одиночку. Нужен человек, знающий бизнес, знакомый с техническими аспектами информационных потоков и анализа. Мерв Данн, Инк., возможно, наймет своего первого служащего.

А Дейл был на порядок умнее любого бота.

Наем овцы, однако, считался радикальным шагом. Сьюзи толковала о корпорациях, симпатизировавших овцам, но было и много таких, кто испытывал прямо противоположные чувства. Как, например, Сьюзи.

Так что я прямо-таки напрашивался на неприятности в качестве новой и совсем небогатой корпорации, вопреки моде нанявшей овцу, причем без очевидной необходимости, не говоря уже о том, что вряд ли такая роскошь была мне по карману. Возможно, несколько корпораций немедленно внесут меня в черный список. Да что там несколько — не менее четверти имеющихся в наличии.

Но я предпочитаю нанять овцу, чем быть съеденным волками. Или позволить крысе манипулировать мной.

**Перевела с английского
Татьяна ПЕРЦЕВА**

© Kyle Kirkland. Company Secrets. 2005. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2005 г.

М Э Т Ь Ю Х Ь Ю Э

КОГДА ВНУТРИ

Иллюстрация Александра ЕГОРОВА

ЗАКИПИТ

Плотно прикрывая ладонями уши, Гут Бандар мог выслушивать напевы Лорелей при любой Ситуации без опаски податься чарам. И это радовало, потому что увлечься душераздирающе прелестными голосами означало навеки угодить в ловушку несметных малоизученных Областей коллективного бессознательного, или Общего, как выражались в Институте исторических исследований, адъюнкт-профессором которого недавно сделался Бандар.

На сей раз он охотился уже за седьмой песней сирен — в одной из редко посещаемых Областей, там, где красавицы скрывались за пеленой прототипичного водопада. Прозрачный, искристый поток бил из расщелины в скале, вздымающейся над безмолвным дремучим лесом, и падал в ясный, как небо, пруд. Над брызгами пены играла солнечная радуга. Голоса невидимых Лорелей без единой зацепки влетались в мелодичное журчание струй. Сочетание звуков, рожденных природой и волшебством, придавало песне особую, неповторимую красоту: ее-то и вознамерился запечатлеть и воссоздать Бандар.

В Области он появился неподалеку от водопада, соединительный узел выпустил профессора под сень раскидистого каштана. Сразу по прибытии пришлось напеть определенный мотив, ограждающий гостя от глаз (и прочих органов чувств) местных обитателей.

Любопытно, какие иные существа помимо Лорелей могут водиться в этом уголке Общего? Наверняка печальный Герой, обреченный на гибель обворожительными певуньями; вероятно, в компании незадачливого Помощника или Верного Зверя. Бандар обшарил ближайшие лесные дебри, но никого подобного не встретил. Стало быть, Ситуация уже достигла той точки своего цикла, когда околдованные жертвы благополучно увлечены в пруд и романтически утоплены.

Оградительная мелодия умолкла на губах, и тут же сквозь чашу долетели женские голоса и звонкий плеск воды. Даже на таком расстоянии в еле различимой песне ощущался мощный призыв; не успев опомниться, Бандар невольно шагнул в сторону ее источника и снова занес ногу.

Гут зажал уши ладонями, и звук прекратился. Ботинок замер в воздухе на полпути. Бандар медленно опустил ногу и недвижно застыл, потом с великой осторожностью расслабил сведенные судорогой пальцы. Через тончайшие щели донесся чуть слышный напев; исследователя вновь потянуло вперед, но далеко не так сильно.

Он и шагнул — правда, уже осознанно. Заставил себя остановиться, еще немного раздвинул пальцы. Все отчетливее звенели-журчали

потоки воды и заманчивых женских голосов. Бандар медленно отступил и двинулся в сторону. Теперь между ним и гибельной прогалиной высился твердый, надежный бук. Гут прижался лбом к прохладной, гладкой коре и наконец-то убрал руки от ушей.

Мелодия просочилась в разум, приятно зашекотала изнутри. Припомнив технику, усвоенную в институте, охотник за песнями раздробил свое сознание на части: пока одна из них впитывала каждую ноту, другая без усталы повторяла защитное заклинание. Бандар будто бы отделился от собственного «я», которое так и пылало страстным желанием оторваться от бука, испуганно ринуться навстречу страшному року.

Напев повторялся каждые три минуты, не чаще: голоса умолкали на несколько сердечных ударов и возрождались опять. Строго сосредоточившись на монотонном воспроизведении слогов, Бандар одновременно записывал мелодию в память. Главное, не сравнивать новый образец с уже полученными, иначе легко запутаться.

Еще одно прослушивание... Достаточно. Гут повернулся и, напевая оградительный мотив, углубился в лес. На безопасном расстоянии от водопада исследователь восстановил перед глазами красу и гордость своей памяти — великую карту-глобус Общего, сверился с затейливой сетью цветных линий и точек пересечения и уверенно тронулся влево.

В условном месте Бандар вывел губами три коротких восходящих тона, а в конце — один долгий, нисходящий. Воздух словно подернулся рябью, и впереди раскрылась узкая вертикальная щель. Шагнув сквозь нее, Гут оказался на каменистом берегу между волнами винно-черного моря и старой оливковой рощей. Неподалеку располагалась просека, поросшая диким виноградом и ягодами.

Бандар бывал здесь несколько дней назад: Область явно относилась к разновидности Необитаемых Островов. Удаленные, безлюдные подобия Эдема пользовались поразительной популярностью в мире Общего, обнаруживая извечную тягу человека скрыться от себе подобных и от несметных обязательств перед ними.

Однако тихий уголок привлекал не только возможностью спокойно предаться раздумьям, ибо, кроме прочего, находился всего лишь в одном узле от восьмой и последней Области Лорелей — каменистого островка, окруженного грохочущими бурунами, того самого, где обычная для прельщенных героев гибель среди волн собирала роковой урожай целыми лодками.

Исследователь прошелся по берегу и углубился в рощу, не переста-

вая бормотать под нос оградительный напев. Как знать: и в самые глухие места порой навевались нежданные гости вроде случайного людоеда, чье присутствие раскрывало архетипичный страх человека перед Чужаками. Сколько Бандар ни бродил под зелеными кронами, он так и не обнаружил следов обитания — разве что парочку коз и свиной, которые жадно поедали опавшие плоды древних оливок.

Вернувшись на пляж, Гут присел на плоский валун и погрузил ноги в прохладную воду. На время он оставил защитные ноги и снова взялся повторять определенный набор слогов, чтобы освежить в памяти подслушанную у водопада песню. Даже несмотря на предосторожности, два или три раза Бандар едва не утратил бдительность, чуть было не поддался призывной красоте мелодии, но боязнь навсегда прирасти к месту и вечно слушать одни и те же чарующие звуки, пока Область окончательно не поглотит его, помогала сохранять благоразумие.

Исследователь трезво оценил свое приобретение и остался доволен. В сущности, седьмой экземпляр коллекции явно вторил прежним шести: веский довод в пользу утверждения Бандара о том, что мелодия сама по себе архетипична, что любая ария или рапсодия родились из единого источника, некоей Песни песней человечества.

Если восьмой и последний образец опять совпадет по звучанию с остальными, можно будет смело готовить доклад для ежегодного Великого Коллоквиума, до которого, кстати, остались считанные дни. Гут упорно станет сражаться за признание Песни как первого нового архетипа, обнаруженного за многие и многие века.

Разумеется, Дидрик Гэбрис, этот заклятый академический противник Бандара, не преминет вставить палки ему в колеса. Начнет, пожалуй, цепляться за древнюю, точно мир, избитую фразу: дескать, все, что можно было открыть, ученые давным-давно установили, опознали, обсудили, аккуратно снабдили примечаниями и по большей части забыли напрочь. Но только не Песнь песней, уж в этом Гут не сомневался. После долгих и кропотливых исследований он верил, что сможет вписать в анналы института нечто новое и *неслыханное* (славный каламбурчик!).

И пусть себе Дидрик бессильно скрежешет зубами от злости. Бандар вообразил сладостную картину... Ему это понравилось, и он воскресил ее перед внутренним взором еще раз — правда, слегка дополнив и приукрасив.

Приятные размышления прервал тоненький звук, еле слышное «щелк» прибрежного камешка о другой камешек. Гут вскочил с места

и обернулся. По пляжу, распустив иссиня-черные локоны по плечам и маленькой груди, кралась обнаженная гибкая дева со сверкающими, как изумруды, очами. Ее черты дышали одним лишь глубоким коварством, в руке же покоился длинный оливковый жезл, увенчанный резной головой сатира.

Бандар отшатнулся. Спина уперлась в плоскую скалу. Отступить было некуда. Исследователь разлепил пересохшие губы для особой защитной мелодии, но не успел напеть и первые четыре такта, как потемневшее от старости дерево коснулось его плеча.

Сначала ему почудилось, будто дева внезапно увеличилась в размерах, да так, что глаза ученого очутились на уровне вздымающихся бедер. Шею вдруг свело от жуткого напряжения. Гуту пришлось изогнуть ее, чтобы посмотреть даме в лицо. Оказалось, он упал на четвереньки. В тот же миг Бандар обнаружил, что запахи, которые прежде ощущались очень смутно — слабый аромат моря, высушенных водорослей на берегу, плесени под оливами, благоухание тела нимфы, — заметно обострились и стали намного крепче.

Исследователь опустил больную шею и посмотрел на свои руки. Ладоней больше не было. Пальцы срослись двумя неуклюжими группами, ногти вытянулись и потемнели. «Копыта, — подумал Бандар. — Причем свиные».

Над головой раздался довольный смешок, будто бы озорная девчонка сыграла с ним удачную шутку. Ягодицы пронзила острая боль. Это нимфа огрела ученого тяжелым жезлом. Несчастный бросился под сень оливковой рощи. Новый удар, пришедшийся на то же самое пострадавшее место, заставил его бежать еще быстрее.

— Поторапливайся, свинья, — промолвил мелодичный, но беспощадный голос. — Смешная, аппетитная свинка.

На ляжки обрушился третий удар. Гут завизжал и припустил к роще.

Ноосфера, как, выражаясь научным языком, называли в институте коллективное бессознательное, размещалась в глубинных слоях любой человеческой души. Этот подлинный лабиринт взаимосвязанных Пейзажей, Событий и Ситуаций, лежащих в самом сердце любого мифа, легенды, вымысла или шутки, населяли архетипические образы, непрменная принадлежность людских грез — Мудрец и Дурень, Герой и Разрушитель, Девица, Мать и Старуха, Искусительница, Утешительница и целая уйма других.

Наиболее часто встречались Чародейки, воплощенные во множест-

ве различных мотивов: злобной Лесной Колдуньи, которая делала из заплутавших охотников прислугу в сизой волчьей шкуре; Эльфийской Принцессы, способной усладить влюбленного обожателя все утро, которое тянулось бы земные десятилетия; дразнящей Кокетки, чье волшебство превращало мужчин в животных; ну и островной Нимфы с ее «свинскими» заклинаниями.

Ноонавты вроде Гута Бандара без труда спасались от любой воровки под защитой нескольких условленных нот, известных еще мифическому Поэту, спускавшемуся в Преисподнюю во время оно. Мотив окутывал гостя особым покровом невидимости — вот только напевать его требовалось беспрестанно, а не предаваться беспечно-сти всякий раз, когда одержана воображаемая победа над противником.

Пока Нимфа гнала его к бессловесному стаду свиней, Бандар тушился вывести необходимые такты. Ничего не выходило. В институте, в кабинете для медитаций, материальное тело исследователя тщечно ждало очередного оживления. Сознание, перемещенное в хрюка, заранее подсказывало ученому, что нечеловечий речевой аппарат не сумеет издать ни единого приличного звука. Гигантские уши, шлепающие на бегу по жирным щекам, мучительно восприняли нестройный писк, визг и скрежет — и ничего более. Жалкое подражание оградительному напеву не впечатлило колдунью; разве только дало ей повод еще больше стукнуть жертву жезлом и предостеречь:

— Потише, хрюшка, иначе я не стану ждать, пока ты разжиреешь. Завтра же закопчу твоё брюхо, а голову сварю в котле!

Оливковая роша стремительно надвигалась. Животные ноздри Бандара втягивали незнакомые, новые волны: благоухание перегноя и давленных перезревших плодов под ногами перекрывал резкий запах коз и — внезапно такой притягательный — аромат других свиней. Нимфа загнала добычу в самую гущу стада; скотина потеснилась, недовольно хрюкая и повизгивая, но в то же время глядя на товарища по несчастью печальными, всепонимающими глазами. Впрочем, на новую жертву довольно скоро перестали обращать внимание. Едва лишь хозяйка ударила жезлом по стволу крупного дерева и трясущиеся ветви осыпали землю дождем из тяжелых маслин, как свиньи с алчным фырканьем устремились к еде.

Правда, один особенно тучный хрюк даже не смотрел на угощение. Вместо аппетита его морда выражала дикий страх — не оттого ли, что Нимфа одарила громадину оценивающим взглядом? Чародейка поты-

кала пальцем в пегий, упругий от жира бок и хмыкнула. Решение было принято. Волшебный жезл обрушился на спину откормленного животного, и хряк покорно потрусил по тропинке, которая вводила от рощи куда-то в глубь острова. При этом он так душераздирающе визжал, что только глухой не распознал бы в его истошном вопле нотки подлинно человеческого отчаяния.

Бандар подавил прилив ужаса. Потом напрягся, чтобы унять растущий интерес к сочным оливкам, усеивавшим землю, хотя новый инстинкт кричал ему: «Расталкивай всех, лезь вперед, хватай самые лакомые плоды!».

Сознанию, которое слишком долго оставалось в пределах Общего, грозила прямая опасность раствориться. Даже оградительный напев не помешал бы мифической Области одолеть путешественника, навсегда вписать его в матрицу События или Ситуации.

Сколько исследователей, изучая ноосферу, а также составляя необходимые карты, шли на этот риск — и оказывались безвозвратно поглощенными! Личности ученых вырождались в почти не осознающие себя идиоматические существа, а то и вовсе погибали: случалось, виртуальную плоть пронзали рыцарские копыта, испепеляло дыхание драконов...

Преображение грозило разрушить целостность внутреннего «я» путешественника. Если он не выберется отсюда, то вскоре перестанет ощущать себя человеком. Главное — не забывать, кто ты на самом деле, иначе и впрямь станешь свиньей, жиреющей на маслинах в унылом ожидании ножа и мясницкой колоды.

Внезапно Бандар заметил, что съел немало плодов, обдумывая свою горькую судьбину. К тому же одна молоденькая самочка испускала весьма соблазнительное благоухание, которое все сильнее кружило ему голову. Правда, здоровенный хряк с огромными клыками следовал за нею, как тень. «Любопытно, а у меня большие клыки?» — подумал Гут, ощутив неодолимое желание ударить копытами о землю и гортанным криком вызвать соперника на бой.

«Соберись, Бандар! И выбрось из головы эту свиноматку, пока совсем не оскотинился». Ученому стоило немалых усилий отвернуться от обольстительного аромата и глотнуть не столь приятного, но свежего воздуха. Под ноги подвернулась тропинка, по которой не так давно Нимфа угнала несчастную жертву. «Вот куда ни одна свинья по собственной воле не сунется», — мысленно хмыкнул Гут, отправляясь в опасное путешествие, и сразу почувствовал себя лучше.

Какое-то время тропа бежала по лесистому склону, затем по длин-

ному, просторному лугу, где овцы жевали низенькую траву. Интересно, неужели все четвероногие на этом острове были когда-то людьми? А если да, по своему ли капризу Чародейка превращала странника в то или иное животное? Может, главную роль играло некое внутреннее сходство? При всем желании Бандар не находил у себя предрасположенности к свинству, кроме страстной привычки рыться в академических загадках, откапывая редкие лакомые трюфели вроде песни Лорелей. «А думы-то у меня совсем человеческие», — приободрился Гут.

Как выяснилось, на четырех ногах с копытами легко развить недурную скорость. Луг уже почти закончился, проторенный путь уводил под сень величавых деревьев. Там, за густыми кронами, виднелось внушительное беломраморное здание с изящными колоннами, пилястрами и множеством изваяний. У самых деревьев Бандар покинул тропинку и осторожно тронулся в обход. Вскоре перед ним оказался раскидистый сад с открытым бассейном и фонтаном. Мощеная дорожка спускалась по зеленому склону в пещеру.

Туда и потрусил заколдованный исследователь, еле слышно ступая копытами по камням. Под каменными сводами располагалось уютное ложе из пахучих трав, прикрытых мягкими шерстяными коврами. На постели восседал коренастый мужчина средних лет, рыжеволосый и рыжебородый, лениво созерцая золотую чашу, прежде чем поднести ее к губам. Багровая капля вина скатилась с кончика рта и стекла в борду, однако он ничего не заметил. Ярко-синие как небо глаза по-прежнему задумчиво смотрели в никуда.

«Одураченный Герой, — прикинул Бандар, внимательно приглядевываясь к идиомату. Ни рельефной мускулатуры, ни странных знаков, указывающих на божественное происхождение, разве что шрамы на руках и обнаженной груди. — Устаревший тип, — заключил Гут. — При надобности управляется и с мечом, но чаще наверняка хитрит и изворачивается».

Надо бы вспомнить, чем отличается эта разновидность, и как-нибудь сыграть на ее известных качествах, чтобы снова стать человеком. В ту же минуту, напевая защитный мотив, ученый укроется пеленой невидимости от Нимфы и ее Героя, пока не унесет ноги подальше от легендарной парочки. После чего еще семь особых нот раскроют аварийные ворота, прыжок — и Бандар вернется в недвижимое тело, оставленное в кабинете для медитаций.

В крайнем случае — к примеру, если Чародейка бросится на него с ножом — можно попытаться вызвать ворота, так и не превратившись

в человека. Хотя, конечно, лучше не рисковать. Малоприятно будет обнаружить, что большей частью его душа сохранила свинские замашки. На Старой Земле и без того полно полулюдей-полускотов: возьмем хотя бы Дидрика Гэбриса...

Однако человек на ложе что-то сказал? Кажется, он обратился к незваному гостю в животном обличье?

— Я говорю, чего уставилась, хрюшка? — пожав плечами, идиомат отхлебнул еще вина. — С другой стороны, почему бы нет. Свиньям не запрещено глазеть на Короля.

Бандар постарался скорчить самую что ни на есть умную мину — или рыло? — и произнес:

— Гм-м?

Из-за большой носоглотки междометие получилось определенно похожим на гусиный гогот, но в общем-то прозвучало довольно разумно. По крайней мере, для бессловесного хряка.

— У меня и своих свиней хватает, — промолвил мужчина. — Знаешь, я ведь король целого острова.

Бандар издал тот же звук, слегка изменив интонацию, чтобы вышло нечто вроде: «Неужели?».

— Представь себе, — кивнул Герой. — Да только, веришь ли, я бы с радостью отдал корону и всю свою жизнь прослужил у кого-нибудь свинопасом, лишь бы еще раз увидеть жену и сына.

— Гм-м, — отозвался хряк с ноткой сочувствия в голосе.

— Нет, с этим надо что-то делать, — оживился идиомат. — Пора бы уже построить корабль или еще что.

Ученый повторил свое «Гм-м», на сей раз с оттенком ободрения, побуждения к действию.

Так постепенно между ними завязался разговор — в основном односторонний. Король отпускал замечания, Бандар кивал, крутил хвостом и хрюкал в ответ. Ноонавт был просто потрясен, узнав, как много можно сказать и передать собеседнику, обладая столь убогим запасом средств.

— А ты определенно умное существо, хоть и свинья, — похвалил Герой. — Знал я принцев крови, которым не мешало бы у тебя поучиться... — тут он допил из чаши последние капли и потянулся к золотому кувшину, стоящему на столике у ложа. — Но они только и знают, что дуться на весь свет, прохладаясь в роскошных шатрах, да воровать наложниц.

Идиомат плеснул себе еще вина, поднял чашу и замер, не донеся ее до влажных губ.

— Люблю хорошую беседу. Кажется, я ни с кем как следует не общался вот уже... — мужчина сморщил лоб, пробуя свериться с внутренним календарем, который, будто назло, не поддавался внятному прочтению. — Очень и очень давно, — закончил Герой.

— Гм-м, — откликнулся хряк.

Участие в разумном разговоре, несмотря на все неудобства, все же помогало удерживать новоприобретенную свинскую сущность на расстоянии. А в голове меж тем крутилось главное: как бы обернуть эту встречу себе на пользу? Может, Герой убедит Нимфу отменить заклятие? Да, но как этого добиться? Нелегкая задача для животных мозгов! Бандар настолько увлекся, что пропустил очередной вопрос.

К счастью, идиомат, похоже, обзавелся на острове привычкой повторяться.

— Я говорю: по-моему, мы приплыли сюда с товарищами. Что-то их нигде не видно. Тебе здесь никто не попадался?

Страдальческий визг, раздавшийся неподалеку, заставил собеседников разом встрепенуться. Минуту спустя по дорожке легким шагом спустилась Нимфа, держа в руках золотое блюдо с парой тяжелых кусков сырого мяса. Подойдя к жаровне, установленной на треножнике, дама разворошила угли ножом и раздула яркое пламя. Бандар попятился в подлесок, не в силах оторвать замороженного взгляда, пока она пристраивала блюдо на огне. Острые уши свиньи уловили тихое шипение, а чуткие ноздри немедленно втянули струйку аппетитного дыма, что возносился от жаркого.

— Я принесла угощение, милый, — промолвила Нимфа, не оборачиваясь. — Кое-что вкусенькое. Это восстановит твои силы.

Гут, конечно же, понял, что именно печется там, на углях, и откуда оно взялось. Тот печальный, откормленный хряк... Теперь уже не осталось сомнений и том, какая судьба постигла несчастную команду Короля. Ученый невольно ахнул и содрогнулся.

На беду, умеющая ахать и содрогаться скотина не могла не завладеть вниманием Чародейки. Та повернулась и смерила хряка пристальным взглядом. Ниточки бровей сошлись над острым носом, зеленые глаза полыхнули огнем и недобро сощурились. Бандар припомнил, что все идиоматы, включая безраздельных Областных Правителей, достаточно просто и незамысловато устроены. Они ведь не настоящие, не совсем люди — так, остатки мифов и легенд, из которых, собственно, и возникли. Там, где нормальный человек помедлит и задумается, идиомат мгновенно бросится действовать.

— Какая занятная свинья, правда? — произнес Король, однако Нимфа его не услышала.

Она уже мчалась по лугу с ножом в руке и свирепым выражением на лице, которое однозначно указывало на ее намерения. Бандар повернулся и бросился наутек.

В подлинной жизни исследователь был молодым и здоровым человеком, поэтому превратился в молодого и сильного хряка. Вскоре он выяснил, как перейти от быстрой трусцы к стремительному галопу, хотя по-прежнему не был уверен, созданы ли свиньи для последнего. Разумеется, ноонавту не пришлось на ум остановиться и поразмышлять над этим весьма любопытным вопросом. Когда тебя настигает волшебница, нужно удирать и побыстрее.

Бандар буквально взлетел вверх по склону, продрался через живую изгородь из красиво подстриженных кустов и выскочил на другой просторный луг, где спокойно паслись ослы. Ушастые звери шарахнулись врасыпную; перепуганный хряк прорезал стадо, как нож масло, и ринулся к деревьям, густо растущим не то на высоком холме, не то на низкой горе посередине острова.

Шаги преследовательницы звучали все ближе. Ученый прибавил прыти, но вскоре обнаружил, что ноги свиней годятся больше для спринта, чем для марафонского забега, тогда как нимфы, по-видимому, не ведают усталости.

Позади слышались уже не только шаги, но и жаркое дыхание, когда ноонавт домчался до роши и заметался между деревьями. Неподалеку оказались плотные заросли терна и ежевики, и Гут без раздумий нырнул туда. Острые сучья впивались в бока, однако царапины причиняли толстой свинной шкуре гораздо меньше беспокойства, чем уязвимой человеческой коже. К тому же вытянутая, приземистая и весьма обтекаемая форма тела позволяла, не снижая скорости, ловко уворачиваться от веток.

Нимфа быстро отстала. Где-то вдаль понемногу затихали ее проклятья — к счастью, бессильные до тех пор, пока Чародейка не взяла в руку оливковый жезл.

Бандар углубился в дебри и наконец остановился на крохотной поляне под сводом из крон, увитых колючими лозами. Хряк наострил уши, повел головой из стороны в сторону: не раздастся ли где-нибудь подозрительный шум. Затем широко раздул ноздри. Кажется, никакой непосредственной опасности.

Гут опустил заднюю часть туши на землю. Надо бы пораскинуть мозгами. Зря он надеялся склонить Короля на свою сторону. Рыжебо-

родый идиомат — это же лакомая добыча зеленоглазой Чародейки; можно сказать, ее власть над ним и составляет костяк Ситуации. Кого-кого, а уж Героя Нимфа из рук не выпустит.

Может, схорониться где-нибудь на острове и попытаться вернуть прежнее обличье своими силами? Бесполезно. Во-первых, техника восстановления требовала полностью успокоиться и сосредоточиться — а где уж тут, в таких условиях... И кроме того, в тот единственный раз, когда Гут пытался сделать нечто подобное, он только изуродовал себя до неузнаваемости. Нет, пора признаться: превращение обратно из хряка в ученого ему почти наверняка не под силу.

Лучше добраться до ближайших ворот и перенестись куда-нибудь, где не так опасно. Оттуда найти дорогу в какую-нибудь Область, Хозяин которой владеет доброй магией и согласится отменить проклятие Нимфы. Правда, подобных мест и героев маловато: кошмары встречались в Общем гораздо чаще благостных грез...

Но Гут Бандар имел все средства, чтобы отыскать подобные места. Собравшись с мыслями, он вызвал перед собой виртуальную карту ноосферы. Нелегко всматриваться в затейливую паутину из нитей и пестрых точек, когда взгляд утратил способность воспринимать объемные предметы на близком расстоянии. В конце концов ученый вывернул шею, уставился на глобус одним глазом и принялся составлять план спасения.

Итак, на острове оставались два узла, соединяющих его с другими Областями. Простые однонаправленные ворота в город ночных ужасов, кишашую злом и развратом урбаническую дистопию, смутное подобие порядка в которой поддерживало тесное братство наемных убийц. «Не самое подходящее место для безобидной хрюшки, — решил Бандар. — Те, кому не по вкусу четвероногая пища, охотно тренируются в стрельбе по живой мишени».

Зато второй путь открывался сразу в пять различных Областей, в зависимости от напева, использованного ноонавтом. В том числе и в очень милое королевство странствующих трубадуров и бродячих сказочников. Лучше того: оттуда всего лишь один короткий прыжок до Ситуации, созданной детским воображением — к счастью, не какой-нибудь очередной страшилки, а зимней мечты с веселым Хозяином-Волшебником, которого хлебом не корми, дай наделишь послушных ребятишек подарками и конфетами. Что ему стоит исполнить желание воспитанной маленькой свинки?

Многонаправленный узел располагался на лугу с ослами. Широкое, открытое поле — прямая угроза, особенно если разгневанная Чародей-

ка бродит поблизости. Да и глупо надеяться вывести нужные ноты с первой попытки.

Гут решил пойти на риск, но только с наступлением ночи. А пока можно было «распеться» где-нибудь в глухой чаще.

Полная луна плыла высоко по темно-синему небу, озаряя землю серебристыми лучами. Замерев у края деревьев, Бандар осматривал пустое пространство. Ночное зрение у свиней развито ничуть не лучше человеческого, зато уши и ноздри доставляли море чувственных впечатлений. Ушастые стояли, сгрудившись в кучу, и негромко переговаривались между собой по-ослиному. Нимфы не было видно.

Гут осторожно ступил на ошипанную траву, сделал несколько шагов и остановился. Ни звука. Подкорку защекотала близость соединительного узла. Когда исследователь двинулся в подсказанном направлении, чувство усилилось. Бандар прошел еще немного и снова застыл, присмотрелся, прислушался: опять ничего.

Ворота находились где-то поблизости. Заколдованный ученый потрусил вперед, повторяя про себя условные ноты.

На середине луга он уловил какое-то движение в ослином стаде и обернулся. В гуще животных появилась знакомая стройная фигура. Нимфа! И к тому же с оливковым жезлом.

Резная голова сатира стремительно опускалась на серые спины. Ушастые тут же меняли вид, вытягивались и пригибались к земле. Возбужденный ослиный рев делался все больше похожим на вой, глубокий и протяжный хищный призыв к охоте.

Коснувшись последнего оборотня, Чародейка протянула жезл и прокричала:

— За ним! Разорвать его!

Не дожидаясь, пока превращение завершится, Бандар стрелой помчался к условному месту, где несколько нот могли вызвать ворота прямо из воздуха. Вот только стая мчалась быстрее самого прыткого хряка — она неслась по лугу прямо за ним.

Наконец ученый почуял близость узла и, не успев отдышаться, промычал напев.

Ничего не произошло. Видимо, выводить музыкальные такты на бегу, особенно учитывая, как мало практиковался исследователь в свином вокале, все же не стоило: тембр и интонация непоправимо изменялись.

Бандар застыл, ожидая, когда воздух, наполненный лунным сиянием, подернется знакомой зыбью. Это должно было случиться прямо под носом у ученого. Но ничего не происходило.

Тем временем хищники приближались. Гут уже мог различить ощерившиеся темные морды и пену на острых клыках. От алчного, кровавого рыка по телу хряка прошла дрожь.

Бандар прерывисто перевел дух и снова запел. Волки почти настигли жертву. Вожак припал к земле и мощно прынул; его худое тело описало в полете дугу, конец которой приходился на мягкое горло свиньи.

Воздух поплыл и закачался. Гут метнулся в образовавшийся проход, и хищные зубы звонко щелкнули, упустив добычу. Ноонавт ушел от погони.

Десятки тысяч лет ученые методично исследовали Общее как первоисточник любой легенды или сказания. Поразительное дело: несмотря на то, что каждое его чудо или ужас давным-давно получило ярлык с подробным описанием и заняло свое место в каталоге, среди молодежи ноосфера стала мифом сама по себе. Как будто бы коллективное бессознательное человечества непостижимым образом чувало присутствие чужаков и сердилось, когда они совали нос в разные События и Ситуации.

В самом деле, чем еще можно было бы объяснить столь частые невзгоды, которые обрушивались на путешественников по идиоматическим мирам? Исследователям прошлых лет приходилось перемещаться среди неизученных Областей вслепую, искать дорогу на ощупь, рискуя угодить на обед какому-нибудь великану-антропофагу или червя-убийце. Их бедствия были понятны, но сейчас, во времена подробных карт и расцвета техники безопасности, ноонавты продолжали попадать в смертельные ловушки, если не прямо в зубы чудовищам. Почему Общее очевидно и безжалостно карало за любую ошибку?

В юности Бандар и сам покрывался гусиной кожей, слушая байки институтских товарищей. Годы научили его быть серьезнее. Буквально накануне Гут оборвал неоперившегося второкурсника по имени Чундлмарс, который вздумал потчевать одноклассников подобной ересью.

— Общее, — перебил его профессор, — есть не что иное, как сумма противодействующих сил. Отсутствие всякой цельности — вот его главная черта. Дурень борется с Мудрецом, Герой сражается с Негодяем, Анима бьется с Анимусом. По-вашему, эти разрозненные обрывки человеческого вымысла в состоянии сплотиться во имя единого смысла?

— А как же толпа? — осмелился возразить студент. — Каждый в отдельности не согласен с остальными, но стоит замаячить какой-либо внешней угрозой...

— Поймите же, — вмешался Бандар, — бессознательное, пусть даже трижды коллективное, потому и *бессознательное*, что не способно ощутить само себя, а тем более почувствовать чье-то там вмешательство. Откуда взяться сознанию в бессознательном? Это невозможно по определению.

— Невозможно или невероятно? — заартачился Чундлмарс, впрочем, явно теряя позиции перед несокрушимой логикой преподавателя. — А вдруг мы закрываем глаза на его попытки привлечь внимание просто потому, что не замечаем связи между ними?

Гут презрительно фыркнул и довольно грубым жестом отослал зеленую молодежь куда подальше.

И вот теперь, проникнув через ворота, Бандар ошалело уставился на раскинувшийся перед ним пейзаж; от недобрых предчувствий по спине пробежал холодок. По всем правилам исследователь ожидал попасть в солнечное королевство бардов и трубадуров, но тогда его взору предстал бы замок с башенками и коническими крышами, на вершинах которых весело полоскались бы на ветру гербовые вымпелы с хоругвями, а зеленые лужайки с прозрачными журчащими фонтанами окружали бы деревья, круглые и симметричные, как на детских рисунках.

Вместо этого ноонавта встретили дремучие дебри. Узкая тропка петляла между корявых, спутавшихся корней, увводя сквозь редкие просеки, где темнели убогие хижинки с огородами. Вдали виднелся дом покрепче, со стенами из красного кирпича, шиферной крышей и трубой, над которой лениво струился сизый дымок.

Ни тебе романтических развалин, ни тенистых беседок. Хряк прислушался: где же лютни, флейты, цимбалы? Только две потрепанные вороны каркали на ветке. Чуткий пятачок уловил не ароматы цветов и плодовых деревьев, но слабый запах падали.

«Что за бред?» — удивился Бандар. И опять воспроизвел перед собой карту. Странно: узел оказался еще более многонаправленным, чем он предполагал. Желтый семиугольник посередине круга символизировал ворота, ведущие в семь различных Областей, если спеть условную мелодию в одном ключе, и к семи другим — если опустить голос на целый тон.

Меж тем ноонавт готов был поклясться, что прежде на карте стоял иной знак — зеленый пятиугольник в желтом круге. Как же так? Бандар еще не забыл, насколько тщательно изучал все выходы. Сейчас ему надлежало без боязни пересекать землю сказок и песен, направляясь к детскому зимнему раю. И вот, как ни крути треклятую карту, совер-

шенно не ясно, куда его занесло. Ученый попробовал отыскать все символы, относящиеся к подобным воротам, но линии путались и расплывались, а точки двоились перед глазами, словно увиденные сквозь живой туман.

Понятно одно: места вокруг заброшенные. Так себе, забытое ответвление, приток глухой речушки подсознания. А это означало скудное количество выходов. Возможно, всего лишь один. И никакого выбора.

Неужели он ошибся? Это случилось, но ведь Гут рассчитал каждый шаг с предельной точностью. Позабытый младенческий страх увязнуть в злобных, капризных тенетах Общего выполз на свет из чулана. Усилиями воли Бандар загнал его обратно и мысленно захлопнул дверь. Может статься, свиные зрачки воспринимают графические символы не так, как человеческие. В следующий раз надо быть повнимательнее.

Навострив уши, Бандар медленно покрутился на вершине холма. Сквозь хриплые вопли птиц послышались голоса. Рядом на просеке кто-то оживленно спорил.

Это хорошо: голоса помогут распознать, где же он оказался. Если тихонько подкрасться и понаблюдать за здешними идиомами, легко будет определить их Ситуацию или Событие. А там уже, отыскав свой узел на карте, можно строить дальнейшие планы спасения.

Лес, в котором оказался ученый, относился к разряду Наивно-Приблизительных: скорее нечто «лесоподобное», как выражались в институте, чем реалистичная картина живых деревьев, кустарника и травы. Внешние характеристики пейзажа прозрачно намекали на Ситуацию Класса Четыре: какую-нибудь архетипическую шутку или сказочку для малышей, вероятно, настолько древнюю, что на протяжении многих эпох сюжет неузнаваемо изменился. Хотя здесь, в Общем, ничто не исчезало без следа. Подобно тому, как геноплазма Бандара хранила инструкции по сотворению видов, пропавших с лица Старой Земли миллиарды лет тому назад, коллективное бессознательное тщательно сберегало всякую форму и тип, которые когда-либо вообразил человеческий мозг.

Кстати, ноонавту все же повезло, что он угодил в Ситуацию Класса Четыре. По крайней мере, в таких местах материальное окружение не столь важно, ведь цикл событий вертится вокруг обязательных и непреложных взаимодействий между идиоматическими обитателями.

Хорошо бы история касалась, ну, скажем, свидания между веселой женушкой фермера и наемным работником. Увлеченные друг другом персонажи вряд ли заметят пробежавшую мимо свинью. А вот если

Бандара занесло в историю о мерзком тролле, пожирающем чужую скотину, — тут недолго и до беды: не успеешь оглянуться, как станешь ходячим обедом. Рассудив таким образом, Гут опасливо тронулся вперед, на звук голосов.

Все-таки герои явно о чем-то спорили; слов было не разобрать, но разговор шел на повышенных тонах. К счастью, без враждебности — а значит, почти наверняка без оружия. Бандар подкрался ближе, искусно лавируя в примитивном подлеске. Персонажи называли друг друга «братьями» и, как выяснилось, горячо обсуждали достоинства и недостатки разных методов зодчества. «Парочка ремесленников», — прикинул исследователь, осторожно пробираясь между кустами, взятыми будто из мультфильма.

Острые копытца беззвучно ступали по мягкой, усыпанной листьями земле. Голоса раздавались все отчетливее. Речь шла о крепости какой-то стены. Очевидно, ветер играл в здешнем климате серьезную роль: один из спорщиков доказывал, что стена развалится при первом же дуновении. Другой возражал: дескать, переплетение повышает предел прочности его конструкции. И еще прибавлял: «Где ветла пригнется, там дуб сломается».

Теперь ученого отделяла от героев только листва, сквозь которую проглядывало что-то голубое. Просунув рыло вперед, заколдованный хряк рассмотрел грубую ткань с ярко-желтыми стежками. Так и есть: перед ним рабочие штаны мастерового или крестьянина. Ниже красовался потертый ботинок из кожи.

«Недурно», — успокоился Бандар. Выходит, он забрался в Мудрую Притчу, что-нибудь вроде упрощенного варианта знаменитой дихотомии «Гибкость или Твердость?», где персонажам полагается увлеченно спорить, пока не налетит сильный ветер и не докажет чьей-либо правоты. А до тех пор исследователю надо бы отыскать ворота и унести ноги; что, впрочем, не так уж сложно при скромных размерах Области.

Гут потерял интерес к идиоматам и начал отступать. Но тут возникла непредвиденная трудность. Ноонавт запоздало сообразил, что свиные уши, с которыми так удобно пробираться даже через самую Приблизительную чашу, не созданы для того, чтобы пятиться назад. Одно из них тут же зацепилось за сук. Ветка закачалась, задела вторую, третью, и вскоре затрепетал весь куст, громко шелестя простыми широкими листьями.

— Что это было? — спросил приверженец гибких стен.

— Там кто-то есть, — отозвался защитник прочной кладки.

Первый голос понизился до шепота:

— А если там спрятался Сам-Знаешь-Кто?

Тяжелый посох раздвинул ветви над головой ученого.

— Нет, это гнусное чудовище! — с отвращением воскликнул второй.

— Какая гадость! — ужаснулся его товарищ.

«Бежать!» — пронеслось в голове хряка. Однако Бандар не удержался и поднял глаза. Над ним склонились перекошенные от страха полчеловеческие-полусвиные образины.

— Прикончим его! — решительно, как и полагается идиомату, произнес мистер Гибкость.

Мистер Твердость замахнулся палкой, собираясь исполнить слова брата. Завизжав и вырвавшись из кустов, ученый кинулся наутек. Свинолюди с треском топали следом; оказалось, человеческие ноги способны развивать приличную скорость, особенно когда их хозяев обуревают жажда убийства.

Гут петлял между стволами и скакал через упавшие колоды. Позади неумолимо грохотали шаги. Вскоре враги обескуражили ноонавта неожиданно проявленной смекалкой. Они разделились: первый поспешил отрезать дорогу к отступлению и погнал добычу на второго. При этом оба размахивали увесистыми дубинками.

Увернувшись от удара, который грозил раздробить ему спину, хряк юркнул между ногами нападавшего и вылетел сквозь кусты на залитую солнцем просеку. Путь преградила хижина со стенами из ивовых прутьев и тростника, обвязанного грубой бечевой, и с плотной камышовой крышей. Бандар обогнул угол, чтобы броситься через открытое пространство. Преследователи настигали, беглец уже слышал их сиплое дыхание.

Короткие ноги хряка дрожали, в легких пылал огонь. Может быть, впереди отыщется кустарник погуше? Лучше ежевика: шипы задержат идиоматов, а ноонавта пропустят без труда. Бандар с надеждой завертел головой, однако ничего подходящего не увидел. Свинолюдям оставалось лишь...

Тут на поляну из чащи выбежал третий. Он как две капли воды походил на своих братьев, только и без того уродливую физиономию искажал дикий испуг. Не обратив никакого внимания на Гута, новичок прокричал товарищам:

— Он мчится за мной! Мой домик развалился от первого дуновения!

С этими словами он припустил через просеку в лес. Преследовате-

ли тут же прекратили погоню и бросились следом, разразившись криками ужаса.

Бандар затормозил копытами и встал, тяжело дыша. Ноги подгибались, словно были сделаны из вареного сельдерея. Где-то позади по-немногу затихали торопливые шаги и жалобные вопли удирающих горе-строителей. Но вот послышался новый звук — словно за деревьями все громче пыхтел мотор.

Свинолюди толковали о каком-то ветре. И домик того, третьего, разрушило одно лишь дуновение. Все ясно. Близится архетипическая Буря — стихия, наделенная силой разрушать некрепкие постройки. В общем, никакой опасности для случайного свидетеля с копытами. Успокоенный ноонавт перевел дух. Тем временем шум ветра нарастал.

Неподалеку от Бандара, прямо из тени между деревьями возникла странная фигура в черном рабочем комбинезоне, красной рубашке и высокой, изогнутой шляпе. Идиомат сильно задирает колени и проворно работал на бегу локтями. Ученый чуть не поперхнулся, разглядев его физиономию — длинную морду с клочьями пены, вывалившимся красным языком и хищными, отточенными клыками.

«О, нет! — промелькнуло в голове Гута. — Это не Ветер, но самый настоящий Едок. Точнее, вечно голодный Пожиратель».

Огромные золотистые глаза обратились на хряка, и персонаж, почти не снижая скорости, метнулся за новой жертвой. «Худший подвид, — смекнул ноонавт. — Это Тот-Кто-Сожрет-И-Не-Подавится».

Бандар хотел было кинуться назад, но исходящий голодной слюной преследователь двигался еще расторопнее свиночеловеков, а просека не изобиловала преградами, которые укрыли бы виртуальную плоть от алчущего Пожирателя.

Разве что хижина из тростника?.. У стены высилась груда неиспользованного стройматериала. Ноонавт запрыгнул на этот ворох. Ветки полетели из-под копыт, одна из них удачно угодила Пожирателю по черному набалдашнику носа; идиомат замешкался, потряс головой и тут же снова ринулся в погоню.

Выигранных секунд Бандару хватило, чтобы залезть на плетеную крышу, перемахнуть через конек и скатиться на другую сторону домика. Было слышно, как враг шумно карабкается следом. «Просека слишком широкая, — прикинул Гут. — В лес не успею, догонит».

Ученый оглянулся: дверь хижины оказалась открытой нараспашку. К счастью, не тростниковая, а надежная, из плотно подогнанных бревен. Вот и спасение! Беглец ворвался внутрь и пяточком закрыл тяжелую шеколду. В тот же миг Пожиратель с разбега врезался в дверь сна-

ружи, да так, что косяк затрещал от натуги. Раздался второй удар, но и его могучие бревна выдержали с честью.

Настала мертвая тишина. Приблизив глаз к узенькой щели в плетеной стене, Бандар увидел, что Пожиратель отошел подальше, присел на корточки и пристально рассматривает убежище хряка. Спустя мгновения хищника, судя по его виду, осенило простое решение.

Грудная клетка персонажа принялась раздуваться и сокращаться с невероятной силой, втягивая воздух непомерными глотками. Бандар уже понял, что случится дальше. Не может быть! Значит, перед ним идиомат, невысказанным образом совместивший основные качества Пожирателя и стихийной Бури. Какому безумному творцу мифов, в каком бреде пришла затея сплавить их воедино? А впрочем, не время гадать. Убежище обернулось губительной ловушкой, нужно срочно искать выход.

Сообразив, что свиные копыта должны без труда прокопать утоптанную грязь пола, ученый отошел от стены, за которой усердно раздувался Ветер-Пожиратель, и рьяно взялся рыть землю.

Все-таки ему здорово повезло попасть в Ситуацию Класса Четыре: здешняя почва представляла собой однородную массу без камешков, булыжников и прочих помех. Из-под копыт фонтаном брызнула грязь, и вскоре позади хряка выросла приличная куча, в то время как ямка у стены быстро превращалась в подкоп. Тяжело дыша, ноонавт услышал, как враг за стеной нараспев повелел:

— Впусти меня!

Голос донесся с порывом бурного ветра.

Пожиратель затих и подождал ответа, после чего хижина затряслась, а дверь запрыгала, готовая сорваться с петель. Послышался хруст веток и треск бечевки. Бандар обернулся, опустив голову между ног. И дверь, и толстые брусья опор угрожающе кренились вовнутрь, а стену и вовсе перекосило.

Снаружи опять зафыркало, загудело — это Пожиратель набирал в грудь воздуха для новой бури. Второго дуновения хижине точно не выдержать. Бандар копал все резвее, все отчаяннее, подземный ход рос все быстрее. Вот уже нора увеличилась до размеров хряка, и Гут, извиваясь, пролез туда. Удобные узкие копытца живо скребли землю.

Спустя секунду над головой забрезжил проблеск дневного света. Тонкий луч превратился в пятно и наконец — в полноценную дыру. Стоило Бандару вырваться на волю, как буря разнесла переднюю стену домика в мелкие щепки. Бревенчатая дверь с грохотом повалилась на пол. Боковые стены рухнули наружу, а та, под которой минуту назад корчился ноонавт, сложилась вместе с крышей вовнутрь.

Однако заколдованный ученый уже удирал по солнечной просеке. Позади обманутый враг рылся в развалинах, что-то бормоча под нос и облизывая влажные губы. Не теряя времени, Бандар нырнул в подлесок и с трепетом залег в густом кустарнике.

Пожиратель продолжал расшвыривать обломки в поисках добычи. Но вот он углядел туннель, вырытый копытами беглеца. Хищник припал к земле и обнюхал колею своим длинным носом. Потом, задрав морду, внимательно огляделся. Ноонавт едва не зарылся поглубже в кусты, но, к счастью, одумался; шорох и качающиеся ветки только укажут путь разъяренному хищнику.

Взгляд Пожирателя скользнул мимо Бандара, ничего не заметив. Прошла, казалось, целая вечность. Внезапно персонаж повернул морду в том направлении, куда убежала троица свинобратьев, подпрыгнул и бросился за ними. Подождав, когда враг исчезнет из вида, ученый выбрался из укрытия.

Если он правильно угадал историю, в которую впутался, никто из идиоматов не захочет вернуться в эту часть Области до тех пор, пока цикл Ситуации не завершится, чтобы возродиться в следующий раз.

Бандар вызвал карту Общего, потом со всей тщательностью изучил ее каждым глазом по очереди. Здесь, на залитой ярким солнцем поляне, это было проще, чем в глухих дебрях острова Нимфы. Наконец отыскались ворота, через которые ноонавт сбежал от Чародейки (на них по-прежнему стоял пятиугольник желтого цвета в зеленом круге), и Гут вычислил, где находится. Прищурившись, хрюк разглядел розовато-лиловый символ в форме бриллианта, пересеченного диагональной белой полосой. Похоже, выход недалеко, прямо за домом из кирпича, где хищник, без сомнения, уже взял свинолюдей в осаду.

Ученый свернул карту и задумался над Ситуацией, в которой оказался. Ясно, что это поучительная история для детей, а не противопоставление гибкости/твердости, как ему казалось раньше, очень древний вариант мотива Трех Путников, который, видоизменяясь бесчисленное число раз, то и дело возникал в коллективном бессознательном. В конце концов один из братьев, а скорее, даже все трое, станут обедом ненасытного Едока. Хотя, припомнив, как подействовала буря на хижину из тростника, Бандар усомнился, что хищник сумеет разрушить кирпичную постройку. Так сказать, стихийных силенок не хватит. Тогда, вероятно, свинолюди изловчатся поймать и растерзать чудовище.

Мудрее всего будет понаблюдать за исходом Ситуации, дожидаться неизбежной Паузы и, прежде чем начнется новый цикл, добраться до ворот, которые перенесут его в первобытную прерию. Потребуется,

конечно, проявить ловкость, чтобы избежать встречи с несметными стадами жвачных животных, и особенно с теми, кто на них охотится. А может, все обойдется, и Гут в одиночку пересечет бескрайнюю равнину, похожую на волнующееся зеленое море. Из прерии легко перебраться в Область никогда не стареющих горцев, а уже оттуда в обход — в заснеженную долину, чей радушный Хозяин оделяет гостей щедрыми дарами.

Ученый пустился вниз по тропинке и вскоре увидел перед собой надежный кирпичный дом. Тихонько, под прикрытием подлеска, но на шаг за шагом приблизился к самому краю поляны. Пожирателя нигде не было видно, зато вывеска из крашеного дерева с надписью «Поросенок А», выполненной курсивом, оказалась уже сорвана с двери и отброшена в сторону, на узкую полосу черной земли, откуда торчали цветочные стебли, начисто лишённые лепестков.

«Понятно, — подумал Бандар. — Пожиратель исчерпал свои силы; должно быть, братья уже приканчивают его». Гут осторожно подкрался к закрытому окну и заглянул сквозь щель между ставнями. Троица собралась перед очагом, на котором кипел глубокий черный котел. При этом каменщик держал наготове поднятую крышку, и все смотрели с явным ожиданием куда-то под потолок.

«Ну, разумеется, — осенило ноонавта. — Потерпев поражение, враг ползет в дом через трубу, свалится в котел, окажется под крышкой и в итоге — на столе у Поросят». Пожиратель будет съеден теми, кого собирался слопать. Общее изобиловало примерами подобной иронии.

Ученый спокойно наблюдал, зная, что развязка уже близка. Но вот на его глазах прямо за спинами братьев часть пола вздыбилась и провалилась вовнутрь. Из земли появилась темная когтистая лапа, за ней другая. Поросята по-прежнему ничего не замечали. В комнате показалась морда Пожирателя, потом и все тело. Чудовище облизнулось и щелкнуло зубами. Братья запоздало обернулись, чтобы в ужасе взрваться на хищника, возникшего из пола, — ну да, ведь почва здесь была такой же рыхлой, как и в тростниковой хижине.

Поросята заметались по тесной комнате, визжа от страха. Но дверь оставалась за спиной Пожирателя, и тот продемонстрировал жуткую целеустремленность. Пожалуй, дальнейшее не стоило подробно рассматривать. Бандар отвернулся и ринулся со всех ног — ног усталого хряка — к заветному выходу.

Нет, ученый не опасался погони, ведь Пожирателю и без того хватало забот. Ноонавта пугало другое. Он ни капли не сомневался, что история должна была завершиться как-то иначе. Нечаянно показав чу-

довищу легкую дорогу в поросячий домик, Бандар вмешался в Ситуацию и сбил персонажей с накатанного веками пути.

В институте подобное вторжение обозначали словами «создать дисгармонию». Заставить идиомата повести себя неподобающим образом — то же самое, что бросить увесистый камень в гладкий, точно зеркало, пруд. Исказив исход любой, даже самой невзрачной Ситуации, нарушитель как бы запаливал фитиль огромной пороховой бочки. Сложно предугадать, какими последствиями грозил его легкомысленный поступок здешним обитателям (да никто и не горел желанием это выяснить), только заблудшему одинокому хряку ближайшие минуты не сулили ничего хорошего.

Чутье ноонавта подсказывало: выход рядом. Немного вперед по лесной тропинке, потом через луг... Близость ворот все отчетливее щекотала сознание. Ученый последовал за этим ощущением и вскоре очутился среди мягкой травы и примитивных цветочков. Наконец Бандар нашел место, замер, торопливо вывел условный напев и... ничего. Большие изощренные уши не могли не подметить, как исковеркала каждый звук животная гортань и преувеличенная носоглотка.

Позади раздался какой-то шум. Гут обернулся. В небесах над кирпичным домиком закручивалась темная воронка. Над крышей словно вырос маленький смерч. Едва они соприкоснулись, как в воздух полетели, бешено вращаясь, обломки шифера. Треск и скрежет нарастали. Вот уже ураган разворотил тяжелые перекладки крыши, разметав балки и стропила.

А вот он вонзился еще глубже... Бандар повернулся обратно к воротам и снова напел мелодию. Опять не в тему, сплошная фальшь. Область наполнили рокот и оглушительный стук. Казалось, каждый кирпич поросячьего домика содрогался и бил по другим кирпичам. А смерч завывал и свистел все громче. Лишаясь веток, повсюду стонали деревья, и земля под копытами тряслась, будто загнанный зверь.

Свиная природа — которая, как заметил ученый, усиливалась в нем с каждым приступом страха — не желала думать ни о чем, кроме бегства. Ноонавт заставил себя дышать ровнее, а главное — больше не смотреть назад и постараться не слушать безумный грохот, терзающий чуткие уши.

Что теперь? Надуть толстые щеки... вот так. Поставить язык... вот сюда... И еще попытка. Три нисходящих тона, потом на октаву выше. Даже Чундлмарс управился бы с первого раза! Человеческая сущность исследователя начала по-настоящему злиться, и гнев, казалось, придал ему сил. Воздух послушно задрожал и покрылся рябью.

Прежде чем шагнуть за ворота, Бандар обернулся в последний раз. В конце концов, ни одному из ноонавтов, живущих в его дни, не доводилось наблюдать гибель целой Ситуации, хотя бы и Четвертого Класса. Жаль, не придется похвастать редчайшим опытом — то-то бы Гэбрис облез! — но разве можно лишиться себя подобного зрелища?

В ту же секунду Гут раскаялся в своем любопытстве. Гигантские деревья, с которых сорвало всю листву, пригibasили к самой земле. Домик вдруг завертелся юлой, ряды кирпичей заходили волнами, а в щелях засверкали лиловые и голубые молнии.

Ужасная сила вращала здание быстрее и быстрее; нестерпимые вспышки все чаще резали глаз. Ноонавт разглядел Пожирателя и свинолюдей: их швыряло и крутило в самом сердце смерча, точно тряпичных кукол с мотающимися как попало руками и ногами. Разряды пронизывали тела несчастных, нещадно высвечивая рваные раны и раздробленные кости. Сквозь рев урагана Бандару почудился гул безумной динамо-машины. Гудение превратилось в жалобный стон, потом в душераздирающий визг и продолжало набирать высоту, пока даже свиные уши не отказались воспринимать его.

«Нехорошо», — помрачнел ученый. И кинулся к воротам. Однако промедление оказалось роковым. Взрыва он так и не услышал. Воздушная волна сбила хряка с копыт, подбросила, швырнула через трещину в пространстве и, кувыркая, покатила по зеленой прерии. В открытые настежь ворота со свистом врывались вихри, били в упор лучи антисвета.

С трудом поднявшись на ноги, ноонавт побрел против ветра обратно к узлу. Мелкие осколки сыпались градом, нанося, однако, не очень чувствительные удары, хотя над головой пролетали с гулом и куски потяжелее.

Ворота по-прежнему не закрывались. «Так не бывает!» — ужаснулся Бандар. Потребовалось повторить напев дважды, пока щель между мирами окончательно не сомкнулась, отрезав ураган и вспышки. Никогда раньше ученому не доводилось видеть подобного. Выход захлопывался автоматически. Затворяющие мелодии были придуманы на тот крайний случай, если ноонавт распахнет ворота и вдруг передумает ими пользоваться.

Оглядевшись, Гут заметил множество предметов, перенесшихся следом за ним. Кирпичи, деревянные обломки, клочья обгорелого мяса и осколки костей, живописно разбросанные вокруг, стремительно таяли в мягкой траве, и земля поглощала их, словно губка воду.

«Невероятно!» — округлил глаза Бандар. Как инертная, так и «жи-

вая» материя никогда не покидали своих Областей, и бесчисленные эксперименты прошлого подтверждали незыблемость этого правила. То, что наблюдал перед собой ноонавт, переворачивало давние представления с ног на голову. Вот бы составить подробный отчет — все рты разинут! Да только как признаться в увиденном, а главное — в содеянном? И потом, неплохо бы для начала выбраться из ловушки Общего подобию-поздорову.

Ученый окинул равнину взглядом и перевел дух. Кажется, никакой опасности. Небосклон был чист, лишь далеко на востоке клубилась мрачная туча, озаряя горизонт короткими вспышками молний. Там же, на потемневшей линии окоема, белели крохотные точки. «Жвачное стадо, не иначе». Бандару припомнились миллионы косматых существ с рогами, неотъемлемая часть таких ландшафтов.

Нимало не тревожась по поводу зверей и надвигающейся бури, Гут развернул карту и внимательно изучил ее. В долине располагалось сразу несколько ворот, словно Область изначально была задумана как перевалочный пункт для путешественников. В Общем нередко встречались крупные скопления узлов, что было весьма удобно, и кое-кто в институте считал само их существование доказательством того, будто бы ноосфера — творение разума. Прочие возражали, дескать, нагроможди любые величины в случайном порядке — вот и будет где густо, где пусто. И вообще: что значит плод разума? Чьего, интересно? Вопрос уводил в головоломные сферы сознательного бессознательного, а уж этот узел ученые предпочитали вовсе не трогать.

Как и Гут Бандар. Итак, примерно четверть дня пути на восток — и перед ним окажутся ворота к вечно счастливым горцам. Оттуда можно перепрыгнуть в снежное королевство и выпросить у доброго Хозяина свой прежний вид. А там уже через аварийный выход обратно, в кабинет для медитаций и в собственное тело.

Измученный, но воспрянувший духом ноонавт потрусил в установленном направлении, размышляя над тем, как бы исхитриться написать монографию о гибели Ситуации Класса Четыре, не уточняя истинных причин чуда. Что если прикинуться: знать, мол, не знаю, отчего так получилось, а только говорю о том, что видел. В самом деле, любой желающий навестить Область обнаружит цикл невредимым, идиоматы, естественно, и не вспомнят о печальных событиях прошлой жизни, а значит, улики против Бандара начисто уничтожены...

Чем больше он думал, тем явственнее вырисовывался будущий научный труд: основные положения, доводы, выводы... Главное — доказать саму возможность переноса виртуальной материи из одной Обла-

сти в другую. Возможно, такие вещи случались не так уж редко. Может быть, даже в конце каждого цикла, когда любой здравомыслящий ноонавт предпочтет убраться поскорее, дабы Область не поглотила его.

«Вот оно! — осенило Бандара. — Скажу, что я отважно остался, чтобы своими глазами увидеть, как обновляется Ситуация, и поэтому стал свидетелем переноса материи». Неплохая затея: обратить собственную оплошность в героический поступок, достойный всяческих похвал. Пусть некоторые, вроде Гэбриса, кусают локти от зависти.

Ученый приободрился и на ходу принялся сочинять начальные строчки будущего эссе. Увлечшись, он не замечал ничего вокруг, пока не почувствовал первые порывы сильного ветра и содрогание почвы под копытами.

Нарастающий вихрь с востока клонил высокую траву к земле. Впереди тянулся плавный склон; Гут забрался на вершину и осмотрелся.

Справа и слева, насколько он мог видеть при быстро меркнувшем свете, мир превратился в грохочущий океан из горбатых теней. Несметные тысячи животных стремительно перемещались по прерии — причем не куда-нибудь, а навстречу Бандару.

Над стадом чернели гроззовые тучи. Небосвод нависал над самой землей. Узкий просвет между ними прорезали струи дождя и рваная пелена тяжелого града; жвачные с ревом, почти вслепую неслись по прерии, перепуганные вспышками молний и раскатами грома.

Ноонавт заозирался. Позади — одна лишь голая равнина, укрыться негде. Ничто не остановит эту безумную скачку. Глупо надеяться убежать от миллионов копыт на куцых, усталых ножках. По бокам расстилалась трава. Зато впереди, пока еще между хряком и стадом, у подножия склона бежала невзрачная речка, почти ручей. Струи причудливо извивались по прерии, будто след захмелевшей змеи. Ливневые паводки кое-где глубоко размыли рыхлую почву и глинистый слой, так что речка бежала между довольно крутыми берегами. Одна из подобных рытвин располагалась неподалеку.

Ученый со всех копыт ринулся с холма. Вихри больно били в морду хряка, а земля с непрерывным рокотом сотрясалась, будто желала сдвинуться с места. Гут не смотрел на животных. Его глаза сосредоточились на цели — точнее, на том месте, где она была, поскольку поток пропал из вида, как только Бандар покинул вершину.

Оглушительный топот неисчислимых ног уже заглушал ворчание грома. Еще немного — и стадо раздавит несчастного копытами. Где же речка? Что если он отклонился от верного пути, что если мчится па-

раллельно потоку, и надежда на избавление тщетна? Но не успел Гут об этом подумать, как почва с чавканьем обрушилась, и ноги сами заскользили вниз, в глубокую канаву, где ноонавт без усилий укрылся бы даже в человеческом обличе, выпрямившись во весь рост.

Передние копыта подняли кучу брызг. Бандар немедленно бросился по мелководью к противоположному берегу и, дрожа, прижался к нему. Прохладная глина остудила вздымающиеся бока. Гут надрывно дышал, но еле слышал себя сквозь усиливающийся грохот копыт.

Над головой пролетела крупная тень: это первое жвачное перемахнуло через речку. За ним еще одно, и еще, потом сразу пять силуэтов перескочили канаву в ритме барабанной дробы. И вот уже настигнутое бурей стадо накрыло собой узкий овражек. Вокруг совсем померкло, а впрочем, ученому и не хотелось ничего видеть. Ноонавт зажмурился, страстно надеясь про себя, что берег не обрушится, не погребет его под центнерами земли, дерна и мохнатыми тушами.

Топот не замолкал, однако почву держали переплетенные корни крепких степных трав. Со временем подземные толчки вроде бы ослабли, гром покатился дальше по равнине. Бандар приоткрыл глаза. Животные по-прежнему скакали над его головой, хотя уже не сплошной тучей; сквозь просветы между ними проглядывало небо, сменившее черный гнев на простую хмурую серость.

Еще несколько жвачных одолели канаву, следом пролетела пара, затем отставший одиночка, и наконец поток иссяк. Гут осторожно вышел из укрытия, гадая, как ему взобраться по чуть ли не отвесному скользкому берегу, чтобы продолжить путешествие. Оказалось, умчавшееся стадо оставило после себя лестницу: неподалеку высился труп животного, которое упало в узкое ущелье и сломало шею. Зверь лежал на боку. Бандар не сомневался, что сумеет вскарабкаться по ребрам и перепрыгнуть на восточную сторону.

Ученый приблизился к огромной туше, заранее высматривая удобную точку, чтобы начать восхождение, и потому не сразу обратил внимание на некоторые странности. Неожиданно его взгляд упал на хвост животного. На месте обычного, длинного и толстого отростка, увенчанного кисточкой из грубой шерсти, красовался куцый безволосый крючок. Грудную клетку и плечи зверя покрывала не плотная волосатая шкура, но чистая кожа. Гут обошел тушу кругом. Толстошекая морда в морщинах, невидящие глазки, тупое рыло... Вылитый свиночеловек — тот, который собирался раздробить ноонавту спину дубинкой.

«Что-то здесь неправильно», — нахмурился Бандар. Чуть поодаль в канаву свалился другой зверь. Тот сломал о камни хребет, но был еще

жив и гортанно похрюкивал. Гут не мог не узнать этот звук: точно так же общались между собой заколдованные бедолаги на острове Нимфы. «Нет, что-то здесь совсем неправильно».

Ученый еще раз внимательно изучил труп. Свинья не свинья, хотя и очень похоже. Только вот эти рога... И крупный, зараза, как четыре самых откормленных кабана. Да и цвет неподходящий. Ни дать ни взять уродец, плод безумного генного эксперимента.

Ну, конечно! Области смешались, взаимно проникли друг в друга. В этом все дело. «Прелюбопытнейший вырисовывается доклад!» — ахнул про себя ноонавт. С другой стороны, его вина представлялась теперь гораздо более тяжелой, практически неизгладимой. Стоит кому-нибудь узнать о роли Бандара во всей этой истории... Мало того, что заклеят как вандала, придется забыть о коллективном бессознательном и странствовать по его мирам, как простые смертные — в одних лишь мечтах.

Забравшись на холодную тушу, хряк перепрыгнул на восточный берег. Небосвод потихоньку расчищался, между сизыми клочьями туч уже проклюнулась ясная синева. Ученый в очередной раз вызвал карту Общего. Оказалось, ворота уже рядом: примерно в часе неспешной трусцы. По пути ноонавта раздирали противоречивые чувства. Радость от близкого избавления отравлял образ несчастных уродцев-идиоматов: мертвеца и умирающего, которых беглец бросил там, на дне беспроектной канавы.

Очень скоро встречный ветер ослаб и совсем затих. Бандар поднял голову и потянул пяточком свежий, омытый дождем воздух. Не терпелось, конечно, вернуть себе человеческий облик, а все-таки ему будет недоставать восхитительного, бесконечно разнообразного мира тонких ароматов, доступного свиньям.

И Гут не спеша бежал дальше, думая о том о сем, вдыхая запахи примятой ливнем травы и сладкое благоухание неказистых цветочков, которыми пестрела прерия. Ветер переменял направление, на мясистые окорока ощутимо повеяло свежестью, однако задумчивый хряк ничего не заметил. И вдруг холодный шквал ужалил его градом ударов.

Ученый остановился и посмотрел через плечо. Буря едва успела уйти на запад, но черные тучи двигались обратно, прямо на Бандара, пестраиваясь на лету. «Вот чудно», — удивился ноонавт.

Клубящийся пар пронзали яркие вспышки, окрашенные почему-то в синий и даже пурпурный цвета вместо слепящей актинической белизны.

Пару мгновений ученый ошарашенно глядел перед собой — и вдруг его затрясло, причем вовсе не от озноба. Редкая щетина на шее поднялась дыбом, ослабевшие ноги задрожали, а спину резко передернуло. Свиная челюсть отвисла до земли. Глазные яблоки чуть не вылезли из орбит при виде того, во что превращались грозные, хмурые тучи.

А те все больше и больше походили на великанскую, неслыханных размеров голову. Гут без труда узнал вытянутую морду с длинными рядами зубов, приносящийся нос, острые настороженные уши, расплывчатое подобие изогнутой шляпы, уходящей высоко к поднебесью, и страшные глаза, в которых сверкали молнии. Огромные хищные глаза пристально смотрели на Бандара.

Так значит, не только обломки домика и останки Поросят перебрало взрывом из Ситуации Класа Четыре через ворота. Пожиратель-Ураган перенесся следом, а главное — не забыл виновного.

Пронизывающий ветер и струи дождя погнали гигантскую голову прямо на хряка. Ноонавт пустился в бегство.

«Коллективное бессознательное использует личное подсознание каждого отдельного человека, чтобы вступить в диалог со всяким из нас, — такими словами знаменитый Афрани открывал вступительную суру «Объяснения и изучения ноосферы» — первого текста, с которым встречались студенты в Институте исторических исследований. — Насколько бы четко и определенно ни звучали наши вопросы, мысли, мечты и ожидания, оно всегда ответит намеком и якобы случайным совпадением».

Бандар вызубрил книгу от корки до корки. С этого начинается любовь новичок. Во-первых, содержание действительно полезно и поучительно, а во-вторых, нужно же как-то укреплять и подчинять себе память.

«Намек и совпадение», — гудело эхом в голове ученого, пока тот удирал по зеленой прерии от грозного Ветра-Пожирателя. Общее никогда не говорит с нами прямо, это он хорошо помнил. Даже те, кто сломал преграды между сознанием и подсознанием, то есть оракулы и душевнобольные, изъяснялись не иначе как притчами и загадками.

А ведь совпадения преследовали Гута с тех самых пор, как он покинул водопад Лорелей. Первым делом ноонавта наградили свиной шкурой, потом его занесло в Ситуацию с человекообразными Поросятами в роли главных героев. Сначала Нимфа превратила ослиное стадо в волков — спрашивается, зачем, если копыта ушастых мало уступают клыкам? — после чего Бандар едва унес ноги от Пожирателя с

явно хищными повадками. И вот он спасается бегством от весьма похожего на волка идиомата — неважно, что последний намерен испепелить ноонавта небесными вспышками, а не растерзать клыками, это уже детали.

В том, обычном мире стечение обстоятельств — игра случая (никто, например, не предскажет, упадет ли монетка орлом вверх десять раз кряду), но здесь, в Общем, оно испокон веков означало нечто большее. Совпадения — извечный язык ноосферы. Ученый чувствовал в происходящем некое осмысленное, но зашифрованное послание.

«Однако что бы это могло быть за послание?» — напрягал извилины Гут, уворачиваясь от пламенных зигзагов, которые обрушивались на плавные холмы уже не только позади, но и повсюду вокруг него. «Какой же я задал вопрос?» — гадал на бегу ноонавт.

Вообще-то, ему хотелось разгадать секрет Песни песней, отыскать заложенную в человеческом разуме прамелодию. Бандар обдумал задачу и так и сяк, рассмотрел под всеми возможными углами, но сколько ни бился, не сумел уловить даже отдаленной связи со своими злоключениями.

«А если не Песнь песней, то что?..» Слепящая вспышка полоснула бритвой мрачный пейзаж, и хряк еле успел обогнуть дымящуюся яму, выжженную среди высоких трав прерии. Разумеется, Общее никогда не отвечает на прямые вопросы ясно. Чтобы найти ключ к загадке, следует подумать о чем-нибудь еще. Только тогда подсознание прокрадетса сквозь потайную дверцу и оставит подношения, нечто вроде подарка добрых фей, которые тяжело трудились ночью, пока их любимец мирно храпел на постели, не подозревая о своей удаче.

Итак, чем же отвлечь мысли? Трудно искать тему среди гибельных молний. Хотя иногда опасность может и подстегнуть. Ради собственной жизни человек готов на многое. И Гут Бандар приказал рассудку, пусть и временно втиснутому в пороссячи мозги, работать на себя. Для начала надо бы вспомнить, чем он занимался перед тем, как отправиться в Общее. Пообедал с заместителем декана с кафедры прикладной метафизики, оформил заказ на потусторонние красители и фиксаторы для одного давнего клиента (будучи в институте простым адъюнкт-профессором, ноонавт вел дела на семейной торговой фирме), отчитал Чундлмарса, набросал план доклада о Лорелеях...

И тут до него дошло. Конечно, речевой аппарат хряка не в состоянии выговаривать слова, зато на кое-какие иные звуки он способен.

«Хм-м!» — воскликнул ученый с интонацией человека, увидевшего яркий свет. И снова: «Ум-м хм-м», — дескать, вот оно, озарение.

Полыхнула новая вспышка, и ноонавт не поверил своим глазам. Прямо перед ним невысокий холм принялся менять очертания. За считанные мгновения из земли вырос добротный кирпичный домик с гостеприимно распахнутой дверью.

Одолов порог одним прыжком, Бандар прокрутился на копытах и уперся в дверь, чтобы закрыть ее. Ветер налег на дверь, но Гут не сдавался. Наконец, когда тяжелая створка сомкнулась с косяком, запор защелкнулся, и вихрю осталось только бушевать на улице.

Единственная комната в доме была начисто лишена обстановки, не считая трех картин в рамках на задней стене. Портреты изображали полулюдей-полусвиней в темных костюмах и рубашках с крахмальными воротничками. Под картинами располагался просторный, жарко растопленный очаг, на котором кипел черный котел. Гут подошел ближе. Крышка оказалась устроена особым образом, и явно не для человеческих пальцев. Ноонавт утвердился в своей догадке.

С трудом балансируя на задних ногах, он просунул копыто под ручку. Крышка поднялась легко и почти бесшумно. В тот же миг из трубы потянуло холодом. Пламя взвилось и осыпало комнату искрами. У хряка заслезилась глаза, потом зачесался пяточок, и дом огласило оглушительное: «Апчхи!».

Но даже ничего не видя вокруг, Гут отлично слышал громкий всплеск: что-то большое и очень тяжелое упало в кипящую воду. Хряк немедленно захлопнул крышку и налег на нее всем телом. Котел ревел, подпрыгивал, содрогался, однако Бандар не уступал. И вот наконец все стихло.

Тут же улеглась и буря. Сквозь окна пробилась косые лучи солнца, зажгли золотым сиянием пропитанный дымом воздух. «И как быть дальше?» — подумал ученый, а сам уже заметил кое-что, чего не видел прежде.

На стене рядом с трубой висел здоровенный ковш, ручка которого опять-таки безупречно удерживалась копытом. Ноонавт ухватил его и сдвинул крышку. Над темным бульоном клубился густой пар. Пахло весьма заманчиво. Гут зачерпнул ковшом и попробовал.

На вкус оказалось тоже неплохо, наваристо. Вот только сделать больше одного глотка Бандару не пришлось. Стоило супу согреть живот, как свиное копыто сделалось настоящей человеческой кистью. Передние конечности стали руками, спина распрямилась, а ноги как-то сами собой удобно пристроились внизу, в подходящем им положении. Кирпичный домик растаял на глазах, будто не бывало, и хряк, превратившийся обратно в человека, увидел себя на зеленом пригорке.

Не теряя ни секунды, ноонавт вызвал запасные ворота. Появился портал, и хотя сердце рвалось в родные пенаты, Гут помедлил еще самую малость — только чтобы пообещать, обращаясь к ясному голубому небу:

— Они у меня попляшут!

Мгновение спустя он уже смотрел на потертую мебель в институтском кабинете для медитаций. Ученый с наслаждением потянулся, так, что хрустнули суставы, и сделал обычную разминку. Когда тело снова начало слушаться, Бандар открыл дверь на форум, где студенты чаще всего собирались в перерывах между занятиями, огляделся и твердым шагом направился к всеячему дереву, под которым сидела на траве группа второкурсников.

Кое-кто удивленно заморгал при появлении профессора, а один студент поперхнулся под его пристальным взглядом, втянул голову в плечи и с виноватым видом поднялся на ноги.

— Чундлмарс, — промолвил Бандар, — попрошу вас пройти со мной.

Парень сглотнул, потом выпалил:

— Учитель, я обдумал свои высказывания по поводу разумной ноосферы. Беру свои слова обратно.

— Обратно? — Гут поднял брови. — Еще чего! Нет уж, теперь вы мне все изложите как можно подробнее. С этого дня вы будете моим ассистентом.

Студент захопал глазами. Его подбородок отвалился до самой груди, да там и остался.

— Так и будем ворон считать? — Бандар ухватил парня за оттопыренное ухо и подтолкнул к двери своего кабинета. — Общее не спит! Оно что-то замышляет и требует нашего внимания! Пора за работу!

— Что будем делать? — выдавил Чундлмарс.

— Как это — что делать? Мальчик мой, мы с вами ученые или нет? А между тем через неделю Великий Коллоквиум. Надо спешить с докладом, если мы собираемся растереть этого Дидрика Гэбриса в горстку вонючего порошка!

**Перевела с английского
Юлия МОИСЕЕНКО**

© Matthew Hughes. Inner Huff. 2005.

Печатается с разрешения журнала «Fantasy & Science Fiction».

К Р А Н О В Щ И К

Немного найдется на свете любителей фантастики, не знакомых с романом Герберта Уэллса «Война миров». Немного найдется на свете любителей кино, не знающих, кто такой Стивен Спилберг. Экранизация знаменитого романа знаменитым режиссером — событие, как минимум, неординарное. Насколько фильм близок к книге, попробуем порассуждать в нашей постоянной рубрике «Экранизация».

который не спас мир

Марсиане вновь атакуют Землю! Хотя в трактовке Спилберга это, пожалуй, не совсем марсиане. И объектом нападения они выбрали не Англию, а весь земной шар — своего рода дань глобализации.

Отличий между книгой и фильмом множество, ведь действие разворачивается в наше время, тогда как роман был написан в 1898 году. Но переосмысление Спилберга отнюдь не единственное. Читатели «Если», наверное, помнят, что в 1938 году в Америке во время чтения радиоверсии романа поднялась паника — обыватели приняли художественный текст за новостной репортаж с места событий и примерили вторжение марсиан на себя. А в 1953

году был снят знаменитый фильм Джорджа Пала и Байрона Хаскина, который с полным правом вошел в анналы НФ-кинематографа. Так что нынешняя атака марсиан — не первая.*

Насколько же удалось перенести антураж великого романа Уэллса в реалии начала третьего тысячелетия Стивену Спилбергу?

В фильме присутствуют те же безысходность и страх перед неведомой, чуждой силой, что и в романе. Но герои, ведущие борьбу за выживание, уже другие. Старая добрая английская семья, муж и жена, гуляющие под звездами, чудаки-астрономы не слишком-то типичны для современной Америки. Лучше уж мужчина в разводе,

** Существует еще несколько малозаметных экранизаций романа, причем, что интересно, две из них вышли на экран, как и фильм Спилберга, в 2005 году. (Здесь и далее прим. ред.)*

конфликтующий с собственными детьми, простой крановщик Рэй Феррье. О времена, о нравы!

Рэй спасается сам, спасает свою дочь — как же обойтись без маленького ребенка, милой беззащитной девочки, которой все время нужно закрывать глаза, чтобы она не видела обломков самолета или плывущих по реке трупов? Кроме того, если Уэллс ведет рассказ от первого лица, а читателей не слишком утомляют долгие блуждания героя в одиночестве и рассказ о его ощущениях получается на удивление естественным, то киногерою ведь нужно с кем-то общаться. Разговаривать сам с собой он не будет, закадровый же текст не всегда удачно звучит. Таким образом, атмосфера произведения существенно меняется. У Уэллса герой спасался сам, мечтал отыскать жену, сходил с ума от одиночества и потрясений — у Спилберга он заботится о детях. Его поступки мотивированы: меньше философии, больше действий.

Впрочем, не всегда изменения «семейной составляющей» идут во вред — взять хотя бы мальчика из фильма «Ночной Дозор»: в книге Лукьяненко сыном Городецкого

он вовсе не был. Но герой экранной «Войны миров» совершенно другой человек — это не скучающий писатель-интеллектуал, но работага-неудачник, более близкий современному зрителю социальный тип. Он не очень-то задумывается о смысле жизни и своем месте в мире. У него нет неограниченного досуга наедине с собой или с помешанным священником — он должен заботиться о дочери.

Том Круз, который кроме исполнения главной роли в этом фильме выступил и как один из продюсеров, оказался на высоте. Созданный им образ органичен, игра — естественна.* Другое дело — насколько адекватно будет вести себя человек, когда в его жизнь вторгаются воинственные марсиане? Когда весь мир, по выражению Ф.К.Дика, «идет врзнос»?

Техника — и та, что используют люди, и та, что принадлежит пришельцам — разговор особый. Можно ли Англию девятнадцатого века превратить в Америку двадцать первого? Заменяв кареты автомобилями, керосиновые фонари — прожекторами, экстренные

** Кроме Круза в картине задействованы такие актеры, как лауреат «Оскара» за роль в «Таштентенной реке» Тим Роббинс, Миранда Отто — эльфийская дева Эовин из «Властелина Колец», Дакота Фаннинг, за свои одиннадцать лет успевшая сняться в трех десятках сериалов и двух десятках фильмов, и другие известные артисты.*

выпуски газет — передачами по радио? С этим, пожалуй, связаны главные проблемы фильма. И дело не только в потере духа «старой доброй Англии» (по некоторым сведениям, Спилбергу не слишком нравится викторианская мода, поэтому он и не захотел снимать фильм в историческом контексте). Технические детали становятся неправдоподобными...

Расправиться с автомобилями, самолетами, высокотехнологичным оружием и бытовой аппаратурой сценаристам удалось изящно. Мощный электромагнитный импульс выводит из строя всю электронику, попутно разрушив электросети. Америка погружается во тьму, а люди начинают ходить пешком. Но здесь же скрывался и серьезный подвох: героям нельзя сидеть на месте! С пришельцами нужно бороться!

У Уэллса были лошади и кареты, пушки на конной тяге. Все отлично работало без электричества. К тому же Британия не так велика — это не американские просторы. В фильме же пришлось «воскрешать» некоторые машины, боевую технику (возможно, она стояла «в смазке» и не сгорела после «электрической» атаки), давать «подсветку» со стороны инопланетян. Лошадей ведь почти не осталось, да если бы и остались, кто сейчас сможет запрячь коня, править телегой?

Сами марсианские треножники, главный символ «Войны миров», выглядят в фильме красиво, но признать их действие эффективным вряд ли возможно. Да, марсиане, по предположению Уэллса, не знали колеса — или не хотели его использовать. Но уж если пришельцы Спилберга спускались на планету во вспышках молний, то летать они могли? Или придумать более изощренный метод атаки, нежели преследование треножником толп людей и отстрел их по одному.

Треножники как механизмы в романе полностью оправданы: марсиане выгружают детали из своего космического корабля, собирают машины на месте, именно для первоначального подавления сил землян используют тепловые лучи, а потом переходят на «черный газ». Треножники же в фильме, при всей их эстетической привлекательности, с точки зрения здравого смысла выглядят нелепо.

Многие передовые достижения землян весьма пригодились бы марсианам Уэллса: скажем, развитая радиосвязь, которой они были лишены — общались с помощью вспышек и воя. Ну, например, дистанционное управление треножниками — зачем подставляться под пули самим? Динамическая броня... Собственно, за пос-

ледние сто лет изобретено столько, что с непобедимыми марсианами из романа расправились бы за несколько часов. А ведь современникам Уэллса превосходство марсиан казалось подавляющим. Сам он пишет, что марсиане «превосходили нас настолько, насколько мы превосходим вымерших животных».

Интересен эпизод, где инопланетянин ищет в пустом доме людей. У Уэллса он просто ощупывает предметы. В фильме щупальце заменено камерой с подсветкой. Что и говорить, передача массивов видеоинформации вполне доступна и людям. Только неужели превосходящие нас инопланетяне не научились видеть сквозь стены?

Фильм еще раз заставляет задуматься об актуальности технологических идей в литературе. Величайший фантаст Уэллс не мог предвидеть и десятой доли направлений, в которых будет развиваться техника. Его марсиане пользуются тепловыми лучами, пытаются летать — но не имеют представления о ракетах, компьютерах, весьма слабо используют электричество.

Идея того, что тренажники дожидались своих хозяев в земле на протяжении многих тысяч лет, не кажется удачной. Если уж «чужие

глаза с жадностью следили за нашей жизнью», как сказано в прологе фильма, то почему инопланетяне не пришли раньше? Марсиане Уэллса явились на Землю сразу же, как только разработали средства доставки, построили свою супер-пушку. Да и какой-нибудь из законсервированных тренажников люди непременно должны были бы найти — хотя бы при строительстве нью-йоркского метро.

Даже сейчас роман Уэллса выглядит органично, естественно и достоверно — именно потому, что действие происходит в реальном контексте, на вересковых пустошах и улицах английской провинции, где толкают свои тележки продавцы лимонада, снуют разносчики газет, катятся конные экипажи. Фильм в современных реалиях прибижен к зрителю, но утрачивает значительную долю очарования романа.

Разочаровал ли фильм тех, кто неравнодушен к творчеству Уэллса? Порадовал? Несомненно, найдутся и поклонники, и противники. Но вряд ли кто-то станет спорить, что в фильме основной упор сделан на психологические проблемы, и фантастический элемент лишь ставит героев в условия, где они должны проявить себя. «Война миров» Спилберга в первую очередь о людях, а не о марсианах. Как, впрочем, и роман Уэллса.

Евгений ГАРКУШЕВ

ЛЕГЕНДА ЗЕМНОМОРЬЯ

(LEGEND OF EARTHSEA)

Производство компаний Hallmark Productions и Sci-Fi Channel, 2004.

Режиссер Роберт Либерман.

В ролях: Шон Эшмор, Кристин Крюк, Изабелла Росселини, Дэнни Гловер и др. 1 ч. 30 мин. (2 части)

В чем никак нельзя отказать компании Холлмарк, так это в добросовестном выборе актерских типажей, общей обстановки, костюмов для съемок историко-приключенческого или сказочно-фэнтезийного жанров. Поэтому к просмотру нового телефильма о Великом маге Земноморья приступашь с приятным предвкушением, размышляя лишь о том, как же удалось втиснуть знаменитую трилогию Ле Гуин всего в две серии?..

Оказалось, что в основе сценария вольная и, понятно, урезанная контaminaция двух книг, посвященных юности героя. Как связующее звено между сюжетами на экране агрессивно маячит каргадский Король, не имеющий никакого отношения к трилогии: сей злодей жаждет завоевать все Земноморье, что и вынуждает Геда искать утраченную половинку мировтворческого талисмана. Первая часть более или менее близка к оригиналу и производит недурное впечатление. Простецкая загорелая физиономия юного мага-самоучки с необычайно светлыми, сияющими глазами, великолепно отснятые пейзажи, рембрандтовские тона интерьеров... Царапает путаница с именами героя, истинным и обиходным, но не будем педантами. Правда, зрелище резвящихся в Школе Высокой Магии юнцов и юниц (!) может вызвать у просвещенного читателя легкий приступ культурного шока: приходит на ум Гарри Поттер с друзьями и подружками.

«Гробницы Атуана» чересчур мрачны для семейного кино, и вторую часть создатели фильма подразбавили юморком, отправив в поход вместе с Гедом его упитанного приятеля Ветча. Земноморья больше нет. Нет атуанских гробниц и храмов, а есть полусветский монастырь, куда мерзвец Король запросто ходит ночевать к злодейке, подсыпающей яд аббатиссе. Последняя, вопреки надеждам первой, выбирает своей приемницей наивную Тенар: чистый агнец Божий, а не девушка! Уже не шок, а умиление возникает при виде ужасного, беспросветного Лабиринта, смахивающего на подвальные переходы современной больницы, разве что почище и гораздо лучше освещенные...

Словом, фильм вполне пригоден для тех, кто очень любит смотреть любую фантастику, но никогда ее не читает.

Людмила ЩЁКОТОВА

УЖАС АМИТИВИЛЛЯ

(THE AMITYVILLE HORROR)

Производство компаний Dimensions Films, Platinum Dunes, Radar Pictures и MGM, 2005.

Режиссер Эндрю Дуглас.

В ролях: Райан Рейнольдс, Мелисса Джордж и др. 1 ч. 30 мин.

Словно золотonosная жила, тема «страха в четырех стенах» разрабатывается всеми — от классиков жанра до малоизвестных бойцов паранормального фронта. Особенно такие истории популярны в США. Именно там, за океаном, в 1978 году вышел «прародитель» новой волны лент «риэлторского хоррора» — документальный роман Джея Энсона «Ужас Амитивилля: подлинная история одной семьи».

В 1974 году некий психопат Рональд Дефео безжалостно расстрелял всю свою семью в старинном особняке, в котором через год поселилась другая молодая семья, за 28 дней проживания испытывавшая на себе всю «прелесть» общения с потусторонним миром... Именно о них, о семье Луц, и рассказывает эта история. Современная американская легенда, таинственная и ужасная, ставшая притчей во языцех среди авторов недорогих, но весьма «увлекательных» лент.

За четверть века, начиная с первого фильма, вышедшего в год публикации книги — пока реальный маньяк Дефео отбывает в тюрьме свои заслуженные 150 лет, — тема продолжала эксплуатироваться вовсю. Она уже обросла безумным количеством спекулятивных подробностей и фантазий, ставших основой полудюжины лент, как художественных, так и документальных.

Очередная экранизация от Эндрю Дугласа пронизана стилистическими отсылками к семидесятым годам. Здесь и старательно выдвинутый на первый план психологизм героев, и быстрый, едва ли не покaдpовый монтаж, и тревожная музыка, и точно отмеренное насилие. В результате фильм пробирает до костей. Увы, создателям ленты не удалось избавиться от заимствований, столь частых в последнее время. Тут и «Сияние» (топор в руках обезумевшего героя Рейнольдса устpашающ, но в свое время Николсон сыграл куда лучше), и испанская «Тьма» (та не в пример страшнее, потому-что-все-умерли), и «Другие» (где есть Загадка и Неожиданный Финал), и еще с полсотни похожих лент. И все же для не знакомых с первоисточниками — и фильмом, и книгой — римейк «Ужаса...» будет смотреться с интересом.

Вячеслав ЯШИН

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЧЕТВЕРКА

(FANTASTIC FOUR)

Производство компаний 20th Century Fox, Marvel Enterprises, 1492 Pictures, Constantin Film Produktion GmbH (США), 2005.

Режиссер Том Стори.

В ролях: Йоан Гриффит, Джессика Альба, Джулиан МакМэхон, Майкл Чиклис, Крис Эванс. 2 ч. 3 мин.

Фильмы от «Марвел» постоянно балансируют на грани фола. Выпускаемая на экран продукция либо совершенно безнадежна («Капитан Америка», «Сорвиголова», «Электра»), либо приводит фэнов в восторг («Люди Икс», «Человек-Паук», «Блэйд»). Полнометражная киноэкранизация самой долгой по времени и имеющей поклонников по всему миру серии комиксов ожидалась давно и с нетерпением.

Пять астронавтов под воздействием космического излучения получают сверхъестественные способности. И превращаются: в человека, растягивающегося, словно жевательная резинка; в женщину, способную создавать вокруг себя силовое поле и становиться невидимкой; в воспламеняющегося парня с температурой тела более 200 градусов; в существо, состоящее из камня. Пятый становится полустальным монстром и, разумеется, выступает в роли Главного Злодея. Если не принимать во внимание несуразницы с изменениями физических свойств материи человеческого тела (а нужно ли это в экранизации подросткового комикса?) и не относиться предвзято к здравомыслию сценаристов, работавших над сюжетом на протяжении десяти (!) лет, то фильм, наполненный юмором и спецэффектами, получился вполне сносным. Герои вызывают симпатию и сопереживание, насколько вообще возможно сопереживать героям комиксов.

Из всей пятерки раздражает лишь главный злодей фон Дум (МакМэхон) — характер персонажа не проработан, а актер слабо входит в образ, словно ощущая себя играющим роль красавца-демона в сериале «Зачарованные».

Все несуразницы сюжета перекрывает неоспоримый плюс фильма: герои, несмотря на экстравагантность и сверхъестественные способности, остаются живыми и непосредственными. Возможно, это самое главное достоинство нехитрой и ни к чему не обязывающей ленты, принадлежащей самому легковесному киножанру — экранизации комиксов.

Вячеслав ЯШИН

Когда был

Бэтмен

маленький...

Июньская мировая премьера нового фильма о Бэтмене — «Бэтмен: Начало», приквела всех историй о легендарном комикс-герое, явила нам очередного (уже седьмого по счету) исполнителя роли Чоловека — Летучей Мыши. Им стал Кристиан Бэйл — новая звезда кинофантастики и блестящий драматический актер. Забавно, что начало кинокарьеры уроженца Уэльса было... русским.

Кристиан Чарлз Филип Бэйл родился 30 января 1974 года в Хаверфордэсте, графство Пемброкшир, Уэльс. Отец мальчика был летчиком, мать — цирковой танцовщицей. Актерскую «диаспору» в семье представляли оба деда: один был в прошлом каскадером и даже дублером знаменитого Джона Уэйна, другой — комиком. Кристиан, младший ребенок в семье и единственный мальчик среди четырех детей, благодаря деду-комиксу с раннего детства находился рядом с театральными подмостками, а в девять лет он впервые оказался перед камерой — снялся в рекламе хлопьев «Пэкмен».

Первые экранные роли юного актера связаны с Россией. Драматическим дебютом мальчика стала роль царевича Алексея в трехчасовом британском телефильме «Анастасия: Загадка Анны» (1986). Фильм основывался на реальных событиях и рассказывал

историю женщины, выдававшей себя за княжну Анастасию, единственную выжившую после расстрела семьи последнего русского царя. Партнерами двенадцатилетнего Кристиана по этой ленте были многие звезды кино — например, Николай II играл знаменитый Омар Шариф. На западе фильм прошел почти незамеченным, однако был очень популярен в СССР, где начавшаяся перестройка породила видеобум. Кассета, повествующая о такой дотоле закрытой теме, как последние дни царской семьи, переписывалась и распространялась в огромном количестве экземпляров.

Советские видеоманы крайне удивились, увидев «царевича» в отечественной картине. Одним из первых кинодетей все той же перестройки стал совместный норвежско-шведско-советский проект «Мио, мой Мио» (1987, в США фильм прошел под названием Land of Faraway — «Страна Дале-

ко»). Поставил ленту по мотивам одноименной фэнтезийной повести Астрид Линдгрэн известный детский режиссер Владимир Грамматиков. Главному герою картины мальчику Мио предстояло вместе с верным другом Юм-Юмом спасти сказочную страну Желанную от страшного врага — рыцаря Като. Роль Юм-Юма досталась Кристиану Бэйлу. Роль Като исполнил классик британского кинематографа Кристофер Ли.

Опыт, накопленный в «русских» картинах, весьма пригодился юному актеру при попытке пробиться в Голливуд. С помощью отца, бросившего летное дело и ставшего промоутером мальчика, Кристиан участвовал в кастинге нового фильма самого Стивена Спилберга. Более четырех тысяч детей претендовали на главную роль. Отбор прошел один. В «Империи солнца»* Кристиан играет мальчишку из богатой английской семьи, проживавшей в Шанхае. В начале второй мировой войны и оккупации Китая паренек оказывается в японском концлагере. Фильм поставлен по мотивам автобиографического романа Джеймса Балларда.

Юный актер не подвел знаменитого режиссера, блестяще показав преобразование маленького богатенького мальчика в тертого жизнью и войной подростка (дей-

ствие картины развивается с 1941 по 1945 год). Партнером Бэйла по фильму стал замечательный европейский актер Джон Малкович.

Как правило, тех, кто играл у Спилберга главные роли, ждала почти обязательная слава.

Ее бремя оказалось непосильным для тринадцатилетнего актера. «Мне приходилось ездить по всему миру, давать пресс-конференции и говорить о вещах малопонятных... В школе надо мной смеялись из-за того, что меня приглашали на открытие новых супермаркетов», — вспоминал Бэйл. Плюс ко всем бедам случился развод родителей. Мальчик подумал, что во всем виновато кино, и решил больше никогда не сниматься. Кристиан уехал домой, в провинцию.

Через два года его разыскал известный британский режиссер Кеннет Брана и предложил небольшую роль в своей очередной осовремененной экранизации Шекспира «Генрих V» (1989). Шекспир вернул Кристиану Бэйлу веру в себя. Последовала новая роль — Джима Хокинса в телеверсии «Острова сокровищ», главные роли в музыкальных драмах «Разноскилки газет» (1992) и «Дети свинга» (1993). Для участия в последних Кристиан в течение десяти недель брал уроки танцев и боевых ис-

* В «Иллюстрированной энциклопедии фантастики Джона К्लота» в биографической статье о Балларде используется фотография Кристиана Бэйла из этого фильма. (Прим. авт.)

кусств (что пригодилось позже). Но не сразу.

Практически все роли, которые доставались Бэйлу в девяностые годы, были характерными, даже трагическими. Режиссеры всю использовали его драматический талант и способность к достоверному отображению чувств страдающих, мятущихся героев. Кристиану довелось даже сыграть Иисуса Христа — в телефильме 1999 года «Мария, мать Иисуса». Единственное исключение — роль Деметрия в совместной итало-англо-американской кинопостановке комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

На переломе веков Бэйла утверждают на главную роль серийного убийцы в триллере «Американский психопат». Правда, потом отдают роль Леонардо ДиКаприо, но когда тот не справляется, опять обращаются к Кристиану. Эта история, похоже, приводит Бэйла к радикальному решению: хватит драм и психологических лент, пора бы поучаствовать в коммерческом кино. Иногда, впрочем, чередует его с серьезными фильмами.

Для начала Бэйл появляется в криминальном боевике «Шафт» (2000). Затем один за другим следуют два фантастических фильма. Оба о ближайшем будущем. Оба постапокалиптические. Но отличия существенны. Во «Власти огня» (2002) рассказывается о том, как внезапно расплодившиеся огнедышащие драконы уничтожают почти все живое на земле. Неболь-

шие группки уцелевших предпринимают отчаянные попытки сопротивления. Организовать жизнь во что-то более или менее осмысленное и пытается возглавляющий небольшую мирную колонию Куинн Аберкомби. Он противник силовых мер, однако именно ему выпадает миссия спасения планеты — он должен уничтожить единственного дракона-самца. Пары арбалетов герою и его подруге хватает, чтобы победить там, где полегли brave войска с танками и вертолетами. Так Бэйл впервые попробовал на вкус роль благородного Всепобеждающего Спасителя Человечества и сделал шаг на пути к Бэтмену.

«Равновесие», или «Эквилибриум» (2002) — тоже о недалеком будущем. Мир едва начал приходить в себя после третьей мировой войны. В одном из уцелевших городов создан социальный строй Эквилибриум (Равновесие). Под управлением некоего Отца все люди обязаны подавлять свои эмоции с помощью специальных ампул. Все книги, предметы искусства, роскоши разыскиваются и вместе с их хозяевами уничтожаются полицией и Служителями — элитным подразделением супербойцов. Персонаж Кристиана Бэйла повторяет путь героев многих подобных антиутопий: от безжалостного и ревностного служаки — через закравшееся сомнение — к миссии главного противника и разрушителя существующего строя. Несмотря на то, что

сюжет ленты выглядит набором классических штампов, сам фильм сделан довольно стильно. Вот где Бэйлу пригодились уроки боевых искусств — «файтинги» выглядят прилично и «попахивают» «Матрицей». Неоднозначный финал ленты как раз в духе Бэйла: герой побеждает, но что дальше?

Вся фантастичность испанской картины Брэда Андерсона «Машинист» (2004) в том, что главный герой не спит. Уже год. И постепенно сходит с ума: реальность мешается с вымышленным миром. Что явилось причиной происходящего — главная загадка, которая раскроется в финале этой блестящей психологической драмы. Фильмы такого плана всегда строятся вокруг исполнителя главной роли, именно от достоверности его игры зависит успех ленты. Кристиан Бэйл предпринял поистине героические усилия. Для того, чтобы соответствовать облику неимоверно исхудавшего героя картины, Кристиан вынужден был сбросить почти 30 килограммов, несколько месяцев питаясь исключительно салатами и яблоками. Во время съемок его постоянно шатало от истощения, поэтому он предпочитал в основном сидеть в своем трейлере. Но игра стоила свеч — достаточно посмотреть на дистрофичного, со впалыми щеками и безумными глазами, Тревова Резника, героя «Машиниста», чтобы проникнуться всей психоделичностью фильма.

И тут... Кристиану позвонили и сказали, что ему уготована роль Бэтмена! Для любого голливудского актера подобная роль культового американского героя — символ пика карьеры. В девяностые годы под маской Летучей Мыши появлялись Майкл Китон, Вэл Килмер и Джордж Клуни. Бэйл стал седьмым актером, исполнившим эту роль — и единственным, чей рост 188 сантиметров в точности соответствует указанному в комиксах росту персонажа. Правда, после «Машиниста» возникли проблемы с весом. «После того как мне позвонили, я попробовал отжаться хотя бы раз — и не смог!» За четыре месяца до начала съемок Кристиану пришлось в пожарном порядке набирать вес, поглощая протеины. В результате он даже малость перестарался — и пришлось опять худеть.

Но не в весе и росте дело. Бэйл изначально решил, что подаст Бэтмена не как картонного персонажа комиксов, а как трагического героя, коих он наиграл за свою жизнь предостаточно. Это его видение будущей роли вполне совпало со взглядами на картину режиссера Кристофера Нолана. В ленте о детстве и юности Бэтмена эпический герой современных городских мифов впервые предстает не боевой машиной, а вполне реальным человеком, пытающимся познать природу добра, смысл мести, идеологию борьбы со злом — и при этом сомневаю-

щимся в правильности своих поступков. К тому же Нолану и Бэйлу удалось не слишком далеко уйти от стилистики изображения города Готема и его обитателей, заложенной Тимом Бартоном в первой из современных экранизаций комикса. Фильм в меру эпичен, чему способствует потрясающий музыкальный и звуковой ряд, блестяще поданы герои второго плана, которых играют такие замечательные актеры, как Гэри Олдмен, Кэти Холмс, Майкл Кейн, Рутгер Хауэр, Морган Фримен, Лайам Нисон. Нолан и Бэйл пытаются на основе уже построенной вселенной Бэтмена создать собственные декорации, по-новому обустроить этот мир. Впереди у них есть простор для экспериментов — запланировано снять еще два фильма о Летучей Мыши в этом составе.

Ну, а подписавший контракт на три картины о Бэтмене Кристиан Бэйл решил следовать своей логике чередования артхаусных фильмов с коммерческими. В промежутке между Бэтменами запланированы съемки в тех картинах, где его

драматические таланты могут раскрыться максимально. В его планах и роль владельца табачной плантации, и военного летчика, бегущего из концлагеря (этой лентой знаменитый немец Вернер Херцог как бы возвращает Бэйла к началу его голливудской карьеры), и роль преданного друга... Впрочем, иногда артист позволяет себе расслабиться и озвучивает мультики: все знают, что он может прекрасно имитировать любой акцент.

Несмотря на обилие трагизма в актерских работах, личная жизнь Бэйла вполне благополучна. В 2000 году он женился на Сиби Блэйзик, с которой на съемках «Маленьких женщин» его познакомила Вайнона Райдер. В марте 2005 года в семье родилась дочка. Кристиан — большой любитель верховой езды, заядлый читатель, обожает животных: в доме две собаки и три кошки, все подобраны на улице. Кроме того, он активный член многочисленных общественных организаций — от Гринписа до школы для уличных детей в Рио-де-Жанейро.

Дмитрий БАЙКАЛОВ

ИЗБРАННАЯ ФИЛЬМОГРАФИЯ ФАНТАСТИКИ КРИСТИАНА БЭЙЛА

1987 — «Мио, мой Мио» (*Mio min Mio / Mio in the Land of Faraway / The Land of Faraway*)

1987 — «Империя солнца» (*Empire of the Sun*)

1999 — «Сон в летнюю ночь» (*A Midsummer Night's Dream*)

2002 — «Эквилибриум»/ «Равновесие» (*Equilibrium*)

2002 — «Власть огня» (*Reign of Fire*)

2004 — «Машинист» (*El Maquinista / The Machinist*)

2005 — «Бэтмен: Начало» (*Batman Begins*)

Б О Р И С Р У Д Е Н К О

ПЕРЕКРЕСТОК

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Погоду на день обещали жаркую, но в четыре утра это пока не ощущалось. Напротив, вдохновленный вчерашним прогнозом, Никита сейчас практически замерзал под свежим утренним ветерком в своей футболке и легких брюках на углу Ленинского проспекта и улицы Дмитрия Ульянова. Куртку доставать не хотелось. Он бросил на асфальт сумку, попрыгал через нее, энергично взмахивая руками, и сделал несколько быстрых приседаний. Помогло. Не зима все-таки.

Сергеа на своей зеленой «десятке» появился без опоздания, ровно в четыре пятнадцать. Его машина была всего второй, прошедшей от центра за те десять минут, что Никита дождался на холодке.

— Молодец! — похвалил Серега, выскочив из машины. — Точность — вежливость королей. Давай кидай сумку в багажник.

Кинуть не получилось, только втискивать. Багажник был забит почти до отказа сумками, пакетами и чемоданами. Чтобы закрыть крышку со скромным добавком Никиты, на нее пришлось немного приналечь.

— Сюда садись! — показал Серега на сиденье рядом с водительским, возвращаясь за руль.

В салоне было тепло: работала печка, совершенно неуместная в это время года. Еще здесь немножко пахло духами, или помадой, или лосьоном, или шампунем, или всем вместе одновременно — в этом Никита разбирался не очень хорошо, — короче говоря, пахло женщинами. Женщин в машине было две. Давняя подруга Сереги Лена и подруга подруги по имени Катя.

— Здравствуйте, девушки, — сказал Никита, захлопнув дверцу.

— Привет, — сказала Лена.

— Здравствуй, — сказала Катя.

Это путешествие было для Никиты в некотором роде авантюрой. Правда, авантюрой приятной. С Катей он познакомился всего двумя днями раньше. Серега позвонил и приказал: «Давай быстро спускайся в кафешку, дело есть!». Кафешка всего в десять столиков со скромным и недорогим набором довольно вкусных блюд располагалась как раз под офисом, где Никита последние два года работал программистом. В этой кафешке он ежедневно обедал, а иногда и ужинал, если поблизости объявлялся Серега. Рабочий день шел к завершению, поэтому Никита не без удовольствия поспешил выполнить приказ.

Сергеа сидел за столом слегка пьяненький, веселый, но вполне адекватный, а вместе с ним две девушки — Ленка и Катя. Серега тут же принялся представлять Никиту, многословно расхваливая его положительные качества — ум, талант, благородство, отзывчивость и всякие

другие. Причем отчего-то более всего упирал на скромность и застенчивость. А завершил свой монолог заявлением, что Никита дал-таки согласие ехать вместе с ними в Крым. Это заявление Никиту озадачило. Ни о чем таком у них с Серегой разговора не было, хотя через два дня Никита действительно выходил в отпуск и теоретически не исключал, что проведет его в компании с приятелем. Однако не в Крыму: он надеялся, что Серега согласится отправиться с ним в байдарочный поход по Карельским рекам. Активный туризм Никита предпочитал всем прочим видам отдыха.

Тем не менее возражать он не стал, и на то оказалось сразу две причины. Первая заключалась в нежелании портить приятелю настроение, а вторая — в том, что Катя ему сразу понравилась. Возможно, ее нельзя было назвать красавицей, но взглянув один раз на ее живое, выразительное личико со слегка раскосыми, лукавыми глазами, вздернутым маленьким носиком, высокими скулами и небольшими полными губами, трудно было удержаться, чтобы не посмотреть еще и еще. К тому же у Кати была короткая мальчишеская прическа, не закрывавшая аккуратные ушки, что являлось давней слабостью Никиты.

Так что он не только не опроверг Серегу, но и приложил максимум усилий, дабы поддержать и упрочить данную ему Серегой характеристику. Особенно в части скромности и благородства. Он видел, что разыгранный Серегой маленький спектакль предназначался в первую очередь не ему, а именно Кате, очевидно колебавшейся, стоит ли отправляться в путешествие в компании с незнакомым человеком, даже если двое других известны лучше и давно. Никите ее сомнения тоже понравились: именно так, с его точки зрения, должны были вести себя нормальные, хорошие девчонки. А ему очень хотелось, чтобы Катя оказалась хорошей девушкой. Он также насквозь читал тайные расчеты Серегы с Ленкой, которые в один прекрасный момент решили, что просто обязаны устроить семейную жизнь Никиты. Это было тем более странно, что сами они встречались несколько лет подряд, совершенно не намереваясь в обозримом будущем вступать в законный брак. Впрочем, тут Никита мог и ошибаться. Серега, может, и не намеревался, а Ленке оставалось лишь героически имитировать то же самое и надеяться на естественное развитие событий в желаемом направлении.

Как бы то ни было, вечер оказался приятным и веселым. Серега если и перебрал, то самую малость, оставаясь остроумным и милым. Никита проводил Катю до подъезда, не сделав ни малейшей попытки

форсировать первое знакомство, и расстался с ней, оставив о себе (как он надеялся) максимально благоприятное впечатление. Жаль, правда, что ему не выпало с ней подольше поговорить: за столом привычно солировал Серега, а вагон метро не слишком подходящее место для бесед первых часов знакомства.

Последние два дня перед отпуском — как всегда — Никита был загружен работой от шнурков ботинок до воротничка рубашки и вспоминал о Кате лишь в положении «голова на подушке» за минуту до того, как уснуть. Но воспоминания эти были чрезвычайно приятны и рождали легкие сны.

Технические детали поездки они решили с Серегой по телефону в полчаса. Большого времени для принятия решения нормальным мужикам и не требуется. Ехать решили на одной машине — меньше трат на бензин, меньше хлопот с поисками места для стоянки. Средством передвижения избрали не пожилое «вольво» Никиты, а новенькую «десятку» Серегини: отечественное авто не так разжигает аппетиты гаишников, вероятность поломок новой машины ниже, чем старой (хотя бы и импортной), а если и сломается — искать запчасти и механиков долго не придется. Да и ремонт обойдется не в пример дешевле.

Выезжать решили с рассветом — меньше машин на трассе, меньше гаишников. Ехать, сменяясь за рулем, без ночевки, с минимально короткими остановками для принятия пищи и отправления, пардон, естественных надобностей, рассчитывая таким способом преодолеть полторы тысячи километров за сутки даже с учетом неизбежного ожидания в очереди на российско-украинской границе. Чтобы не задерживаться в придорожных забегаловках и не подвергать себя риску отравиться пищей, качество которой вполне может оказаться сомнительным, запаслись в дорогу хлебом-колбасой-сыром, кое-какими консервами, а особенно водой — пить в разогретой солнечными лучами машине придется много. Для продуктов Серега приготовил автомобильный холодильник-ледник, который приобрел специально для подобных поездок еще года два назад, да вот ни разу не использовал — повода не было. Туда продукты и сложили.

Катя сидела за спиной Никиты, он мог видеть ее лишь уголком глаза, но сейчас ему было достаточно одного ощущения ее присутствия. Они все вместе поговорили минут десять о каких-то пустяках, а потом одновременно замолчали. Девушки понемногу задремали, Серега сосредоточился на управлении, а Никита тихо наслаждался редким состоянием, когда жизнь представляется прекрасной, ближайшее будущее светлым и приятным и нет нужды объяснять ни себе, ни окружа-

ющим причины такой уверенности. В конце концов он и сам незаметно для себя погрузился в дрему.

Разбудила его тишина. Двигатель «десятки» смолк. Никита открыл глаза и увидел перед капотом высокий черный зад внедорожника.

— Что случилось? — спросил он.

— Черт его знает! — в сердцах ответил Серега. — Это ж надо: пяти утра нет — и уже затор!

Встречного движения не было. Голова колонны замерших пред ними машин скрывалась за близким поворотом.

— Пойду посмотрю, в чем там дело, — сказал Никита. — Если тронетесь, подхватите меня.

После тепла натопленного салона он не ощутил холода. Потянувшись, чтобы размять слегка затекшие мышцы, трусцой побежал по обочине. Причина задержки выяснилась, едва он достиг поворота. Трассу в этом месте пересекала железнодорожная ветка. Это была именно ветка сугубо местного значения, а не магистраль, наверняка она вела к какому-то заводу и использовалась раз в неделю или даже реже. Пересечение было оборудовано соответствующим образом — предупреждающими знаками и шлагбаумом, который сейчас был опущен и помигивал красными фонарями. Однако преградой машинам служило нечто более существенное, чем окрашенная в красно-белые полосы жердь. На путях без признаков жизни замерли товарные вагоны. Никита подбежал ближе и понял, в чем дело. Колесная тележка одного из вагонов непонятным образом сошла с рельс. Сам вагон не опрокинулся, он лишь слегка накренился, но его движение в любую сторону полностью исключалось. Возле злосчастной тележки бегали какие-то люди в путевой форме — видимо, машинист с помощником — и громко ругались непечатными словами. Им активно вторили водители большегрузных машин, повывлезавшие из своих кабин. В принципе, все было ясно. Вряд ли тут удастся что-либо сделать без помощи мощного подъемного крана, который наверняка придется ждать не один час. Никита пустился в обратный путь.

Когда он подбежал к «десятке», затемненное стекло стоявшего перед ними внедорожника поползло вниз. Из кабины высунулась широкая рожа с короткой стрижкой.

— Эй, брат, чего там такое? — спросила рожа.

Если короткая стрижка у женщин неизменно служила Никите источником вдохновения, то мужской ежик, как основная примета времени, автоматически вызывал абсолютно противоположные чувства. Тем не менее Никита остановился и вежливо пересказал все, что увидел.

— Понятно, — сказал обладатель ежика. — Значит, без вариантов. В объезд надо.

— А где объезд? — спросил, в свою очередь, Никита, но рожа не удостоила его ответом.

Затемненное стекло поднялось, и мотор внедорожника проснулся, машина начала выползать из колонны. Никита увидел ее целиком и слегка поразился размерам. Джип был не джип, а почти автобус, до которого и «хаммеру» далеко. Как на таком монстре можно ездить в городе, Никита не представлял. Впрочем, этот сундук, возможно, и не предназначался для городских поездок.

Никита плюхнулся на свое место и захлопнул дверцу.

— Что там случилось? — сунулся к нему Серега.

— Авария на железнодорожном пути. До вечера не разгребут. Давай рули за этими жлобами, они объезд знают, — показал Никита на внедорожник, который уже завершал разворот.

Джип стартовал чрезвычайно резво, сразу оставив «десятку» позади, но далеко оторваться не сумел. Серега пристроился к нему в хвост, подтянулся и не отпускал. На скорости в сто пятьдесят километров они летели минут пять, потом внедорожник притормозил и медленно свернул направо, сползая на грунтовку. Уходящая в глубину леса дорога оказалась довольно ровной и сухой, но пыльной. Серега приотстал от джипа, чтобы не глотать пыль из-под чужих колес. Так они ехали еще минут десять. Лесная дорога виляла из стороны в сторону, и в какой-то момент Никита изрядно засомневался, что водитель внедорожника действительно знает, куда едет. Но лес внезапно кончился. Теперь грунтовка спускалась на дно огромного песчаного карьера, а в конце его сворачивала вправо. Этот поворот соответствовал представлению Никиты о верном направлении движения, и он почти успокоился.

Характер почвы изменился. Видимо, из-за повышенной влажности грунта пыли здесь не было, и Серега прибавил скорость, приблизившись к джипу на какие-то два-три корпуса. Потому-то и не успел затормозить, когда случилось это. То есть нажать-то на тормоза он успел, но толку от того уже не было.

Ехавший перед ними внедорожник исчез. И Никите, и Сереге поначалу показалось, что он попросту провалился во внезапно открывшуюся яму. Серега с невнятным воплем ударил по тормозам, но намертво схватившиеся колеса продолжали с громким шорохом скользить по земле. В критические моменты мозг начинает работать чрезвычайно быстро. За оставшиеся несколько секунд Никита понял, что хотя джип исчез, никакой ямы впереди нет, он даже почти успел удивиться, но

потом «десятка» ухнула куда-то вниз, а стекла машины объяла непроницаемая чернота...

* * *

Он ощутил на щеках тепло, а на губах сладкое и открыл глаза, встретившись с испуганным взглядом Кати.

— Ты живой?

— Не уверен, — ответил он.

Катя склонилась над ним, опираясь коленями о водительское сиденье. В руке мокрый носовой платок, сложенный словно тампон. Никита облизнул губы, вторично удивляясь их сладости, и почувствовал, как стягивает кожу лица.

— Что это?

— Чай, — сказала Катя. — Из термоса. Он, правда, сладкий, но ничего другого под рукой не было.

Она сунулась было к нему со своим тампоном снова, однако Никита деликатно, но твердо отвел ее руку.

— У нас в багажнике целая упаковка воды, — сказал он. — Сейчас достанем и умоемся. А Серега где? Он в порядке?

— Они с Леной пошли осмотреться. А ты как себя чувствуешь?

Никита осторожно пошевелился. Болела шея, левый локоть, гудело в голове, но все неприятные ощущения оставались в пределах терпимости. Тяжких и менее тяжелых травм он явно избежал.

— Нормально, — сказал он, автоматически добавляя в тон геройские интонации. — Где это мы?

— Я не знаю.

Лобовое стекло «десятки» было покрыто непроницаемым для взгляда, густым слоем пыли. Правое окно, запорошенное меньше, пропускало лишь какой-то странный оранжевый полусвет. Никита распахнул дверцу и выбрался наружу. Поднимавшийся над горизонтом солнечный диск показался ему слишком крупным и тускловатым. «Ну и подняли мы пылицы!» — объяснил себе причину Никита, сделал шаг, тут же споткнулся и поглядел под ноги. Машина стояла на почве, довольно мало пригодной для движения на резиновых колесах. Собственно, это не почва была, а сплошная скала с неровными, острыми гранями, трещинами, буграми и впадинами, по которой и ходить-то надо было с опаской. Впереди, метрах в пятидесяти, поверхность уходила вниз, то ли обрываясь, то ли опускаясь с большим наклоном — отсюда Никите было не разобрать. Над линией этого условного горизонта поднимались черные утесы, а настоящий горизонт, просматривавшийся в их уз-

ких промежутках, имел иной цвет — желто-красный, словно битый кирпич пополам с прибрежным песком. Позади — такие же черные утесы со странными яркими голубыми пятнами у основания.

Кожу стягивало все сильнее и противней, и только теперь Никита понял, что погода установилась довольно жаркая, даже душная. Он открыл багажник, достал из своей сумки пластиковый двухлитровый баллон с минералкой, осторожно открыл крышку, чтобы не хлестануло фонтаном, сделал два длинных глотка и принялся отмыться от липкости сладкого чая, экономно наливая пузырящуюся влагу в ладонь. Потом обтерся краем футболки и, видимо, только в этот момент очухался полностью, потому что с некоторым смущением обнаружил: Катя внимательно смотрит на него, стоя у водительской дверцы.

— Катя, ты меня извини, что сразу не предложил, водички не жалеешь? — протянул он баллон.

— Нет, спасибо, — мотнула она головой.

— Куда они пошли? — спросил он.

— Туда, — показала Катя в направлении спуска.

— Давай и мы посмотрим.

— А ты как себя чувствуешь?

— Да нормально, — Никите льстила ее забота. — Это было что-то вроде легкого нокаута. Больно здорово нас тряхнуло. Но теперь все в порядке.

Они зашагали по каменной поверхности, тщательно выбирая место, чтобы поставить ногу, а когда добрались до начала спуска, увидели внизу Серегу и Ленку, замерший внедорожник и еще несколько фигур вокруг него. Спуск не был чересчур крутым или слишком длинным, хотя преодолевать его на машине Никита стал бы с большой осторожностью. Внедорожник же пролетел по нему со скоростью не менее восьмидесяти километров. Водителю и пассажирам несказанно повезло, что джип не перевернулся, попав колесом на камень, но тем везение и кончилось. Видимо, от растерянности и шока водитель принялся тормозить лишь в самом конце спуска, но погасить инерцию тяжелой машины было уже невозможно, и внедорожник на приличной скорости врезался в огромный валун. Пассажиров спасли системы безопасности. Никита подумал, что если бы «десятка» шла первой или Серега не среагировал бы вовремя, на месте внедорожника сейчас были бы они и с гораздо более тяжелыми последствиями для здоровья. Два парня, похожие друг на друга плотным сложением и короткими стрижками, ковылялись в развороченном двигателе без малейшей надежды его оживить.

— А, Никита! — Серега обрадованно махнул ему рукой. — Оклемался? Как себя чувствуешь?

— Да все в порядке, — уже в третий раз ответил Никита. — А тут что?

— Тоже без больших проблем, насколько я понимаю. Подушки безопасности сработали. Только один мужик в салоне лоб себе рассек. Но это просто царапина.

Пострадавший как раз в этот момент выбрался из джипа. Это был мужчина лет сорока с обвислыми щеками, большой залысиной и изрядно оплывшей фигурой, в ярких синих джинсах и клетчатой безрукавке. Лоб его был заклеен пластырем. Новых действующих лиц он удостоил лишь короткого взгляда, продолжая манипуляции с блестящей коробочкой мобильного телефона. Он то тыкал в кнопки пальцем, то прижимал аппарат к уху, потом встряхивал и снова внимательно слушал.

— Разбился на хрен, — в сердцах рывкнул он. — Эй, у кого-нибудь из вас есть мобильник?

— Нет, — ответил за всех Серега. — В отпуске он нам без надобности.

— А где здесь ближайшая деревня? — продолжал допрос мужчина. Голос его звучал высокомерно и требовательно, что Никите здорово не понравилось. Впрочем, возможно, мужик просто не вышел из состояния шока. — Там трактор достать можно?

— Вот этого я не знаю, — рассмеялся Серега.

— Ты чего ржешь?! — тут же рассвирепел мужик. — Я разве что-нибудь смешное сказал?

— В некотором роде, — кивнул Серега. — Ты про трактор спросил, но прежде действительно неплохо было бы деревню найти.

— Вы что, не местные? — удивился мужик.

— Да нет, — пожал плечами Серега. — Мы прямо за вами ехали. Вон там наша машина стоит.

— Что ты с ними болтаешь без толку! — прозвучал из машины капризный женский голос. — Сделай что-нибудь! Пошли Алексея или Петра за другой машиной!

Дверца джипа приоткрылась шире, и из салона появилась длинная, стройная ножка в легкой туфельке, а вслед за ней и ее обладательница. Вот она-то была настоящей красоткой, ничего не скажешь. Платиновая блондинка в суперкороткой юбке и полупрозрачной кофточке с идеально вылепленными чертами лица смотрелась на фоне раздолбанного джипа и диких камней странно, но весьма привлекательно. Прав-

да, Никита подумал, что сниматься в кино ее бы не взяли — слишком уж стандартной, какой-то безликой была ее безупречная красота. Но на модельном подиуме, на рекламном плакате рядом с шикарной машиной или даже с пачкой витаминизированного йогурта в руках она выглядела бы потрясающе. Красотка выбралась из машины, сделала пару шагов, споткнулась и ойкнула: чтобы ходить в таких туфельках по диким камням, требовалась осторожность.

— Женя! Долго мы тут будем еще сидеть? — потребовала она ответа, но мужик в джинсах только отмахнулся, пробурчав нечто неразборчивое.

Красавица сделала оскорбленное лицо, но больше ничего не произнесла.

Обтирая ветошью руки, подошел один из парней.

— Ну, что там, Алексей? — нетерпеливо спросил мужик.

— Глухо, Евгений Иванович. Радиатора нет, генератор всмятку, да и движок назад поехал. На месте ее не оживить.

— Где ваша машина? — повернулся мужик к Сереге.

— Там, — пожал тот плечами, начав понемногу хмуриться.

— Я тебе заплачу, — заявил мужик. — Сгоняй в деревню, пригони сюда трактор или что там есть. Ты понял? Бабки тебе нужны?

— Боюсь, не получится, — Серега все еще сохранял вежливый тон, но давалось ему это с трудом. — Деревню придется искать очень долго. Мне эти места совсем незнакомы, к тому же картер пробит. Больше километра, к сожалению, не прокатишься — движок заклинит. Но и это не самое главное.

— А что главное? — отчего-то с подозрением спросил мужик.

— Камни кругом. Даже на вашей лайбе, если бы цела осталась, не выбраться. Непонятно, как мы сюда влетели!

— Откуда вообще тут эта каменоломня взялась? — мужик зыркнул по сторонам яростным взором. — Когда ее успели здесь раскопать?!

Никита обратил внимание, что последнюю минуту Катя не следила за происходящим. Прижав ладонь ко лбу козырьком, она вглядывалась куда-то в небо, левее восходящего солнца. Никита посмотрел в том же направлении и увидел двух крупных птиц, летящих сюда и быстро увеличивающихся в размерах. Какими-то необычными показались Никите их движения. Птицы двигались странными рывками, то словно падая в небольшую воздушную яму, то взбираясь на горку, ни на секунду не прекращая работать крыльями. Ни коршуны, ни их более крупные пернатые собратья так не летают.

— Кто это? — спросила Катя.

Теперь и все остальные, прервав разговор, смотрели в том же направлении. Птицы подлетали все ближе и вдруг, замерев на мгновение в воздухе, одновременно свалились в крутое пике, будто нацеливаясь на стоявших людей. Женщины взвизгнули в один голос и присели, закрыв головы руками, да и мужчины непроизвольно пригнулись, но атака эта была лишь демонстрацией. В десятке метров от земли пике перешло в пологую глассаду, траектория полета выровнялась. Громадные перепончатые крылья прошелестели над самыми головами, Никита увидел кроваво-красные глаза летучих тварей, длинные пасти, полные зубов, изгибающиеся крысиные хвосты и почувствовал отвратительный запах падали. Еще несколько взмахов — и чудовища скрылись за скалой.

Бах! — грохнул пистолетный выстрел.

Ощерившись, Алексей водил стволом по опустевшим небесам.

— Кто это? — сипло вытолкнул слова из глотки Евгений Иванович.
— Что это за твари?! Разве такие птицы бывают?

— Птицы — нет, а летучие мыши даже очень бывают, — в голосе Сереги ощутимо прозвучала дрожь волнения. — Только не такие громадные. Вообще-то они очень похожи на птеродактилей. Вопрос в том, откуда они здесь взялись.

— Думаю, вопрос сформулирован некорректно, — сказал Никита. — Правильнее будет спросить: как оказались здесь мы?

— Где это здесь? Ты что, вообще, имеешь в виду? — пробормотал Евгений Иванович и замолчал.

Протекла минута полной тишины, а потом платиновая красавица, первой уяснившая смысл сказанного Никитой, открыла рот и пронзительно завопила.

* * *

Евгений Иванович Жернов тоже ехал отдыхать. Только не на море. Вместе с платиновой Викой (которую он представил, в качестве «э-э, супруги») и охранниками Лешей и Петей («э-э, сотрудниками») он собирался провести недельку на вилле, построенной на берегу Оки в окрестностях Калуги. Это было все, что он пожелал сообщить о себе, и, строго говоря, в нынешней ситуации этого было вполне достаточно.

Истерика Вики, как ни странно, прекратилась довольно быстро. Искушенная красавица обладала немалым здравым смыслом и сумела взять себя в руки, сообразив, что криком делу не поможешь. Интересно, что в те первые минуты никто из них даже не пытался вслух строить предположения о том, где именно они оказались и почему. Вероятно, каждый — и мужчины, и женщины — испытывал ощущение не-

коего табу относительно подобных тем, не желая даже озвучивать догадки, чтобы окончательно не прийти к сокрушающим рассудок выводам.

Намного важнее представлялась проблема, как выбираться из сложившейся ситуации. Естественное (и простейшее) предложение Сереги попытаться отыграть назад в буквальном смысле — возвратившись по ходу движения машин — было немедленно реализовано без малейшего успеха. С сердечным замиранием они прошли плотной группой метров пятьдесят до нагромождения камней — и ничего не случилось. Охранник Петя полез дальше, на некоторое время скрылся из вида, но минут через десять вернулся с порванной о камни штаниной и исцарапанными руками без всякого результата.

К этому времени обнаружилось лишь то, что в этом странном месте было вовсе не утро, а вечер. Солнце — или то, что его здесь заменяло — быстро погружалось за горизонт, поиски пути назад приходилось прекратить до наступления утра, когда бы оно ни наступило: шарахаться в темноте по скалам ни у кого желания не было. Жернов со своей командой поспешил до темноты вернуться к джипу. Никита им слегка позавидовал: ночевать в огромном салоне внедорожника четверым было вполне комфортно. «Десятка» в этом смысле здорово проигрывала, однако оставаться на открытом пространстве никому в голову не пришло. Неизвестно, кто еще может тут летать или ползать по ночам. Кабина машины служила хоть и относительной, но все же защитой.

А, в сущности, устроились неплохо. В конце концов, спать в самолетных креслах ничуть не удобнее, но ведь спали же всю жизнь во время перелетов и не жаловались. Никита даже испытал некое ощущение сродни уюту. Хотя, возможно, только потому, что рядом находилась Катя.

С заходом светила оказалось, что ночная темнота не абсолютна. На небеса взошли сразу два спутника. Каждый в отдельности поменьше и потусклее привычной Луны, в паре они давали достаточно света, чтобы различать силуэты окружающих машину скал.

— Две луны, — произнес Серега. — У Марса их тоже две. Но это, конечно, не Марс.

— А что же? — спросила Ленка.

— Хотел бы я знать...

«Даже если б Марс, легче от того бы не стало», — подумал Никита, но вслух этого произносить, конечно, не стал. В салоне установилась тишина, но никто из четверых заснуть не мог. В конце концов Серега кашлянул и негромко сказал, толкнув Никиту в бок:

— Пойдем перекурим!

— Далеко не отходите, — тут же предупредила Ленка. — И вообще могли бы здесь покурить.

— Да мы на пару минут.

Некурящий Никита понимал, что Серега вызывает его вовсе не для того, чтобы угостить сигаретой. Ему самому хотелось обменяться впечатлениями с товарищем и желательно без присутствия девушек.

Вокруг стояла тишина, которой ни Серега, ни Никита не слышали ни разу в жизни. Ни звук, ни движение не нарушали покоя ночи, и напряжение, владевшее ими обоими, понемногу ослабло. Зато оба они ощутили, как резко упала температура. Скорее всего, сейчас было не более пятнадцати градусов.

— Замерзнем к утру, — пожегился Серега.

— Не зима все же, — ответил Никита. — В крайнем случае плоды из багажника достанем.

— Кто его знает, зима тут сейчас или лето, — в сердцах обронил Серега. — Что делать-то станем?

— Как будто у нас есть выбор. Завтра будем осматриваться, искать, думать.

— Я, собственно, вот что хотел обсудить, — сказал Серега. — Не нравятся мне эти жлобы... товарищи наши по несчастью.

— Да и мне не нравятся, — согласился Никита. — Хотя судить по первому впечатлению дело не очень благодарное.

— Оно конечно... Только если мы тут задержимся, боюсь, не избежать проблем.

— Что ты имеешь в виду?

— Сдастся мне, с пищей и водой тут негусто. Насколько я понимаю, мы в пустыне.

— Это еще предстоит понять, где мы оказались, — сказал Никита. — Завтра разбираться начнем. А с едой-питьем и у нас не ахти.

— Вот именно. Не знаю, что они там с собой в дорогу захватили, но вот пистолеты у них точно есть. Поэтому я бы на всякий случай прямо сейчас провел ревизию наших запасов, а с раннего утра организовал где-нибудь неподалеку тайник.

— Насчет ревизии — согласен, а что касается тайника — не вполне.

— Почему?

— наших запасов еды даже при самой строгой экономии не хватит более чем на неделю. А вода кончится гораздо раньше. Не забудь: мы запасались всего на сутки пути. Не думаю, что этот Евгений Иванович со своей командой располагает большими ресурсами. Так что если мы

тут задержимся, перспективы одинаково кислые у всех. И порознь выживать будет сложнее, и нам, и им. Это ясно.

— Хорошо бы, чтобы то же самое поняли и они, — с большим сомнением произнес Серега.

— Мы постараемся им доходчиво объяснить, — пообещал Никита.

— Но в качестве «энзэ» я одну бутылку воды все же припрятал бы. Мало ли как дело пойдет.

— Только в качестве «энзэ», — согласился Никита. — Только завтра и незаметно от девчонок, чтобы лишний раз их не волновать. А у нас здорово картер пробило?

— Трещина есть и довольно приличная. Но трещина — дело десятое, на худой конец ее мастикой замазать можно, у меня с собой есть, только зачем? Ехать-то все равно некуда. Да и масло вытекло все...

— В этом мы тоже завтра попробуем разобраться. Ладно, пойдем спать. Надо как следует отдохнуть.

Они снова залезли в кабину, предварительно вытащив из багажника два пледа и передав их девушкам.

— Ну, вы что-нибудь придумали? — с надеждой спросила Ленка.

— Конечно! — бодро ответил Серега. — Но сейчас — все спим. Утро вечера мудренее.

— Ничего у нас не получится, — Ленка всхлипнула и почти неслышно заплакала.

— Прекрати! — сердито-растерянно сказал Серега. — Этого только не хватало.

— Лена, мы должны беречь влагу, — прозвучал спокойный голос Кати, и Ленка от неожиданности замолчала.

— Почему?

— Потому что она нам еще понадобится.

Дальше Ленка ничего спрашивать не стала, она словно испугалась и собственных вопросов, и возможных ответов на них. А Никита удивился Катиному самообладанию, одновременно испытал немалое облегчение: паника, которой он все время боялся, их маленькому коллективу пока не грозила.

Низкий, густой звук, родившийся где-то очень далеко, на самом краю окружающего их пространства, был похож на рев гудка проходящего поезда. Возникнув из тишины, он плавно достиг своего максимума и через несколько минут снова постепенно растворился в ночи.

— Что это? — Ленку колотило от ужаса. Наверное, перед ее мысленным взором сейчас предстала какая-то громадная тварь, способная проглотить «десятку», даже не раскусывая.

— Непонятно, — Никита и сам был изрядно взволнован. — Но звук-то, как мне кажется, механический.

— Я в детстве возле турбинного завода жил, так они там каждую ночь вот с таким же ревом лишний пар из испытательной установки стравливали, — торопливо подхватил Серега. — Так что все может оказаться не так плохо. Вот мы завтра и разберемся.

Они замолчали, напряженно вслушиваясь, однако ничто больше не нарушало безмолвия ночи. Больше никто из них не пытался заговорить. Усталость и перенесенное потрясение в конце концов взяли свое. Никита не заметил, как заснул, а когда вновь открыл глаза, увидел, что темнота за стеклами машины сменилась серым светом наступающего утра. Он тронул Серегу за плечо, и тот мгновенно пробудился.

Они не хотели будить девушек и постарались выбраться из машины с максимальной осторожностью, хотя и Лена, и Катя, разумеется, проснулись и лишь сделали вид, что продолжают спать. Серега с Никитой прекрасно это поняли и, в свою очередь, сделали вид, будто ничего не заметили. Они выбрались из машины и огляделись. Воздух был заполнен легкой дымкой, сужавшей пределы видимости метров до двухсот. Никита потрогал капот, потом нагнулся и провел пальцем по камню.

— Камни-то сырые, — тихонько сообщил он Сереге. — Это роса. И туман. Не знаю откуда, но в атмосфере довольно много влаги.

— Проблема в том, как ее из атмосферы вытащить, — проворчал Серега.

— Постараемся, может, и вытащим, — не слишком уверенно заявил Никита. — Пойдем пока осмотримся. Только монтировку прихвати на всякий случай.

Серега взял не только монтировку. Из багажника он вытащил фонарик и небольшую складную подзорную трубу, специально приобретенную к отпуску, чтобы любоваться горными высями и морскими далями. Не стовариваясь, они пошли в ту же сторону, что и вчера, с тайной мыслью, что Мироздание оставит наконец свои непонятные забавы и откроет запертый проход. А когда убедились, что этого так и не произошло, одновременно взглянули друг на друга, грустно усмехнувшись растаявшей как облачко пара надежде. На камни они не полезли, взяли левее, выбирая более удобный путь, хотя Никита вначале собирался обойти препятствие справа, чтобы увидеть поближе странную голубизну у основания черных утесов, так заинтересовавшую его вчера. Но сейчас они пробирались, лавируя между глыбами, то и дело попадая в тупики каменного лабиринта, к избранному с самого начала ориентиру — скале высотой с пятиэтажный дом. В последний раз они

попали в ловушку, когда до цели было рукой подать. Проход между камнями превратился в щель шириной в ладонь, но идти назад Серега не захотел.

— Подержи-ка!

Он сунул монтировку Никите, осмотрел препятствие, потом подпрыгнул с криканьем, ухватился за уступ, подтянулся раз, другой и оказался наверху.

— Делай, как я! — гордо скомандовал он. — Только монтировку вначале мне кинь.

Вскарабкаться на глыбу действительно оказалось несложно, а спуститься с другой стороны еще проще. Только спускаться они не спешили, осматривались. Камень под ногами здесь заканчивался. Дальше начиналось ровное, голое пространство, границы которого скрывались в утренней дымке. Место, куда рухнула их машина вслед за джипом — бугристое, усыпанное камнями скальное образование, — напоминало спину огромной черепахи, уснувшей в пустыне и занесенной ветрами по самую верхушку панциря, который потихоньку начал разрушаться от времени, покрываясь трещинами и сколами. Их скала-ориентир непосредственно с панцирем не сообщалась. В полусотне метров от его границы она автономно поднималась из грунта, будто в последний момент засыпающая черепаха воздела вверх свою конечность, окаменевшую в тот же миг под воздействием колдовских чар. Скала была высокая, но изрядно посеченная временем и ветрами, чтобы залезть на нее, ни альпинистской сноровки, ни специального снаряжения не требовалось. Мысль забраться наверх, чтобы осмотреться вокруг как следует, возникла одновременно у обоих.

Никита первым спрыгнул на почву, хрупнувшую под подошвами его кроссовок, словно снежная пороша крепко морозного дня, пересек пустое пространство и принялся карабкаться вверх. Это действительно оказалось нетрудно. Через десять минут оба стояли на вершине.

Выползавшее из-за горизонта светило постепенно истончало кисею атмосферной влаги, все дальше открывая взгляду ровную поверхность, совершенно одинаковую во всех направлениях. Это была пустыня без песка, выжженная солнцем мертвая степь. Лишь кое-где из красноватой почвы торчали редкие побеги низкого кустарника — единственное свидетельство существования жизни. Их каменный «остров» в пустыне предстал отсюда, как на ладони — неровный овал километра два на полтора, дикое нагромождение глыб и скал за исключением нескольких относительно ровных площадок, вроде той,

на которую попали «десятка» и внедорожник. Никита увидел, что «десятку» от границы острова отделяет не слишком большое расстояние. Можно было даже предположить, что, расчистив от камней путь, удастся вывести автомобиль в пустыню, если бы не последнее препятствие: метровый обрыв на границе камня и земли, преодолеть который «десятка» вряд ли сумела бы, управляя машиной даже опытный каскадер. И разогнаться для прыжка тут было негде. Несколько мощных скал, подобных той, на которой они сейчас находились, выступали из каменного основания или из почвы рядом с «островом», словно прибрежные утесы — последняя надежная твердь перед бескрайним пустынным океаном. Никита заметил движение на вершине одного из них, различил две человеческие фигуры и толкнул Серегу.

— Наши друзья тоже отправились на разведку. Ход мыслей у них тот же, что у нас: забраться повыше и оглядеться.

— Молодцы, — буркнул Серега и принялся настраивать подзорную трубу.

— Ну что, будем считать, что мы в Каракумах? — попытался пошутить Никита, но шутка прозвучала довольно уныло.

Серега пристально вглядывался в полностью очистившийся горизонт.

— Посмотри-ка! Что это?

Он передал трубу Никите. Там, где пустыня соединялась с небом, Никита увидел темную полосу. Она могла быть чем угодно: горной грядой, лесом или даже облаком — разобрать на таком расстоянии с помощью восьмикратного увеличения было совершенно невозможно. Все-таки труба была не совсем настоящая, поскольку предназначалась главным образом для праздных туристов, какими они и собирались быть в течение отпуска. Некоторое время Никита вглядывался в непонятный объект, потом вернул трубу Сереге и отер набежавшую слезу.

— Не там ли ночью шумело? — высказал Никита предположение. — С другой стороны, далековато вроде.

— Нет, шумело-то как раз не там, — возразил Серега и снова приложил прибор к глазу.

Пока он осматривал окружавшие их бесплодные земли, Никита решил прогуляться по вершине покоренного монолита. Он осторожно пошел по краю, заглядывая вниз, и обнаружил нечто интересное, заставившее его окликнуть товарища.

— Сергей, иди-ка сюда! Посмотри, кажется, там внизу пещера.

Несколькими метрами ниже в скале открывалось темное отверстие.

Сверху туда вел не слишком сложный спуск, выводящий на широкий карниз.

— Заглянем?

— Не зря все-таки фонарик захватили, — похвалил себя за предусмотрительность Серега. — Давай поглядим. Только я пойду с монтировкой первым. Может, там эти твари ночуют, которых мы вчера видели.

Держа монтировку наготове, он спустился на карниз и осветил в дыру.

— Ни черта не видно, — сообщил он. — Но и не воняет ничем. Похоже, эта пещера никем не занята.

— Расслабляться все равно не стоит, — предупредил Никита.

— Не бойся, прорвемся, — пробормотал Серега.

Ход с карниза уходил в тело скалы вниз и поворачивал вправо. Они медленно двинулись по туннелю, останавливаясь через каждые несколько шагов и вслушиваясь в тишину каменного лаза. Но все было спокойно. Туннель вскоре закончился, стены раздались в стороны и вверх, образуя не слишком просторную пещеру, вытянутую в длину. Дно ее под небольшим углом понижалось к дальней стене, возле которой что-то влажно поблескивало в луче фонаря.

Серега приблизился, опустился на колени и потрогал.

— Вода! — радостно воскликнул он. — Никита, это вода!

В крохотном озерце (а точнее, в большой луже) вряд ли набралось бы больше четырех-пяти ведер жидкости, однако в их положении находка представлялась просто бесценной.

— Откуда здесь взялась вода?

— Скорее всего, осталась после дождей. Теперь понятно, почему на эту пещеру нет претендентов. Дожди вполне могут заливать ее доверху.

— Тогда она и нам не подходит, — в голосе Сереги прозвучала удивившая Никиту нотка разочарования.

— Для чего? Ты что, жить тут собрался?

— Просто оцениваю различные варианты, — смутившись, буркнул Серега.

Для первой вылазки этого открытия было вполне достаточно. Они отсутствовали уже более часа и решили возвращаться, чтобы не заставлять беспокоиться девушек.

Обратный путь занял намного меньше времени. Оказалось, что к их возвращению Ленка и Катя приготовили завтрак: расстелили на коврике клеенку и выставили на ней термос с остатками чая, початую бутылку воды и бутерброды. По два бутерброда на каждого. Поглядев на импровизированный стол, Никита ощутил голод, и это его напугало.

— Какие вы молодцы! — бодрым голосом похвалил девушек Серега, хватая бутерброд. — А мы как раз проголодались.

— Вы что-нибудь обнаружили? — спросила Катя.

— Кое-что, — ответил Никита. — Во-первых, мы нашли прекрасное укрытие.

— От кого? — презрительно фыркнула Ленка.

— Просто укрытие, — терпеливо сказал Никита. — Допустим, от жары и всяких неласковых тварей.

— До неласковых тварей еще дожить надо, — грустно сказала Ленка. — Еда и вода кончатся, что тогда делать будем?

— А мы не станем дожидаться, когда это произойдет, — заявил Серега.

Ленка хотела потребовать немедленных разъяснений, но в этот момент они услышали шаги, и из-за камня вышел Жернов с обоими телохранителями. На его груди болтался бинокль, в руке он держал полиэтиленовый пакетик, в очертаниях содержимого которого определенно просматривалась бутылка. Красавицы Вики среди гостей не было, и это вызвало и у Сереги, и у Никиты подсознательное чувство тревоги.

— Доброе утро, приятного аппетита, — вежливо произнес Жернов, обшаривая глазами клеенку с остатками пищи. — Кажется, сегодня будет страшная жара. Вы водичкой не угостите?

— Конечно, — сказала Катя. Она взяла с капота баллон и пластмассовую чашку и протянула Жернову.

Тот налил чашку до краев, выпил, налил еще раз и снова выпил, только после этого передал баллон с чашкой ближайшему телохранителю и та же процедура повторилась еще дважды. Воды в баллоне после этого осталось на доньшке.

— Ну, господа, — сказал Жернов. — Какие идеи появились у вас по поводу выхода из сложившейся ситуации?

— Определенных идей нет, — осторожно ответил Никита. — Только предварительные наметки.

— Я так и думал, — кивнул Жернов. — А мы в отличие от вас очень серьезно и много думали. Полагаю, вы понимаете, что, оставаясь здесь, мы ничего хорошего не высидим.

— Мы понимаем, — сдержанно наклонил голову Серега.

— Очень хорошо. Значит, отсюда нужно уходить. Чем скорее, тем лучше, пока у нас есть силы.

— Куда? — поинтересовался Никита.

— Утром мы сделали небольшую разведку. Вон в том направлении,

— Жернов показал рукой, — пустыня явно заканчивается. Там горы или леса, а может быть, даже какая-то цивилизация. Кстати, вы слышали ночью странный звук?

— Слышали, — сказала Катя.

— Он явно не природного происхождения, — безапелляционно заявил Жернов. — И раздавался, насколько я мог заметить, именно с той стороны. Сам собой напрашивается вывод: мы должны как можно скорее отправляться туда. Иного выхода у нас просто нет. Вы со мной согласны?

— Пожалуй, — наклонил голову Серега, обменявшись с Никитой быстрыми взглядами.

— Очень хорошо. Тогда перейдем к деталям. Насколько я могу судить, дорога предстоит неблизкая. Километров двадцать — тридцать, не меньше. По открытому пространству да в жару. Сами понимаете, одолеть такой маршрут не каждому под силу. К тому же потребуется много воды. Как, кстати, у вас с водой?

— Негусто, — коротко ответил Серега.

— Вот и у нас тоже, — вздохнул Жернов. — Ясно, что на всех в пути не хватит. Поэтому наше предложение такое: часть из нас отправится в путь, а другая останется ждать. Как только мы отыщем воду, вернемся за остальными.

— Вы сказали «мы», значит, уже решили, кто идет, а кто остается? — спросила Катя.

— Совершенно верно, — с готовностью ответил Жернов. — Отправимся мы, а вы будете нас ждать. Мне не хочется подвергать вас излишней опасности. Поверьте, мы намного лучше готовы к подобным испытаниям.

— Что-то я сомневаюсь, — хмыкнул Серега, демонстративно оглядев полноватую фигуру Жернова.

— Ваше право, — не обиделся тот. — Но решение принято.

— А если мы с ним не согласимся? — поинтересовался Никита.

— Да кто тебя спрашивает? — мрачно осведомился один из телохранителей. Кажется, его звали Алексеем. — Давай, Петя, делай дело, хватит базарить.

Второй — Петр — поднял крышку багажника «десятки» и принялся потрошить сумки и чемоданы, выбрасывая вещи прямо наземь.

— Да что же вы делаете! — вскрикнула Ленка, бросаясь к нему, но Никита перехватил, удержал.

Серега стиснул челюсти и тоже шагнул вперед, но телохранитель Алексей с хмылкой вытащил пистолет и выразительно повертел им.

— Это низко, — негромко сказала Катя. — Это просто подло и гадко.

— Что вы так переживаете, девушка? — удивился Жернов. — Не считайте нас какими-то монстрами. Мы просто обязаны как можно лучше подготовиться к дороге. Я же сказал: мы обязательно вернемся. Я просто хочу сберечь наше общее время. К чему тратить его на дискуссии, результат которых и так известен.

Сейчас он выглядел искренне обиженным. Тем временем Петр сноровисто и профессионально вершил обыск с конфискацией имущества. Носильные вещи небрежно отбрасывал в одну сторону, пищевые продукты и баллоны с газировкой аккуратно складывал в другую. Жернов подошел поближе, покопался в груди вещей.

— У вас какой размер, девушки? — спросил он, поднимая полиэтиленовый пакет с Ленкиными теннисными тапочками, которые она специально взяла с собой для игры, поскольку на грунтовые корты в кроссовках не пускают.

Никто ему не ответил.

— Тридцать шестой, — пробормотал Жернов себе под нос. — Определенно тридцать шестой. Вот что, девушки, вы уж извините, эту обувь я тоже возьму. А то Вика, кроме своих паршивых туфелек, с собой ничего не прихватила. По пустыне, сами понимаете, в них далеко не уйдешь.

— А запасные подштанники тебе не требуются? — осведомился Сергей. — Ты бери, не стесняйся.

— Не надо пошlostей, — поморщился Жернов. — Научись принимать неизбежное, как мужчина. Неужели ты не понял, что я честно даю тебе шанс. Только от тебя зависит, как ты его сумеешь использовать. Петя! Сколько там баллонов?

— Пять штук, — ответил тот. — Почти полная упаковка.

— Оставь им один. И пару банок консервов, — он подошел и сам порывлся в добычу. — Колбасу мы вам тоже оставляем. Мы справедливы. Рекомендую, кстати, поскорее ее съесть. Климат тут для хранения не подходящий. Все! Ждите и не теряйте надежды... Да! Не считайте меня негодяем, в конце концов! У меня тоже есть для вас подарок.

Он достал из полиэтиленового пакета бутылку с желтоватой жидкостью и поставил возле колеса, рядом с баллоном минералки.

— Настоящее виски, «Блэк лэйбл». Никаких подделок! Мы все делим по-честному.

По-видимому, Жернов был искренне доволен собой. Дождаясь, пока телохранители Петя и Леша упакуют похищенное в опорочен-

ную сумку Никиты, которую можно было использовать и как рюкзак, он смотрел на ограбленных с доброй улыбкой и, кажется, немного огорчился тому, что не услышал в свой адрес слов благодарности. Закончив дело, грабители спокойно удалились. Замыкал процессию Алексей, пистолет он в кобуру так и не убрал и пару раз оглянулся с нехорошей ухмылкой.

— Па-адонки! — визгливо крикнула им вслед Ленка.

Ответом было лишь короткое эхо.

* * *

Никита никогда не был на экваторе. Ему не приходилось бывать и в пустыне. Максимум температуры, испытанный им в жизни, равнялся плюс тридцати шести в условиях болгарского курорта Албена. Сотня метров разделяла в тот трудный час его гостиничный номер и теплое, но все же прекрасно освежающее организм море. Вспоминая прежние ощущения, Никита вынужден был сделать вывод, что жара тут ощущается куда круче. К тому же море отсутствовало. Никита вспоминал все, что когда-либо читал о пустынях. Влагу в организме сохраняет толстая, паропроницаемая одежда — среднеазиатские ватные халаты или снежно-белые арабские хубы и халайбы, которых у них нет. Он вроде слышал, что во времена второй мировой армия воюющих в Северной Африке противников в основном передвигались ночью. Не только для того, чтобы не стать мишенью авиации: днем по пустыне далеко не уйдешь. Днем солдаты отдыхали под брезентовыми тентами, сохраняя влагу в организме. Вечером досыта пили воду и совершали марш-бросок. Иначе ничего не получалось. Маршировать при пятидесятиградусной сухой жаре была неспособна даже техника.

Он провел сухим языком по сухим губам. Хотелось пить, но об этом сейчас думать не следовало. Нужно некоторое время, чтобы организм перестроился на режим водной экономии. Никита поглядел в выбеленное зноем небо и увидел две черные точки. Вчерашние летающие твари или их близкие родственники парили далеко в стороне от каменного острова, но он безошибочно узнал их странную, дерганую траекторию полета, различимую даже с такого расстояния, и совершенно искренне пожелал летающим зверям счастливой охоты, имея в виду Жернова с его бодигардами. Надежды на успех у зверей было, однако, немного. По крайней мере, пока в пистолетах Пети и Леши не закончатся патроны.

Короткая цепочка уходящих некоторое время была хорошо видна с

вершины каменной глыбы, по соседству с которой замерла «десятка». В сокращающейся тени монолита они пока еще спасались от лучей светила, упрямо карабкающегося в зенит.

Первым шел один из телохранителей, за ним — Жернов. Оба с поклажей за плечами. Потом налегке — фотомодель Вика в широкополой шляпе. Замыкал процессию второй телохранитель. На своих широких плечах он не нес ничего, зато тащил за собой двухколесную тележку с каким-то грузом. Они шли друг за другом, не оставляя за собой на плотном грунте никаких следов.

Ветер от зноя спасти не мог. Разве способен освежить воздух, вырывающийся из раскаленной духовки? Счастье хотя бы, что его порывы были недостаточно сильны, чтобы сорвать растянутый Никитой и Серегой брезентовый тент, который они привязали одной стороной к багажнику «десятки», а другой — к стальным кольшкам, кое-как закрепленным в трещинах скалы. Под этим тентом все они сейчас прятались от солнца, пытаясь осмыслить новый порядок вещей. Под днищем «десятки» были сложены их жизненные ресурсы: двухлитровый баллон с водой и две банки консервов — белая фасоль в томате и оливки, великодушно оставленные им Жерновым, а также остатки хлеба и колбасы (сыр грабители забрали). Здесь же находилась бутылка виски, годного в данной ситуации лишь в качестве антисептика. Еды было маловато. Правда, в сумочке Кати — ее грабители не заметили — обнаружилось две стограммовые плитки шоколада «Аленка». Все сразу единогласно решили, что это абсолютно неприкосновенный запас и трогать его следует лишь в крайнем случае. Там, в сумочке, и оставили, только положили в полиэтиленовый пакет, чтобы шоколад не вытек от жары.

— Когда Робинзон на своем острове загрустил, то взял бумажку и написал, что у него плохо, а что хорошо, — сказал Никита. — Вы читали «Робинзона Крузо»?

— Я кино смотрела, — вяло отозвалась Ленка.

— Я читала, только давно. Поэтому не помню, — сказала Катя. — А что у нас хорошего?

— Хорошо, что они нас сразу не застрелили, — ухмыльнувшись, начал Серега.

— Хорошо, что мы сразу не подошли, — включилась Ленка. — Могли бы в каменюку вмазаться похуже этих дебилов.

Она хихикнула и тут же, без перехода, всхлипнула.

— Может, и зря, что не вмазались. Ведь без еды и воды все равно помер.

— А что ты добавишь, Никита? — спросила Катя.

Он ждал этого вопроса и обрадовался, что услышал его из Катиных уст.

— Во-первых, хорошо, что они ушли, — начал он. — Во-вторых, хорошо, что мы попали в пустыню, а не в зимнюю тундру.

— Там хоть вода есть, — вздохнула Катя.

— У нас тоже. Я не имею в виду щедрый дар Жернова. Но, по крайней мере, смерть от жажды нам не грозит.

— Почему? — встрепелась Ленка.

— Воду мы с Серегой нашли, вода на данный момент не главное.

— Где? — воскликнули в один голос Катя и Ленка.

— Вон на той скале, в пещере.

— Чего же вы сразу не сказали! — обиделась Ленка.

— Да просто не успели. Только собрались, когда к нам гости пожаловали. А радовать их мне как-то не захотелось.

— Так им и надо, сволочам, — мстительно воскликнула Ленка. — Тогда нам тоже нужно идти, да?

— Слишком большой риск, — сказал Никита. — Пешком мы можем не дойти.

— Почему?

— До того места, куда они направились, вовсе не двадцать километров и даже не тридцать.

— А ты откуда знаешь? — заинтересованно приподнялся на локте Серега.

— Я посчитал тут на досуге... Это несложно. Задача из геометрии восьмого класса. Та скала, на которую мы взобрались, высотой метров сорок. Ты согласен?

— Ну да, — согласился Серега.

— Давай считать, что мы в Каракумах. Я имею в виду, что размеры этой Земли такие же, как нашей. Собственно, скорее всего, так оно и есть: сила тяжести тут абсолютно такая же. Поверхность пустыни довольно ровная. Тогда с высоты сорока метров мы можем обозревать горизонт на расстоянии около сорока километров.

— Жирный так и говорил.

— Он сказал тридцать. Но даже это не главное. Они шли не к условной границе горизонта, а к линии, которую ему — и нам — удалось разглядеть. Дай Бог, чтобы это был лес. Представь себе, что он поднимается из-за горизонта, линия которого как бы срезает его наполовину. Если эта линия находится хотя бы в десяти метрах над землей, на уровне середины высоких деревьев, дорога до опушки удлинится кило-

метров на двадцать. Итого — шестьдесят. Два дня пути. Может быть, они и дойдут, но возвращаться точно не станут.

— А ты сомневался? — недобро усмехнулся Серега.

— Нет, конечно, — мотнул головой Никита. — Но если они и мы увидели не деревья, а вершины гор, даже не слишком-то высоких, то чтобы достичь их подножий — и двести километров не расстояние. Двухсот километров никому не пройти.

— Молотобойцы его неплохо накачаны, — заметил Серега. — Если бросят по дороге жирного и слопают фотомодель, вполне могут добраться.

— Ты какие гадости говоришь! — фыркнула Ленка.

— Не думаю, что Жернов так прост. Наверняка он предусмотрел подобный поворот событий, — сказал Никита.

— Вот я тебя, Ленка, есть ни за что не стану, — пообещал Серега.

— Сережа, не увлекайся, пожалуйста, — попросила Катя.

Он и сам сообразил, что подобные шутки звучат мрачновато, и умолк. Некоторое время они обдумывали услышанное.

— Что же мы станем делать?

— Может, лучше поехать? Машина-то у нас почти исправна.

— Что толку? — хмуро спросил Серега. — Она же не на пружинках. Ей на землю с этого карниза не прыгнуть. И через эти каменюки не пробраться. К тому же масло вытекло, запаса у меня нет, я немножко взял, только чтобы доливать.

— Масло мы можем слить из джипа, там его на две «десятки» должно хватить. А дорогу до карниза можно попытаться расчистить.

Серега внимательно посмотрел на Никиту, хотел что-то возразить, но передумал.

— Давай-ка сходим к внедорожнику, посмотрим, что там можно использовать, — предложил Никита.

В разведку отправились все вместе, как ни убеждал Никита девушек остаться. К этому времени камень раскалился светилом так, что тепло ощущалось даже сквозь подошвы кроссовок. Впрочем, возможно, то было всего лишь психологической иллюзией. Возле покинутого джипа валялись три пустых пластиковых баллона из-под пива и кока-колы. Увидев их, Никита обрадовался: емкости для воды были очень нужны. Поискав вокруг, он обнаружил и закручивающиеся крышки, правда, только две, но и это было неплохо.

— Масло есть, — сообщил Серега, вытащив измерительный шуп. — Сольем его в резиновые поддоны для ног и перетащим. — Теперь давай багажник обшарим как следует.

Первым, что они увидели, подняв заднюю дверцу, был картонный ящик с виски — тем самым, бутылку которого они получили в обмен на свои жизни. Из шестнадцати ячеек пустыми оказались только две. Еще одну бутылку Жернов, видимо, захватил с собой.

— Вот же жлоб, скотина! — выругался Серега. — Даже пару бутылок поленился нам отнести. Все равно ведь здесь бросил!

— А я даже поблагодарить его готова за то, что оставил, а не разбил, — неожиданно вмешалась Катя.

— Да зачем нам это пойло?!

— А умываться чем будем? — удивилась она. — Не водой же...

Мужчины посмотрели на нее с уважением.

— Давай инструменты посмотрим, — сказал Никита.

Серега в ответ лишь безнадежно махнул рукой.

— Такие бобы инструментов с собой не возят. Зачем ему инструменты? Он, чтобы пепельницу вытряхнуть — и то команду мастеров по мобильнику вызывает.

Тем не менее кое-что полезное в багажном отделении обнаружилось. К сожалению, в двадцатилитровой канистре бензина не оказалось вовсе, но Серега, покопавшись в разбитом движке, сумел слить в нее около десяти литров из бензобака. Получалось, что с учетом истраченного в пути они вновь имели полный бензобак «десятки» плюс собственная канистра Сереги. Они нашли пластиковую упаковку моторного масла и всякие баллончики и пузырьки с автокосметикой. Странно, что владелец джипа возил их с собой — видимо, просто сказывалась старая привычка. Больше всего Никита обрадовался молотку — массивному и тяжелому, на крепкой рукоятке. Нашлась здесь и монтировка, а в фирменном и даже не распакованном наборе инструментов, помимо ключей и отверток — небольшое зубильце из чрезвычайно прочной стали.

Содержимое длинного кожаного чехла, который Серега вытащил из-за спинки сиденья, вызвало у него приступ гомерического смеха. Там хранились складные пластиковые удилища и набор снастей, включая коробку с блеснами и синтетическими насадками, имитирующими червяков, мух и стрекоз.

— Дело осталось за малым — речку найти!

На секунду Никите показалось, что Серега склонен не просто отшвырнуть удилища, но предварительно поломать каждую секцию на несколько частей, и он поспешил вмешаться.

— Очень полезная вещь, — сказал он. — Просто прекрасно, что ты ее обнаружил.

— На кой черт нам это барахло?!

— Во-первых, не исключено, что речку мы все же найдем, — принялся объяснять Никита. — А если не найдем, ты посмотри как следует: каждое из колен — отличное древко для копья. Легкое и очень прочное. Вообще-то нам насчет оружия подумать придется.

Из оружия у них был лишь туристский топорик, охотничий нож Сереги, который он всегда возил с собой в багажник автомобиля, да небольшая складушка Никиты, пригодная, скорее, для резки колбасы. Поэтому Серега замолчал, ненадолго задумался, а потом, вооружившись монтировкой и пассатижами, вернулся к двигательному отсеку и принялся оттуда что-то выдирать.

— Вот! — гордо показал он через некоторое время Никите охапку медных трубок, стержней и прочих металлических деталей. — Это булущие наконечники для копий и стрел. Где-то подточить, где-то отковать... Ты оценил?

Из багажника вытащили все, поделив на две кучи: нужного и не очень. На самом деле, по разумению Никиты, рано или поздно им пригодилось бы все, начиная от колес и кончая крышей внедорожника, но забрать с собой все это было, разумеется, невозможно. Успехи девушек, обшаривающих салон, были скромнее. Дорожные карты в перчаточном ящике, полупустая газовая зажигалка там же, несколько старых газет и журналов в мешках за передними сиденьями, модельные туфельки Вики на высоких острых каблучках и косметичка. Самой значительной их находкой оказался патрон от пистолета Макарова, закатившийся под коврик водительского места. Этот патрон Никита обмотал пластиковым пакетиком, чтобы не выронить ненароком, и положил в потайной карманчик джинсов.

Ненужные вещи они так и оставили валяться на земле, нужные сложили в салон джипа. Возвращаясь, забрали с собой только пустую тару и инструменты. Это недалекая, в сущности, вылазка изрядно вымотала всех. Огненные лучи светила, казалось, прожигали одежду насквозь. Последний баллон с водой они опорожнили наполовину — по двести пятьдесят граммов воды на человека — и пообедали (а также поужинали) остатками зачерствевшего хлеба. Девушки спрятались под тентом, а Никита с Серегой отправились в пещеру возобновить запасы влаги.

Солнце тем временем начало постепенно склоняться к горизонту. Никита следил за его движением по часам и пришел к выводу, что если местные сутки отличались от земных, то ненамного. И если прочие условия подобия в этом мире соблюдались, то получалось, что «десять-

ка» вкуче с джипом провалилась из Подмоскovie в точку не выше местной тридцатой параллели. То есть это были точно не Каракумы, но что-то вроде Сахары или Калахари.

За день каждый из них изрядно обгорел. Но, как ни саднила кожа, усталость оказалась такой сильной, что в эту ночь все они мгновенно заснули на сиденьях «десятки» крепчайшим сном, не желая иных удобств...

Мощное басовитое гудение, почти на грани инфразвука, заставило корпус машины отозваться испуганной дрожью. Неведомый звук достиг своего максимума и плавно утих. Никита понял, что остальные разбужены феноменом так же, как и он, но не сделал попытки заговорить. Абсолютная тишина ночи вновь царила над всеми пределами. Сейчас мрак показался Никите много гуще. Возможно, потому, что одна из красных лун уже склонилась к горизонту и скрылась за скалами.

Но вторая назойливо и грозно уставилась прямо в лобовое стекло машины, словно налитый кровью глаз снайпера.

* * *

Расстояние, отделяющее машину от ровной почвы, равнялось пятидесяти трем шагам. Его следовало очистить от камней, а затем соорудить нечто вроде пандуса, по которому «десятка» смогла бы съехать в пустыню. Главным препятствием для проезда «десятки» был огромный, в половину человеческого роста валун, расположившийся точно посреди узкого прохода меж скал.

Просто откатить в сторону мешавшую глыбу не стоило пытаться даже с помощью девушек — она весила не меньше полутонны и прочно покоилась в каменном ложе. Прежде ее следовало расколоть.

Работать начали с рассветом. Пока девушки растаскивали камни помельче, Никита с Сергеем упорно долбили глыбу, прогоняя прочь подступающее отчаяние от осознания того, насколько огромен объем поставленной задачи. Глыба не желала поддаваться, молотки отбивали от ее поверхности лишь мелкую крошку. Тогда они изменили тактику. Внимательно осмотрев глыбу, нашли едва заметные трещинки и принялись расширять и углублять их с помощью зубил. Вероятно, именно так работали и профессиональные каменотесы, но у тех в руках были не молотки, а кувалды, да и зубила — не этим чета.

Первый ощутимый успех сопутствовал Сергею. После очередного удара от камня отвалился кусок килограммов в десять, едва не угодив Никите на ногу. Это вызвало прилив энтузиазма у обоих, очень скоро и Никита отколол от тела глыбы почти такой же кусок. Через два часа

работы они остановились передохнуть и оценить совершенное. Анализ был неутешителен.

— Такими темпами мы и за неделю не доломаем, — сказал Серега. — А неделю нам здесь не выдержать, сил не останется.

— Пойдем поглядим, как у девчонок дела, — предложил Никита.

С самого начала он предполагал, что материалом для пандуса послужат камни. Но соорудить насыпь объемом в два кубометра — работа не из легких даже для здоровых, сильных мужиков, в чем они убедились, поглядев на жалкие результаты усилий Кати и Ленки. Под карнизом на земле валялись два-три десятка некрупных камней, а сил у девушек уже не осталось.

— Я гляжу, у вас неплохо дела идут, — фальшиво приподнято воскликнул Серега.

— Не надо нас утешать, — тихо сказала Катя. — Мы делаем все, что можем, только камни уж больно тяжелые.

Лицо ее осунулось, глаза запали. А у Ленки, казалось, не было сил даже разговаривать. Острая жалость скребнула по сердцу Никиты.

— Главное, не надрывайтесь, — предупредил он. — Вы нам нужны живые и здоровые. Мы там закончим и здесь все сделаем.

— А вы закончите? — равнодушно спросила Ленка.

— Обязательно!

Мужчины развернулись и зашагали к своей глыбе.

— Мы все делаем не так, — сказал Никита.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам не обязательно крошить ее в щебенку, мы должны ее только передвинуть, верно?

— Ну!

— Нужно расколоть ее пополам, а обломки оттащить машиной. У тебя же трос в багажнике есть?

— Конечно, есть! — энтузиазм Сереги возродился на глазах. — Ты думаешь, машина вытянет?

— Вытянет, — убежденно кивнул Никита. — Мы польем камень маслом, чтобы лучше скользил, все будет нормально.

— Тогда дело за малым, камениюку расколоть, — усмехнулся Серега. — Только как это сделать? Инструмент наш не шибко для этого годится.

— Нужно думать дальше... — Никита ненадолго замолчал. — Знаешь что? Мы его взорвем!

Серега скептически хмыкнул.

— Патроном, который Ленка нашла?

— Ты помнишь огнетушитель в джипе? Здоровый стальной баллон под приличным давлением. Если его запихнуть под камень и как следует разогреть...

— Точно! — врубился Серега. — Обложим его тряпками, пропитаем как следует бензином и маслом — закипит, как чайник!

Новая идея добавила сил. Еще два часа без остановки, сменяясь каждые десять минут, они вырубали уходящий под камень шурф. Дело теперь шло много быстрее. Основание их каменного острова не было монолитным. Удары молотком по точно нацеленной монтировке отшибали от «панциря» приличные куски. Очень скоро длина монтировки оказалась исчерпанной, и чтобы пробиться дальше, пришлось расширять вход.

— Шабаш, — натужно выдохнул Серега, поднимаясь с колен. — Дальше не получится. Пошли за баллоном. Только вначале водички попьем.

Пить и в самом деле хотелось невыносимо. Но едва они выпили по две чашки подряд, как ощутили столь же сильный голод. К сожалению, время обеда не подошло. Еще с утра они приняли решение, что есть будут в два часа дня. Сейчас же было только двенадцать.

По дороге к джипу Никита почувствовал, что его ошутимо покачивает. От усталости, жары и голода кружилась голова. Он взглянул на бредущего перед ним Серегу и увидел, что походка товарища была такой же неуверенной, как и у него самого. «Если завтра отсюда не уберемся, то останемся навсегда», — высветилась до боли отчетливая мысль.

После осмотра огнетушителя настроение Никиты немного улучшилось. Это был старый, добрый кислотно-щелочной прибор, внутри которого после соединения компонентов начиналась бурная реакция образования пены под приличным давлением. Само по себе давление, скорее всего, не могло разорвать стальной баллон, хотя огнетушитель все же имел предохранительный клапан, который Никита намертво заклепал прямо здесь. Кроме него они прихватили тряпки, служившие не так давно одеждой Вики и Жернова, упаковку масла и еще кое-какие мелочи, чтобы полностью оправдать совершенный рейд.

К тому времени, когда они вернулись, светило достигло зенита и жара сделала невозможной какую-либо активную деятельность. Девушки бессильно лежали под тентом и лишь приподняли головы в ответ на их возвращение. «Как бы тепловым ударом не долбануло», — встревожился Никита.

— Вы протритесь виски, — предложил он. — Полегче будет. Спирт испарится и охладит кожу.

— Скоро кожа тоже испарится, — побормотала Ленка.

— К тому времени нас здесь уже не будет, Лен, — бодрясь изо всех сил, сказал Серега. — Сейчас мы тут такой бенз устроим, небу жарко станет. Пошли, Никита!

Они завернули в тряпки огнетушитель вместе с двумя аэрозольными баллончиками с автокосметикой и щедро пропитали сверток смесью бензина с маслом. Толку от баллончиков, верно, будет мало, но Никита надеялся, что они хоть чуть-чуть увеличат мощность взрыва. Длинный лоскут от Викиной футболки послужил фитилем. Никита зачихнул бомбу в шурф, рванул рычаг огнетушителя, приводящий его в действие, и выбрался наружу.

— Поджигай! — скомандовал он.

Серега щелкнул зажигалкой. Огонь быстро пробежал по фитилю. Под камнем вспыхнуло жаркое, чадающее пламя. Никита с Серегой отбежали за выступ скалы. Протекла минута, три, пять...

— Надо было масла прямо под камень налить, — с тоской сказал Серега. — Не хватит жара, ох, не хватит...

И тут грохнуло. Осколок металла с воем прочертил рикошет где-то над их головами. Они выскочили из-за скалы и в первое мгновение потерянно замерли. Силы взрыва оказалось недостаточно, чтобы расколоть камень. Но произошло иное. Толчок слегка приподнял глыбу с одного края. Вероятно, глыба лежала на этом месте сотни лет и пролежала бы еще столько же, однако положение ее было не самым устойчивым, центр тяжести камня располагался достаточно высоко. Ни ветры, ни жалкие усилия людей не способны были его поколебать, но энергия взрыва сумела вывести глыбу из состояния равновесия. Глыба медленно накренилась, затем ее вращение вокруг собственной оси ускорилось, она плавно сделала два оборота, освобождая проход, мощно впечаталась в скалу и замерла, теперь уже окончательно.

— У нас получилось, — сказал Серега и заорал во все горло: — У нас получилось!

Забыв о жаре, восторженно прыгали, визжали Ленка и Катя. Впрочем, изъявление радости отнимало немало сил и прекратилось очень быстро.

— Теперь осталось только мостик сделать, да? — спросила Ленка, и голос ее заметно увял. — Сколько нам для этого понадобится времени, как вы думаете?

— Не так много, как тебе кажется, — твердо ответил Никита. — Мы уедем отсюда завтра. Но сначала давайте поедим и немного отдохнем...

Разделенная на четверых банка фасоли, конечно же, не утолила голод, а лишь немного притупила его, но этим решили ограничиться. Шоколад и оливки — последнюю их пищу — оставили на завтра. Сейчас нужно было отдохнуть, Никита чувствовал, что страшная усталость не позволяет даже лишний раз шевельнуться, и видел, что Серега испытывает то же самое. Они хотели полежать часок, не больше, но, закрыв глаза, очнулись, только когда светило было уже почти у горизонта.

* * *

Пандус был готов, но сложили его не из камней. На сооружение съезда пошел внедорожник, который Никита и Сергей разобрали за вечер и утро и с помощью девушек перетащили, оставив на месте лишь корпус и двигатель. Колеса, сиденья, бамперы, двери, крылья, крышка капота громоздились на земле уродливой наклонной конструкцией, готовой принять на себя тяжесть «десятки». Чтобы преодолеть пятьдесят три шага до карниза, понадобилось заложить камнями две особенно глубокие трещины. После завершения этих работ все четверо с трудом держались на ногах, но «десятка» стояла сейчас на краю карниза передним бампером к пустыне, негромко порывкая двигателем.

— Давай, Серега! — сказал Никита.

Серега закусил губу, вдавил в пол педаль газа и отпустил сцепление. Колеса с визгом закрутились на камне, и «десятка» прыгнула вперед. Пандус просел, задний бампер опустился на камень, замедлив движение машины. Конструкция начала опасно крениться набок, но в следующее мгновение оторванный бампер отлетел в сторону, «десятка» сделала еще один прыжок, ткнулась носом в почву, подняв облако пыли, прокатилась несколько метров и затормозила. Никита обессиленно опустился на камень. У него не было сил даже радоваться успеху.

— Бампер оторвал на хрен, — растерянно сказал подошедший Серега.

— Машина в порядке?

— Все отлично. Будет бегать, ласточка, пока бензин есть.

— Тогда давай грузиться.

Никита заставил себя подняться и поплелся к груде вещей, сложенных на земле в ожидании погрузки. Вслед за ним потянулись девушки. Они работали на автомате, передвигались словно сомнамбулы, но погрузку закончили довольно быстро. Осознание того, что угроза неминуемой гибели отдалилась, высвободило скрытые, самые последние резервы организма. А когда уселись в машину, то почувствовали даже некоторое возбуждение, перед которым отступила усталость.

«Десятка» тронулась с места, плавно увеличивая скорость, и через пару минут стрелка спидометра добралась до отметки «50».

— Ты особо не гони, — предупредил Никита. — Мы же тут ни черта не знаем.

— Все будет нормально! — попав за руль, Серега полностью обрел прежнюю уверенность и оптимизм, но все же перешел на третью передачу и сбросил скорость до сорока километров в час. Об осторожности забывать в самом деле не стоило.

Направление движения засекали по крохотному, почти игрушечному компасу в ремешке часов Никиты. Выполняя обязанности штурмана, Никита держал ремешок в руке, хотя корректировать водителя нужды не возникало. Серега не управлял, а просто держался за руль. Колеса машины почти не оставляли следа на прокаленной солнцем, словно спекшейся почве. Легкое облачко поднимаемой пыли тут же развеивалось ветром. Окна машины были открыты, горячий сквозняк спасал если не от жары, то хотя бы от духоты.

— Что это? — испуганно воскликнула Ленка.

Все посмотрели направо. Руль в Серегиных руках дрогнул, и машина слегка вильнула. Параллельно «десятке», метрах в тридцати от нее широкой рысью мчалось жутковатое создание, вытянув над почвой короткий толстый хвост. Величиной с крупную собаку, существо выглядело совершенно голым, без каких-либо признаков шерстяного покрова. Цвет его шкуры почти сливался с пустыней. Низко пригнутая к земле морда с тяжелыми челюстями изредка поворачивалась в сторону машины, словно оценивая силу неизвестного доселе противника.

— Откуда он взялся? — спросил Никита. — Из-под земли выпрыгнул, что ли?

Серега плавно поджал газ. Машина увеличила скорость. Зверь тоже прибавил, но когда стрелка спидометра перевалила за пятьдесят, начал понемногу отставать, а потом и вовсе исчез из вида так же неожиданно, как и появился.

— Хорошо, что он к нам в гости ни разу не пришел, — сказал Серега. — С такой тварью ножичком не сладить.

— Первое, чем займемся, когда куда-нибудь приедем — сделаем себе оружие, — пообещал Никита, скорее себе, чем ему.

Примерно через час пути они вынуждены были сделать остановку: двигатель разогрелся слишком сильно. Пока он охлаждался, устроили себе обед: съели по две дольки шоколада, обильно запив теплой водой. К счастью, воду можно было не экономить, на каждого приходилось более чем по пять литров. Перед отъездом водой заполнили все имею-

щиеся емкости, включая бутылки из-под виски, которое без малейшего сожаления вылили на землю. Впрочем, пару бутылок все же оставили на медицинские и гигиенические цели.

Ленка забралась с подозрной трубой на крышу машины и тут же радостно оповестила всех, что видит цель их маршрута. Она посмотрела еще немного и сообщила о новом открытии: впереди явно была вода — река или озеро, влажный блеск поверхности которого передала увеличительные линзы. Сообщение вызвало у всех настоящий восторг. Вода означала жизнь, пищу, окончательное спасение от угрозы смерти, неотвратимо висевшей над ними все последние дни. Никто из них в этот момент не задумывался о том, что впереди могут ждать новые опасности, неизвестные и оттого намного более грозные. Сейчас разум отбрасывал подобные мысли, не анализируя.

Сергея тем временем проверял машину.

— Масло немного течет, — негромко сказал он Никите.

— Сильно?

— Да не очень, но понемногу травит. Дыру до конца залепить не удалось. Хорошо, что запас есть, на сотню километров, думаю, должно хватить.

Ленка все осматривалась по сторонам и обнаружила километрах в двух небольшую стаю тварей, подобных той, что недавно соседствовала им в пути. Пять зверей целеустремленно направлялись в глубину пустыни. «Десятку» они не видели, или же она их просто не интересовала. А еще дальше девушка увидела тех, на кого звери, по всей видимости, охотились. Вспугнутое хищниками стадо травоядных сбилось в плотную массу и понеслось прочь, быстро набирая скорость и оставляя за собой шлейф пыли. Нет, эта пустыня отнюдь не была настолько безжизненной, как показалось им вначале.

Двигатель остыл, можно было продолжать путь. Еще через час окружающий ландшафт начал заметно меняться. Почва изменила свой цвет с красноватого на серый, степных растений стало больше, порой они образовывали небольшие кустарниковые заросли, которые Сергей из осторожности предпочитал объезжать стороной.

Неизвестно почему, Никита вдруг вспомнил о том, чего так и не сумел сделать на каменном острове — выяснить, что за голубые пятна они видели там на скалах. Жаль, конечно, но на исследования у них не оставалось ни времени, ни сил.

Счетчик километража показал, что они проехали восемьдесят шесть километров, когда на горизонте, уже без помощи оптики, они увидели темную полосу, обещающую скорый конец пути. Полоска быстро

приближалась, увеличиваясь в размерах, и настал момент, когда всем стало ясно: за полосой кустарника перед ними поднимаются древесные столбы. Пустыня, степь остались позади.

Начало смеркаться, и Серега включил фары. Перед кустарниками он сбросил скорость. Почва здесь поросла травой, скрывавшей возможные ямы и подобные сюрпризы, поэтому машина двигалась совсем медленно, и под древесные кроны они въехали одновременно с заходом солнца, успев заметить, что справа, совсем недалеко, между деревьями видна вода. Серега выключил двигатель и погасил фары. Они вслушивались в тишину чужого леса, и к каждому практически одновременно пришло понимание: их злоключения далеко не закончились.

— Вот и добрались, — без особой радости в голосе заключил Серега. — Дальнейшие передвижения, как я полагаю, прекращаются до утра. Интересно, те голые твари по ночам тоже гуляют или спать ложатся?

— Скоро мы об этом узнаем, — пообещал Никита.

— А я подумала о наших... попутчиках, — сказала Катя. — Добрались они сюда или нет?

— С учетом вновь открывшихся обстоятельств в виде голокожих зверей вопрос спорный, — ответил Серега.

— У них при себе полно оружия, — сказал Никита.

— Но звери-то об этом ничего не знают, — вполне резонно заметил Серега. — Да и не думаю, что пистолета Макарова достаточно для обороны от голодной стаи.

Ленка, видимо, очень живо представила себе картину того, как это происходит, и передернула плечами.

— Может, им повезло. Жалко их, особенно эту Вику. Люди все-таки. И вообще, давайте о чем-нибудь другом.

— Если они дошли, то я не сомневаюсь, что очень скоро мы с ними встретимся, — сказал Никита.

— И желательно к такой встрече как следует подготовиться, — добавил Серега. — Но это будет уже завтра. Ох, если бы вы знали, как мне надоело спать сидя!..

Эти слова он произносил, уже еле ворочая языком от усталости. Как всегда, они ощущали себя предельно измотанными и на какое-то время забыли даже о непрерывно мучавшем голоде. Сон оказался настолько крепок, что загадочный низкий гул, вновь прозвучавший посреди ночи, сумел разбудить лишь одного Никиту. Здесь, в лесу, гул показался ему не таким мощным, как прежде, он словно отдалился или

растерял значительную часть своей силы среди ветвей и листвы, но анализировать перемены Никита был не в состоянии.

* * *

Озеро выглядело совершенно земным и неопасным. Оно оказалось не слишком широким, но сильно вытянутым: до противоположного берега было всего около ста метров, а вправо водная поверхность, начинаясь вровень с кустами лесной опушки, уходила далеко в лесную чащу, скрываясь за деревьями и утренним туманом, полосы которого стлались над не растревоженной ветром гладью. Высокие, узкие листья похожих на осоку растений кучно поднимались из воды у кромки песка. Где-то неподалеку шумно всплеснуло, и по водной глади пробежала рябь.

— Рыба здесь есть, — азартно прошептал Серега. — Давай забрасывай!

Никита взмахнул удилищем. Блесна взвилась в воздух и с коротким бульком ушла в воду. Никита начал сматывать леску и почти тут же ощутил сильный рывок. Он не был готов к тому, что результат не замедлит сказаться, и едва не выпустил удилище из рук. Вода взбурлила, на короткое мгновение у поверхности мелькнуло что-то черное и вновь ушло в глубину. Сердце Никиты тревожно заколотилось, воображение тут же дорисовало образ устрашающе огромного первобытного монстра, но он отогнал морок и принялся медленно крутить ручку катушки, преодолевая сопротивление добычи.

— Поводи! Поводи, не дергай, лесу порвешь! — суетился рядом Серега.

Схватившее блесну существо рвалось из стороны в сторону. Внезапно сопротивление ослабло, длинное — в руку — черное тело выпрыгнуло в воздух, взмахнуло широким хвостом и, подняв тучу брызг, шлепнулось обратно.

— Здоровенная! — восхищенно воскликнул Серега. — Хороша рыбка.

Это действительно была самая настоящая рыба. Борьба постепенно подходила к концу. Никита все ближе подтягивал добычу к берегу, и наступил момент, когда обессиленный обитатель озерных глубин оказался на прибрежном песке. Серега с воплем прыгнул вперед, схватил под жабры и рывком выбросил скользкое и тяжелое живое полено на траву, подальше от воды. Теперь пойманную рыбу можно было рассмотреть как следует. Тупая и зубастая, как у барракуды, морда переходила в мускулистое тело, снабженное крупными плавниками и заканчи-

вающееся широкой лопастью хвоста. Чешуи у рыбы не было, ее заменяла гладкая, покрытая слоем слизи кожа.

— Серьезная тварь, — с уважением сказал Серега. — Но есть ее, полагаю, можно.

— А вот купаться здесь я бы не стал, — покачал головой Никита, рассматривая частые и острые зубы добычи. — Если там плавают стая таких же, это может быть покуче пираний. Сожрут и не подавятся.

— Сначала мы сожрем ее, — Серега гулко слотнул слюну. — Давай забрасывай еще раз...

Как немного нужно человеку, чтобы почувствовать себя полностью счастливым! Ощущение счастья прибывало по мере наполнения желудков. Зажаренные на вертеле над костром, кое-где подгорелые, а где-то полусырые рыбины без соли и специй казались верхом кулинарного искусства. Двух пойманных рыбин вполне хватило, чтобы наесться всем, обглодали их до последней косточки. Еще две рыбины составили их пищевой запас на потом — впервые не из необходимости экономить, а от изобилия. Забытое чувство сытости не вызвало желания предаться послеобеденному отдыху. Напротив, и Серегу, и Никиту распирала энергия и жажда деятельности. Девушки, кажется, испытывали сходные ощущения.

В сущности, отдыхать было некогда. Следовало позаботиться об оружии. Нарубив поблизости от машины палок, они в скором времени изготовили четыре неказистых, но грозных копья в рост человека. Наконечниками послужили стальные колышки для крепления тента, крепко-накрепко примотанные к древкам проволокой. Неплохо было бы заточить концы поострее, но и в таком виде они могли служить эффективным оружием ближнего боя. Никита напряженно думал над тем, как бы смастерить метательное оружие. Конечно, это должен быть лук. Но из чего сделать тетиву, стабилизаторы для стрел? Может быть, расплести синтетический буксировочный трос? Пожалуй... Волокна его достаточно прочны, сплетенная из них тетива не лопнет в руках. Никита подошел порыться в багажнике. Взгляд его упал на чехол с Ленкиными теннисными ракетками. Он вытащил одну, потрогал туго натянутую леску и облегченно вздохнул. Тетива у них будет. Да не для одного лука — для нескольких. О теннисе Ленке, конечно, придется забыть, ракеток она лишится. Никита надеялся, что Ленка не очень огорчится этому обстоятельству. К тому времени, когда здесь построят корт, он непременно пообещает ей что-нибудь придумать. Но сейчас заботы иные, после того, как они вооружились, нужно осмотреться вокруг повнимательней.

На разведку окрестностей собрались идти все вместе, посчитав более безопасным не разделяться. Идти решили строго перпендикулярно опушке на местный юго-восток, согласно показаниям компаса Сереги, стараясь не слишком отдаляться от берега озера. Продолжительность разведки ограничила часом пути в одну сторону, после чего экспедиции надлежало повернуть обратно. Шли цепочкой, держа наготове копья; Серега впереди, девушки за ним, Никита замыкающим, чутко вслушиваясь в незнакомые лесные звуки, внимательно глядясь под ноги и в сплетение ветвей, чтобы заметить и упредить любое враждебное движение.

Лес был не просто обитаем. Он оказался до отказа наполнен жизнью. Какие-то быстрые существа то и дело сновали по земле в высокой траве и кустах, перепрыгивали, перепархивали с ветки на ветку в кронах не очень высоких, зато неохватно толстых деревьев. Твари были заняты собственными делами и не обращали на пришельцев никакого внимания, к тому же их незначительные, по сравнению с людьми, размеры не вызывали ощущения опасности. Лишь один раз впереди шумно дрогнули ветви потревоженного кустарника. Никита и Серега мгновенно замерли, выставив вперед копья, но неизвестный обитатель леса уже быстро удалялся, так и оставшись неопознанным. Шедший впереди Серега особенно тщательно смотрел под ноги: наступить на какую-нибудь ядовитую ползающую тварь ему хотелось меньше всего, однако ни вчера, ни сегодня ничего похожего на пресмыкающихся им не попадалось.

Примерно через двадцать минут пути между деревьями впереди обнаружился просвет. Маленький отряд вышел на широкую поляну. Массивная скала с черным отверстием пещеры возвышалась посреди открытого пространства, а в нескольких шагах от входа они увидели в траве смятый баллон из-под воды, осколки стекла и обрывки какой-то упаковки. Зрелище этих неряшливых следов пикника показалось Никите настолько нелепым, что он не сумел удержаться от короткого смеха, подхваченного спутниками.

— Наши друзья здесь уже побывали, — констатировал Серега. — Баллон от воды-то наш. Значит, они все же добрались. Интересно, куда они направились дальше?

Он быстро вскарабкался на скалу и поглядел вокруг.

— Никого не видно, — сообщил Серега. — И ничего. Один лес вокруг. А озеро совсем рядом, вон там солнце отражается.

Он так же быстро спустился, и все вместе они приблизились к пещере. Серега осторожно заглянул в широкий, низкий проход.

— Черт, фонарик надо было взять, — огорченно сказал он. — Не разобрать ничего. Но пахнет костром, видимо, они ушли отсюда совсем недавно.

— Пора отвыкать от фонарика, — пробурчал Никита. — Сушняка кругом полно, сейчас факелы запалим.

Сразу за входом потолок пещеры поднимался, позволяя выпрямиться без риска стукнуться о камень головой. Пещера оказалась довольно большой — десять шагов в длину и примерно столько же в ширину, — пол сухим и ровным. Дым от факелов уходил куда-то в сторону и вверх, не раздражая глаз и дыхания. Приглядевшись, они обнаружили у дальней стены в потолке неровную щель, которая и обеспечивала воздушную тягу, а под ней следы кострища. Никита пошел и пощупал.

— Они ушли еще вчера, — сообщил он. — Пепел совсем холодный.

Наклонившись, Серега внимательно рассматривал на полу недалеко от входа какие-то засохшие темные пятна.

— Никита, глянь! Это случайно не кровь?

— На них кто-то напал, — с тревогой сказала Катя.

— А может, они просто друг друга погрызли? — презрительно предположила Ленка.

— Может, и так, — с некоторой долей сомнения проговорил Никита. — Но о бдительности забывать мы все равно не будем. А пещера вообще-то удобная, я бы не спешил отсюда уходить. Какая-никакая крыша над головой. И вода неподалеку.

— Вход больно широкий, — посетовал Серега. — В случае чего обороняться будет непросто.

— В случае чего? — переспросила Ленка. — Что ты имеешь в виду?

— Ничего конкретного, — поспешно ответил он. — Просто стратегические предположения.

— Если бы можно было перегнать сюда машину и поставить вплотную к пещере, у нас появилась бы дверь. И даже двойная, — неожиданно сказала Катя, и на некоторое время все замолчали.

— А ведь верно, — удивленно сказал Серега. — По высоте будет в самый раз. Сиденья вытащить, щели под днищем и с боков заделать не проблема. Нагнаться, правда, придется при входе, но к этому недолго привыкнуть.

Внезапно Ленка издала рыдающий горловой звук.

— Вы так говорите... — голос ее звенел от напряжения, — вы словно собираетесь провести здесь всю оставшуюся жизнь.

Она сказала сейчас то, что у каждого было на уме, о чем каждый из

них боялся не только говорить, но и думать. Теперь слова были произнесены.

— Мы не можем знать, сколько пробудем здесь, — Серега старался говорить мягко и ласково. — Мы просто обязаны подумать о безопасности.

— Я не хочу! — крикнула Ленка. — Ты слышишь? Я не хочу!

Она отшвырнула копьё, рухнула наземь и заплакала. Катя подошла, опустилась рядом, обняла за плечи и принялась что-то тихонько нашептывать. Мужчины растерянно переминались рядом, не зная, как поступить, чтобы не усугубить ситуацию. Рыдания постепенно делались тише и вскоре смолкли. Ленка всхлипнула в последний раз, вытерла глаза и поднялась на ноги.

— Ну, чего стоим-то? — сердито спросила она. — Пошли за машиной! Больше я ни одной ночи не желаю в ней спать!..

Перегнать машину к пещере оказалось не слишком сложно. Двигались берегом озера, где деревья росли не так часто, и лишь на последней сотне метров задержались ненадолго, расчищая от кустарника путь на поляну. Серега подвел «десятку» к пещере вплотную, без всякой жалости смяв переднее крыло. Скрежет корпуса о камень вызвал в душе Никиты короткий инстинктивный трепет автовладельца, но уже в следующую секунду это нелепое чувство прошло без следа. Как и предполагалось, «десятка» плотно запечатала вход. Правда, вначале оказалось, что внутренняя дверь их тамбура открывается не полностью — она упиралась в «притолоку», однако этот недостаток устранили очень просто: открутив ниппели, выпустили воздух из колес, и машина опустилась на требуемые несколько сантиметров.

Под днище накидали земли и натолкали камней — никому не хотелось проснуться утром в обществе местных ползающих тварей, возжаждавших тепла и общения с новыми хозяевами пещеры. Щели сверху и с боков плотно забили ветвями, посчитав, что на первое время этого будет достаточно, как для безопасности, так и для тепла, а потом занялись интерьером жилища, прежде всего — устройством спальных мест. Общее — пока что! — ложе соорудили из кучи мелких веток и охапок травы, накрыв их брезентовым тентом.

Ужинали рыбой у разожженного не для тепла, а для уюта костерка почти в полном молчании. Стороннему наблюдателю, окажись здесь такой, могло бы показаться, что каждый из них думал о своем, но мысли их сейчас совпадали процентов на девяносто. И каждый хотел прогнать их или хотя бы упрятать поглубже, понимая в то же время полную бессмысленность подобных попыток.

Так закончился для них этот день.

* * *

Внезапный треск сучьев показался настолько грозным, что Никита и Серега, не сговариваясь, отпрыгнули за толстый ствол дерева. Низкое, массивное и тяжелое тело перло прямо на них через кусты, издавая хрюкающие и чавкающие звуки. Зверь без труда продрался сквозь спутанные ветки, и они смогли его разглядеть: лоснящийся черный цилиндр полуметровой длины на толстых столбиках-ножках, с широкой головой, начинавшейся коротким хоботком, жадно обнюхивающим и сгребаящим в пасть что-то извлеченное из поверхностного слоя лесной почвы.

— Это же наша еда! — еле слышно шепнул Серега в ухо Никиты и слегка оттеснил его, приготовившись к нападению.

Животное как раз поравнялось с деревом, за которым они укрывались, и только теперь почуяло незнакомый запах. Сопенье и хрюканье смолкло. Морда поднялась вверх, и хоботок быстро-быстро забегал из стороны в сторону.

Атака Сереги была неожиданной и молниеносной. Единственный удар топориком он нанес еще в прыжке, всем своим весом обрушив лезвие на череп жертвы сразу над маленькими, глубоко посаженными глазами. Раздались костяной треск и хриплый выдох животного, осевшего на землю. Удар копья Никиты оказался уже ненужным. Короткая волна последней судороги пробежала по телу добычи. Серега с занесенным топориком стоял над ней и вместе с гордостью и охотничьим азартом на лице его всплывало выражение некоторой растерянности.

— Как же мы его допрём до дому? — озадаченно проговорил он.

Вопрос был не праздным. Эта помесь кабана с бегемотом весила не меньше центнера.

— Донесем, что сможем, — пожал плечами Никита, склонясь над поверженной добычей.

Проблема доставки в пещеру мяса волновала его точно так же, как и Серегу, потому что жареная над костром рыба за последнее время в его ощущениях (как и в ощущениях всех остальных) резко потеряла вкусовую ценность. Мясо «черных зубастиков» (так решила назвать этот вид озерных обитателей Ленка, хотя мужчины предпочли бы более привычное определение «щука») в отсутствие соли уже на четвертый день начало всем одинаково надоедать, однако полноценной замены рыбным блюдам пока не отыскивали.

— Тихо, тихо, — сказал Серега, неожиданно крепко ухватив Никиту за предплечье. — Тихо, тихо!

Никита повернул голову и понял, что просьба Сереги была адресована, пожалуй, не одному ему, хотя только он и мог ее оценить в полной мере.

Молчаливым полукругом в каком-то десятке шагов от них стояли пустынные хищники. Пять мощных зверей, ищущих добычи. Их короткие, толстые хвосты легонько подергивались, раскрытые пасти роняли тягучие струйки слюны, а лишенная растительности красноватая кожа вспухала волнами ходящих под ней мышц. Двуногие существа были зверям непонятны, от них исходил незнакомый запах, и, возможно, только это удерживало хищников от немедленной атаки.

— На дерево! — проговорил Серега.

Медленно, шаг за шагом, они отступали к стволу, нижние ветви которого раскинулись чуть выше человеческого роста. И точно так же, пока еще не пытаясь радикально сократить дистанцию, за ними мелкими шажками двигались звери.

До спасительных ветвей было рукой подать, когда на месте действия возникли новые персонажи. Почва вздрогнула от слитного топота, сложенные кусты пали на землю. Черные существа — прямые и непосредственные родственники убитого «кабана» — ворвались на поляну. Каждый из них был в полтора-два раза больше зарубленного Серегой. Они мчались плотной, неодолимой толпой, и хищники, мгновенно спасовав перед этой бескомпромиссной атакой, бросились врассыпную.

Никита с Серегой в этот момент торопливо карабкались по стволу, лишь изредка поглядывая вниз. Атака не достигла цели, противник исчез без схватки, в его отсутствие слитный поток черных тел замедлил движение и распался. Животные кружили вокруг поверженного собрата, они касались его хоботками, свирепо всхрапывали, потом бросались в сторону в поисках неведомых врагов и вновь возвращались к телу. Постепенно стая успокоилась и возобновила кормежку, передвигаясь в избранном направлении. Треск ветвей и тяжелый топот Никита с Серегой слышали еще некоторое время, но постепенно все стихло, и они сочли возможным спуститься.

Большую часть туши — без головы и внутренностей — они потащили, подвесив ее к шести. В этой вылазке они отделились от пещеры всего на пару километров, поэтому на возвращение вместе с неизбежными остановками для отдыха понадобилось не более часа.

Наружная дверь превращенной в тамбур «десятки» была приоткрыта, и Никите это сразу не понравилось.

— Женщины! Встречайте охотников! — весело закричал Серега, но ответа не последовало. Пещера оказалась пустой.

Бросив добычу на траву, они озирались по сторонам, сжимая в руках оружие.

— Где они? Что за черт!

«Бежать и спасать! Немедленно!» — это намерение инстинктивно и мгновенно возникло у обоих. В лес или к озеру? Воображение рисовало малоприятные картинки, среди которых образ красных хищников был отнюдь не единственным. И прекрасно, что все разрешилось уже в следующий момент. Ветви кустов раздвинулись, пропуская Ленку и Катю, тащивших тяжелые узлы, связанные из мужских рубашек. Никита с облегчением перевел дух. Он смотрел, как они подходят — целые и невредимые, и думал, что все обстоит не так уж и плохо. Ровный бронзовый загар успел покрыть их кожу, и Никите вдруг некстати пришла мысль: а нимфы бывают загорелыми?

— Вы почему?! Вы где?! Куда вы пропали?!

Сергея кипел от возмущения, но по мере приближения Ленки весь его пар постепенно улетучивался.

— Хотя как-то предупреждать надо, — пробурчал он.

— Мы недалеко, Сережа, тут совсем рядом, — успокоила Катя. — Зато посмотрите, что мы принесли.

Вслед за Ленкой она высыпала на траву из узла крупные темно-красные плоды, выглядевшие довольно аппетитно.

— Откуда вы знаете, что это можно есть? — все еще хмуро спросил Сергей, но Катя этого вопроса явно ждала и была готова к ответу.

— Их птицы едят и звери, — объяснила она. — Под деревьями, где растут эти яблоки, много семян и шкурок. Значит, и нам можно.

— Да? А дохлых зверей поблизости точно не валялось?

— Ты не ворчи, попробуй лучше, — посоветовала Ленка.

Собственно, больше Сергею сказать было нечего. Никита первым подобрал плод и храбро куснул. Мякоть оказалась нежной и сочной. Вкус... аналогов для сравнения у Никиты не возникло. Местное яблоко оказалось просто вкусным. Помявшись, Сергей последовал его примеру.

— Это и без соли сойдет, — дал он оценку вкусовым качествам плода.

Соли им действительно не хватало. Хотя все понимали, что без соли жить можно и, вероятно, даже жить неплохо, от гастрономических привычек отвыкать было тяжело. К тому же Никита не знал, как обойтись без соли, заготавливая припасы на зиму. Правда, он не знал и того, бывает ли здесь зима, холодна ли она, сколько времени длится, но опасения на этот счет существовали не только у него. Первый экспе-

римент с проявляванием рыбы на солнце оказался неудачным. Разложенные на горячих камнях рыбы тушки сделались объектом массовой атаки местных насекомых-ассенизаторов, и через какой-то час сплошь кишели червями. Сегодняшнюю добычу, скорее всего, ожидала та же участь, если не удастся придумать чего-то иного.

Придумали следующее: вялить «кабана» — так без лишних споров поименовали животное — на костре. Пока девушки подтаскивали хворост, мужчины разделали тушу на куски и подвесили на жердях. Дальше оставалось только следить за поддержанием огня — этим занялись Серега с Ленкой, а Никита с Катей, прихватив копыя (после встречи с хищниками они решили ни на шаг не отходить от лагеря без оружия), отправились потренироваться в стрельбе из лука.

Луков у них было пока два — на большее количество капроновой струны из ракеток Ленки не хватило. Порода дерева, которое отыскал Никита, отличалась прочностью в сочетании с неплохой гибкостью, но на том достоинства луков и заканчивались. Луки получились тяжелыми и неуклюжими: необходимая мощность выстрела обеспечивалась исключительно размерами. К тому же дерево лука было сырым: Никита торопился овладеть навыками лучника, не теряя времени на сушку. Тем не менее еще несколько очищенных от коры и подпружиненных заготовок сушились сейчас на солнце. Стрел тоже пока сделали немного. Во-первых, потому что отыскать идеально ровную и достаточно длинную ветку непросто; во-вторых, их изготовление требовало немало времени. Наконечники Никита сделал из кусочков медных трубок. Один конец насаживался на древко, другой плющился, ковался в холодную молотком и затачивался на камне. С хвостовыми стабилизаторами было еще сложнее. Долгие и тщательные поиски птичьих перьев подходящего размера ни к чему не привели, хотя пернатые в лесу водились в изобилии. Птичек еще предстояло настрелять из этих самых луков. Перерыв все имущество, Никита обнаружил пластиковую папку-файл, в которой Ленка хранила журнальные вырезки с вязанием. Зачем она взяла их с собой в поездку к морю, Никита не знал, но сейчас это его не интересовало. Из пластика он и вырезал хвостовые стабилизаторы стрел. Чтобы установить их, приходилось чрезвычайно осторожно расщеплять кончик стрелы, подстругивать расщеп, а потом накрепко фиксировать с обеих сторон капроновой нитью. Конечно же, несколько отличных заготовок Никита при этом испортил, о чем безутешно скорбел. Стрелы, в принципе, летали неплохо, жаль, что лучники пока были не слишком умелыми.

Стреляли в ствол большого дерева, причем, если выстрелы Никиты получались мощнее, что вполне естественно, то Катя была в цель с несравненно большей точностью, изрядно обескураживая Никиту, которому доставалось большую часть времени отыскивать в траве посланные мимо цели стрелы. Ленка, кстати, попадала тоже неплохо (по сравнению с Никитой и Сергеем). Впрочем, о точности говорить нужно было с известными допущениями: стреляли-то они всего лишь с каких-то двадцати шагов. С другой стороны, прогресс тоже был очевиден, поскольку начинали с десяти.

Наконец Катя опустила лук и устало села на траву.

— Все, руки больше не держат, — пожаловалась она. — Хватит на сегодня.

Никита собрал и внимательно осмотрел стрелы. Поврежденных среди них не оказалось.

— Ты молодец. У тебя все лучше и лучше получается, — похвалил он.

— Все это бесполезно, — грустно вздохнула Катя. — Все напрасно.

— О чем ты?

— Ты сам знаешь. Нам отсюда никогда не выбраться. Мы здесь умрем, да?

— Мы не умрем, если сами того не пожелаем, — намеренно грубо сказал Никита. — Мы учимся здесь выживать и уже кое-чему научились. И научимся еще многому.

— Разве есть в этом какой-то смысл?!

Никита глубоко вздохнул, сделал паузу и заговорил неторопливо, взвешенно, обращаясь, пожалуй, не столько к Кате, сколько к самому себе, отвечая на свои собственные, тысячу раз заданные вопросы.

— Мы могли погибнуть уже несколько раз. Нас могли убить солнце и жажда в скалах посреди пустыни. Мы могли умереть с голоду здесь, если бы не научились добывать пищу, и пока это у нас неплохо получается. В конце концов, нас могли сожрать местные хищники, которых мы только-только начинаем узнавать, однако теперь, когда у нас есть надежное убежище, зверью это вряд ли удастся. Да, мы многого не знаем об этом мире, поэтому он для нас остается опасным. Пока. С каждым днем наши знания увеличиваются. А значит, шансы выжить — тоже.

— Но ради чего, Никита?

— Не знаю, — честно ответил он. — Знаю только, что погибнуть — значит проиграть. Выжить — сделать хотя бы один шаг к победе.

— Победа, — грустно усмехнулась Катя. — Слово-то какое. Совсем оно нам не подходит...

Никита шагнул к ней и обнял за плечи. Как ему показалось, это было объятие старшего товарища, брата, он собрался решительно возразить, утешить, воодушевить и уже набрал было полную грудь воздуха, но все его благородные намерения угасли, едва он ощутил запах Катиных волос. Она прижалась к нему всем телом и подняла лицо. Это был их первый поцелуй. Никита удивился, что он состоялся так поздно, и тут же мысленно рассмеялся своему удивлению. Да разве у них было прежде время для поцелуев? Ее мягкие, сладкие губы стали главной драгоценностью этого мира...

Пурпурный туман, отделивший их двоих от прочей Вселенной, был прорезан и расколот пронзительным, истощным криком Ленки. Они отпрянули друг от друга, подхватили оружие и помчались к пещере.

Хотя и Ленку, и Серегу они увидели живыми и невредимыми, откровшаяся картина не могла успокоить даже на самое короткое время. Стая из пяти красных зверей — Никита ни на секунду не усомнился, что именно эта стая встретила им сегодня в лесу — атаковала стоянку. Два хищника кругами ходили вокруг костра, не отрывая глаз от подвешенного на жердях мяса, схватить которое не позволял жар костра. А три остальных окружили валун, на который успели забраться Сергей и Ленка. Пока борьба шла без какого-либо успеха для обеих сторон: Серега отмахивался копьём, от ударов которого звери ловко уворачивались и тут же вновь бросались в атаку, забежав с другой стороны. Осажденных до времени спасала лишь несогласованность в действиях хищников, нападавших не одновременно, а порознь.

— Стрелы! — крикнула Катя, и Никита бросил ей половину связки.

Хищники их уже заметили. Те, что вертелись у костра, подняли головы, на миг замерли и вначале неторопливо, а потом все быстрее и быстрее побежали навстречу. Никита воткнул копьё в землю. Две стрелы свистнули в воздухе практически одновременно. Никита попал в грудь набегающего зверя, однако особого вреда причинить ему не сумел: стрела отскочила в сторону, а хищник лишь на мгновение сбился с шага, хотя этого мгновения хватило, чтобы Никита успел отбросить лук и схватить копьё. Выстрел Кати — случайно или нет! — оказался намного более удачным. Второй зверь с диким воем закрутился на месте, пытаясь избавиться от стрелы, угодившей ему в глаз.

Но эту картину Никита уловил лишь краем сознания, потому что в следующий момент его собственный противник взвился в прыжке. Вы-

ставленное копые попало в плечо, пробив мускулистую плоть и углубившись в нее до древка, мощный толчок выбил копые из рук Никиты, он успел лишь броситься в сторону, чтобы не угодить под летящее на него тело. Зверь покатился по земле и судорожными ударами лапы отшвырнул копые, которое Никита тут же подхватил и вновь замахнулся, готовясь к отпору, но животное не пыталось продолжить атаку. Сильно припадая на переднюю лапу, раненый зверь побежал к лесу. С копыями наперевес, с воплями Никита и Катя ринулись на помощь товарищам. Осаждавшие валун хищники не приняли боя. Сбившись тесной кучкой, шелкая челюстями и подвывая, они бросились в лес и скоро исчезли среди деревьев.

Остался только тот, которого подбила Катя. Он все так же кружил на одном месте, мотая башкой. Движения его становились все медленней, наконец он повалился на бок, дернулся в последний раз и замер. Выстрел Кати оказался на редкость точным. Стрела через глазницу проникла в мозг и застряла под черепом.

— Будем считать, что нам повезло, — наклонившись над животным, Серега разглядывал разинутую пасть, снабженную комплектом мощных зубов. — Этого яблоками питаться не уговоришь.

— Они напали на нас, потому что посчитали добычей, — сказал Никита. — Значит, раньше им люди не попадались.

— Или наоборот, — возразил Серега. — Они прекрасно представляют нашу гастрономическую ценность. А повезло нам в том, что они оказались довольно трусливы. Вроде земных гиен.

— Их приманил запах жареного, — сказала Ленка. — А мы были конкурентами в борьбе за кусок мяса.

— Думаю, сюда они больше не рискнут вернуться, — предположил Никита. — Мы показались им слишком опасными, и они этого не забудут. Гиены не нападают на более сильных хищников. И на человека крайне редко. Очень умные, кстати, животные.

— Было бы неплохо, если бы эти умницы сообщили все это своим товарищам, — хмыкнул Серега. — Но лично я на их сообразительность не надеюсь.

— По крайней мере, хорошо, что других хищников тут нет, — сказал Никита.

— Мы их просто еще не видели, — парировал Серега.

— А летающие ящеры? — напомнила Катя.

Все замолчали. Действительно, о ящерах они забыли. Но эти существа не встречались им после того, самого первого дня.

— Если люди им не попадались, значит, их здесь вообще нет, — на-

пряженно сказала Ленка, и каждый из них понял, какой смысл она вкладывала в слово «здесь».

— Кроме нашего друга Жернова с компанией, — пробурчал Серега.

— Интересно, кстати, где они?

— Ты так желаешь с ними встретиться?

— Пожалуй, нет, — подумав, помотал головой Серега. — Зверей тут и без них хватает.

...Посреди ночи ударила гроза. Гром грохотал несколько часов почти без перерыва, и его раскаты на этот раз не позволили услышать загадочный низкий гул, будивший их каждую полночь.

* * *

— Ничего не получится! — Ленка раздраженно пнула черепки. — Все это бесполезно!

Очередная попытка изготовить глиняный горшок окончилась неудачей. Их изделия, вылепленные из озерной глины, неизменно давали трещины и лопались при обжиге в костре. Вершиной успеха совместных усилий сделалась пара уродцев, емкостью не более стакана.

— Значит, нужно поменять режим обжига, — солидно изрек Серега, тут же заработав злобный взгляд Ленки.

— Это штаны нужно менять, когда мокрые, — без всякой связи с темой крикнула она и скрылась в пещере, сильно хлопнув внутренней дверцей тамбура.

— Опять на нее накатило, — огорчился Серега. — Катя, ну чего я такого сказал?

— Да ничего, все в порядке, это у нее пройдет, — Катя вздохнула и отправилась вслед за Ленкой — успокаивать.

Этот мир был очень похож на Землю, в некоторых отношениях даже превосходил ее, он оказался не слишком суровым к людям. Здешняя зима вряд ли могла быть холодной — вечнозеленая растительность леса говорила о том, что они находятся в зоне, подобной земным субтропикам. Наверное, таким должен был выглядеть библейский Эдем, но все-таки это была не Земля. Постоянная угроза голода миновала, им не приходилось больше посвящать все силы и мысли проблеме элементарного выживания, и потому каждого из них все чаще охватывали приступы тоски. В этом чужом мире они были пленниками, без вины приговоренными к пожизненному заключению. Сильнее других страдала Ленка. Порой она взрывалась вспышкой немотивированной агрессии и раздражения или внезапно сникала, замыкалась и ложилась в уголке пещеры, словно больной зверек.

Нет, все обстояло не так уж и плохо. Они не просто сумели выжить — они узнавали этот мир все больше и лучше. Исследуя окрестности, они заходили в своих вылазках все дальше. В дальние рейды отправлялись все вместе: после нападения красных хищников ни Никита, ни Серега не хотели надолго оставлять девушек в одиночестве. Впрочем, хищники им, к счастью, больше ни разу не попадались, возможно, эти обитатели пустыни забредали в лес нечасто. Угроза голода миновала, но страх перед ним — самый стойкий из человеческих страхов, сохранился дольше. Но и он постепенно уходил. Лес был полон плодов и кишел добычей. Хотя им ни разу больше не посчастливилось убить черного кабана — эти отнюдь не безобидные животные паслись небольшими стаями, без колебаний атакуя любого чужака. В нескольких километрах на юг от пещеры они обнаружили плато, населенное множеством землеройных зверьков, похожих на крупных сусликов, с мягкой шкуркой и сочным мясом, и научились охотиться на них. В лесу водилось немало птиц, среди которых отыскивались вполне съедобные виды. Искусством сбивать их стрелами, незаметно подкравшись, девушки овладели даже быстрее мужчин. Ну и, разумеется, их стол разнообразила рыба, а также лесные плоды... Но мысль о том, что они останутся здесь навсегда, до смерти, пребывала с каждым из них постоянно.

На этот раз Ленке с помощью Кати удалось справиться с приступом довольно быстро. Все еще шмыгая носом, она вылезла из пещеры и, не поднимая глаз, спросила у Сереги:

— Что ты говорил насчет режима?

— Они лопаются, оттого что нагреваются неравномерно. Думаю, нужно обжигать не только снаружи, но и изнутри, — обрадовался он. — Насыпать в горшок углей и поддерживать температуру...

— Тогда пошли лепить новый, — буркнула Ленка, повернулась к опушке и замерла в изумлении и испуге.

— Привет! — раздался хриловатый женский голос. — Не ждали, да? Только вы нас не пугайтесь, ладно?

У валуна стояли мужчина и женщина. Понадобилось некоторое время, чтобы узнать в пришельцах Вику и одного из охранников, кажется, того, которого звали Леша. Совершенно оборванные, жутко исхудавшие, вид они имели совсем не угрожающий. Никита расслабил мышцы и опустил схваченное было копые. Нет, опасности пришельцы не представляли, несмотря на то, что в опущенной руке Леша держал дубинку, а из-за ремня его штанов торчала рукоять пистолета.

Ленка первая справилась с замешательством.

— Что, водичка закончилась? — ядовито осведомилась она. — А тебе, дорогуша, мои тапочки не жмут?

— Да ладно вам, — сказал Леша с усталой покорностью. — Чего сейчас об этом вспоминать. Мы виноваты, конечно, но только мы тут ни при чем.

— Виноваты и ни при чем, — хмыкнул Серега. — Неплохая конструкция. Да вы нас просто бросили подыхать.

— Нет! — замотал головой Леша. — Я был уверен, что мы обязательно вернемся, когда найдем воду. Это Жернов, тварь... мы ничего не знали.

Как ни старался Никита вспомнить прежнюю злость, ничего не получалось. Вместо нагловатого, тупого качка перед ними стояло несчастное, сутулое от слабости, обросшее редкой клочковатой бородой существо, которое могло вызвать только жалость. Штаны на Алексее держались только благодаря ремню. Вика выглядела не многим лучше. Ее модельная стройность превратилась в лагерную худобу, волосы торчали вялыми, блеклыми прядями, глаза окружала чернота, пухлые губы потеряли цвет и потрескались. Она выглядела лет на двадцать старше прежнего. Хотя, может быть, ее нынешний возраст и соответствовал истинному, без злорадства подумал Никита.

— Ну а сейчас-то вам от нас что надо? — хмуро поинтересовался Серега.

— Мы чуть не погибли... много раз, — торопливо заговорила Вика. — Нам нечего есть, мы не хотим больше оставаться одни.

— А мы без вас, напротив, очень неплохо живем, — мстительно сказал Серега.

— Сережа, не надо так, — остановила его Катя.

— А что «не надо»?! — взвился он. — Раскаялись, поплакались — это только потому, что жрать нечего, — и мы в ответ прослезиться должны? Да это минут на пять, не больше, пока желудок не набьют, а потом он опять начнет пушкой размахивать.

— Вообще-то верно, — поддержал друга Никита и выразительно покачал копьем. — В чужой дом, уважаемый, с оружием не входят.

— Да это без проблем, — устало сказал Леша. — Честно, не надо про нас плохо думать.

Он поглядел на дубинку в своей руке и равнодушно бросил к ногам Никиты. Вытащил из-за пояса пистолет и, не глядя, швырнул туда же.

— Все равно патронов нет.

— Чего ж тогда таскаешь?

— Сам не знаю. По привычке, что ли... Мужики, честно... девушки! Просто так получилось, я не думал...

— Мы очень есть хотим, — тихонько попросила Вика и по ее щекам потекли слезы. — Дайте нам поесть, пожалуйста...

Обильная пища будто бы лишила их последних сил. Гости сидели на траве, опершись спинами о скалу, и рады были бы немедленно заснуть, да хозяева не позволяли.

— Ну, давайте рассказывайте, — потребовал Серега. — Только откровенно. Вранья, ребята, как вы понимаете, быть уже не должно. Это я насчет того, что вы за нами собирались вернуться.

— Но мы же честно хотели... — начал было Леша и замолк, прерванный рычанием вскочившего на ноги Сереги.

— Я сказал, молчи, гад, если правду говорить не умеешь!

— Брось ты, Алексей, — с брезгливой усталостью сказал Вика. — Ни за кем мы не собирались возвращаться. Плевать моему Жирному было на вас. Да и нам тоже, скрывать уж нечего. Он выжить хотел, и мы вместе с ним. Без воды, которую у вас отняли, мы бы уже на второй день в сухие корочки превратились.

— А мы? — спросила Катя.

— И вы тоже... Но с вами-то все в порядке.

— Мы с Петром честно хотели за вами вернуться, — в этой Лешиной фразе уже заранее звучало понимание того, что никто ему не поверит. — Вы поймите, я же на Жернова работал и в ситуацию тогда просто въехать не успел...

— Кстати, а где же твой дружок Петр? — прервал его оправдания Никита.

— Нет его, — ответила вместо Леши Вика с нехорошим смешком.

— Мой супруг, можно сказать, его убил...

Они шли через пустыню два с половиной дня. На рассвете второго их атаковала стая летающих тварей, которых они отогнали выстрелами. Ящеры некоторое время кружили над ними, но напасть больше не пытались и в конце концов улетели на поиски более доступной еды. Красных хищников они тоже видели. Стая из нескольких зверей появилась почти сразу после начала пути и довольно долго сопровождала их параллельным маршрутом, но напасть так и не решилась. В первую ночь, проведенную в пустыне, они почти не сомкнули глаз, каждую секунду ожидая атаки, однако звери, по-видимому, сочли за лучшее отправиться на поиски менее проблемной добычи и больше их не тревожили. На вторую ночь дежурили уже поочередно — на большее не хватало сил. На рассвете приключилась беда. Они уже собирались трогаться в путь,

когда Петр внезапно вскрикнул и с ругательствами принялся что-то ожесточенно затаптывать. Его укусила в ногу какая-то тварь, похожая на исполинского плоского жука или мокрицу. Несколько таких же проворно скрылись в земле, прежде чем разъяренный Петр успел растереть их в пыль. На его лодыжке осталась крохотная ранка с небольшой припухлостью — не более, чем остается после укуса осы. Да и боль от укуса казалась незначительной, Петр не слишком обеспокоился и даже посмеялся над происшедшим. Он просто не сумел понять, что случилось. Через некоторое время нога начала опухать и болеть, Петр хромал все сильнее, а когда они добрались до леса, без посторонней помощи передвигаться уже не мог. По лесу они тащились с черепашной скоростью, что страшно раздражало Жернова, но Петру делалось все хуже, он терял силы. Нога раздулась бесполезной колодой, зловещая чернота, окружившая место укуса, все больше растекалась по коже.

— Мы старались изо всех сил, — торопливо сказала Вика. — Мы довели его до самого дома.

— Дома? — кажется, это слово они произнесли вчетвером в один голос.

— Ну, это не то чтобы дом, — передернула Вика плечами. — Старый, заброшенный сарай. Хуже сарая.

Это была хижина, сложенная из тонких древесных стволов и покрытая листьями. Листья успели засохнуть, потому крыша протекла водопадами в ночь обрушившегося ливня, промочившего всех насквозь. Они выбрали самый сухой угол, но дрожали от сырости до утра.

— Значит, здесь есть люди! — воскликнул Сергей.

— Не есть, а были, — возразила Вика. — И очень давно. Я же говорю, что хижина заброшена, она уже почти развалилась.

— Это неважно, неважно... — волновался Сергей. — Мы их обязательно найдем!..

На следующее утро Петру стало совсем плохо, он впал в забытье, бредил, и тогда Жернов приказал его бросить.

— Что значит приказал? — спросила Катя. — Вы что, беспомощные дети?

— У него автомат, — отвел глаза в сторону Алексей. — Он забрал пистолет Петра, а мне приказал отдать патроны.

— Откуда у него автомат? — удивился Серега.

— Он всегда его возил с собой.

— Так, выходит, он настоящий бандит.

— Вроде того, — сдержанно подтвердил Алексей.

— А ты?

— Я — нет! — категорически воскликнул он. — Я к его делам никакого отношения не имел. Я просто этот, секьюрити. Работал в охранной фирме.

— А хозяин фирмы — Жернов? — допытывался Серега.

— Ну... в общем, да, — разговор Алексею не нравился. — Но я там только работал, и все.

— И ты, такой здоровый и подготовленный, не мог с ним справиться?

— Он просто свихнулся! — вступила в разговор Вика. — Он не выпускал из рук оружия, все время держал нас под прицелом, гнал по лесу целыми днями, мы ташили на себе вещи, он даже меня использовал, как рабочую лошадь!

— Куда вы так торопились? — поинтересовался Никита.

— Туда, где по ночам грохочет. Он был уверен, что там есть какая-то цивилизация.

— И что же там оказалось на самом деле?

Вика и Алексей растерянно переглянулись.

— Мы не знаем, — проговорили они в один голос.

— Он нас просто бросил, — добавила Вика.

— Он хотел нас убить... — мрачно сказал Алексей.

Лес оказался велик, но не бесконечен. Настал час, когда деревья расступились и перед «экипажем» джипа вновь открылась пустыня. Все та же ровная красноватая поверхность расстилалась до горизонта, и лишь в самом пределе видимости в лучах заходящего солнца они различили странные высверки отраженного света. Будто какой-то великан лениво вертел перед собой зеркало, играя гаснущими лучами светила.

Солнце скрылось за деревьями, и все исчезло. Но ночью, когда зазвучал уже ставший привычным гул, они вновь увидели свет на горизонте. Яркие вспышки сменялись темнотой, повторяясь с определенной периодичностью, и прекратились одновременно с наступлением тишины. Все это было очень похоже на маяк, установленный в пустыне неизвестно кем с непонятной целью. Он включался каждую ночь на короткое время. Удивляло, что сила звука с приближением к источнику совершенно не увеличилась. Объяснения этому не находилось, ломать голову в его поисках не имело смысла, когда цель их путешествия оказалась в пределах достижимости.

Утром произошел конфликт. У них оставалось совсем немного пищи. Собственно, все эти дни они жили впроголодь, экономя каждый кусок, а попытки охотиться успеха почти не имели. Лишь однажды Жернову удалось подстрелить какое-то небольшое животное, величи-

ной с зайца, тощее и жилистое, которого хватило лишь на то, чтобы ненадолго приглушить голод. Последние дни мешок с едой Жернов не доверял никому, лично распределяя на привалах скудные запасы. Тот, самый первый, двухдневный переход через раскаленную пустыню дался им с невероятным трудом, но тогда, по крайней мере, все они были полны сил и обеспечены водой и пищей. Теперь таких сил уже не было, а путь предстоял отнюдь не менее трудный и долгий.

Алексей соврал. На самом деле разоружил его Жернов только здесь. Внезапно он направил на него автомат и приказал положить пистолет на землю. А когда Алексей выполнил команду, Жернов распорядился, чтобы Алексей бросил все их скудное имущество, кроме емкостей с водой. И тут Алексей вдруг все понял. Он абсолютно ясно осознал, что нужен Жернову лишь в качестве транспортного средства и, скорее всего, ненадолго. Втроем они никогда не дойдут до конечной точки маршрута, и Жернов это прекрасно знает. Еды не хватит на всех. Алексей будет тащить бутылки с водой, пока окончательно не обессилит и не свалится. И тогда Жернов просто бросит его в пустыне, он даже не пристрелит его из жалости.

Не-ет, Алексей не был дураком и знал, как поступить. Изобразив внезапный приступ тошноты, пошатываясь, он двинулся к кустам, потом резко прыгнул, проламываясь сквозь ветви, вильнул в сторону, прячась от пули за стволами деревьев, и помчался прочь. Жернов орал что-то вслед и действительно выстрелил, лишь один раз — он берег патроны, но Алексей был уже вне пределов досягаемости. Через некоторое время он вновь услышал два выстрела, смысл которых оставался загадкой, пока он не встретился с Викторией.

Она тоже убежала, почти сразу после него. Ужас перед пустыней и Жерновым овладел ею без остатка, Вика внезапно прониклась уверенностью, что Жернов берет ее с собой только для того, чтобы в один прекрасный момент сожрать. Охватившая ее паника была настолько сильной, что вытеснила все прочие чувства. Она не слушала, что кричал ей вслед Жернов, выстрелы лишь усилили ее страх, поэтому Вика бежала, сколько хватило сил, и остановилась, лишь когда совсем устала. Но когда дыхание ее пришло в норму, Вика осознала, какую глупость совершила. Лес был столь же страшен, в нем скрывалось не меньше опасностей, тем более, что в этом лесу она осталась одна. Нет, одиночество еще страшней, нужно поскорее вернуться, она поняла, что все слишком преувеличила. Жернов ее не бросит, он не забыл того, что было между ними, и обязательно ее спасет. Вика отправилась обратно и очень скоро поняла, что сбилась с пути. Она

принялась кричать, но ответом ей было лишь короткое эхо. Надежда оставила ее окончательно, Вика опустила на траву и заверещала — дико, пронзительно и безнадежно. Именно этот отчаянный вопль и услышал Алексей. Вопль содержал мало человеческого, и если бы Алексей в тот момент находился чуть дальше от Вики, ему бы и в голову не пришло приближаться к существу, способному издавать подобные жуткие звуки.

К счастью для нее, их разделяло не слишком большое расстояние, Алексей сумел различить знакомые ноты: все-таки у Жернова он работал уже полтора года. Когда Вика увидела Алексея, вой отчаяния сменился слезами счастья. Но ненадолго. В данный момент Алексей был не склонен к сантиментам, да и Вика поняла, что сосредоточиться нужно на другом.

Вначале они сгоряча решили попытаться напасть на Жернова и даже разработали какой-то безумный план. Вика должна вернуться, изображая глубокое раскаяние, и отвлечь внимание Жернова, чтобы дать возможность Алексею подкрасться поближе. Что именно следует сделать с Жерновым, они не обсуждали, это было ясно, как бы само собой. Выжить могли либо они, либо он. Главное — завладеть оружием и остатками продуктов. Они вернулись на опушку и отыскиали то место, откуда убежали всего час назад, и даже увидели Жернова. Но к этому времени его фигура превратилась в едва заметную черную черточку на фоне красного грунта. Он уходил все дальше вместе со всем запасом пищи, с демонстративной мстительностью растоптав пластиковые баллоны с водой, которые не смог взять с собой. Догнать его было уже невозможно.

Единственное, что им оставалось — вернуться к хижине. У обоих теплилась надежда отыскать ее хозяев. Кем бы они ни оказались — дикарями, людьми каменного века, в любом случае это лучше, чем рано или поздно погибнуть в лесу от голода или от зубов местных хищников. Как ни странно, на обратном пути они почти не плутали и к хижине вышли весьма точно. Завидев ее меж деревьев, оба подумали об одном и том же: там, в хижине лежал мертвый Петр. Приближались совсем медленно, готовясь к встрече с мертвецом.

Но хижина была пуста.

— Куда же он делся? — недоверчиво спросил Никита.

— А я откуда знаю? — угрюмо ответил Алексей вопросом на вопрос. — Как будто вообще его не было.

— Может, его... хищники?.. — предположил Серега.

— Не было там никаких следов, — буркнул Алексей. — Ни внутри,

ни снаружи. После хищников, наверное, все выглядит как-то по-другому. Кости хотя бы остаются.

— Это уж точно, — согласился Серега. — Выходит, его просто унесли?

— Мы тоже сразу так подумали, — вмешалась Вика. — В хижине явно бывали люди. И тогда мы пошли их искать.

Спать на земле они не решались, всякий раз устраиваясь на ночь в ветвях деревьев. Какими бы мучительными ни были такие ночевки, по крайней мере, они гарантировали от нападения ночных хищников. С едой было еще хуже. Питались в основном плодами, какие удавалось найти, однако случалось это нечасто. Один раз им сказочно повезло. Пробираясь сквозь заросли к ручью, Алексей буквально наткнулся на огромную, метра в полтора длиной, ящерицу. Существо грелось возле воды на плоском камне и выглядело довольно медлительным. Справившись с короткой растерянностью, Алексей набросился на рептилию с дубинкой, а через минуту на том же камне уже свеживал добычу. По счастью, в зажигалках Вики и Алексея еще оставался газ, который они берегли теперь пуще самой жизни, и тот день стал для них настоящим праздником. Они наелись — впервые за все это время. Мяса ящерицы хватило им еще на два дня, а счет следующим дням они окончательно потеряли...

— Значит, вы так никого и не видели? — спросила Катя.

— Никого, — помотал головой Алексей. — Ни одного следа. Я думаю, никого и не было. Наверное, он ушел сам и шел сколько мог, пока окончательно не упал... Мы просто его не нашли.

— Но хижина-то есть.

— Хижина есть, — вяло подтвердил Алексей. — А больше никого нет... Слушайте, ребята, я должен поспать малость? Сил никаких больше...

— Ладно, последний вопрос, — решил Никита. — Почему вы не оставили Петра здесь, в пещере?

Алексей посмотрел на него с изумлением.

— Да мы тут и не были никогда!

* * *

— Нам нужно решить, что делать дальше, — начал Никита.

Они сидели вокруг догорающего костра. Угли по краям уже начали покрываться пеплом, постепенно багровели и угасали, словно умирающие звезды. До заката было еще далеко, но ветер прекратился, и в лесу установилась тишина, показавшаяся Никите странной для этого времени суток.

— Разве у нас есть варианты? — осведомился Алексей.

Сейчас он, как и Вика, выглядел намного лучше. За прошедшие несколько дней они определенно поправились, в глазах Вики изредка начал появляться прежний уверенный блеск. Алексей отсыпался целые сутки. Но затем добросовестно принял на себя участие в общих заботах. Первым делом вместе с Серегой отправился ловить рыбу, а потом всецело посятил себя заготовке дров для костра, натаскав в конечном счете огромную кучу сушняка, которой им должно было хватить не меньше, чем на месяц. Возможно даже, он на самом деле не был таким уж никчемным существом, каким показался при их первом знакомстве.

— Даже несколько вариантов, — заверил Никита. — И первый из них самый простой: сидеть здесь, ожидая неизвестно чего. Сидеть мы можем достаточно долго в обоих смыслах. Я имею в виду, что с голоду мы не умрем, но и вряд ли чего дождемся.

Серега бросил в костер ветку и некоторое время следил за тем, как она постепенно обугливается, прежде чем ярко вспыхнуть.

— Если идти, то надо понять, куда и зачем, — сказал он.

— Идти? — в ужасе переспросила Вика. — Я не могу никуда идти! Зачем нам вообще уходить?!

В ужас ее приводили любые предложения, чего бы они ни касались и от кого бы ни исходили.

— Я не сомневаюсь, что здесь есть люди, — твердо проговорил Никита. — Они побывали в пещере незадолго до нас. И, судя по оставленным следам, на первобытных дикарей они не похожи.

— Может быть, это такие же несчастные, как и мы? — предположила Катя. — Тоже провалились сюда из нашего мира?

— Скорее всего, — наклонил голову Никита. — Тем более мы должны их найти. В любом случае вместе будет легче.

— Если только там не будет парочки таких же Жерновых, — с усмешкой ввернула Ленка. — Представляешь, два или три Жернова да с автоматами. Нам-то с Катькой что! В худшем случае попадем в наложницы. А вот вам с Серержкой я не позавидую.

— А я что, в наложницы уже не гожусь? — совершенно неожиданно для всех вскинулась Вика.

— Да ладно тебе, — остановил ее Алексей.

— Есть и другой вариант, — продолжал Никита. — Идти туда, куда отправился Жернов.

Он ждал возражений, но промолчала даже Вика.

— Каждую ночь мы слышим этот гул. Мы слышали его на скалах,

слышим здесь. Вам не кажется странным, что и там, и здесь он звучит почти одинаково?

— Я много раз думала об этом, — сказала Катя. — Мы проехали довольно большое расстояние, но звук не усилился и не угас. Он немного изменился, но это оттого что мы в лесу, а не на открытой местности.

— И что это значит? — спросил Алексей.

— Не знаю, — покачал головой Никита. — Но мне совершенно ясно: если бы его источник имел природное происхождение — ну, там, гигантский гейзер или выброс газов из вулкана, его сила обязательно менялась бы с расстоянием.

— А если источник искусственный, как тогда со звуком? Какая разница-то?

— Сила звука ослабевает пропорционально квадрату расстояния, — пожал плечами Никита. — Это в школе проходят. А если не ослабевает, значит, он каким-то образом передается без потерь. Как — не знаю, не представляю даже. Но если действительно искусственный, хотя бы можно попытаться ответить на вопрос «зачем?».

— Ну, так отвечай давай, — поощрила Ленка.

— Предположение, что это маяк, все примерно расставляет на свои места. Не знаю, как он устроен, повторяю, что вообще не понимаю, как возможно такое проделывать со звуком, но другого объяснения у меня нет.

— Маяк для кого?

— Этого я тоже не знаю. Может, для приятелей тех, кто его построил. А может, для таких, как мы.

— Тогда не маяк, а приманка, — ввернула Ленка. — Мы туда придем, как дураки, они нас и слопают. Вон Жернов-то так и не вернулся.

— Кто его знает, вернулся он или нет, — проворчал Серега.

— Он в любом случае не смог бы оттуда вернуться, — хмуро сказал Алексей. — Если и попытался — наверняка подох в пустыне. Без жратвы и воды там не выжить. И того, и другого у него было в обрез. Это как билет в один конец.

— Мы можем подготовиться гораздо лучше, — возразил Никита. — Еды и воды у нас достаточно.

— Только воду не в чем нести, — сказала Ленка. — Не в уродцах же наших глиняных. И в бутылках из-под виски не натаскаешься. Тяжело же.

— Это не проблема! — воскликнул Серега. — В деревне, откуда моя бабка родом, мужики до сих пор воду в автомобильных камерах таскают.

— Это как же? — заинтересовался Никита.

— Легко! Отрезают от камеры кусок, какой надо, с одной стороны заваривают, с другой делают ручки, получается резиновое ведро. Мы из запаски четыре штуки наделаем. И не ведер, а резиновых бурдюков. Всего — литров на двадцать, если не больше. Этого хватит надолго.

— Если бы можно было отправиться туда на машине... — вздохнула Ленка.

— На машине не получится, — с сожалением сообщил Серега. — Вообще я об этом думал. Через чашу машина не пройдет, а если отправимся по пустыне, неизвестно куда приедем. Лес тянется на север, а нам нужно на восток. Бензина у нас осталось примерно километров на триста с полной загрузкой. Можно ли вообще объехать лес — мы не знаем, но как только мы отправимся вдоль опушки, то начнем удаляться от этого чертова маяка. А если там река, скалы... Стоит ли рисковать?

— Не думаю, — поддержал его Никита. — Но можно сделать по-другому: съездить на машине в разведку...

— Тихо! — воскликнула вдруг Катя. Она вскочила на ноги и застыла, напряженно вслушиваясь. — Что это?

По лесу к ним катилась волна шума. Треск веток, тяжелый топот множества ног или лап становились все ближе.

— В пещеру! — крикнул Никита.

Он успел протиснуться в «тамбур» последним и захлопнуть за собой дверцу, когда на поляну перед пещерой из чащи вырвался поток животных. Они не принадлежали одному виду. Здесь были уже знакомые людям «кабаны», вперемешку с которыми бежали странные твари с плоской маленькой головкой и вывернутыми в сторону, как у кротов, конечностями, несколько «гиен», какие-то мелкие копытные... Никто из них не обращал внимания на представителей другого вида, как случается лишь в минуты общей грозной опасности.

Что их гнало? Пожар? Наводнение? От первого людей надежно защитит пещера, второе казалось маловероятным. Животные исчезли так же быстро, как появились. С небольшим интервалом на поляну выскочила «гиена». Бежала она как-то странно: высоко подпрыгивала, изо всех сил трясла головой и хрипло выла. Никита увидел, что ее красная шкура испещрена какими-то черными пятнами. «Гиена» внезапно запнулась, покатила по траве и замерла в десятке шагов от входа в пещеру. Никита выбрался из машины, шагнул ближе и тогда увидел, что это были за пятна. Крупные, в ладонь, жуки деловито вгрызались челюстями в тело павшего животного. Но какими бы не-

обычными ни были их размеры, жукам не дано справляться с млекопитающими хищниками, если только не удастся сделать такое с помощью яда.

Эта мысль обожгла Никиту, когда, почуввав присутствие новой жертвы, несколько жуков оставили мертвое тело и проворно побежали к его ногам. Издав крик отвращения, Никита взвился в высоком прыжке, а потом принялся яростно топтать насекомых, ощущая, как с одновременно хрусткими и влажными омерзительными звуками лопаются под подошвами ботинок их покрытые хитином тела. Из пещеры на помощь ему уже выскакивали Серега и Алексей, несколько секунд они сосредоточенно втапывали жуков в землю, а когда остановились, переводя дух, то в наступившей тишине услышали слитный шорох приближавшейся армии.

Жуки бежали по земле, в поисках добычи взбирались на стволы деревьев, обшаривали ветви, падали вниз, вновь вливаясь в основной поток.

— Огня! — закричал Никита. — Скорее! Кольцо огня вокруг входа! Серега, тащи канистру с бензином!

К тому времени как передовые отряды жуков вступили на поляну, они с Алексеем успели сложить вокруг входа в пещеру подобие вала. Серега лихорадочно лил на ветки бензин. Опорожнив канистру, отшвырнул ее в сторону передовой колонны наступающих насекомых и принялся лить моторное масло.

«Дров надолго не хватит, — мелькнуло в голове Никиты, — сгорят за полчаса».

Алексей чиркнул зажигалкой, готовясь создать огненную преграду, но Никита внезапно схватил его за руку, потому что увидел и успел понять нечто для всех них чрезвычайно важное.

— Подожди!

Жуков становилось все больше, скоро вся почва была покрыта их спинами, шорох трущихся друг о друга хитиновых тел заглушал все прочие звуки леса. Однако вокруг брошенной канистры оставалось довольно большое пустое пространство. Жуки старательно обтекали воняющий бензином предмет. Надежда Никиты превратилась в уверенность, когда приблизившись к облитым бензином веткам, жуки немедленно сменили направление движения. Их не заинтересовал даже лежавший рядом с баррикадой труп «гиены», на который тоже пролилось какое-то количество бензина из канистры. Армада проходила мимо укрывшейся в пещере потенциальной пищи. Заслон незнакомого резкого запаха оказался для них непреодолимым. Сейчас Никита боял-

ся только одного: чтобы бензин не выветрился, пока не иссякнет этот смертельно опасный поток.

Прошло полчаса, потом час. Насекомые ползли все той же сплошной колонной. Их ряды начали редеть лишь еще через час, и только за несколько минут до захода солнца отвратительный шелест окончательно смолк и на поляне не осталось больше ни одного жука.

— Убрались? — с надеждой спросила Вика.

— По крайней мере до утра, — флегматично пожал плечами Сергей. — Думаю, ночью эти жуки спят.

— Что же будет утром?

— Там посмотрим.

— Точно такая же тварь в пустыне укусила Петра, — сообщил Алексей. — Но там их было совсем немного.

— У нас бензин остался? — спросил Никита Сергея.

— В баке. Около половины.

— Нужно заготовить запас на утро. На всякий случай.

— Я так понимаю, что вопрос с поездкой на вашей тачке отпал сам собой, — заключил Алексей. — Без бензина не покатаешься.

— Ты все верно понял, — подтвердил Никита. — Идти придется пешком.

— А если в лесу опять нарвемся на этих скорпионов?

— Придется взять с собой пару бутылок бензина.

— Разве двух бутылок хватит? — усомнился Алексей. — Вон сейчас целую канистру уgroхали.

— Бензин не обязательно лить на землю, — догадалась Катя. — Можно просто им помазаться, и жуки будут нас обходить.

Вика представила себе, от отвращения передернула плечами, но вслух говорить ничего не стала. Никита внезапно почувствовал необходимость ее хоть немного приободрить, поэтому сказал:

— Вообще-то я не думаю, что нам придется использовать бензин. В Южной Америке тоже бродят несметные армии муравьев. Они точно так же смертельно опасны для всех, кто попадется им на пути, но происходит это не каждый день. Они перебираются на новые места — что-то вроде сезонной миграции, но потом долго живут тихо и никого не трогают. Думаю, и у жуков есть какая-то цель, к которой они стремятся.

— Ты что, в Америке был? — с неожиданной агрессией осведомился Алексей.

— Просто читал об этом, — ответил Никита, не обращая внимания на его тон. — Я предлагаю завтра трогаться. Надеюсь, жуки здесь больше не появятся.

— А что ты командуешь-то? — все больше распаялся Алексей. — Ты здесь кто такой, бугор, что ли?

Никита собирался ответить, но Серега его опередил.

— Лучше замолчи! — тихо сказал он. — Чтобы потом не пришлось жалеть.

— Алексей, перестань! — попыталась строго прикрикнуть Вика, но на самом деле получилось жалобно.

— Никто никого здесь не держит, — медленно и вятно говорил Серега. — И с собой никого тянуть мы не собираемся. Не хочешь — оставайся на здоровье. А если базар начнешь разводить, в любом варианте придется базарить в одиночестве. Или братков искать, с какими ты до сих пор привык общаться.

— Каких еще братков, — пробормотал Алексей тоном много ниже. В глазах его плескалась растерянность. Он уже сообразил, что чуть не совершил серьезную ошибку. — Я же не... Вон Вика еще до конца не оклемалась, а вы уже собираетесь двигать. Да у нее сил не хватит. Я просто это хотел сказать.

— Ладно, забыли, — примирительно сказал Никита. — Торопиться и в самом деле не стоит. Лучше как следует подготовиться. Предлагаю выступать через два дня. Кстати, и жуки отсюда подальше уберутся...

* * *

Они двигались по лесу осторожно и потому медленно. Тропу в чаще топориком пробивали, периодически меняясь местами, Серега с Никитой. За ними следовали девушки, замыкал маленькую колонну Алексей. Сейчас Никита шагал вторым, он смотрел на потную спину Сереги и думал о том, что лес уже не кажется источником нескончаемых опасностей. Он небрежно отпихивал побеги «живых» лиан, тянувшихся к теплу человеческих тел, автоматически перешагивал через гигантские шляпки старых дождевиков, готовых с грохотом взорваться душным, но совершенно безвредным облаком спор, и оставлял без малейшего внимания ужасающие гримасы и щелканье зубов похожих на лемуру существ, как обычно, спустившихся с вершин деревьев поглядеть на чужаков, вторгшихся на их территорию. Собственно, эти лемуруподобные пока оставались единственными из обитателей леса, кто встретился им на пути. А вот хищные жуки не попались ни разу, о чем никто не жалел. Видимо, именно жуки стали причиной того, что живности в лесу сильно поубавилось. Сбежавшие от нашествия постоянные жители либо погибли, либо еще не успели вернуться в места обитания. Отчасти это было неплохо, потому что избавляло от-

ряд от более напряженных встреч. К тому же охотиться в ближайшее время нужды не возникало — они захватили с собой достаточный запас пищи.

Первые день и ночь их похода прошли без каких-либо происшествий. Мужчины по очереди бдительно несли вахту у негаснущего костра, однако поднимать тревогу ни разу не пришлось. Сегодня они встали с рассветом и через несколько часов непрерывного движения сделали привал на берегу ручья с прозрачной, холодной водой, которой тут же заменили взятую с собой воду из импровизированных бурдюков: она очень скоро начинала вонять резиной. Не смертельно, конечно, хотя приятного мало. Катя с Ленкой устали, но не слишком сильно, и Вика пока держалась хорошо, поэтому после получасового отдыха снова тронулись в путь.

Дорога между тем пошла немного в гору, зато сплетение ветвей, кустов и ползучих растений сделалось не таким непролазным. Потом уклон еще увеличился, и Никита понял: они поднимаются на холм, вершину которого невозможно разглядеть из-за густой растительности. Впрочем, подъем скоро закончился, сменившись ровным участком, после которого начался спуск. Растительность ограничивала прямую видимость каким-то десятком метров, поэтому когда они вдруг очутились в широкой, свободной от деревьев долине, это стало неожиданностью для всех. Но гораздо большим потрясением был стоявший посреди лощины поселок.

Он располагался примерно в километре от них, в самом центре маленькой долины. Несколько хижин, крытых огромными листьями местных пальм, окружала загородка из перевитых лианами заостренных кольев. На мгновение путешественники замерли, а потом, забыв об усталости, не сговариваясь, бросились вперед. Но прежде чем они успели добежать до ограды, секция загородки отошла внутрь, выпустив несколько человек, которые выбежали навстречу пришельцам и выстроились редкой цепочкой, преградив дорогу. Бежавший первым Серега перешел на шаг и остановился. Остальные встали рядом.

Отряды разделяло не более тридцати шагов. Некоторое время и те, и другие внимательно разглядывали друг друга. Хозяева деревни не выглядели воинским подразделением, хотя были одеты в одинаковые широкие шорты (а возможно, и юбки) до колен, сшитые из «кабаньей» шкуры. Возраст троих из них — всего защитников было восемь — наверняка перевалил за пенсионный. Изрезанные глубокими морщинами лица, сухие, старческие тела красноречиво свидетельствовали об этом. Четвертый был моложе, но избыточная, явно болезненная полнота его

фигуры рождала глубокие сомнения в боеспособности этой «боевой единицы» по меньшей мере до того, как он сумеет справиться с отдышкой от короткой пробежки. Остальные четверо, правда, выглядели более подготовленными к возможным схваткам. Все они были вооружены заткнутыми за пояс каменными топориками и луками, исполненными, как тут же оценили Никита и Серега, намного более профессионально, чем их собственные: дровки туго обмотаны полосками кожи, кончики слегка изогнуты в направлении полета стрелы.

— Дальше что будем делать? — шепотом спросил Серега.

— Договариваться, — так же тихо ответил Никита.

Он демонстративным жестом положил на землю копьё, сбросил с плеч поклажу и неторопливо пошел вперед. Противная сторона бесстрастно следила за ним, пока он не достиг некоей условной границы, а потом одновременно, без команды, луки поднялись, и в грудь парламентаря нацелились восемь стрел. И хотя тетива оставалась ненапрянутой, сомневаться в смысле этой демонстрации не приходилось.

Лихорадочно припоминая все когда-либо прочитанное о способах общения с представителями первобытных племен, Никита медленно протянул вперед руки с открытыми ладонями.

— Я не сделаю вам зла, — произнес он, рассчитывая на понимание не слов, а их смысла и интонации.

Один из старцев, тот, на голове которого сохранилось меньше волос, чем у остальных, насмешливо хмыкнул.

— А ты и не сможешь, — ответил он.

Испытанный Никитой шок был настолько силен, что он не сразу нашелся с ответом.

— Вы русские? — запинаясь, пробормотал он.

— Какая тебе разница! Всякие.

— Но... как вы сюда попали?

— Так же, как и ты. Что тебе надо?

Очевидная и ничем не спровоцированная недоброжелательность старика озадачивала.

— Почему вы так?.. Мы в самом деле не хотим ничего плохого. Мы были страшно рады, когда увидели вашу деревню, потому что считали, что, кроме нас, здесь вообще никого нет.

— Тут вы сильно ошибались, — сказал старик. — Здесь много бродит всяких... вроде вас.

— Я вижу, вы нам не доверяете, хотя совершенно не понимаю причины. Вы хотя бы могли объяснить... Ну давайте просто поговорим!

Старик смотрел на него со странным сожалением.

— Хорошо, поговорим, — согласился он и, не снимая стрелы с тетивы, опустил лук. — Но твои приятели пусть остаются там, где стоят. Спрашивай!

— Скажите, вы давно здесь?

— Давно, — кивнул старик. — Много лет.

— И вы не пытались вернуться?

— Что значит «пытался»? Это тебе не с дерева слезть.

— Я имею в виду, вы не искали?..

— Искал, — кивнул старик. — Но очень недолго. До тех пор, пока не пришел в эту долину. Не хочу тебя огорчать, парень, но обратного хода отсюда нет.

— Может быть, вы объясните, почему относитесь к нам так враждебно?

— Объясню, — старик переступил с ноги на ногу. — Против тебя лично я ничего не имею. Как и против твоих приятелей. Пока вы идете своей дорогой. Дело в том, что чужие нам здесь не нужны. Есть, понимаешь ли, некоторый неприятный опыт. Ну, представь себе: ты спокойно живешь в своей квартире и вдруг туда врываются какие-нибудь недоумки, нарушают порядок, переставляют мебель, да еще начинают командовать. Тут и до беды недалеко. Вот и у нас случалось всякое, и никаких бед мы больше не хотим. Ни себе, ни... никому. Тут наш дом, и нам здесь нравится. Понятно?

— Более или менее, — сказал Никита. — И много вас здесь?

— А вот это не твое дело, — ответил старик. — Еще какие вопросы?

— Вы знаете что-нибудь об этом странном шуме по ночам?

— Кое-что, — кивнул старик. — Но не очень много. Вы идете туда?

— Да.

— Некоторые считают, что там продолжение пути.

— Куда?

— В следующий мир. Такой же или хуже. Скорее всего, хуже. Но это вовсе не ход обратно.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю, но верю, — вздохнул старик. — Слышал всякое... Сам поймешь, если доберешься.

— Может, все же расскажете?

— Было б что рассказывать... Я там не был, но с теми, кто туда ходил и вернулся назад, встречаться довелось. Вот ты скажи: когда сюда попал, тебе страшно стало?

Перед тем как ответить, Никита немного помолчал.

— Не сразу. Но когда понял, что случилось — да, страшно.

— Молодец, что не соврал, — похвалил старик. — Так вот там намного страшнее, потому что точно знаешь, что провалишься, но не знаешь куда. Поэтому не каждый готов рискнуть.

— И многие возвращаются?

— Что значит — многие? Это тебе не улица Горького. За все время я только двоих таких и видел.

— И что же они рассказали?

— Да не понять было ничего толком. То ли не хотели, то ли не могли. Но вот то, что страшно им стало — это я понял. А подробностей они не излагали, ушли быстро. Да и давно это было, помню плохо. Ты сам-то откуда провалился?

— Провалился?

— Ты ведь как-то сюда попал? Где это случилось?

— Недалеко от Москвы, — ответил Никита. — Рядом с Киевским шоссе.

— Москва... — снова вздохнул старик. — Двадцать лет... Как там у вас?

И тут же закричал, увидев, что Никита раскрыл рот для ответа.

— Нет! Не рассказывай! Не хочу. Не нужно уже...

— А вы? — спросил Никита.

— Что я? Все сюда попадают одинаково. Только из разных мест. Ты что, не знаешь, сколько без вести пропавших каждый год? Не все из них погибают или скрываются от алиментов. И, сдается мне, не все проваливаются именно сюда.

— Я об этом никогда не думал, — сказал Никита.

— Да и я тоже, — признался старик. — А здесь начал задумываться.

— Вы не жалеете?

Старик немного помолчал.

— Уже нет... очень редко... Нет! — твердо закончил он. — Слушай, парень, не ходите вы туда. От добра добра не ищут. Тут есть симпатичное местечко, недалеко — всего день пути. Если захотите, можем даже проводить. Речка рядом... Обоснуетесь, заживете. Подскажем, что и как. А там дальше — видно будет. Если вы ребята нормальные — когда-нибудь станем дружить.

— Не знаю, — в сомнении сказал Никита. — Мы идем к маяку.

— К маяку? — удивился старик, а потом рассмеялся. — Верно ведь! Конечно, маяк. Зря вы это, ей-богу. Ладно, идете — так идите. Только не торопитесь там, подумайте. Кстати, еды вам не надо? Можем по-мочь.

— Нет, спасибо, с этим у нас все в порядке.

— Значит, уже научились здесь жить, — одобрительно кивнул старик. — Тем более, не советую. Но вижу, отговаривать бесполезно. Тогда идите, куда собрались. У нас дел сегодня много.

— Счастливо оставаться, — сказал Никита.

— И тебе счастливо, — сказал старик.

Никита отошел на несколько шагов, остановился и обернулся.

— Последний вопрос. Тут где-то хижина заброшенная и там остался наш... знакомый. Не совсем знакомый, просто один из тех, кто с нами... провалился. Его зовут Петр.

— Которого клопы искусали? — без удивления спросил старик.

— Клопы?

— Мы так их кличем. С Петром все в порядке, если тебе это интересно. Здесь его нет, не понравился он нам. Мы его в сторону солнца отправили, — старик махнул рукой, обозначая направление. — Обеспечили, конечно, на дорожку. Там тоже люди живут. Далеко, правда, но он парень здоровый, так что доберется. Может, он им приглянется, если дураком не будет.

— А если не приглянется?

— Значит, совсем дурак. Тогда — его дело. Каждый себе хозяин... Насчет клопов-то и вы там поосторожней. В лесу их уже долго не будет, а в пустыне еще попадают. Особенно по утрам. Ночевать в пустыне станете — ползунками обложитесь, клопы их не любят.

— Чем?

— Ну, лианы, которые сами шевелятся — их полно вокруг. Нарвите побегов посвежее, их на неделю хватает. И вот что еще... Если отсюда прямо на звук пойдете, выйдете к реке. Переправляться через нее не надо, пойдете вниз по течению, к вечеру доберетесь до излучины, там опять свернете к своему маяку.

— Почему?

— За рекой живут такие... Мы их оборотнями зовем. Они не совсем люди. Не с Земли, это точно, но кажется мне, что и нездешние. Тоже откуда-то провалились. Наше счастье, что они на эту сторону редко перебираются и от реки далеко не отходят. Хотя некоторые все же в лес забредают. Если их увидите — лучше спрячьтесь, затаитесь. А не получится — бейте первыми, не ждите, пока сами нападут.

— Какие они? — спросил Никита.

— Такие... когда увидишь — не ошибешься.

— Ладно, спасибо, — сказал Никита. — До свидания.

Он возвращался, не оглядываясь, физически ощущая на спине при-

стальные взгляды хозяев долины. Дожидаясь его возвращения, Серега в нетерпении вытоптал вокруг себя в траве целую площадку.

— Ну что? — потребовал отчета Серега.

— По дороге расскажу. Пошли отсюда. Они не хотят, чтобы мы здесь оставались, и попросили нас уйти. Им и без нас неплохо.

— Они... кто они такие? — спросила Катя.

— Такие же, как мы. Пойдемте, я все расскажу позже.

— Крутые, да? — с вызовом сказал Алексей. — Вот уроды. Ночью их хибары запалить — как нечего делать!

— Вот именно поэтому мы им и не нужны, — устало проговорил Никита, пристраивая на плечах свою поклажу. — Ладно, двинули!

Цепочка жителей деревни так и оставалась на месте, ожидая, когда пришельцы, которых здесь никто не ждал, скроются в лесу.

* * *

Река оказалась довольно широкой — от берега до берега метров сто пятьдесят. Ее неторопливое течение, вероятно, ощущалось лишь на середине, а у берегов вода смиряла свой бег, словно отдыхая в многочисленных бухточках и заводях, поросших камышом. К одной такой бухточке, крохотной и мелкой, окруженной узкой полоской песчаного пляжа, они сейчас и вышли. Ленка наклонилась и попробовала рукой воду.

— Теплая, — сообщила она. — Жутко искупаться хочется.

— Не советую, — торопливо предостерег Серега. — Шукам на обед торопишься попасть?

— Почему, собственно? — возразил Никита. Ему и самому страшно хотелось сполоснуть зудевшее от пота тело. — Шуки — они в озере, здесь речка.

— А в речке акулы. Или еще кто пострашнее. Мы здесь ничего не знаем.

— Плавать-то не обязательно, — настаивал Никита. — К тому же тут мелко, вода прозрачная. Зайдем по колено, сполоснемся, ты нас посторожишь.

— Ладно, я буду первой, — внезапно решила Викя.

Не снимая одежды, ступила в воду и плеснула на себя обеими пригоршнями.

— Хорошо! — с наслаждением проговорила она.

После некоторого колебания, обе девушки последовали ее примеру. Охраняя их, мужчины зашли чуть дальше с копьями наготове, недоверчиво взглядываясь в темную глубину. Но воды реки оставались спокой-

ными, никто из ее обитателей не обнаруживал намерений немедленно наброситься на пришельцев, и тревога понемногу утихла. Искупавшись, они блаженствовали на песке. Окружающий мирный пейзаж расслаблял, настойчиво навевая воспоминания о медленных подмосковных реках в жаркий летний полдень.

— Интересно, рыба здесь есть? — вяло проговорил Серега. — Мы могли бы устроить привал подольше.

— Почему бы и нет, — поддержала его Ленка. — Торопиться-то нам все равно некуда. Отдохнем немного.

Возражений ни от кого не последовало. Да и какие могли быть для них причины! Место для привала в самом деле выглядело очень удачным.

— Пожалуй, прогуляюсь вдоль берега, — объявил Никита. — Осмотрюсь вокруг.

— Может, я с тобой? — предложил Серега без энтузиазма.

— Не стоит. Я ненадолго.

Он вошел в лес и двинулся по опушке, следуя основному направлению береговой линии. Порой водная гладь пряталась от его взора за густым прибрежным кустарником, но через десяток шагов показывалась вновь, такой же спокойной и никем не потревоженной. Начался небольшой подъем, а затем впереди Никита увидел меж деревьев просвет. Лес здесь отступал от берега, открывая широкое пространство перед обрывом, поросшее невысокой и редкой травой. Никита сделал несколько шагов по направлению к обрыву и мгновенно присел, вмиг покрывшись холодным потом. Сердце провалилось в область желудка. Он осторожно подобрался к краю обрыва и заглянул вниз.

Копотившиеся у края воды существа безусловно не были людьми, несмотря на некоторое анатомическое сходство. Их серая и гладкая плоть, поблескивающая в солнечных лучах, будто состояла из желе. При движении она свободно колыбалась под кожей. Конечности — ноги и руки — изгибались без очевидных признаков суставов. Головы на массивных коротких шеях почти не имели затылков. На существах не было никакой одежды, что однако не давало возможности определить их половую принадлежность. Тела существ, превосходившие людские размерами раза в полтора, казались карикатурными подобиями человека, вылепленными неумелой рукой ребенка, не посчитавшего нужным обратить внимание на мелкие анатомические детали. Но отнюдь не это так потрясло Никиту.

Существа — их было четверо — деловито возились вокруг холмика окровавленной плоти, которая когда-то была человеком. Рядом валя-

лись обрывки ткани, оторванная рука со скрюченными пальцами, на одном из которых блестело кольцо. Никита увидел, как одно из существ без очевидных усилий вырвало лапой кусок из мертвого тела, захихнуло в рот и, не разжевывая, с усилием, проглотило. Волна тошноты накатила на Никиту, он на мгновение зажмурился, а когда вновь открыл глаза, то увидел, как то же существо сидит в неподвижности, повернувшись в его сторону.

Их разделяло не менее полусотни метров, пучки травы на краю обрыва худо-бедно маскировали Никиту, и он не выдал себя ни единым движением. Спустя несколько долгих секунд существо отвернулось и продолжило страшную трапезу, оторвав тем же способом очередную порцию пищи. Никита уже решил, что остался незамеченным, однако в следующую секунду три остальных существа одновременно, словно по сигналу, лениво зашагали в его сторону, расходясь веером. Могло показаться, что они не подозревают о присутствии человека, но Никиту не обманула их неторопливость. У него не возникло никаких сомнений по поводу их намерений. Он отпрянул от обрыва, вскочил и бросился в лес.

От стоянки он успел отойти совсем недалеко, поэтому уже через несколько минут выбежал к бухточке.

— Уходим! — сдавленно прошипел он, переводя дух. — Скорее!

— Что случилось? — вскочил навстречу Серега.

— Там те, кого старик называл оборотнями! Они совсем рядом и, кажется, успели меня заметить. В лес! Быстрее!

Постоянное ожидание опасности не покидало никого из них с того часа, когда они появились в этом мире, поэтому лишних вопросов никто не задавал и сборы времени не требовали. Спустя минуту они уже бежали по лесу с максимально возможной скоростью. Влажный, теплый сумрак леса, давно сделавшийся привычным, немного успокоил Никиту, из авангарда он перешел в арьергард и сейчас отставал от группы, ненадолго останавливаясь, чтобы вслушаться и отыскать в лесных звуках признаки погони. В какой-то момент ему показалось, что опасность миновала.

Лес сделался гуще. Продираясь сквозь кустарник, теперь приходилось все чаще пускать в ход топор. Продвижение маленького отряда сильно замедлилось, и тревога вновь охватила Никиту. Он подозревал, что жалкое оружие, которым они располагали, вряд ли послужит достаточной защитой. Никита не знал, с какой скоростью способны передвигаться существа, насколько они упорны в преследовании добычи, и очень надеялся на то, что старик из деревни был прав, когда сказал, что оборотни не любят удаляться от реки.

Ветви кустарника сплелись настолько тесно, что Сереге и Алексею пришлось вдвоем прорубать настоящий коридор. Отряд на некоторое время остановился, и тогда Никита услышал позади странные и до сей поры незнакомые звуки. Они чем-то напоминали бессвязное лепетание ребенка, только усиленное во сто крат. Наверное, такой лепет могли бы издавать дети великанов. Источник звуков находился близко, слишком близко от них, и он приближался.

Кустарник закончился, беглецы вырвались наконец на относительно чистое пространство и вновь ускорили бег. Теперь уже каждый из них ощущал дыхание погони, сомнений в этом не оставалось. А когда кусты позади затрещали под напором могучих тел, стало ясно, что погоня совсем рядом.

Лес сделался реже, почва пошла под уклон, а потом деревья расступились, и они очутились на краю длинного и пологого склона. Усыпанная булыжниками и валунами каменистая земля была почти лишена растительности, невдалеке поднимались невысокие скалы, которые могли бы дать беглецам укрытие. В этом направлении они и побежали. Они преодолели примерно половину расстояния, когда из леса появились преследователи. Серые существа рассыпались цепью, словно загонщики, поставившие целью не дать ускользнуть добыче. Было удивительно, как быстро сумели они сократить отделявшее их от беглецов расстояние. Обернувшись и разглядев чужаков, Вика в ужасе взвизгнула, запнулась и удержалась на ногах лишь с помощью Алексея.

Впрочем, на камнях скорость передвижения существ заметно упала. При каждом шаге они тщательно выбирали место, куда поставить колоннообразные ноги, что дало возможность людям несколько увеличить отрыв. Задыхаясь, они подбежали к подножью скал и, не переводя духа, принялись карабкаться наверх. Страх в равной степени помог каждому преодолеть пятиметровый, почти отвесный подъем, но когда все они взобрались на широкий карниз, обнаружилось, что дальше пути нет. Скала уходила вверх с отрицательным уклоном, справиться с которым смог бы разве что опытный скалолаз со специальным снаряжением.

Существа приближались. Сейчас они резко сбросили скорость и двигались совсем неторопливо, убедившись в том, что добыче скрыться уже некуда. Время от времени они ненадолго останавливались, обмениваясь все теми же лепечущими звуками, в которых Никите слышалось нетерпение и торжество.

Рядом с его ухом тренькнула тетива лука. Посланная Катей стрела вонзилась в грудь одного из чудовищ, качнулась и выпала из неглубо-

кой раны, что не произвело на существо никакого видимого впечатления.

— Целься в глаза! — крикнул Никита.

Он понимал, насколько призрачна надежда на успех, и убедился в том немедленно. Следующую Катину стрелу, как и стрелу, посланную Серегой, существо попросту отбило в сторону с поразительной быстротой и ловкостью. До подножья скалы чудовищам оставалось лишь несколько десятков метров. Никите вдруг стало абсолютно ясно, что крутизна скалы их отнюдь не остановит, а кажущееся преимущество позиции сверху растает, едва их примитивные копыя столкнутся с физической мощью врагов. Убежище превратилось в ловушку.

«Бензин!» — внезапно осенило Никиту.

— Алексей! Доставай бутылки с бензином! — закричал он. — Скорее! Девушки, рвите тряпки на фитили!

Слишком поздно. Лихорадочная поспешность, с которой они принялись превращать бутылки в зажигательные снаряды, помочь уже не могла. Первое из существ уже неторопливо и уверенно поднималось по каменной стене. Примериваясь для удара, Серега занес над головой топорик, Никита с ощущением обреченности держал наготове копьё, но в эту секунду обстоятельства переменялись. Темные линии со шмелиным гудением прочертили воздух. Короткие, толстые стрелы почти одновременно вонзились в бок, спину, шею, лапу существа. Чудовище дернулось и, не удержавшись, с удивленным уханьем соскользнуло на землю. Нет, оно не было убито, казалось даже, что нанесенный ему стрелами ущерб не слишком значителен, однако, забыв на время о беглецах, существо озиралось в поисках нового противника.

Из-за ближайших камней ударил следующий залп. Теперь мишенью невидимых стрелков стало другое чудовище. Этот залп оказался более удачным. Одна из стрел угодила точно в пасть существа, и теперь оно с воем крутилось на месте, пытаясь извлечь застрявший снаряд. А потом на череп третьего обрушилась бутылка с бензином, брошенная Алексеем. Стекло разлетелось на мелкие осколки, мгновенно превратив чудовище в живой факел. С ужасающим ревом оно прыгнуло в сторону, запнулось о валун и покатило по земле, распространяя отвратительный запах горящей плоти.

Второй бросок оказался менее удачным: бутылка разлетелась рядом с четвертым существом, которое пока оставалось невредимым, но очередная атака стрелков довершала начатое. Чудовища, одно за другим, грузно повалились на камни и перестали двигаться. Последнее существо, словно только теперь почувствовав неизбежность гибели, попыта-

лось бежать, однако очередной залп разрушил его намерения вместе с самой жизнью.

Все было кончено. И тогда из-за камней вышли несколько человек с мощными арбалетами в руках.

— Эй, как вы там? — помахал рукой один из спасителей. — Давайте спускайтесь. Теперь все в порядке.

Он был высок, плотного телосложения. Густая борода с сильной проседью, туника из тонких шкур, узлы мощных мышц — такими и должны быть вожди первобытного племени.

— С «коктейлем Молотова» вы здорово придумали, — одобрил вождь. — Этими вашими палочками да веточками от вампиров не отбиться, сожрали бы на раз. А после бензиновой атаки они бы отстали. Может, и наша помощь не потребовалась бы. Еще бензин есть?

— Нет, — покачал головой Никита. — У нас всего две бутылки с собой было.

— Жалко, — сказал бородатый. — Я давно собираюсь огнемёт соорудить. Масло мы научились из орехов давить, да горит оно неважно. От огня эти твари убегают, как антилопы. Завалить их непросто, сами видели...

— Что это за твари такие? — спросил Серега.

— Твари, они и есть — твари, — исчерпывающе ответил бородатый вождь. — Опасные, потому как с мозгами, хоть штанов не носят. И точно нездешние. Откуда-то провалились в эти места, как и все мы.

Остальные спасители подошли, дружески окружив их со всех сторон. Только один, показавшийся Никите смутно знакомым, топтался в отдалении, собирая арбалетные стрелы-болты.

— А вообще повезло вам, что наш дозорный вовремя заметил, как вы от них по склону наяриваете, — продолжал вождь. — Наверное, от самой реки они за вами гнались? Вот ведь сволочь какая настырная! Так далеко в лес они редко заходят, видно, сильно жрать хотели. Ладно, чего нам тут падаль нюхать! Пошли к нам, там поговорим...

Они шагали к поселку плотной, оживленной группой. Только тот самый собиратель стрел, показавшийся знакомым, отчего-то шел позади всех в некотором отдалении.

* * *

Этот поселок был значительно больше, чем деревня неприветливых стариков. Он насчитывал более сорока хижин и около двух сотен жителей. Поселок стоял на берегу неширокой речки — одной из много-

численных притоков того широкого русла, откуда Никите с товарищами недавно пришлось убежать. Нынешний глава поселения — бородастый Денис — рассказал, что попал сюда тридцать лет назад. Когда-то он жил в Благовещенске. Совсем мальчишкой пошел купаться с приятелями на Амур, поплыл, нырнул, зацепился за корягу, хлебнул вдосталь воды и, кашляя и задыхаясь, вынырнул именно здесь, где ему предстояло прожить все последующие годы.

Поселок здесь уже стоял, в то время он был меньше, и его жителям Денис был обязан жизнью. Они научили его существовать в этом мире и примирили с ним. Самый старый обитатель и один из основателей поселка, насколько помнил Денис, участвовал еще в Турецких войнах.

— Ты не пробовал пройти обратно? — вопрос, заданный Сергеем, болтался на языке у всех.

Вечерело. Комнату освещали огоньки масляных плашек, расставленных на широком и длинном столе.

— Года два подряд, — усмехнулся он в бороду. — Нырять, как бешеный, целыми днями. Все дно на ощупь изучил. А потом бросил. Привык я здесь. От добра добра нечего искать. К тому же Надю в лесу нашел...

— Еще надо посмотреть, кто кого нашел, — невозмутимо возразила Надя, не поднимая головы от шитья. Очевидно, этот маленький спор был для них давним и привычным. — На одной ноге по лесу едва ковыляла. Вторая-то сломана была. Уже шакалы вокруг собиравались.

Она легонько трянула головой, отбрасывая упавшую на глаза прядь светлых волос. Каждому, кто смотрел на нее, требовалось некоторое усилие, чтобы отвести взгляд от ее гладкой и удивительно ладной, до краев налитой зрелой красотой фигуры. Надя сама словно бы источала ровный, постоянный свет спокойствия и уюта.

— Напрасно вы туда идете, — качнул головой Денис.

— Почему? — поинтересовался Никита.

— А чем здесь плохо? — спросил в ответ Денис. — Лето круглый год, о еде заботиться почти не надо. У нас на Амуре знаешь, какие морозы зимой стоят?

— Ты уже привык, — сказал Серега.

— И вы привыкнете, — кивнул Денис. — Трудно тем, у кого там родные остались. Жена, дети... К нам лет пять назад один пришел. Хороший такой мужик, геолог по профессии. Руду здесь отыскал, теперь у нас с железом проблем нет... Мы ему и дом поставили, и женить хотели... А он все время говорил: «Не могу, умру без своих». И ушел в

пустыню, на гудок. Через месяц вернулся — тощий, как смерть, и весь седой. Ничего толком не рассказал, бормотал что-то про выходы без возврата. Надя сама за ним ухаживала. А он умер.

— Он от тоски умер, — грустно сказала Надя. — Нельзя без семьи.

К Денису подбежал маленький, цепляясь за бороду, вскарабкался на колени, положил пухлые ручки на стол и серьезно посмотрел на всех — как равный на равных.

— Дома построить мы вам поможем, — продолжал уговаривать Денис. — Все только рады будут. Оставайтесь! В пещеру вашу ходим, все железо сюда перетащим... Эх, жалко, что бензина уже нет! Ничего, когда-нибудь и нефть здесь отыщется.

— Вот уж чего не хватало, — Надя плавно повела молочными плечами. — Неужели этой гадостью в своем Благовещенске не надышался?

Маленького беседа утомила, глаза его закрылись, головка закачалась и со стуком брякнулась о стол. Он снова вскинулся и возмущенно заорал. Надя отложила шитье, забрала маленького и унесла в другую комнату.

— С тварями, с вампирами есть трудности, — поделился Денис. — Они лет десять назад появились — раньше-то их тут не было. Без арбалетов с ними сладить было бы трудно — они же здоровые, как слоны, и быстрые. В рукопашную с ними лучше не пробовать. Мы человек пять потеряли, пока научились их выслеживать да бить. И тут дело такое: либо они, либо мы. Потому скоро собираемся за реку в поход сходить. Людей кличем со всей округи.

— И стариков? — невольно спросил Никита, подразумевая неприветливую деревню. Денис его понял.

— Старики в первую очередь пойдут, — кивнул он. — Хотя вампиры к ним и редко добираются, но и того хватает. Главное — арбалетов для всех наделать, простая стрела тварей плохо берет. Оставались бы, а?..

Никита вышел на воздух. Возле угла дома неуклюже топталась громоздкая тень.

— Я извиняюсь, — сказала тень, стараясь смягчить природную грубость голосовых связок. — С вами поговорить можно?

— Конечно, — ответил Никита, ощущая легкое замешательство. — А вы кто?

— Да, это... мы ж с вами как бы знакомы. Петр я. Ну, который бодигардом у Жирного... с Алексеем.

— Ну, конечно, — с облегчением проговорил Никита. — Я же вас сразу узнал, еще там, на скалах. Только вспомнить не мог.

— Вы про меня Денису ничего не говорили? — с надеждой спросил Петр.

— Да нет...

— А остальные? Леха там, Вика? И ваши...

— Ничего. Мне кажется, они вас так и не узнали.

— Может, и не надо?

Никита не ответил, и его молчание Петр воспринял, как приговор.

— Я же не по своей воле тогда, — прошептал он. — Я ж ничего не понимал, как мы здесь... сюда... Думал, дойдем, вызовем помощь и все будет нормально. Я ж у него, у Жирного, на зарплате был. Мне никто такие бабки не платил, как он!

— А сейчас бабки больше? — против воли вырвалось у Никиты.

— Да откуда! — воскликнул было Петр, но сообразил, что речь все не о том, и поник духом еще сильнее. — У меня здесь только жизнь, по сути, началась. Мужики тут нормальные, настоящие. Бабу... то есть женщину хорошую встретил. У нас, вообще с ней... нормально все... И если вы расскажете, что я, как падал... то есть... ну, вы понимаете... неправильно, короче, себя повел...

— Я все понял, Петр, — сказал Никита. — Не беспокойтесь, я ничего никому не скажу.

— А эти... в смысле, Леха и Вика?

— Обещаю, что они тоже ничего не скажут, — тут Никита сообразил, что абсолютное ручательство в этом отношении вряд ли выполнимо. — Вы, Петр, вообще-то держитесь от них подальше. Никто, кроме меня, вас не узнал, утром мы уходим, так что, сами понимаете...

— Ну, я... короче... спасибо! — здоровенные ладони бывшего бодигарда охватили руку Никиты в крепком пожатии. — Тут я для вас классный припас приготовил. Ну, в дорогу. Вы наверняка такого не пробовали. Речные орехи. Как устрицы на вкус, но неживые и долго сохраняются. Вот...

Он сунул Никите небольшой кожаный мешок.

— Петр, а вы не хотите с нами вернуться? — повинувшись порыву, спросил Никита.

— Я? — удивился он. — Нет! Куда возвращаться? В холуи к Жирному или к такому же? За их бабки каждый раз дерьмо хлебать? Нет, больше не хочу. Я же говорю, тут у меня все нормально, баб... жена то есть. И дел много. Вампиров скоро пойдем мочить. Кстати, тому, что к вам лез, я глотку прострелил, — сообщил Петр немного в сторону.

— Спасибо, — сказал Никита. — Да, я понимаю. Тогда — желаю успеха.

Они еще раз пожали друг другу руки, но Петр отчего-то не спешил уходить, мялся.

— Вы с Лехой поосторожней, — вымолвил он слегка через силу.

— В каком смысле? — удивился Никита.

— Он... ну, в общем, он не простой. Нет, так нормальный пацан, но у Жирного с пальцев на лету слизывал. Ну, как ежик дрессированный.

— Почему ежик? — изумился Никита.

— Да я не знаю, так, к слову пришлось, — отмахнулся Петр. — Короче, имейте в виду...

В эту ночь, проведенную с Катей в широкой комнате на втором этаже дома Дениса и Нади, отдыхая от любви, Никита впервые задал себе вопрос: а зачем, собственно, они так стремятся покинуть этот отнюдь не враждебный мир? Он хотел задать этот вопрос Кате, но услышав легкое, ритмичное дыхание, понял, что спрашивать придется только утром. Катя спала так глубоко, что в эту ночь ее не разбудил даже призывный голос маяка...

* * *

Пустыня — красная и палящая — вновь расстилалась перед ними. Порывы ветра то тут, то там ненадолго закручивали в воздухе столбики пыли, а потом развеивали облачками, словно надоевшие игрушки.

— Ничего не видно, — Серега опустил подзорную трубу и потер покрасневший от напряжения глаз. — Горизонт свободен, гражданин начальник.

— Вы здесь были? Жернов отсюда уходил? — спросил Никита Алексея.

— Вроде здесь, — пожал тот плечами. — Да нет, точно здесь. Я вот это дерево хорошо запомнил. Вика, скажи!

— Верно, — подтвердила она. — Я тоже хорошо помню это дерево.

Древесный гигант, на который указали они оба, действительно трудно было позабыть, увидев единожды. Ствол в четыре обхвата возносился в небо на высоту пятнадцатипятиэтажного дома. Мощные узловатые ветви закрывали от солнечных лучей едва ли не полгектара почвы.

— Вот я на него и залезу, — сказал Серега. — Сверху виднее будет. Никита, помоги!

Он вскарабкался на первый сук, подтянулся выше и пропал из вида, скрытый сплетением ветвей и листьев. Некоторое время сверху раздавалось его кряхтение, потом наступила тишина.

— Вижу! — услышали все его крик. — Точно вижу!

— Что там? — крикнул Никита.

— Блестит что-то... Далеко, отсюда не разобрать. Но идти нужно на пол одиннадцатого от солнца. Никита, засекай направление! Я спускаюсь!

Никита прицелился своим игрушечным компасом и подождал, пока Серега спрыгнул рядом с ним на землю.

— Туда? — показал он.

Серега взглянул на компас, потом на горизонт.

— Как раз так. Сильно не ошибемся и мимо не пройдем. Вперед, господа!..

Границы леса, за которой начиналась пустыня, они достигли незадолго до полудня. Перед началом самого трудного перехода Никита предпочел бы устроить отдых до рассвета следующего дня, но, к его удивлению, этого предложения никто не поддержал. Даже Вика, казавшаяся уставшей больше остальных, хотела продолжать путь немедленно. Близость цели их похода — относительная близость — придала им новые силы.

Наверное, по привычке они сохраняли прежний порядок передвижения: Серега шел первым, Алексей замыкал колонну. Шли молча, экономя силы. Зной лился с небес, жаром пылала почва. Крохотные кустики пустынных растений не шелестели, а скрежетали иссохшими стеблями под порывам ветра. Никита начал было считать шаги, но сбился в начале второй тысячи. И все же настал момент, когда, обернувшись, он уже не увидел леса. Только вершина дерева-гиганта все еще торчала из-за горизонта, словно обгорелая спичка.

— Эй, стой! — услышал Никита хриплый выкрик Алексея. — Смотрите!

Удивительно, что ему удалось разглядеть этот темный холмик на ровной как стол красной почве шагах в пятистах справа. Сергей навел подзорную трубу, некоторое время всматривался, а потом с невнятным возгласом бросился туда.

Лежавший на земле человек казался не просто мертвым, а высушенным яростью солнца до последней капельки влаги. Сожженная кожа на обнаженных частях тела свисала лоскутами, но когда тень подбежавших людей упала на его лицо, веки умирающего медленно поднялись, открыв тусклый, невидящий взгляд.

Серега опустился на колени и начал осторожно лить воду из пластиковой бутылки в черную щель рта. Человек сделал глоток, закашлялся, глотнул еще и еще, со свистом выдохнул воздух и вновь зашелся в приступе кашля. Ленка с Катей, поддерживая голову, приподняли его за плечи, что удалось им удивительно легко, потому что эта плоть

почти не имела веса. Взгляд несчастного стал более осмысленным. Рука шевельнулась, оторвалась от земли и бессильно упала, не закончив движения. Он зашевелил губами, видимо, пытаясь что-то произнести, однако распухший язык и голосовые связки отказывались ему повиноваться.

Лохмотья, в которые был облачен полумертвец, когда-то были одеждой. Точно такой, какую носили и Никита, и Серега, и Алексей. Он тоже пришел сюда из их мира.

— Ну и что мы с ним будем делать? — спросил Алексей.

— Думаю, нужно возвращаться, — сказал Никита. — Отнесем его в деревню, может, старички ему помогут, они люди не вредные.

— Да он не доживет, — фыркнул Алексей.

— Ты что, доктор? — разозлился Серега. — Тогда что ты предлагаешь? Бросить его здесь?

— Если и так ясно, что мы ничем не сможем ему помочь... — начала Вика и смолкла на полупhrазе.

Умирающий снова открыл глаза, лицо его исказилось от усилия. Он протянул руку, показывая в ту сторону, куда они шли.

— Там... — выдохнул он, — там...

Его взгляд сделался осмысленным, он словно умолял или предупреждал.

— Что там? — наклонился к нему Серега. — Кто вы? О чем хотите сказать?

— Остаться... нельзя... бежать... я не сумел...

Зрачки его внезапно остановились, глаза начали медленно стекленеть. Он сумел сделать еще несколько судорожных вдохов и затих навсегда.

— Я же говорил, — пробормотал Алексей и тут же отвернулся под устремленными на него гневными взглядами. — Надо бы его закопать...

Топориком и ножом они вырыли в твердой почве неглубокую могилу и положили туда умершего.

— Хотел бы я знать, о чем он хотел нам поведать, — проговорил Серега.

— Дойдем — сами увидим, — пожал плечами Никита.

— А мне туда идти отчего-то совсем расхотелось, — сказала Ленка.

— И мне, — поддержала Вика.

— Выбор у нас есть, — пожал плечами Никита. — Можем вернуться и начать строить свою деревню. Этого вы хотите?

— Я хочу домой! — огрызнулась Ленка.

— Тогда пошли вперед. Ничего другого я предложить не могу.

— Пошли, девушки, — сказала Катя. — Мы только понапрасну теем время. И силы...

Они отошли довольно далеко, когда в небе появилось несколько черных точек, быстро увеличивающихся в размерах. Летающие ящеры некоторое время низко кружили над свежей могилой, а потом, словно по команде, спланировали на землю.

— Доберутся ведь до мертвеца, стервятники, — хмуро предположил Серега.

* * *

Конечную цель маршрута они увидели в середине третьего дня пути. Вначале она выглядела просто небольшой серой выпуклостью, слегка возвышающейся над горизонтом, но на закате внезапно вспыхнула, засияла ослепительным блеском. Свечение длилось минут пять и внезапно исчезло, а утром повторилось снова. С каждым их шагом маяк медленно рос в размерах, обретая все более ясные очертания. С этого расстояния он совершенно не напоминал творение разума и казался одинокой скалой, монолитом серого камня посреди пустыни. Щадя женщин, двигались они медленно, с частыми привалами и вряд ли преодолели за день более двадцати километров. Так или иначе, когда устраивались на очередную ночевку, стало очевидно: следующий переход станет последним. Впрочем, и Серега, и Никита, и Алексей чувствовали себя измотанными ничуть не меньше. Пустыня неумоимо высасывала из них энергию жизни. Ночи приносили некоторое облегчение, жаль, что короткого отдыха от заката до рассвета не хватало для восстановления сил. Им удавалось — лишь очень ненадолго — забыть о смертельной усталости.

Как и подозревал Никита, с приближением к источнику настойчивый зов маяка не делался громче, разве что звучал яснее, четче. И насколько бы ни была велика усталость, Никита всякий раз просыпался, когда раздавался этот звук.

В первую ночь они пытались организовать дежурство, но удержаться от сна для каждого оказалось сверх физических возможностей. Страшная усталость рождала равнодушие к опасности. Их беспечностью легко могли воспользоваться ночные хищники пустыни, окажись таковые поблизости. Им повезло в том, что хищников здесь не было. Эта территория вообще казалась лишенной какой бы то ни было жизни. За все время лишь однажды они видели летающих ящеров, но и те кружили вдалеке, казалось, не отваживаясь пересекать некий невидимый рубеж.

Единственным источником оптимизма служило то, что у них оставалось достаточно пищи и, самое главное, воды. По прикидкам Никиты, при разумной экономии запаса влаги должно было хватить и на обратный переход. Если, конечно, на такой переход достанет сил. Об этом Никита старался не думать, хотя чувствовал, что подобные мысли приходят в голову не только ему одному. По счастью, они почти не разговаривали, обмениваясь лишь самыми необходимыми репликами — на большее сил тоже не хватало. И только присутствие Кати не позволяло эмоциям Никиты окончательно угаснуть. Он очень беспокоился за нее. Катя сильно похудела и осунулась (вообще-то, все они сейчас выглядели примерно одинаково), однако сохраняла присутствие духа, не давая раскиснуть Ленке и удерживая от истерик Вику. Никите здорово повезло, что он встретил Катю. Ночью она засыпала, положив голову на его плечо, и тогда на короткое время к нему приходила дурацкая, мало чем обоснованная уверенность, что в конечном счете у них все будет хорошо.

Он проснулся, потому что перестал ощущать возле себя присутствие Кати, и открыл глаза. Рассвет еще только начинался, однако никто из его спутников уже не спал. Все они смотрели в сторону приземистой серой громады, вершина которой ослепительно сверкала в первых лучах восходящего светила. Маяк посылал очередную порцию сигналов всем, кто желал и мог его увидеть...

Они шли медленно, причем не только усталость сдерживала их шаг. Чем ближе была конечная цель пути, тем скорее росла в душе каждого непонятная тревога. Серая стена становилась все ближе, обнаруживая неровности, впадины, щели и трещины, постепенно распадаясь на отдельные фрагменты, и в какой-то момент стало очевидно: перед ними вовсе не монолит, а очень плотное скопление скал, в сердце которого вели проходы-расщелины.

У одной, шириной около трех метров, они остановились.

— Очень смахивает на начало лабиринта, — заметил Серега. — Интересно, кто бы мог такое нагородить?

Стены расщелины были совершенно отвесными; слегка сужаясь, она сворачивала вправо уже через несколько шагов.

— Пошли, что ли, — неуверенно произнес Алексей.

Перед тем как вслед за остальными сделать первый шаг, он зачем-то вытащил свой бесполезный пистолет без патронов, пощелкал курком и снова засунул за пояс. Всех очень удивляло, что он до сих пор таскал пистолет с собой, будто надеялся наткнуться когда-нибудь на оружейный магазин. Возможно, впрочем, наработанные рефлексy в

нем были настолько сильны, что не позволяли расстаться с оружием даже без боеприпасов.

Прохладный полумрак встретил их уже за первым поворотом. Лучи светила не проникали сюда, и лишь узкая полоска неба над головой освещала дно расщелины. Коридор свернул налево, потом вновь направо и вывел на перекресток. Справа, из щели, в которую едва мог протиснуться человек, били солнечные лучи — там была пустыня. Дорога вперед скрывалась во мраке: стены прохода на высоте нескольких метров сходились вплотную, образуя туннель. Путешественники пошли налево, выбрав тот коридор, что вел в центр каменного мира. Его неведомый создатель вновь попытался сбить людей с толку, почти сразу развернув путь в противоположном направлении, но через десяток шагов они снова вышли на развилку. На этот раз им предстояло выбирать из шести вариантов продолжения.

— Я же сказал, что это лабиринт, — Серега произнес эти слова совсем негромко, но эхо, отразившись от стен, неожиданно усилило их и многократно воспроизвело. Звуковые фантомы догоняли и перекрывали друг друга, сливались, удваивались, учетверялись. Впечатление было такое, будто сами скалы решили одновременно заговорить голосом пришельца извне. Все замерли в полной неподвижности, дожидаясь, пока затихнет это жутковатое слитное бормотание. Никита ощутил, что его лоб покрыла испарина, причиной которой послужил отнюдь не зной. Глаза женщин округлились от ужаса, даже Катя выглядела потрясенной. Алексей, злобно оскалившись, держался за рукоять пистолета и озирался в поисках несуществующего врага.

Прошло несколько минут, пока звуки начали постепенно затихать и наконец смолкли. Никита, не осмеливаясь произнести хоть слово, жестом показал на крайний левый по отношению к ним коридор и первым ступил в него. Если это действительно был лабиринт, в нем следовало придерживаться простого правила: избрав принцип выбора пути, следовать ему неукоснительно до последней возможности. Попав в тупик, возвратиться на одну ступень назад, войти в соседний туннель и продолжать точно так же. Это утомительный и длинный путь, но иного не существует, если не хочешь безнадежно заплутать в бесконечном переплетении развилки и проходов.

Впереди их ждал отнюдь не тупик. Лабиринт закончился, не успев как следует запутать. Каменные стены разошлись, выпустив людей на ровную поверхность гигантского овального каньона, окруженного со всех сторон отвесными скалами. Ровное ложе каньона, словно цирковую арену, покрывал песок, противоположный край прятала плотная

завеса серого тумана, совершенно неуместного в знойном воздухе пустынного полдня.

Это был очень странный туман. Его столб занимал строго ограниченную центральную часть цирка, не касаясь ни одной из стен. Здесь, вне каменных проходов, они вновь ощутили жаркое дыхание ветра, затихающего в пустыне лишь с наступлением ночи, и поразились тому, что зону тумана совершенно не волновали его порывы. Она оставалась полностью неподвижной, как будто вокруг царил абсолютный штиль. Прозрачный и белесый у своих границ, туман быстро густел к центру, делаясь серым и непроницаемым. На миг Никите показалось, что там, в серой гуще, он увидел быстрое движение, похожее на взмах огромных крыльев, но видение тут же исчезло, и он счел его просто иллюзией.

— Что это? — потрясенно спросила Вика.

— Конец пути, — ответил Серега, скорее самому себе, чем ей. — А может, начало. Ну, коллеги, что будем делать дальше?

— Отдохнуть, — сказала Ленка. Она устала настолько, что лишилась даже способности как следует испугаться.

— Осмотримся, — предложил Никита. — И отдохнем, конечно.

Стены каньона не были ровными. Они образовывали извилистую линию мысков и бухточек, каменные обломки, словно морские рифы, выступали из песка, а в толще утесов довольно часто открывались черные отверстия пещер.

— Чего тут смотреть-то! — Алексей затравленно озирался. — Тут некуда больше идти.

— Только туда, — Серега показал в центр туманного столба. — Или обратно через пустыню. Это как кому понравится.

— Туда я не пойду, — затряс головой Алексей. — Нет!

Он выглядел смертельно испуганным, таким Никита не видел его ни разу.

— Не стоит торопиться с принятием решения, — успокаивающе сказал Никита. — Вначале в самом деле нужно немного отдохнуть. Лучше всего вон там, в теньке, — он показал на выступ скалы, нависающий над землей. — К тому же нам давно пора перекусить...

Они спрятались в тени, сбросили вещи и опустились на теплый, мягкий песок. Туманный столб неотступно притягивал взгляды. Никита ощутил, что ему отчего-то совсем не хочется надолго поворачиваться спиной к странному феномену, и догадался: остальные испытывают те же чувства. Выбравшийся из подсознания древний инстинктивный страх перед неведомым и необъяснимым руководил ими, и обуздать его, загнать обратно было отнюдь не просто.

— Мне почти не хочется есть, — сказала Катя, не отрывая глаз от серого столба. — Только попить немного...

— А-а! — раздалось восклицание, заставившее всех вздрогнуть. — Вот и старые знакомые. Почему-то я был уверен, что мы с вами обязательно встретимся.

В десяти шагах от них стоял Жернов. Увлеченные созерцанием тумана, они не заметили, как он вышел из-за ближайшего утеса. Склонив голову к плечу, Жернов рассматривал компанию со странной улыбкой, показавшейся Никите полубезумной. Он похудел и загорел до черноты. Штанины выбеленных солнцем джинсов были оборваны у колен, безрукавка болталась лохмотьями, а на плече дулом вниз висел короткий автомат.

— А я, напротив, очень надеялся, что больше тебя не увижу, — сказал Серега.

— Это почему же?

— Морда у тебя очень противная.

Улыбка Жернова превратилась в оскал.

— Не хамя, юноша, — он положил руку на автомат и слегка приподнял ствол.

— Не нужно нас пугать, — громко сказала Катя.

— Я не пугаю, — возразил Жернов. — Просто сразу хочу расставить все точки где положено. Над «и» или над «е» — это на ваше усмотрение. Хамить мне не надо, меня нужно слушаться. Начальник всегда должен быть один. Здесь начальник я. Поскольку вы этого не знали, на первый раз я прощаю. Но делаю это только один раз. В следующий — башку прострелю без предупреждения. Все поняли?

— А зачем? — негромко спросил Никита.

— Что зачем?

— Зачем простреливать? Вам одному будет лучше?

Жернов посмотрел на Никиту с интересом.

— Нет. Одному тоже неплохо, но хуже, тут ты прав. Но кто со мной останется, решать буду только я. Теперь понял? Я спрашиваю: понял?!

— Вполне, — сказал Никита.

— Я тебя спросил: ты понял?! — страшно заорал Жернов. Он вскинул автомат и нацелил в лицо Никиты. Никто не мог бы сейчас помешать ему надавить спусковой крючок.

— Он понял! — крикнула Катя. Встала и подошла к Жернову почти вплотную, заслонив Никиту. — Мы все всё поняли. Прекратите это или вам придется убить сразу всех.

Рядом с ней тут же встали Ленка, Серега и с некоторой задержкой Вика. Только Никита и Алексей оставались на своих местах. Никита не хотел провоцировать Жернова, а Алексей вообще, казалось, не замечал того, что творится вокруг. Опустив голову, он хмуро смотрел прямо перед собой в песок, губы его шевелились, произнося никому не слышные слова.

Не опуская автомата, Жернов отступил на пару шагов.

— Ладно! Успокойтесь. Присядьте на место, — сказал он тоном ниже. — Поговорим без лишних эмоций. Присядьте, я сказал!

— Сергей, Катя! Садитесь, — окликнул Никита. — Мы все погорячились. Действительно, давайте просто поговорим.

— Вот это правильно, — кивнул Жернов. — Не будем так волноваться. Вообще, садитесь — говорить некультурно. Так что присаживайтесь.

— С каких это пор нормальное русское слово стало некультурным? — возмутился Серега.

— Это не важно, — сказал Жернов. — Оно мне просто не нравится. Так сейчас вежливые люди не говорят.

— Которые срок отсидели? — поинтересовался Серега, но этот вопрос Жернов оставил без ответа.

— Алексей! Эй, Алексей! — позвал он.

Тот поднял голову.

— Собери-ка все эти деревяшки, — показал он подбородком на копы и луки. — И топорик с ножом прихвати. Чтобы не возникло ни у кого никаких глупых мыслей.

Алексей принялся послушно собирать оружие. Когда он нагнулся над копьём Никиты, пистолет вывалился у него из-за ремня и упал в песок.

— Что это? — удивился Жернов. — Пистолет? Это твой, Алексей? Ты его все это время носил с собой? Даже без единого патрона? Зачем?

— Так, на всякий случай, — пробормотал тот. — Если бы удалось вернуться домой, за него бы с меня в первую очередь спросили.

— Уважаю, — похвалил Жернов. — Профессиональные чувства у тебя развиты отменно. Однако брось его. Оставь нашим друзьям, чтобы они не чувствовали себя совсем уж небооруженными, — собственная шутка ему понравилась, и он не удержался от короткого смеха. — Пойдем, я дам тебе другой.

Алексей выпрямился, зажав охапку копий, луков и стрел под мышкой. Пистолет валялся на песке, и он все же намеревался подобрать оружие, но оклик Жернова его остановил.

— Бурдюки с водой захвати. Из чего, кстати, вы их изготовили? Ах, вот что, из автомобильных камер. Очень толково! Молодцы! Вика, иди за Алексеем! Ты мне тоже нужна! А вы пока отдыхайте, мы ненадолго.

Теперь руки у Алексея были полностью заняты. Он еще раз мрачно взглянул на пистолет, повернулся и пошел прочь. Вслед за ним за уте- сом скрылась и Вика. Жернов шел последним. Сворачивая за камень, он обернулся и подмигнул оставшимся.

— Не считайте меня монстром, ребята, я никого насильно здесь держать не собираюсь. Если хотите — можете идти на все четыре сто- роны.

— Без воды? — хмуро поинтересовался Серега.

— С водой действительно сложно, — охотно подтвердил Жернов и ушел.

— Ну, что будем делать? — куда-то в пространство осведомился Се- рега.

— Вопрос не ко мне, — мрачно ответил Никита. — Что мы будем делать, нам скоро скажет наш новый начальник.

Он подобрал с песка пистолет, обтер и, не вставая, просто перека- тившись на живот, сунул оружие в небольшую каменную нишу над го- ловой Кати. Эту нишу можно было увидеть только сбоку, с того места, где сидел Никита, почти вплотную прижавшись к скале, а тот, кто сто- ял напротив, не заметил бы ее даже в двух шагах.

— Тварь поганая! — воскликнула Ленка. — Я знаю, что делать. Под- берусь к нему и шаракну камнем по башке. А вы тогда не зевайте.

— Он не так глуп и близко тебя не подпустит, — вяло махнул рукой Серега. — Ты уж не геройствуй, пожалуйста. Тут газеты не издаются, никто про тебя не напишет.

— Хорошего нам ждать не приходится, это ясно, — вздохнула Катя.

— А Лешка-то, гад! — не унималась Ленка. — Подобрали, откорми- ли змееныша! Хоть бы грамм благодарности. Холуйская рожа! Про Ви- ку, подстилку эту бандитскую, я вообще не говорю.

— Алексей по-другому не может, — сказал Никита. — Да и Вика, кстати, тоже. Что они в жизни видели? Бандиты да путаны, хозяйева да холуи — вот и все их университеты. За что же их так ругать?

— За то, что Лешка грохнет нас, как только этот ублюдок ему при- кажет, — сказала Лена.

— Если прикажет, то не сразу, — успокоил ее Никита. — Жернов пока не торопится. Мы ему зачем-то нужны.

— А я не собираюсь дожидаться его приказаний, — заявил Серега. — Плевать мне на него. У нас есть выход.

Он вскочил на ноги и показал на туманный столб.

— Мы шли именно туда. И никакой мерзавец не сможет преградить мне путь. И я собираюсь сделать именно это! Вы со мной?

Не оглядываясь, он уверенным и быстрым шагом направился к границе туманной зоны. Никите и девушкам пришлось немного постараться, чтобы его догнать. Зато потом они шли рядом, не опережая друг друга ни на шаг. Ленка крепко схватила Серегу под локоть, Никита и Катя держались за руки, переплетя пальцы.

Туман и в самом деле имел четкую границу. Они увидели ее, приблизившись. Тончайшая кисея, из тех, что окружают царственное ложе, спадая с высокого балдахина — примерно так это выглядело. Кисея легко колыхалась, хотя порывы ветра не имели к этому никакого отношения. Движения ее происходили по собственным причинам. Призрачные очаги волнения возникали то здесь, то там, по всей кисейной плоскости, распространяя быстро затухающую рябь.

— Ни фиги себе, — растерянно сказал Серега. — А дальше-то что?

Он поднял из-под ног камень и метнул в туман. Камешек преодолел границу без задержки, затем, как показалось каждому из них, его полет замедлился, а потом камешек просто исчез без следа. Пласты тумана приняли его, убаюкали, растворили или просто скрыли от взглядов снаружи — думать можно было все, что угодно.

— Не ходи туда! — Ленка вцепилась в локоть Сереги обеими руками, дернула изо всех сил.

Серега пошатнулся, ошеломленно взглянув на Ленку. Да не собирався он. Как и Никита, и Катя. Невозможно был сделать этот шаг. Они просто стояли и смотрели, не понимая, как поступить. Там, за первичной кисеей, туман тоже не оставался статичным. Серые пласты медленно слипались друг с другом и через мгновение расходились в противоположные стороны. Изредка из глубины туманного пространства словно бы приходил мягкий вихрь. Он тоже состоял из той же призрачной плоти, он был похож на торнадо в миниатюре, если только возможно представить торнадо в смокинге на приеме у королевы Англии. Этот игрушечный торнадо медленно скользил по периметру туманного артефакта, робко исследуя происходящее вокруг него, осторожно, будто в смущении, медленно вытягивал на себя крупные куски колышущейся воздушной ткани тумана и принимался неторопливо сворачивать их рулоном, словно оберточную бумагу, и в какой-то неуловимый момент исчезал без следа вместе с добычей.

— Что же нам делать? — беспомощно сказала Ленка.

— Посмотреть — можно, а ничего больше я вам не рекомендую, — услышали они позади голос Жернова.

Он смотрел на них сквозь прорезь автоматного прицела. Справа от него, чуть впереди — Алексей, слева — Вика.

— Возвращайтесь, господа, — почти вежливо попросил Жернов. — Там вы пропадете окончательно, это абсолютно точно. А здесь у меня для вас есть неплохое предложение.

— Твои предложения мне не нужны, — сказал Никита. — Никакие. Один раз ты уже пытался нас убить. Можешь стрелять прямо сейчас, если хочешь.

Он оттолкнул Катю, попытавшуюся было занять место перед ним, но получилось это слишком грубо. Катя пошатнулась, едва удержавшись на ногах, и Никита, мгновенно забыв о Жернове, бросился, чтобы ее поддержать. Жернов с любопытством наблюдал за ними.

— Как вы все торопитесь на тот свет, — неожиданно мирно произнес Жернов и опустил автомат. — Я не собираюсь вас убивать. И никогда не собирался. В конце концов с вами ведь ничего не случилось? Вы ведь прекрасно справились со всеми своими небольшими затруднениями. Я, кстати, в этом и не сомневался. А сейчас я просто намерен избавить вас от иллюзий. Вот вы, молодой человек, как вас, Никита?.. Вы сможете самостоятельно во всем убедиться. Идите!

Он показал стволом автомата в сторону тумана.

— Идите, идите, ничего страшного не произойдет. Вы сами почувствуете, когда нужно остановиться. Тогда вы вернетесь и все расскажете своим товарищам. Только не увлекайтесь! Не забывайте о том, что здесь остается ваша девушка.

— Не ходи! — сказала Катя. — Я не верю ни одному его слову.

— Я бы и сам с вами прогулялся, — заявил Жернов. — Но ощущения, которые там испытываешь, не из приятных. Ну, идите, идите! И не забудьте остановиться вовремя...

Никита посмотрел на товарищей, молча повернулся и сделал шаг.

Это было сродни погружению в воду. Звуки внешнего мира исчезли, на короткий миг Никита ощутил, как сдавило барабанные перепонки, и рефлекторно сглотнул несколько раз. Он быстро оглянулся: фигуры оставшихся за границей феномена выглядели размытыми и странно неподвижными. Сердце его часто заколотилось, откуда-то возникло острое чувство необъяснимой тревоги. Он сделал еще шаг и еще один — тревога усилилась скачком, взмывая к пределу, за которым начинается безудержная, не управляемая разумом паника. Он снова обернул-

ся: внешний мир едва угадывался сквозь сгустившуюся серую мглу. Никита вдруг ясно осознал, что следующий шаг лишит его всех ориентиров и он уже никогда не сможет отыскать дорогу назад. Эта мысль заставила его задрожать от ужаса.

Между тем вокруг что-то происходило. Туман струился, двигался, он словно обретал плоть, Никита ощущал его легкие прикосновения. Туман создавал образы, они пробегали чередой, словно странный фильм, склеенный из коротких, совершенно не связанных между собой эпизодов. Одни вызвали короткое успокоение, другие казались удивительно знакомыми, а некоторые рождали страх и отвращение, но все исчезали одинаково быстро, прежде чем Никита успевал осознать, что же он, собственно, видит.

«Спокойно!» — приказал он себе, до скрежета стиснул зубы, шагнул еще раз, совсем немного и пошатнулся: образы сделались яркими и громкими, будто кто-то невидимый, дирижирующий происходящим за режиссерским пультом, резко прибавил свет и звук. Выдержать это было невозможно, зажмурившись и зажав уши, Никита прыгнул назад, не удержался на ногах и выкатился под жаркие лучи солнца. Серега, Катя и Ленка подбежали к нему и помогли подняться.

— Как ты? — с тревогой спросил Серега.

— Нормально, — пробормотал Никита. — Все в порядке.

— Ну, как ваши впечатления? — Жернов смотрел напряженно и жадно. — Что вы там видели?

— Не знаю, — ответил Никита. — Не могу объяснить...

— Я так и думал, — Жернов внезапно успокоился. — Теперь, надеюсь, вы поняли, что иллюзии — дело бесполезное и опасное.

— Что вы хотите нам предложить?

— Это уже другой разговор, — удовлетворенно сказал Жернов. — Я предлагаю уходить отсюда. Здесь делать нечего, вы в этом только что убедились.

— Почему же вы еще не ушли?

— В одиночку это сделать трудно, — пожал плечами Жернов. — У меня не было воды для такого перехода. Вообще вода тут есть, но очень немного. В одной из пещер из трещины сочится по капле, набирается едва пол-литра в день. Достаточно, чтобы выжить одному, но совершенно невозможно создать запас.

— Извините, а кушали-то вы тут что? — поинтересовался Серега.

— А-а, — Жернов с досадой взмахнул рукой. — Видели голубые пятна на скалах? Местный лишайник, мерзкая вещь, но его можно есть. Меня тошнит от этой гадости.

— Я смотрю, вам тоже удалось неплохо приспособиться, — похвалил Серега.

— Я могу приспособиться к чему угодно, — отрезал Жернов. — Но для того, чтобы добраться до леса, мне нужна ваша помощь.

— А что дальше? — спросил Никита.

— Дальше? — удивился Жернов. — Что угодно. В лесу есть деревни, я о них знаю, и вы все теперь тоже, Вика рассказала. Мы сможем поселиться в любой из них. И неплохо там устроиться, это я вам гарантирую. Ну, а уж если не понравится — можете снова вернуться сюда.

— А вам откуда известно о деревнях?

— Известно, — отчего-то Жернов слегка смутился. — Вы не первые, кто пришел сюда. Были и другие. Те, кто пробыл здесь гораздо дольше, чем мы.

— И где же они теперь?

— Кто-то не послушался моего совета и ушел в эту серую пакость, — Жернов показал на туман. — А кто-то пожелал вернуться обратно.

— Кажется, теперь я понимаю, — медленно проговорил Никита. — Мы встретили в пустыне одного из тех, кто решил вернуться. Вы прогнали его отсюда без воды и пищи. Так вы поступали и с остальными?

Как ни странно, Жернов не стал отрицать или отказываться. Видимо, ему было просто наплевать.

— Таковы законы жизни, юноша. Выжить способен был только один из нас, я ничего не мог поделаться. Я помог бы ему, но в тот момент мне нечем было с ним поделиться. Впрочем, это был его выбор, он не пожелал испытывать судьбу туманом.

Алексей тем временем ходил кругами, что-то старательно разыскивая на песке. Наконец оставил это занятие и подошел.

— А где моя пушка? — спросил он, угрюмо взглянув на Серегу.

— Что?

— Ствол мой где? Пистолет? Я его там обронил.

— А... я его в туман бросил, — Серега невинно хлопал ресницами. — Извини, Леха, как-то случайно получилось. Он же все равно без патронов. Но если хочешь, можешь попробовать поискать там.

— Ты что же, гад! — неожиданно сильно обиделся Алексей.

— Успокойся, — одернул его Жернов. — У меня есть второй, ты же знаешь. Не беспокойся, скоро я тебе его отдам. И вместе с патронами. Ты мне нужен, и я тебе доверяю, хотя ты и наделал немало ошибок.

— А нам нет? — пожелал уточнить Серега.

— Вам пока нет, — сказал Жернов. — Доверие, молодые люди, еще нужно заслужить. Ладно, на сегодня хватит. До завтра у вас есть время как следует все обдумать, а заодно и отдохнуть. Тем более, что этот аттракцион с туманом по ночам не работает. Можете занять любую пещеру в здешнем отеле, — он с усмешкой сделал приглашающий жест. — Кроме моей, конечно... Да, Вика принесет вам воды. Немного — теперь мы должны быть очень экономными, но вам будет достаточно. До завтра, друзья мои...

Выбирать пещеру для отдыха долго не пришлось. В окружающих скалах оказалось много углублений, достаточных, чтобы разместилось несколько человек. По всей видимости, этой ночью им не нужно будет опасаться хищников. Самое опасное существо в округе — Жернов — храпело где-то поблизости в обнимку со своим автоматом.

Солнце скатывалось к горизонту, и с туманным столбом действительно начали происходить быстрые изменения. Он на глазах становился прозрачней, тоньше, а потом как-то незаметно совсем исчез и несколько минут до наступления темноты они смогли увидеть без помех все пространство каньона. После заката темнота в пещере не наступила. И причина была не в том, что над ними в этот час проплывали оба спутника планеты. Потолок пещеры и ее стены, начиная с высоты человеческого роста, светились мягким голубоватым светом. «Может быть, это и в самом деле следует называть гостиницей?» — подумал Никита. Он подошел и потрогал. Пальцы ощутили сухие, шелковистые стебли светящихся растений. Он нажал чуть сильнее и поднес перевернутую ладонь к глазам. Кончики пальцев продолжали светиться заимствованным светом и угасли лишь через несколько секунд.

— Фосфоресценция, — объявил Никита результат своих исследований. — Интересные растения эти лишайники. Неужели Жернов ест именно их?

— Ну, теперь-то, может, расскажешь, что там, в тумане увидел? — спросил Серега. Загадка освещения пещеры его совершенно не интересовала.

— Конечно, — кивнул Никита. — Только не знаю как.

— Что это значит?

— Я видел не совсем глазами... То есть не всегда. Там... у меня возникло впечатление, что там скрывается что-то огромное. Передо мной как будто крутили калейдоскоп, только вместо узоров показывали миры. Я видел или чувствовал образы миров, множество образов. И среди них — нашу Землю.

— Что конкретно ты видел?

— Мне трудно объяснить... это была не картинка, вернее, не совсем картинка — и меньше и много больше одновременно. Образ, вкус, цвет, запах — все вместе. Очень быстро, буквально несколько секунд или даже меньше. Но я совершенно уверен, что это была именно Земля. Потому что... — он внезапно замолк.

— Почему?

— Потому что я видел и другие места, похожие на Землю. И я точно так же был уверен, что к Земле они не имеют отношения. Но мне ясно одно: там, в тумане, дверь. Может быть, не одна, но у нас есть шанс отыскать нужную.

— Отчего же этим не воспользовался Жернов?

— Оттого, что боится ошибиться. Или просто боится. Мне кажется, для этого есть некоторые основания. Многое из того, что я успел увидеть, внушает настоящий ужас. Признаться, там вообще очень страшно, хотя я толком не смог разобраться почему. Какое-то странное древнее чудовище вылезло из подкорки. Память предков, что ли... черт его знает. Думаю, тот, кого мы встретили в пустыне, отказался использовать проход именно поэтому. Он очень сильно испугался, я уверен. Он хотел нас от чего-то предостеречь...

— От Жернова, я думаю, — сказала Катя.

— Может быть... Жернов тоже не желает рисковать. Он хочет гарантированно выжить. И для этого, не задумываясь, готов на все...

Они услышали шорох песка, но почти не встревожились, потому что эти осторожные шаги были каждому из них хорошо знакомы. В пещеру скользнула легкая тень — Вика. Даже в слабом свечении ночных лун и лишайников выражение отчаяния на ее лице читалось достаточно отчетливо.

— Привет, подруга, — сказала Ленка со столь же отчетливо обозначенным недоверием в голосе. — Какие новости?

— Нам нужно уходить, — зашептала Вика, оглядываясь на вход. Ее колотило от волнения. — Он задумал страшное... Он убьет Никиту и Сергея, они нужны ему только как носильщики. А потом он обещал отдать Катю Алексею...

— Меня? — растерянно перепросила Катя. — В каком смысле?

Вика фыркнула.

— В прямом, — сказала она почти в полный голос. — Нужно объяснить, да?

— Я его сейчас убью, — сказал Никита, вставая.

— Ты ничего не сможешь сделать! — Вика схватила его за руку.

— У него автомат, он застрелит тебя прямо сейчас. Он спит очень чутко.

— И Алексей на его стороне? Вот ведь сволочь! — воскликнул Серега.

— Он и ему не доверяет. Алексей в другой пещере. Я дождалась, выскочила, когда Жернов заснул. И если он проснется и хватится меня, то убьет, это точно. Не сейчас, так немного позже, завтра. Я ему уже не нужна...

— Почему? — спросила Ленка.

Вика посмотрела на нее со злобным удивлением.

— А ты не понимаешь! Да потому, что в этой компании я не единственная женщина. Он же на тебя глаз положил, дура, ты что, до сих пор не сообразила?!

Как ни странно, это сообщение Вики поразило Ленку настолько, что она не сразу нашлась с ответом. Но пока она подбирала подходящие слова и составляла их в предложения, в разговор вступил Серега.

— Куда же ты предлагаешь уходить? — поинтересовался он. — Без воды мы обратно в лес не доберемся, просто не получится. Силенок не хватит. Закажем, как тот покойник. Только с одной разницей — хоронить нас будет некому.

— Мне все равно, — тут же ответила Вика. — Нужно спрятаться и переждать, а потом... может быть, напасть на него, отнять воду... Ну, неужели вы не понимаете? — Внезапно она вздрогнула, словно от холода и уточнила: — Только не в туман!

— Вообще, для этого сюда мы и шли, — негромко сказал Никита.

— Потому что ничего не знали. Жернов не так глуп, он все понял и объяснил мне... Он был там, он сам пробовал и едва остался жив. Это вовсе не маяк, как вы думаете. Это ловушка, приманка для дураков.

— И что с ними делают, когда они туда попадают? — насмешливо спросил Серега.

— С кем?

— С дураками. Их, наверное, едят?

— Может, это еще не самое худшее. Вся эта гадская планета — одна огромная ловушка. Но Жернов все равно не даст вам уйти...

Тяжелый, низкий звук заглушил, прервал ее речь. Сила его была такова, что в первые мгновения казалось невозможным определить, откуда именно он исходит. И лишь когда слух слегка адаптировался к этому рокоту, стало ясно: его источник не туманная зона, как все решили поначалу. Звук гремел по внешнему периметру скал, словно был рожден тысячами локомотивов, расставленных на границе пустыни.

Это было совсем не то, что они до сих пор слышали каждую ночь. Мощностъ звука возросла на порядки, он находился на границе переносимости. Они зажали ладонями уши, но звук так же легко проникал в мозг, почти не теряя своей силы. Рев продолжался несколько минут и смолк так же неожиданно, как и начался. Только звон в ушах некоторое время оставался его напоминанием. Вязкая тишина вновь овладела окрестностями.

— Ничего себе, приманочка, — потрясенно сказала Ленка.

— Я ухожу, он наврядна проснулся, — всполошилась Вика. Девушка выскользнула из пещеры и исчезла в темноте.

— Ладно, давайте спать, — предложил Серега после довольно долгой паузы.

Завтра могло принести любые невзгоды, но за день сегодняшний они испытали слишком много, чтобы отказать себе в отдыхе...

* * *

Проникший в пещеру утренний свет разбудил всех четверых почти одновременно. Они вышли наружу. Туманный столб сейчас выглядел совсем иначе, чем вчера. Снизу доверху он был усеян яркими блестящими. Словно негаснущие искры костра или светящаяся мошкара, блестящие парили в его толще, хаотично кружась.

— Ты уверен, что мы должны сделать это именно сейчас? — негромко спросил Серега.

— Какая разница! — ответил Никита и первым двинулся вперед.

— Стойте! — услышали они позади голос Жернова.

Он стоял, держа опущенный автомат в руке. Чуть поодаль переместились с ноги на ногу Алексей и Вика.

— Вижу, мне не удалось вас убедить. Вы решили поступить по-своему. Вообще, я этого ожидал.

— Мы решили вот что, — Серега хотел подойти ближе, но Жернов чуть приподнял ствол автомата, давая понять, что этого делать не следует. — Излагаю по пунктам. Первое: никуда возвращаться мы с тобой не будем. Отсюда следует второе: еду и воду можешь оставить себе и лопать в свое удовольствие пока не кончится. Ну и третье: сейчас мы отправляемся, так что будь здоров. Искренне надеемся, что больше тебя никогда не увидим.

— Вы ничего не поняли, — с сожалением сказал Жернов. — Вы все-таки решились на авантюру. Но я не могу вам этого позволить. Хотя бы ради ваших милых девушек. Мне их просто жалко.

— Не надо нас жалеть, — сказала Катя.

— Все, поговорили, — Серега повернулся, собираясь идти, но был остановлен жестким окликом.

— Стоять!

— Вы не сможете заставить нас идти через пустыню, — произнес Никита. — Неужели вы этого не понимаете?

— Почему? — удивился Жернов. — Смогу. Лично ты вообще мне не нужен. И если не хочешь идти — не ходи.

— Я догадываюсь, кто тебе нужен, — сказал Серега. — Ты ничего не выиграешь.

— Ошибаешься, — губы Жернова растянулись в ухмылке. — В тебе, кстати, я тоже не нуждаюсь. Так что иди, куда собрался, и не мешай.

Он начал неторопливо поднимать автомат, и Ленка тут же прыгнула к Сереге, закрыв его своим телом.

— Мы уйдем все вместе! — крикнула она. — И не размахивай своим автоматом!

— Алексей! Возьми девчонку, — негромко приказал Жернов. — И врежь этому, как тебя учили. А вам всем не двигаться. Буду стрелять сначала по ногам.

Алексей послушно направился к Сереге и Ленке. Лицо его исказила злобная гримаса.

— Лешка, сволочь! — крикнула Ленка. — Холуй проклятый!

— Ты пасть закрой, да, — пробормотал Алексей, подходя ближе.

Жернов целился из автомата, выбирая момент для выстрела. В этот момент он не смотрел в сторону Никиты и не заметил его короткого движения.

— Медленно положи автомат, Жернов, — сказал Никита. — И не делай резких движений.

Жернов покосился в его сторону и непроизвольно вздрогнул, увидев направленный на него пистолет.

— Откуда у тебя... ах, да, «макаров» Алексея. Нехорошо брать чужое. Вообще, чудесно, что ты его все-таки сохранил. Но не валяй дурака, я сам вынимал из него патроны. На такую дешевку я не куплюсь. А знаешь, что? Пожалуй, я начну именно с тебя. Это будет уроком для остальных.

Жернов нарочито медленно начал перемещать автоматный ствол с Сереги на Никиту. Если бы он не увлекся показухой, то, возможно, имел бы некоторый шанс. Но сейчас Никита без колебаний нажал курок первым. Боек стукнул по патрону, тому самому, что Ленка с Катей нашли в салоне «джипа», который он бережно хранил, сам не зная для чего. Грохнул выстрел, пуля ударила в плечо Жернова и швырнула его

на песок. Алексей замер в полном ошеломлении, а вот Серега, наоборот, прыгнул к лежащему Жернову, нагнулся и выпрямился уже с автоматом в руках.

Жернов елозил ногами по песку, пытаясь подняться. Выражение сильнейшего изумления на его лице сменилось гримасой боли, когда он попытался опереться на раненую руку.

— Т-ты! — простонал он. — Т-ты...

— Мы уходим, — сказал Серега. Он отступал к туманному столбу, не сводя глаз с Алексея, который так и оставался в неподвижности. — И вас с собой не берем. Катя! Лена! Пошли!

— Я с вами! — крикнула Вика, подбежала и встала рядом.

Они шагнули в туман тесной кучкой, ощущая прикосновения друг друга. На мгновение Никита обернулся: оставляемый позади мир делался размытым, фигуры Жернова и Алексея теряли четкость очертаний, а потом исчезли вовсе.

Сверкающий серебряными блестками туман обьял их со всех сторон, растворил, закрутил, швырнул в пространство без протяженности и времени, где единственной опорой оставалась лишь рука того, кто шел рядом. Никита услышал крик, но не был уверен, что крик этот не его собственный. Он стискивал зубы и сильнее сжимал Катину руку, ему показалось, что воздух обратился твердью, он задыхался, ужас почти парализовал его мышцы, превозмогая его, он рванулся из последних сил...

Воздух вновь наполнял его легкие. Свежий ветер обдувал покрытое крупными каплями пота лицо. Ноги противно дрожали.

— Где мы? — услышал Никита голос Кати и открыл глаза.

Они стояли на невысоком, поросшем травой холме. Впереди, через поле, поднимались вершины деревьев небольшой рощи, справа тянулась лента грунтовой дороги. Столб пыли скрывал очертания катящегося в их сторону экипажа.

— Куда мы попали? — беспомощно спросила Вика.

— Очень похоже на Землю, — сказал Серега, осматриваясь по сторонам.

Экипаж быстро приближался. Сквозь пыль постепенно проступили очертания устройства на колесах со странным кузовом, состоящим, казалось, из сплошных углов без малейших закруглений, словно сооруженным из кубиков детского конструктора.

— Похоже, это уже неплохо, — проговорил Никита. — С чего-то ведь нужно начинать!

РАССЧИТЫВАЙ НА СЕБЯ!

Эту книгу знают все. За столетия ее сюжет превратился в универсальный код мировой культуры. Образ Робинзона стал архетипом, отражения которого встречаются повсюду: литераторы не устают дописывать и переписывать изначальный текст, в то время как философы продолжают спорить о заложенных в нем смыслах. В словесном творчестве уже не осталось места, куда бы не ступала нога Робинзона, обутая в сапог из козлиной кожи. Робинзонада входит в число сюжетов, наиболее любимых авторами фантастики.

300 лет на боевом посту

Жизнь и удивительные приключения моряка из Йорка, сумевшего выжить на необитаемом острове и за двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней воссоздать на нем миниатюрную действующую модель цивилизации, никого не оставляют равнодушным. Изначально роман Дефо был написан для развлечения публики, но давно уже воспринимается как книга о выдающихся достижениях человеческого духа. На протяжении трех столетий каждое поколение читателей по-новому вчитывается в строки дневника, пытаясь понять, как возможен переход от всепоглощающего отчаяния к спокойной стойкости, позволяющей выдержать и преодолеть удары судьбы.

Литературный Робинзон для нас гораздо реальнее, чем его прототип Александр Селькирк,

который провел четыре года на одном из островов архипелага Хуан-Фернандес к западу от чилийского побережья. Случай Селькирка был использован лишь для конструирования фабулы — реальное содержание романа с историей неудачливого матроса не имеет почти ничего общего. Несмотря на то, что спустя несколько лет после выхода книги в свет автор признал, что многие испытания и невзгоды, выпавшие на долю его героя, он взял из собственной жизни, переработав их в приключенческую аллегорию.

Английский писатель и незадачливый купец Даниэль Дефо (аристократический артикль к своей фамилии добавивший самовольно) выпустил свой первый роман в апреле 1719 года в возрасте 58 лет. Роман моментально превратился в бестселлер. Он пришелся по вкусу не только публике,

но и книжным пиратам, которые завоевали часть рынка упрощенными пересказами. Последовали также пародии, памфлеты и многочисленные подражания: редкая европейская нация в XVIII веке не обзавелась парочкой собственных робинзонов (а в Германии, например, их насчитывалось около 40). Увы, литературный уровень большинства подражаний не выдерживал никакой критики.

Уловив тенденцию рынка, издатели потребовали от Дефо сиквелов, и уже к концу 1719 года в продаже появились «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», где речь шла о деловых поездках народного любимца в Россию и Китай. Год спустя вышли еще «Серьезные размышления Робинзона Крузо» — религиозное доктринерство в чистом виде. Неудивительно, что у последнего тома трилогии оказалось мало читателей.

Впрочем, размышления и глубокое самокопание, свойственные Робинзону, составляют важную деталь первого романа. Развитие человеческого духа, формирование этики, становление социальных отношений — эти и другие темы «развлекательного» сочинения привлекают внимание многих философов и мыслителей. Одним из первых почитателей робинзонософии стал Жан-Жак Руссо, увидевший в Крузо воплощение своей мечты о бегстве от пропитанной

пороками цивилизации. На своем острове Робинзон как бы начинает жизнь сначала, освобожденный от дурного влияния общества. Он собственным умом создает понимание окружающего мира и собственным трудом обеспечивает свое благополучие. Книга о Робинзоне была единственной, которую разрешалось иметь Эмиллю, главному герою одноименного философско-утопического романа Руссо, — для него это был учебник жизни.

Благодаря Руссо воспитательный потенциал истории о необитаемом острове прочно укоренился в европейской литературе. В XIX столетии широкую популярность получили робинзонады для детей, сочетавшие развлекательность с решением образовательных задач. Наибольший успех выпал на долю книги «Швейцарский Робинзон» (1813) альпийского пастора Иоганна Висса. В ней, используя роман Дефо в качестве учебника по домоводству, семья выходцев из Швейцарии строит на острове собственный маленький рай и успешно преодолевает трудности, связанные с воспитанием детей, у каждого из которых свой характер. Дом швейцарских робинзонов остается одним из самых посещаемых аттракционов Диснейленда, в то время как из Голливуда поступают вести о подготовке римейка диснеевской экранизации 1960 года. По странному стечению обстоятельств роман Висса, очень популяр-

лярный на Западе, почти не известен российскому читателю (хотя упоминания о нем встречаются, например, в дневниках Л.Н.Толстого). Может быть, недавний показ одноименного телесериала исправит ситуацию.

Несколько раз обращался к робинзоновской теме и патриарх фантастики Жюль Верн. Подросткам адресованы его романы «Два года каникул», «Школа робинзонов» и «Вторая родина», причем последний представляет собой прямой сиквел «Швейцарского Робинзона». Но, конечно, самая знаменитая из жюль-верновских робинзонад — это роман «Таинственный остров», ставший образцом для научно-фантастического жанра.

По гамбургскому счету

Поток авантюрно-приключенческих текстов о новых робинзонах не иссякает столетиями. Одновременно развивается данная тема в интеллектуальной литературе. Причем в послевоенное время интерес к «робинзонированию» (выражение Борхеса) значительно возрос: сюжет романа о Робинзоне позволяет осуществлять детальный критический анализ общества и социальных процессов. В некоторых случаях речь идет о заимствовании антуража и отдельных смыслов, цитировании сюжетных мотивов («Остров Накануне» У.Эко, «Галапагосы»

К.Воннегута). Но есть и мейнстримовские произведения, полностью выстроенные вокруг робинзоновской тематики.

Например, сюжет «Бетонного острова» Балларда точно следует роману Дефо — особенность лишь в том, что действие происходит на небольшой забетонированной площадке, окруженной со всех сторон автострадами, выбраться с которой главный герой не в состоянии. В результате «необитаемый остров», существующий в самом центре машинной цивилизации, превращается в кафкианский кошмар. В романе Джозефа Кутзее «Мистер Фо» рассказывается «подлинная» история Робинзона и его товарищей по островной жизни, иронично обыгрываются мифы и стереотипы, связанные с персонажем и его автором. Показ того, как легко мистификация может превратиться в литературную реальность, служит нобелевскому лауреату поводом для серьезной рефлексии по поводу писательского ремесла.

Необычная цепочка интерпретаций выстроилась по следам романа Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский Лимб». В романе французского автора вокруг ключевого противопоставления Робинзона и Пятницы (излюбленная тема антиколониального манифеста) последовательно идет разрушение жизненных и мировоззренческих стратегий, состав-

вивших славу оригинального Робинзона. Вместо копирования и утверждения европейского образа жизни, сохранившегося в складках камзола, Крузо здесь оказывается на побегушках у Пятницы, который способен в нужный момент воззвать к духам стихий и навязывает европейцу свой анималистический магизм. Почти сразу после выхода романа в свет его разбор появляется в эссе модного французского философа Жюль Делеза «Мир без Другого». Один из основателей философии постмодернизма находит в книге Турнье «удивительный роман комических авантур и космических аватар» и глубокий анализ темы Другого: последний, согласно Делезу, является «структурой поля восприятия» и создает условия для проявления разных возможностей, сколь угодно извращенных или фантастических, в осмыслении воспринимаемого. Пожалуй, при известном желании философ мог бы утверждать нечто подобное и на материале романа Дефо... С его интерпретацией не согласился ни сам Турнье, ни многие другие читатели. А польский читатель Станислав Лем даже написал издевательский отклик на эссе Делеза. Его «Робинзонады» вошли в сборник псевдорецензий «Абсолютная пустота» (русский перевод «Робинзонад», кстати, впервые был опубликован в журнале «Если»). После этого Турнье, творчески

развивая традиции жанра робинзонад, выпустил адаптированный вариант своей книги для детского чтения — видимо, надеясь, что это позволит избежать ненужного философствования.

Стоит упомянуть о пьесе Хулио Кортасара «Прощай, Робинзон», в которой также развивается антиколониальная тема. Робинзон и Пятница, вернувшись в качестве почетных гостей на остров Хуан-Фернандес, оказались заперты в президентском люксе многоэтажного отеля: администрация острова не заинтересована в том, чтобы они свободно общались с прессой, разрушая миф о Робинзоне. В действительности на Острове Робинзона Крузо — сегодняшнее название острова в архипелаге Хуан-Фернандес — нет многоэтажных отелей. Там живет всего шестьсот человек, есть маленький порт и две асфальтированные дороги.

Приказано: выжить

«Робинзона Крузо» по праву можно назвать одним из родоначальников жанровой литературы. Это еще довольно общий жанр авантюрно-приключенческого романа — из которого потом будут выделяться отдельные линии и новые жанры. Научная фантастика также числит роман Дефо в своих предшественниках и с удовольствием заимствует из него все, что сочтет нужным.

Робинзонады представлены в фантастике настолько широко, что необходимо специально сузить рамки рассмотрения. Договоримся называть робинзонадой историю об одном человеке или небольшой группе людей, которые оторваны от цивилизации и вынуждены бороться за выживание и воссоздание элементов цивилизации в новых условиях. Данное определение поможет нам ограничить тему и избежать соблазна объявить ее главной сюжетной линией фантастики, вспоминая роман катастрофы, истории о колонизации, утопии или антиутопии с элементами робинзонады.

Структура робинзонады изоморфна структуре волшебной сказки. Сюжетообразующим элементом в ней выступает трагическое происшествие или катаклизм, который помещает группу людей в новые условия, лишая их привычного окружения.

Наиболее простой и распространенный способ столкнуть героев с трудностями — это, как и во времена Робинзона, кораблекрушение. Описание крушения космического корабля «Полюс» в повести К.Булычёва «Перевал» является, несомненно, одним из наиболее красочных и подробных в мировой фантастике. Также можно указать роман Дж.Кэмпбелла «Лунный ад», где описание катастрофы хоть и краткое, но весьма натуралистичное.

Природа чужой планеты может сыграть с людьми не менее злую шутку, чем человеческая техника: долговременное изменение метаболизма становится ловушкой для персонажей повести Р.Брэдбери «Лед и пламя» и повести А.Громова «Менуэт святого Витта». Американский классик нарисовал трагический мир, где из-за жесткого космического излучения продолжительность жизни человека составляет десять дней, а период оптимальной работоспособности не более 12 часов. Российский фантаст подхватил идею, «гуманно» пожалев детей, развитие которых в его версии наоборот почему-то тормозится. Некоторым персонажам Брэдбери удалось вырваться, из героев Громова до Земли не добрался никто.

Редким событием в мировой литературе остается описанное Ж.Верном крушение воздушного шара. Современные авторы подчас уже не описывают само крушение, взамен вводя какую-нибудь художественную условность вроде неточного входа в подпространственный туннель. Впрочем, хайнлайновский «Астронавт Джонс» так и не стал настоящей робинзонадой: семнадцатилетний стажер был назначен временным капитаном корабля и сумел вернуть его на курс, потому что помнил наизусть все логарифмические таблицы. Зато его ровесникам в «Туннеле в небо» пришлось немало попо-

теть, прежде чем они дождались обратного туннеля. Кстати, сперва они робинзонили по собственному желанию, чтобы сдать экзамен на выживание.

Золотой век классических робинзонад пришелся в НФ на 50-е годы: «Нечеловек по имени Пятница, или Первый на Марсе» Р.Гордона, «Пятеро против Венеры» Ф.Летэма наряду с упомянутыми романами Кэмпбелла и Хайнлайна сформировали стереотип, который все последующие авторы стремились разрушить любым доступным способом.

В золотой фонд классики жанра входит еще один интересный роман — «Робинзоны космоса» Ф.Карсака, в котором неведомый вселенский катаклизм переносит кусок земной поверхности на другую планету. Подобно Робинзону Крузо, который был потрясен, впервые увидев с вершины, что его суша со всех сторон окружена водой, герои Карсака испытывают шок, когда видят на небе два солнца. А в романе А.Кучаева «Астероид» катастрофа попроще: гигантский метеорит врежется в Землю, из людей останутся в живых считанные единицы. За год кучаевские герои добрались от истоков Волги до Индийского океана, так никого и не встретив по пути.

Редкой разновидностью робинзоновской катастрофы можно признать ситуацию, когда во всем

мире куда-то пропадает большинство людей. Склады по-прежнему ломаются от товаров, но уже никто и никогда за ними не придет («Каникулы» Р.Брэдбери, «Калки» Г.Видала). Двигаясь дальше в этом направлении, мы могли бы прийти к классическому роману катастроф в духе «Дня триффидов». Причем если несколько десятилетий назад авторы предпочитали квазинаучные объяснения катаклизмов, то сегодня все чаще отдают предпочтение «вмешательству неодолимой силы» — которая, словно бог из театральной машины, переносит героев в новое место действия («Феодал» А.Громова и другие).

Коротко упомянем иные варианты робинзонирования: добровольное бегство или изгнание (в том числе, например, отшельничество магистра Йоды), насильственная высадка на необитаемом острове (вслед за Селькиркком по этому пути были отправлены персонажи «Вычислителя» А.Громова), наконец, просто результат шалости или глупости («Два года каникул» Ж.Верна).

Попав на свой «необитаемый остров», фантастические робинзоны вступают в битву за выживание. Наиболее жесткий и тяжелый вариант придуманных автором условий мне видится в «Лунном аду» Кэмпбелла: отправленная на Луну экспедиция не смогла вовремя вернуться, аккумуляторы сели,

кислорода и еды осталось на полтора месяца. Героям предстоит добывать воздух, воду и еду из лунного грунта, в свободное время сооружая солнечные батареи. К счастью для них, кэмпбелловская Луна в изобилии содержит любые элементы таблицы Менделеева, поэтому, имея в запасе парочку высококвалифицированных химиков, можно выжить и дожидаться спасения.

Своеобразным парафразом кэмпбелловского произведения стал рассказ А.Шалимова «Пленник кратера Арзахель». В нем речь идет о такой же американской экспедиции, которая прилетела с целью объявить Луну территорией США и которая также терпит крушение (вызванное в данном случае лунным вулканизмом). Вот только шансов выжить американскому астронавту автор не дает. Из-за спешки, вызванной попукараниями пентагоновских генералов, полет был плохо подготовлен, а возможности отправить спасательный корабль нет. Герой находит спасение в своем дневнике: обращаясь через него ко всему человечеству с рассказом о первом человеке на Луне, он встает на путь духовного возрождения — до поры, пока хватит воздуха в оставшихся баллонах... Если роман Кэмпбелла был гимном человеческому духу, то рассказ Шалимова повествует о том, как глухость и подлость ставят на пути

духа непреодолимые препятствия. (Он также позволяет вспомнить, какую значительную роль в советской фантастике 50–х и 60–х годов играла антиамериканская, антиимпериалистическая позиция.)

Переоценка всех ценностей

Жизнь на острове — серьезное экзистенциальное испытание. Робинзон любой эпохи вынужден в одиночку встречать все проблемы, бороться и побеждать. Никто не придет ему на помощь, он может рассчитывать лишь на себя — на свои силы, умения, знания, опыт. На свою психологическую устойчивость, способность ставить цели и достигать их.

С этой новой позиции все прежнее видится в ином свете. Ценность вещей для Робинзона теперь определяется не условностями общества, а их пригодностью для задачи выживания. Найдя в каюте корабля мешочек с золотыми монетами, он саркастически усмехается: «Ненужный хлам! Всю эту кучу золота я готов отдать за любой из этих ножей!». Вслед за Робинзоном от ненужных денег избавляются и герои «Таинственного острова» — в попытке набрать высоту они сбрасывают с воздушного шара мешок с золотом конфедератов.

О полезности ножей также осведомлены герои «Туннеля в небо». В испытании на выживание,

которое Хайнлайн уготовил юным курсантам, нож оказывается полезнее огнестрельного оружия или огнемета (ведь владение мощным оружием лишает осторожности, которая для выживания необходима). Отношение Рода Уокера к собственному ножу сложное и глубокое — это и выражение его собственного мастерства, и символ мужского достоинства, и почти религиозный фетиш.

Насколько далеко может зайти переоценка всех ценностей на необитаемом острове? С этим вопросом мы неоднократно сталкиваемся в бульчевском «Перевале». В повести заметное место отведено конфликту между двумя поколениями — старших, которые создали поселок после катастрофы корабля, и младших, выросших уже на новой планете и с детства изучивших науку выживания. С точки зрения младших, многие вещи старого мира абсолютно бесполезны и даже вредны — потому что мешают полезным. Старшим их «дикарская» культура непонятна, они продолжают тосковать о привычном — книгах, писчей бумаге и даже коньяке. Конфликт разрешается в путешествии, которое воспроизводит первобытный обряд инициации: молодежь должна совершить паломничество к рухнувшему в горах космическому кораблю, чтобы причаститься земной культуры. И чтобы найти вещи, которые раньше казались

необязательной ерундой — книги по радиотехнике, бластер, а также консервные банки со сгущенным молоком, из которых так удобно делать ножи.

Робинзонада очень близка всему жанру фантастики в том, что касается отношения к вещам. Они здесь подаются очищенными от смыслов и условностей, которые им приписывает современное общество. Раскрывается подлинная суть вещей — их происхождение и чистая функциональность. Стул — чтобы на нем сидеть, сделан из дерева, нужны инструменты и несколько дней работы. Бластер — чтобы обороняться от диких животных, находится в рубке корабля, в местных условиях производство невозможно. И так далее. Для «высоких» литературных жанров это может показаться нелепым, наивным, порой даже чересчур сентиментальным. Для фантастики это составляет важную часть ее жанровой природы: как и роман о необитаемом острове, она смотрит на вещи из пограничной ситуации и выхватывает из них самое основное.

Лишь на необитаемом острове, покинув цивилизацию, можно составить верное представление о вещах, полагал Руссо. С ним спорил Маркс: по его мнению, взгляд Робинзона не является «чистым» и «естественным», он сформирован современным ему буржуазным обществом, в котором от-

дельный человек освобожден от социальных связей и может самостоятельно искать пути обогащения. Хоть Маркс и критикует Робинзона как типичного буржуа, к нему стоит прислушаться: герой романа не смог бы выжить и успешно растить свой сад, если бы не имел внутреннего идеологического стержня.

Робинзон Крузо находит спасение и опору в религии, с которой органично связан его по-хозяйски основательный подход к освоению и подчинению островных богатств. Но уже в романе Ж.Верна «Таинственный остров» появляется герой новейшего времени — инженер Сайрес Смит, вождем-технократ, в собственном разуме несущий основу и модель правильного действия, выраженную в форме научного знания. Именно с его позиций смотрит на вещи и определяет меру их ценности научная фантастика.

Один и много

Едва Робинзон обустроивается на необитаемом острове после катастрофы, как он сталкивается с проблемой гораздо более серьезной, чем многие другие. Проблема в том, что остров не является необитаемым. Речь не о грызунах, уничтожающих драгоценные посевы, и не о хищниках, которые ему не встретились. Самым опасным для человека животным, учит своих курсантов доктор Мэтсон из

«Туннеля в небо», является двуногое прямоходящее млекопитающее. Если бы Крузо слышал эти слова, он, несомненно, восхитился бы заложенной в них мудростью.

Роман Хайнлайна содержит в себе едва ли не наиболее полный список модельных ситуаций отношения «робинзона» с другими разумными обитателями острова. Сперва — борьба за выживание, «война всех против всех». Затем — поиск партнеров, объединение усилий для совместного противостояния другим «двуногим хищникам». Создание больших групп и появление первичных элементов государственной культуры, вызванное необходимостью реализации «мегапроектов» вроде строительства изгороди. После этого появляются инструменты принуждения и насилия для защиты общества от недостойных лиц, самовольно выступающих против установленного порядка. Высшая стадия — конституционный процесс и последующее развитие политической жизни во вновь созданном государстве, забота о сохранении и умножении существующих элементов культуры.

Вера в прогресс, заложенная в романах Хайнлайна и Карсака (оба вышли в 1950–х), отнюдь не является «слепой» или наивной. Напротив, оба автора ясно подчеркивают: человек от природы вовсе не добр и не приятен, а некоторые экземпляры — так просто сволочи

(как, например, семейка Хоннегеров, пытавшаяся установить в романе Карсака фашистскую диктатуру). Тем значительнее выглядит роль нравственно укорененных поступков отдельных людей, благодаря которым устанавливается общественный порядок. Объединение вокруг таких «центров силы и добра», — указывают классики — единственный шанс построить справедливое общество.

Следующее поколение фантастов более склонно к идеалистическому раскрытию темы. Например, в знаменитой повести Б. Лонгиера «Враг мой» два пилота враждебных рас, оказавшись на необитаемой планете, быстро перестают видеть друг в друге врага, становятся товарищами. (В этом произведении чувствуются отголоски эпохи холодной войны, когда казалось, что стоит остановить противостояние сверхдержав, и все само собой устроится хорошо.) В булычевском «Перевале» немало конфликтов, но все они выражены и разрешаются на межличностном уровне, а социальному миру в поселке людей на враждебной им планете ничто не угрожает.

Современные авторы, напротив, скептически относятся к перспективам прогресса общественных отношений. Российская фантастика последних пятнадцати лет и вовсе представляет собой хронику социального кризиса. Пона-

чалу этот кризис выражался в полном недоверии властям и официальной идеологии — пример чего можно найти в рассказе Е. Дрозда «В раю мы жили на суше». (Искусственный разум, спасшийся при катастрофе, выдает себя за голос оставшегося в живых пилота на орбите, транслирует последние новости, обещает скорый прилет спасательной экспедиции — и все это ради того, чтобы выжившие на планете люди заботились об автоматическом устройстве, в памяти которого он существует.) Затем последовало разложение государственных и социальных институтов, осмыслить которое пытались многие фантасты.

Пожалуй, наиболее яркие образы того, каким образом распад и разложение государства влияют на жизнь людей, даны в произведениях Александра Громова. Его фирменный прием — поместить небольшую группу людей в необычные условия и дать им ничем не ограниченную свободу поведения, конструирования своих социальных отношений. Не имея внутренних моральных ценностей, они тут же начинают раскачивать лодку в разные стороны... Удивительный по силе и концентрированности образ нарисован в повести «Менуэт святого Витта», сюжет которой заставляет вспомнить о голдинговском «Повелителе мух».

Увы, даже на необитаемом острове Робинзону не суждено было насладиться одиночеством. То приходится прятаться от людоедов, то воспитывать Пятницу (вот, кстати, не охваченная отечественными авторами тема), то бороться с пиратами... С.Лем в «Робинзонадах» иронически рисует картину «размножения сущностей»: к концу рецензируемого им сочинения остров переполнен фантомами слуг, женщин, родственников, хористов и иных созданий, которых — в рифму лейбницевским монадам — рецензент и называет «робинзонадами». В общем, даже история о Робинзоне может в наши дни оказаться причисленной к социальной фантастике.

Проведя ревизию сущностей, современный Робинзон начинает пересмотр и переподчинение разумному порядку всего, что его окружает, — материального мира, социального устройства. Одновременно ведется определение и переопределение места человека — мыслящего прямоходящего млекопитающего существа — в бесчеловечной природе. На стыке между природой и Богом, между жизнью и смертью. А после того, как стабилизируется жизнеобеспечение и утверждается новая успешная модель мира, она транслируется вовне — начинается победная колонизация, творение и утверждение новых мифов. «Таинственный остров», «Туннель в

небо», «Робинзоны космоса»... И в этом ряду на особое место хотелось бы поставить «Перевал» К.Булычёва — небольшую повесть, которая вместила в себя очень много смыслов и культурных ценностей прошлого века.

Трудно найти другое столь же насыщенное символикой произведение в фантастике советских времен. Основная его тема — противостояние между культурой и дикостью, между сознанием и бессознательным, между человеком и жестокой природой. Оставшийся высоко в горах корабль, к которому стремятся герои повести, выступает здесь словно некий храм человеческой культуры, словно средоточие разумного устройства мира. И когда путешественники — не все из них — добираются до него, выясняется, что дойти нужно было обязательно. Не только потому, что это шанс на будущее спасение. Прежде всего потому, что это возможность встретиться с самим собой, идентифицировать себя как часть человеческого общества.

Булычевский «Перевал» дает очень точное понимание робинзонады как способа встречи с культурой — и с самим собой как частью этой культуры. Встреча происходит в экстремальных обстоятельствах, поэтому увиденный образ остается в памяти надолго.

Рецензии

Джеймс БЛЕЙЛОК

БУМАЖНЫЙ ГРААЛЬ

Москва:

*АСТ — Ермак,
2005. — 415 с.*

Пер. с англ.

А. Комаринец.

(Серия

«Альтернатива.

Фантастика»).

5000 экз.

Джеймс Блейлок наряду с Тимом Пауэрсом и К.У.Джетером является одним из самых последовательных учеников Ф.К.Дика.

Странные события сопровождают поиски рисунка на рисовой бумаге работы Хокусаи. История начинается, когда ведомый пророческими сновидениями и пеликаном музейный работник Говард Бартон отправляется в путешествие, которое оборачивается самыми настоящими поисками Грааля, в компании довольно экстравагантных персонажей. Бодрый духом дядюшка Рой — неиссякаемый источник идей обогащения, с трудом поддающихся реализации. Элоиза Лейми — склочная землевладелица и домоуправительница, обитающая по соседству и снедаемая тягой к власти над всем миром; и ее приспешник Честертон Касалкин, незадачливый то ли киллер, то ли писатель. Артемис Джиммерс, чудаковатый ученый, ведущий отшельнический образ жизни и скрывающий в своем гараже машину для вызова духа Джона Раскина, который был одним из членов Гильдии Святого Георгия. С таким окружением приключения главному герою обеспечены. Впрочем, все закончится предсказуемо благополучно: злодеи будут ниспровержены, а герои вознаграждены.

Удовольствие от книги Блейлока заключается не в сюжетной интриге, а в атмосфере, в которой она разворачивается. Абсурдные сцены и колоритные персонажи, действующие среди бытовых мелочей и повседневных забот, создают впечатление обыкновенного чуда.

Это удивительное сочетание Льюиса Кэрролла и Чарлза Дикенса, перенесенное на калифорнийскую почву, дало замечательные плоды. И выделяется хотя бы нарочитой приземленностью поступков героев книги, что для фантастики все-таки редкость, и еще более редкими радушием и доброжелательностью автора к собственным персонажам. Так рядовые события и обычные люди неожиданно возрастают в своей значимости до космических масштабов, стоит лишь взглянуть на них через призму поисков Святого Грааля.

Сергей Шикарев

Виктор БУРЦЕВ

**ПЛЕННЫХ НЕ
БРАТЬ**

*Москва: ЭКСМО,
2005. — 416 с.
(Серия «Русская
фантастика»).*
9000 экз.

Новая книга авторского дуэта, укрывшегося под псевдонимом Виктор Бурцев, представляет собой приквел к роману «Зеркало Иблиса», получившему широкую известность.

С незапамятных времен по Земле рассеяны артефакты, наполненные колоссальной мощью, — руны. В разные времена за ними охотятся правительства третьего рейха, СССР, РФ, Украины. Движение маленьких отрядов к цели, стычки, попытки разобраться, что, собственно, делать с этими артефактами, составляют сюжетную основу романа. Не очень сложную, но обеспечивающую должный градус динамики.

Гораздо интереснее самого действия антураж, в котором оно происходит. Виктор Бурцев отличается бескорыстной завораживающей любовью ко всякого рода «баталовке». Текст переполнен ТТХ разного рода танков, стрелкового оружия, рассуждениями о снаряжении и боевом духе войск... Любители военно-исторической тематики получат хороший подарок.

Сильная сторона книги — живое и мощное патристическое чувство, пронизывающее текст. «Пленных не брать» — это очень русская книга, в чем-то скорбная, а в чем-то горделивая. Прошлое (1940 год) предстает в ней как время великой силы, к несчастью, испоганенной нравственной грязью и эгоизмом правящей элиты. Будущее — страна беспросветно глобализирована, нищенствует, голодает... Во многом напоминает «На будущий год в Москве» Вячеслава Рыбакова, только написано беспощаднее.

Недостатков у романа два, и оба, к сожалению, очень заметны. Во-первых, сюжетные линии в ближайшем будущем и недалеком прошлом связаны очень уж топорно, вся конструкция романа выглядит искусственным соединением деталей от холодильника «Саратов» с ходовой частью танка Т-26. Во-вторых, время от времени действие прерывается авторской лекцией о том, о сем, о пятом, о девятом... Лекция лекции рознь, но в данном случае опыт введения авторских отступлений в ткань повествования явно неудачен: они сыграли роль тормоза для сюжета повествования.

Дмитрий Володин

Дмитрий КАЗАКОВ

**ВЫСШАЯ
РАСА**

*СПб.: Крылов,
2005. — 416 с.*

*(Серия
«Историческая
альтернатива»).*
8000 экз.

Вторая мировая, вздыбившая и переломившая пополам XX век, в веке XXI перешла в разряд исторических событий и памятных дат. Недавний юбилей Победы ознаменовался значительным возрастанием интереса к военной теме. Не остались в стороне и книгоиздатели.

Вот и новый роман нижегородца Дмитрия Казакова описывает события лета 1945–го года. Вновь подняла голову недобитая фашистская гадина: нацисты с помощью арийской крови и специальной сыворотки создали сверхлюдей.

Без труда отвоевывающие с помощью своего супероружия прежние позиции, немецкие войска сталкиваются с советскими солдатами, которые должны дать бой и покончить с фашизмом навсегда.

Такова сюжетная посылка книги, являющейся в большей степени результатом заказа издателя, нежели размышлений писателя. Да и, честно говоря, противостояние оккультным силам нацизма вызывает в памяти недавнюю экранизацию «Хеллбоя» с той разницей, что место рогатого поборника добра занимает советский капитан Радлов — кстати, реинкарнация самого Алариха, покорителя Рима.

Достоинством книги является соблюдение автором правил игры: быстрое развитие сюжета, кинематографичный стиль изложения, обилие батальных сцен и даже некая образовательная функция — введение в мистические тайны третьего рейха для начинающих.

Однако заявленное в предисловии авторское намерение противопоставить книгу якобы наметившейся в нашей НФ тенденции к облагораживанию нацистов не находит убедительного отражения в тексте. Наоборот, красочно описанная арийская мифология представляется при чтении более притягательной, чем блеклые отсылки к марксистской идеологии. Хотя все это также является, скорее, родовыми метами подобных произведений.

В целом же «Высшая Раса» представляет собой довольно увлекательный и незамысловатый боевик.

Сергей Шикарев

Елена ХАЕЦКАЯ

ЗА СИНЕЙ РЕКОЙ

*Москва — СПб.:
ЭКСМО—Домино,
2005. — 592 с.
5000 экз.*

Роман «За синей рекой» принадлежит редкому в наши дни жанру литературной сказки. По форме эта сказка изысканно проста, и сюжет ее может быть передан лаконично: приключения добрых друзей в волшебной стране. Но при всем том этика нового романа Елены Хаецкой ничего простого в себе не несет. Компания «хороших», состоящая из чудаков, добрых, отважных и целомудренных, маркирована одним очень важным свойством: все они напрочь лишены способности думать о корысти, добиваться ее для себя, оценивать все происходящее вокруг них с точки зрения «что я за это могу получить?». Все они не от мира сего, но Хаецкая убедительно показывает: не столько не правы они, сколько сам этот пользолубивый мир. Чудаки — «чистые души», не замаранные кровью, грязью, лукавством и предательством.

В настоящее время индустрия фэнтези производит по 100—150 новых русскоязычных романов ежегодно. Допустим, штук десять можно выделить как нечто, доставляющее удовольствие при чтении и даже, быть может, оригинальное. Но основной поток представляет собой слабоосмысленное месиво из менестрелей, магов, стихий, княгинь, мечей, квестов, эльфей и волхвей. В новой книге петербургской писательницы элементы традиционной фэнтези играют роль большой мерзости, которую компания чудаков вычищает с большим риском для жизни. Прибыл маг—«эновольта-тор» (единственный на всю книгу), навел порчу на волшебное королевство, пребывавшее в девственном покое, вот и разбирайся теперь с этим злыднем! Все лучшее, что есть в романе, по истокам гораздо ближе к романтической прозе XIX века и советскому сказочному кинематографу. Иными словами, «За Синей рекой» стоит чуточку в стороне от столбовой дороги фэнтези. Оно и к лучшему.

Как и должно быть в доброй сказке, все заканчивается свадьбой. Даже целым фейерверком свадеб... Взбаламученный, охолодавший мир вновь обретает чистоту и наполняется теплом.

Дмитрий Володихин

Владимир ИЛЬИН

**ПОСЛЕДНЯЯ
ДВЕРЬ
ПОСЛЕДНЕГО
ВАГОНА**

Москва: ЭКСМО,
2005. — 480 с.

(Серия
«Абсолютное
оружие»).
8000 экз.

Бывают произведения, которые эстетически столь чужды нашему времени, что выглядят пришельцами из некоего параллельного сегодня. Вот и новый роман В.Ильина ближе к серьезным книгам советской НФ 60—70-х годов, нежели к большинству текстов современной НФ. Главный герой романа Владлен Сабуров, сотрудник международной Службы Инвестиции, занимающейся изучением аномальных случаев, неожиданно обнаруживает у себя странный дар — умение воскрешать мертвых. И тут же за ним начинается охота глава международных террористов, сумасшедший миллиардер Артур Дюпон, считающий, что воскрешенному человеку навредили, не дав родиться в Ином, более совершенном мире. Одновременно Сабуров участвует в расследовании дела о воплощении в детские тела душ давно умерших людей. Фантаст искусно сплетает в единый текст рассуждения о метампсихозе и взаимосвязи миров с описанием охоты за террористами или изложением чувств взрослого, внезапно очутившегося в теле пятилетнего малыша. И все это делается не в истеричной, взвинченной манере современного НФ-боевика, а спокойно, вдумчиво; писатель рассуждает о вреде или пользе, которые может принести человечеству искусственная реинкарнация.

Даже мир, нарисованный в романе, плоть от плоти НФ 60—70-х годов. Мировое Сообщество, международные правоохранительные организации, дружно преследующие преступников... Важнейшая предпосылка для развития сюжета — полное уничтожение всего оружия из-за случайного запуска ядерных ракет, разрушивших Австралию — тоже ведь восходит к тому «Золотому веку» советской фантастики.

Автор оставляет финал книги открытым, не объясняя точно, кто же был прав: Владлен Сабуров или все-таки маньяк Дюпон, защищавший Иной мир. В итоге главный герой произнесет несколько инвектив в адрес неисправимого вида Homo sapiens, а читатель может закрыть томик с чувством человека, который побеседовал со старым, добрым, надежным приятелем.

Глеб Елисеев

Стивен ФРАЙ

**КАК ТВОРИТЬ
ИСТОРИЮ**

Москва:
Фантом Пресс,
2005. — 640 с.

Пер. с англ.

С. Ильина.

(Серия «Зебра»).

10 000 экз.

Стивен Фрай — свободный художник, который демонстрирует, как надо жить с удовольствием. Получив известность благодаря театру и актерским работам в кино (Дживз из «Дживза и Вустера», Оскар Уайльд), он выпустил четыре ироничных романа, ставших бестселлерами. Рецензируемый, пожалуй, лучший из всех по стилистике. Фрай пишет на удивление сочно, каждую фразу осторожно взвешивая, прежде чем набухшие аппетитным соком строчки попадут под пресс читательского внимания.

Динамично чередуются мизансцены, разные стили письма, логические парадоксы и бытовые интриги. Образ британского университета насыщен аспирантским фольклором и другими приметам интеллектуальной жизни. Параллельно развивается сюжетная линия из биографии Гитлера, — главный герой пост-модернистского романа, неуклюжий историк Майкл Янг, сочиняет о нем диссертацию. Подруга Майкла занимается биохимией, изобретая таблетки, вызывающие мужское бесплодие. После неизбежного расставания с ней молодой повеса заводит знакомство с изобретателем машины времени Цуккерманом; подкидывая упомянутые пилюли папаше Алоизу Шикль-груберу, они пытаются устранить возможность появления Гитлера на свет.

Вот только новый мир оказывается ничуть не лучше. Вместо истеричного неудачника НСДАП возглавляет другой харизматик, более успешный в деле упрямствования бриттов и славян, а также полного истребления еврейской общины от Атлантики до Урала. А в оставшейся на плаву американской демократии отсутствует тот набор личных прав и свобод, который в нашей версии истории сформировался благодаря борьбе с коммунизмом. (Заодно автор подсовывает читателям провокационную дилемму — что лучше: Холокост или однополые браки?..) Испытав на собственной шкуре лейбницевское утверждение о том, что наш мир — лучший из возможных, герои ищут способ «вырулить» обратно. Разумеется, автор дает им этот шанс.

Сергей Некрасов

Шон РАССЕЛ

**БРАТ
ПОСВЯЩЕННЫЙ***Москва:**АСТ — Ермак,
2005. — 573 с.**Пер. с англ.**Н. Сечкиной.**(Серия**«Зарубежная
фантастика»).**5000 экз.*

Двадцатый век продемонстрировал немало примеров увлечения деятелей западной культуры Дальним Востоком — в том числе и на ниве фэнтези. За последние десятилетия редкие в прошлом опыты «китайской» и «японской» фэнтези западного производства сформировали целый поджанр, а небывалый в реальности вторичный мир условной восточной империи, конструируемой авторами, становится уже узнаваемым. О политических, религиозных и прочих корнях пристрастия европейских и американских писателей и читателей к далекой экзотике написаны тома исследований, но феномен этот по-прежнему остается загадкой.

Довольно давний (1991 года) дебют канадца Шона Рассела «Брат Посвященный» — типичный пример использования дальневосточных образов. В его империи довольно искусно и, похоже, умышленно сплетены черты Японии и Китая. Например, название государства — древнекитайское наименование Японии. Имена персонажей явно японские, но сюжет заставляет вспомнить скорее бурную историю Китая. И раз уж речь идет об условном «Китае», то нельзя обойтись и без монахов Шаолиня (как его не называй в произведении) с их боевыми и мистическими дарованиями. Реальный чань-буддизм от магии безгранично далек, но зритель гонконгских боевиков знать этого не обязан.

«Кич!» — скажет кто-то. Но подобное получается почти всякий раз, когда англоязычный писатель (даже специалист) обращается к инородной экзотике. Можно вспомнить малоудачные попытки создания западными фантастами славянской фэнтези. Это ведь на наш, российский взгляд они малоудачны, а тамошними читателями и критиками причисляются к золотому фонду жанра. Вполне грамотная игра Рассела с неизвестными большей части аудитории образами уже завоевала поклонников. Надо отметить, в конечном счете, что упомянутые штампы созданы не без участия самого Востока, и давно стали фактами современной культуры.

Сергей Алексеев

ИСТОРИЮ НЕ ОСТАНОВИТЬ!

Александр ГРОМОВ. «ФЕОДАЛ».
ЭКСМО.

Мир полон бед и несчастий. Имейте терпение, миритесь с судьбой, старайтесь жить спокойно. Самое лучшее поместье, самое большое богатство — это спокойствие души. Кто умеет довольствоваться малым, тот богат.

Карло Гольдони. «Феодал».

Александр Громов уже своими первыми книгами снискал среди любителей фантастики эпитет «последователь Стругацких» — эпитет одновременно и лестный, и обидный. Лестный — потому что Громов действительно пишет в жанре социальной фантастики с элементами «твердой» НФ, где Стругацкие были и остались признанными мастерами. Обидный — потому что любому состоявшемуся автору, написавшему десятки собственных самобытных произведений, не хочется оставаться в тени. Пусть даже в тени великих.

При этом сам посыл, фантастическая идея в книгах Громова всегда были оригинальны и никоим образом не копировали проблематику книг Стругацких (да и других авторов). «Шаг влево, шаг вправо», несмотря на парафраз названий,

никак не соотносится с «Попыткой к бегству» Стругацких, а исследует возможные пути эволюции разума. Отчасти перекликается с этим романом и «Мягкая посадка», где рассмотрен один из самых любопытных вариантов гибели человечества — гибель разума, его затухание у одной части человечества и превращение во что-то новое, непонятное, враждебное у другой. «Год лемминга», продолжая любимую Громовым тему глобальных катастроф, вводит совсем уж неожиданный сюжетный ход — эпидемию самоубийств, охватившую благополучное в целом человечество. «Первый из могикан» преподносит целую серию вводных — это и мир победившего матриархата, и совершаемая усилием воли телепортация, доступная лишь женщинам, и многое другое. Даже в

вещах «камерных», вроде «Крыльев черепахи», романа, выдержанного в редком симбиозе герметического детектива и фантастики катастроф, автор исследует не гибель и возрождение цивилизации, а поведение самых обычных людей в условиях катаклизма. (Любопытно, что совсем недавно и Голливуд обратился к этой проблематике, выпустив фильмы «Послезавтра» и «Война миров», где глобальные катастрофы служат лишь фоном для действия главных героев, во все не спасающих мир, а пытающихся выжить и защитить своих близких).

Новый роман Громова «Феодал», выросший из хорошо знакомой читателям «Если» повести «Защита и опора»*, написан словно бы в пику тем, кто относится к автору лишь как к последователю Стругацких. В пику, потому что при беглом прочтении он дает две совершенно четкие отсылки к книгам Стругацких. Итак, некая сверхсила (инопланетная цивилизация? нет ответа...) копирует живущих на Земле людей и помещает их в экспериментальный огромный, но все же замкнутый мир («Град обреченный»). Мир этот крайне негостеприимен и опасен, наполнен всевозможными ловушками («Пикник на обочине»). Трудно предположить, что опытный писатель допустил две параллели с книгами Стру-

гацких случайно. Значит, заимствование деталей антуража (разумеется, речь идет не о буквальном копировании, а лишь об использовании принципов построения мира) совершенно сознательное.

Зачем же это понадобилось автору?

«Феодал» начинается как своеобразный спор писателя со знакомой со школьной скамьи теорией о смене исторических формаций. Негостеприимный мир, куда безжалостная сила выбрасывает совершенно случайных людей, оказывается лучше всего приспособлен к существованию феодального строя. Феодал в данном случае не угнетатель — он и проводник, умеющий выживать в пустыне, и спасатель, ищущий людей и разводящий их по редким оазисам, и судья, и снабженец, умеющий материализовывать свои сны в необходимые людям вещи. И защитник, конечно же — в первую очередь, от соседей-феодалов.

Первая часть романа, публиковавшаяся в «Если», действительно выглядит убедительным доказательством авторского тезиса. Да, в описанных условиях феодальный строй мало того, что жизнеспособен, он еще и более морален, чем, скажем, монархия, которую пытаются установить двойник главного героя, строгого, но справедливого феодала Фомы, его постаревшая,

* Эта повесть уже успела получить первый приз по результатам голосования участников последнего «Интерпресскопа». (Прим. ред.)

более циничная и, как ни печально, более мудрая копия.

Но уже вторая часть романа становится той антитезой, которая вряд ли планировалась автором изначально. Вступивший на территорию своего двойника-короля главный герой обнаруживает, что не все так однозначно, как ему казалось. Да — жесткая и жестокая власть, угнетение, насилие. Но при этом монархия позволяет людям не просто выживать в крошечных оазисах, где они медленно сходят с ума от одиночества и однообразия жизни. Объединившись, пусть даже под тиранической властью, люди способны противостоять чудовищному миру, в котором им выпало жить: расширять оазисы, бороться с ловушками, преобразовывать природу. В общем — все, как в курсе исторического материализма. Конечно, будь на то воля автора, монархия бы не устояла. Но Громов честно попытался играть и победить по заданным собой правилам. И опроверг тот тезис, который выдвинул вначале. Да, монархия — зло. Но зато в отличие даже от самого доброго и успешного феодализма она способна на созидательную деятельность.

Вот тут, как мне кажется, в романе произошел определенный рода слом. Основная идея романа уже закончилась, а до развязки еще далеко. Автор остался один на один с героем, который проиграл идейный поединок со своим

двойником. Возвращаться к феодальному существованию невозможно. Бороться с монархией мало того, что невозможно, еще и бессмысленно — монархия доказала свое право на существование.

В такой ситуации герою не остается ничего, кроме как задать себе вопрос: «Кто виноват?», ответить: «Экспериментатор!» — и отправиться заниматься богоборчеством, то бишь на поиски очень негуманного существа, поместившего людей в очень некомфортные условия. Громову по-прежнему не отказывает чувство стиля; характеры людей, встречающихся феодалу на пути, интересны и многогранны; завязавшаяся любовная линия лирична и правдоподобна; социальные конструкты, созданные пытающимися выжить людьми, причудливы и интересны (чего стоит хотя бы монастырь, экономика которого зиждется на кошках и воробьях!). Но без идейного противостояния «феодал — централизованная власть», которое держало на себе две трети книги, роман начинает терять интригу.

Прочитать эту книгу непременно стоит — ради хорошего языка, ярких миров и сочных характеров. Но очень жалко, что третья часть романа не стала логичным продолжением знакомой нам первой. Мы ведь уже почти поверили в превосходство феодализма.

Сергей ЛУКЪЯНЕНКО

«АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**Уважаемые участники конкурса!**

Благодарим всех, кто прислал нам свои работы. Кстати, обращаем ваше внимание: адрес редакции изменился (см. выходные данные), абонентский ящик почту больше не принимает.

Для читателей, которые только собираются испытать свои силы, проделаем краткий экскурс в историю. Конкурс был организован для того, чтобы на страницах «Если» могли опубликоваться молодые, неопытные, но подающие надежды авторы. Ведь играть на одном поле с профессионалами — дело малоперспективное. Понятно, что на нашей «площадке» условия льготные, однако свои жесткие рамки существуют, об этом мы сообщаем в каждом номере журнала: присланный рассказ должны отличать выраженная НФ-идея, внятный сюжет и литературные способности автора (любители мистики, хоррора могут не беспокоиться — подобные жанры не в традиции «Если»). Рассказ не должен занимать более одного авторского листа (24 стандартные страницы), рукописи принимаются в «бумажном» виде.

Жюри внимательно рассматривает каждую работу, однако в переписку вступает только с теми участниками, которые его заинтересовали. Все остальные, а таковых, увы, большинство, узнают о результатах конкурса со страниц «Если»: итоги мы подводим дважды в год — в № 2 и № 8 (или № 9, как сейчас). Публикация в рамках «Альтернативной реальности» не оплачивается гонораром.

В финал нынешнего этапа конкурса вышли Т.Власова из Армавира, М.Иванова из г. Глазова (Удмуртия), С.Кайманов из Абакана, А.Талан из Казани. Победителями стали В.Астров-Чубенко и Е.Ермаков.

АСТРОВ-ЧУБЕНКО Вячеслав Александрович. Родился в 1973 году в Николаеве. По специальности преподаватель физики и астрономии. Закончил с красным дипломом физико-математический факультет Николаевского пединститута в 1997-м. Первые публикации — в газетах и альманахах Николаева с 1997 года. Два сборника рассказов и повестей «Звонок» (1999) и «Последний экзамен» (2002) увидели свет в Николаеве. (По нашим условиям, авторы, имеющие книжные публикации, в конкурсе участвовать не имеют права, однако книги Вячеслава вышли в местном издательстве малым тиражом.) Астров-Чубенко — лауреат специальной премии «За мужество и волю к жизни» Пятого Международного фестиваля фантастики «Звездный Мост». Лауреат в номинации «Восходящие звезды» Первого Международного фестиваля фантастики «Планета 8141 Nikolaev».

ЕРМАКОВ Евгений Владимирович. Родился в 1970 году в городе Почеп Брянской области. Учился и рос в военном городке Эмба-5 (Казахстан). Получил образование в военном училище Киева, служит в Ульяновске. Писать фантастику начал около двух лет назад. Данная публикация — первая.

Поздравляем победителей, ждем новых работ.

Жюри конкурса

В Я Ч Е С Л А В
А С Т Р О В — Ч У Б Е Н К О

У НИХ ЧТО-ТО СО СВЯЗЬЮ

А может, высадиться на центральной площади одной из их столиц, и вся недолга? — предложил бортинженер с присущей ему простотой.

— И вызвать переполох, — отозвался специалист по внеланианским цивилизациям.

Командир экспедиции с некоторой тоской посмотрел в огромный обзорный иллюминатор кают-компании, за которым на фоне тысяч звезд величаво красовалась голубая планета. Планета, так похожая на родную Ланию, оставшуюся в тысяче световых лет позади. Мучительные поиски, полные сомнений и неудержимого желания вернуться домой, дали наконец свой результат — иная цивилизация (и вполне развитая для контакта!) была найдена в космической бездне. Уже одно это — большой успех: они не одни во Вселенной, что доказано со всей очевидностью. Теперь дело за малым — войти в контакт.

Но тут-то и начались очередные проблемы! Оказалось, что ОНИ в принципе не слушают Вселенную с целью выявления искусственных сигналов. То есть вообще!

— Такое впечатление, будто у них что-то со связью, — беспрестанно твердил радист, как по старинке называли специалиста по всеволновой связи.

Нет, конечно, все их радиотелескопы и прочая приемная аппаратура, в том числе и на космических станциях, прекрасно функционируя, по-прежнему были направлены в небо, принимая миллиарды килобит информации. Но, похоже, никто и в мыслях не держал каким-либо способом проверять эту информацию «на разумность». Все, с кем можно было войти в контакт, самоотверженно исследовали естественную Вселенную. Одно из двух: либо они окончательно разочаровались в поисках внепланетного разума, как это бывало и на Лании, либо подобным программам просто перекрыли финансирование, что тоже было знакомо. А скорее всего — и то, и другое...

Вот и получилось, что научно-исследовательский корабль «Барнакасс-4» уже около двух месяцев безрезультатно болтается на орбите планеты — довольно далеко, чтобы не быть обнаруженным, но достаточно близко, чтобы понять населенность этого мира и его красоту, — а экипаж находится в замешательстве. Конечно, можно было бы сва-

литься им как снег на голову, высадившись у всех на виду. Но это чревато неоднозначной реакцией, глупой инопланетной истерией и, как следствие, опасными общественными катаклизмами. В деле межзвездных контактов, как оказалось, соблюдение так называемого психологического карантина не менее важно, чем обычного. Как отшучивались в ЦУПе, «нам нужны братья по разуму, а не пациенты». Цивилизацию необходимо было подготовить к контакту, сперва связаться с ними на расстоянии, причем Космос упаси связываться с прессой или с политиками. Должен найтись кто-то достаточно далекий и от народа, и от политики. А это, как ни крути, были только ученые. Но ни один из них не искал инопланетян! Да, ситуация...

Командир оторвался от иллюминатора.

— Ну, что ж, — сказал он, — не вижу иного выхода, как послать агента.

Присутствующие в кают-компании стали неуверенно кивать и пожимать плечами.

— Но как же различия в физиологии? — замялся специалист по космобиологии, и цвет его кожи принял бледно-желтый оттенок. — И еще не исследована наша инфекционная совместимость...

— Я думаю, риск не так уж и велик, особенно учитывая ставки. Благодаря зондам их физиология уже достаточно известна нашим «гримерам». Она, кстати, не слишком отличается от ланианской. Разве что некоторые детали, например, наша способность менять цвет. А что до инфекций, то прививок нам сделано предостаточно. В общем, дальше медлить бессмысленно. Надо действовать.

— Но кого же мы пошлем? — члены экспедиции начали переглядываться.

— Того, кто справится с этой ролью наиболее естественно, — таинственно произнес командир, и его перебиравшие по столу пальцы стали светло-фиолетовыми, демонстрируя крайнюю обеспокоенность владельца.

* * *

Смеркалось. Два астронома проводили взглядом Джейма и волочащегося за ним очередного подростка.

— Невероятно, — сказал один из них и выразительно поднял брови. — Невероятно, как мы еще терпим этого, с позволения сказать, глубокого ученого. Только время на «300-дюймовом» занимает. Ну какие к черту «осмысленные» сигналы могут идти от X-1 Лебеда?! Там же просто миллиарды тонн вещества ухают на черную дыру или что там еще, давая мощнейшее жесткое излучение, и все. Только полный, ххм,

пациент может пытаться его «расшифровать». Хорошо, хоть свою непосредственную работу выполняет, — астроном отрешенно махнул рукой: — Еще и пацана с собой приволок, учитель.

— А ты что-то имеешь против детей в обсерватории? — с ехидцей спросил его коллега.

— Скорее, нет. Просто, знаешь, растление малолетних — это уже статья...

Ученые коротко рассмеялись и разошлись по своим делам.

Папа Джейма хотел, чтобы сын стал сантехником. Мама Джейма хотела, чтобы сын стал священником. И Джейм стал астрономом, «исследователем космических пространств». Занятый подобными мыслями, Джейм и наткнулся у самых ворот обсерватории на паренька лет тринадцати, с интересом заглядывающего через забор. Своей эрудицией мальчик приятно отличался от обычных зевак, и ученый позволил ему пройти с ним в башню телескопа. Парень с интересом разглядывал огромную, направленную в небо трубу и всевозможную вспомогательную аппаратуру, расставленную вдоль круглой стены.

— Ну, ты тут пока осваивайся, — сказал Джейм, — только ничего не трогай, а я приготовлюсь к наблюдениям.

— А что вы наблюдаете? — спросил парень, следя за виртуозными действиями астронома, занятого приготовлением телескопа к наблюдениям: снятие массивных заглушек с трубы телескопа, открытие купола башни, запуск и тестирование аппаратуры.

— Да так, один интересный объект, — отозвался Джейм, не отрываясь от своих дел. — Под кодовым названием «Лебедь X-1». Собственно, основная информация о нем поступает с орбитального телескопа, потому что самое интересное его излучение, рентгеновское, не пропускает атмосфера. Но у этого объекта есть еще и оптическая компонента — слабенькая звездочка, которая тем не менее просвечивает сквозь нашу атмосферу. Вот ее-то мы и наблюдаем, работая по программе этого орбитального телескопа. Мы просто сличаем расположение этой звездочки на небе с направлением на нее, определяемым телескопом в космосе. Но это, конечно, весьма общее и упрощенное представление о нашей программе, там еще много других тонкостей и заморочек. Кроме нашей, в ней задействованы еще три обсерватории. Кстати, эта звездочка, как и рентгеновское излучение, тоже переменна, ну, меняет свою яркость...

— Я в курсе, что значит переменна, — заверил юный гость.

— Ах, да, вы же у нас все знаете, молодой человек, — вспомнил астроном. — Тебя, кстати, как зовут?

— Петр.

— Петр, — повторил Джейм, — как величественно. А меня Джейм Самс.

Он наконец рассмотрел парня и улыбнулся. Как бывает обманчива внешность человека и как она порой не соответствует его интеллектуальному потенциалу. Мальчик был довольно высок, с круглым румяным лицом, огромными голубыми глазами, вздернутым носом и какими-то слишком белыми кудрявыми волосами. Однако то, во что он был облачен, мягко говоря, несколько не соответствовало ни его умственным способностям, ни его настоящему местонахождению. Из-под пестрой, на три размера большей рубашки с изображением хитовой рок-группы выглядывали черные кожаные брюки, испещренные змейками, и высокие байкерские ботинки. Композицию завершали темно-сиреневый, тоже кожаный, жилет нараспашку, увешанный цепочками, и кольцо в ухе. Короче, налицо последний писк молодежной моды. Парень и сам невольно оглядел себя. «Да, перемудрил я сегодня с модой, — подумал он, — надо быть скромнее».

— Так вот, Петр, — монотонно продолжал Джейм, — эта звезда переменна потому, что...

— Она вытянута по направлению к своему невидимому спутнику, — подхватил гость, — и поворачивается к нам разными сторонами по мере движения по своей орбите: эффект эллипсоидальности.

— О, я молчу, — рассмеялся астроном. — Вижу, ты знаешь не меньше меня. Слушай, ты часом не вундеркинд, парень?

Петр замялся.

— Нет, — сказал мальчик как будто неуверенно. — Просто... просто интересуюсь. У меня по математике двойка, — вдруг добавил он.

Последнее откровение было неожиданностью даже для него.

Часть гигантского купола медленно открылась, свет в павильоне погас, и над головой засверкали мириады звезд.

— Конечно, — сказал Джейм, — в наши задачи входит еще тщательное наблюдение переменности данной звездочки для уточнения мельчайших деталей этой переменности. Вот сейчас мы на нее наведемся и в течение четырех часов каждые 10 секунд будем регистрировать ее спектр и блеск. Учитывая все услышанное от тебя, я уверен, что ты узнаешь и этот неровный крест почти в зените.

Джейм опять не придал значения некоторому замешательству и неуверенному кивку парня, разглядывающего большой звездный крест. Как раз со здешними созвездиями он был знаком бегло.

— Да, да, — продолжал Джейм, — это и есть Лебедь. Он практически весь расположен на Млечном пути, где плотность звезд, таких, как

оптический спутник X-1, достигает сотен на квадратную минуту. Тут без точной наводки по координатам не обойтись.

Астроном пробежал пальцами по микропульту управления телескопом, встроенному в его массивную стойку, и огромная махина, тихо урча, плавно навелась в нужную точку неба около зенита. Встроенные в телескоп спектрометры и электрофотометры тут же ожили, принимая данные и пробуждая остальную записывающую аппаратуру.

— Ву-а-ля, — резюмировал Джейм, опускаясь на стул и переводя дыхание.

— А нельзя ли взглянуть на нее в окуляр? — вдруг спросил Петр, заранее зная ответ.

— В окуляр? — Джейм на секунду задумался. — Ты знаешь, для этого придется отключить всю навешанную на него технику и, собственно, вставить этот самый окуляр. Вообще-то астрономы уже практически не занимаются визуальными наблюдениями — есть приборы гораздо точнее глаза. Это только со стороны кажется, что здесь полно романтики... Ну, хорошо, ради тебя я готов пожертвовать несколькими драгоценными минутами. А пока я ищу окуляр, ты можешь взглянуть в этот «искатель».

Вид в прикрепленную параллельно основному телескопу небольшую трубу был, конечно, очень эффектен. Но то, что виделось в окуляр 300-дюймового телескопа, просто потрясло! Десятки, сотни тысяч звезд самой гущи Млечного пути усеивали круглое поле зрения. По мере уменьшения яркости их число росло в геометрической прогрессии, и на самом пределе видимости звезды сливались в сплошную, едва различимую молочную пелену. Вместе с тем фон изображения был достаточно темным, и объект Лебедь X-1, вернее, его оптический компонент, отчетливо выделялся среди тысяч таких же, как он, звезд, располагаясь строго в центре изображения. Потом телескоп был наведен еще на несколько объектов — звездные скопления, туманности, галактики, даже на одну планету, четвертую от этого Солнца, которую Джейм называл Марс. И хотя Петр не раз любовался подобными красотами космоса, их вид в большие телескопы каждый раз его завораживал.

— Вообще-то, работа по X-1 довольно монотонна и рутинна, — сказал Джейм, возвращая отключенные приборы к их обязанностям. — Гораздо занятнее становится уже потом, во время обработки добытой информации, когда ты можешь получить реальные факты и выводы, а если повезет, сделать открытие... В особенности если у тебя есть какая-либо гипотеза. Я, к примеру, считаю, что рентгеновские всплески X-1 специфическим образом упорядочены.

— Как?!

— Во всяком случае, иногда. Я даже написал специальную программу расшифровки этих всплесков. Она у меня в домашнем компьютере. Вот, посмотри сюда.

Джейм подъехал в своем кресле к столу с компьютером и вызвал на монитор нечто, напоминающее энцефалограмму неврастеника.

— Это и есть запись рентгеновского блеска источника Лебедь X-1, вот видишь, внизу изображения — «Суг X-1». Этот блеск очень нестабилен, его кривая во временном масштабе порядка секунды почти выражается в близко расположенные практически вертикальные штрихи разной длины, которые и являются рентгеновскими всплесками. Конечно, все это не может быть не чем иным, как результатом падения колоссального количества вещества наподобие черной дыры. Да, ты только представь, как это должно выглядеть вблизи: желтоватая дынеобразная звезда, одна сторона которой, обращенная к спутнику, выглядит чуть светлее другой из-за переизлучения мощнейшего рентгеновского потока, идущего от черной дыры, незаметно, через центр масс системы, ежесекундно перекачивает к дыре миллиарды тонн своего вещества. Только потом, ближе к дыре, собираясь в аккреционный диск, вещество становится видимым, раскаляясь добела, и по сильно закрученной спирали падает в черную дыру, разгоняясь до субсветовой скорости. Это одно из самых величественных зрелищ во Вселенной!

Джейм и не подозревал, насколько его собеседник хорошо себе это представлял.

— Однако, — продолжал астроном, — никто не сказал и тем более не доказал, что какая-либо высокоразвитая цивилизация не может модулировать это рентгеновское излучение, выставляя на его пути свою фильтрующую аппаратуру. А что, по-моему, это очень эффективный способ передачи информации — настолько мощное излучение в состоянии пройти практически всю Вселенную, никакие искусственные сигналы по интенсивности с ним не сравнятся, они в нем просто утонут! Во всяком случае, более эффективного способа мы пока не знаем. Собственно, это даже не моя идея. Подобные мысли уже давно культивировались, но после провала программы SETI поиски внеземных цивилизаций стали непопулярными. Ну, а я решил прозондировать эту область. Честно говоря, я этим просто заболел. В результате время от времени, когда я пропускаю вот такие рентгеновские кривые блеска через компьютер по моей программе, на дисплее вдруг появляются буквы, а изредка даже слова! Например, такое слово, как «ЭЙ!», я думаю, довольно неплохой позывной для космоса. А пару раз я зафиксировал даже нечто вроде «SOS!», что уже настораживает! Конечно, некоторые утверждают...

— А как же язык? — растерянно спросил мальчик.

— Язык? Все дело в том, что моя программа преобразует получаемые символы в звуки и слова нашего языка, которые у НИХ имели бы наиболее близкое значение. Ведь, в конце концов, те, кто посылает в космос сигналы, наверняка должны пользоваться общими для всей Вселенной понятиями. И это опять же не только моя точка зрения.

Джейм повернулся к телескопу проконтролировать его наводку и приборы, но при этом продолжал говорить.

— Конечно, некоторые считают, что моя программа «высосана из пальца» и что я валяю дурака. Но я не слушаю скептиков. Я надеюсь, я верю, что рано или поздно приму осознанный текст.

— А вы бы могли подробнее познакомить меня с вашей программой? — быстро спросил юный гость.

— С моей программой? — с энтузиазмом переспросил астроном. — Конечно, с удовольствием. Наконец-то у меня появился единомышленник.

* * *

Командир расположился в уютном кресле своей каюты и пересматривал объемные фотоснимки Земли. Города, фермы, электростанции. Да, определенное сходство есть, хотя путь развития у них принципиально иной. Но, как бы то ни было, Контакт станет историческим моментом для обеих цивилизаций. Правда, агент, три месяца работающий на планете, хотя и поставляет подробную информацию, пока не добился ничего определенного. Командир улыбнулся: кажется, для ребенка это просто интересная игра, лекарство от скуки в пути. В голографе внутренней связи вдруг возник довольный радист:

— Командир, нашелся чужак, который ищет «разумные сигналы». Один на всю планету. Я сейчас зайду.

— Жесткий источник KZR-439? — поднял брови глава экспедиции, когда выслушал от радиста донесение агента. — Там же нет ни души?!

— Да. Они его называют Лебедь X-1. Но мы можем подстроиться под его сигнал.

— Ну что ж, действуйте. И, Лон, — окликнул он радиста, когда тот был уже в дверях, — с максимальным учетом его расшифровочной программы.

Радист стал светло-оранжевым, мол, об этом могли бы и не напоминать.

Эпилог

Вид у Джейма был весьма помятый. Но, едва протерев глаза, он засел за компьютер. Погрузившая его в сон усталость не позволила сра-

зу проверить скинутые ночью на домашний мэйл копии свежих рентгеновских записей. И как только, считав записи в компьютер, Джейм запустил программу расшифровки, ему уже не понадобился утренний кофе, чтобы окончательно проснуться. На экране пошел осмысленный текст:

«ЗЕМЛЯНЕ! Вас приветствуют представители цивилизации Ламбья планеты Лания, обращающейся вокруг желто-оранжевого солнца Гердсар, расположенного в 1009 световых годах от Вас. Наш корабль находится сейчас на околоземной орбите. Для получения более подробной информации и поддержания двусторонней связи направьте Ваши радиотелескопы в точку небесной сферы со следующими экваториальными координатами для текущей эпохи:

Р.А.: 03h40m00s, Дес.: +01°10'00". ОСОБАЯ ПРОСЬБА: Ничего пока не разглашать!»

Но псевдонаучная эйфория была недолгой. Ее очень быстро сменило раздражение ученого. Какой текст! Осмысленный, логический, информативный, ни одного лишнего слова и ни одной грамматической ошибки... Хотя бы одна запятая не там стояла...

Джейм негодовал: «Коллеги! Высокоинтеллектуальное дурачье с атрофированным чувством юмора. И когда им надоест меня разыгрывать? Надо же, мальчишку подослали. Хорош артист: ах, программа, ах, познакомьте! Они думают, я сейчас кинусь звонить президенту?». Чтобы успокоиться, Джейм включил кофеварку. С горячей кружкой в руках он устроился в кресле и уютно вытянул ноги: «Наверное, мама права, надо было податься в священники. Или в сантехники...».

Е В Г Е Н И Й Е Р М А К О В

ЗАСАПОЖНЫЙ ПОЧТОВЫЙ

Вообще-то мы не пилоты. Навигатор, Серега Иванов — с физтеха, а я, то есть штурман — с исторического. И этот наш почтовый рейс нам не нужен совершенно! А с другой стороны, попробуй не пройди стажировку! При переходе на выпускной курс первым делом подвергнется проверке твоя джойстик-карта с печнем всех добрых и недобрых дел за последние два месяца.

Раньше, говорят, стажировку студенты проходили по специальности, кто чему учился. Бухгалтера — в бухгалтериях, курсанты — на боевом

дежурстве, и так далее. Но в серьезных источниках упоминаний об этом не обнаружено. Да и какой смысл тратить учебное время там, где ты через год-другой проведешь немалую часть своей жизни? Так что это слухи — заявляю вам как будущий историк. Гораздо выгоднее использовать студенческую рабочую силу там, куда обычная рабочая сила идет неохотно.

Впрочем, десять рейсов до Тау Кита и обратно с почтой — скучно, но непьльно. Другие моют сортиры на заштатных базах дальней связи или таскают аппаратуру за экспедициями на необитаемых планетах безопасного уровня. А здесь наше присутствие является чисто номинальным. Предусмотрен экипаж из двух человек — должен быть экипаж...

На крайнем рейсе все и случилось. Мы как раз готовились к заключительному прыжку — в Солнечную систему. Я разгребал посуду на кухне после завтрака, когда Серега обнаружил объект и заорал благим матом, чтобы я все бросал и бежал в рубку.

Военная техника прошлых лет — мой конек. Мне даже на монитор с комментариями по объекту не нужно было смотреть, характеристики сами всплывали в памяти.

Мятежная колония Бета Прочиона, ныне уже не существующая — сожгла сама себя сразу после объявления войны Земле и колониям в прошлом веке. Беспилотный крейсер класса «Кали». Одноразовый, можно сказать, инструмент планетарного подавления.

Серега молча выслушал мою микролекцию о порядке действий такой штуки в стандартных условиях.

Сначала он выходит в пространство вблизи выбранной планеты. В режиме радиомолчания, отключив все средства коммуникации — чтобы не отвлекали. На субсветовой скорости, за пять-шесть миллионов километров наносит удар по планете жестким излучением, одновременно сбрасывая скорость.

Оружие старое, но эффективное. Аборигены пользовались другой системой измерений и считали мощность в миллиардах тераэргов — хватит на все полушарие. Метров пять верхнего слоя океана испарится сразу, еще пять закипит. В это время корабль сбросит около сотни спутников. Потом пустой и разряженный остов крейсера подкорректирует траекторию и впяется в край неповрежденного полушария, услужливо подставляемого планетой под удар. К этому времени сброшенные спутники затормозят, сожгут спутники и будут, вися на геостационарной орбите, отстреливать источники радиоизлучения и взлетающие объекты. Средний срок службы такого спутника — двадцать лет.

Тем временем крейсер неуклюже разворачивался, выходя на траекторию к воронке туннельного перехода — туда же, куда шли и мы. На мгновение вспыхнул неярким светом — выбросил вперед облачко противометеоритных экранов — и начал разгон.

Сергея смотрел на меня. В первый раз я видел его таким — нижняя челюсть героически выпячена, но лицо растерянное.

— У нас масса покоя двадцать тонн. Для тарана хватит. Ведь хватит?

— Для тарана и килограмма хватит. Главное — энергию набрать...

— Для килограмма нам навстречу нужно идти, маневрировать и разогнаться. А он через полчаса в воронку уйдет! И потом — экраны он уже выбросил, если даже мы успеем выйти на его траекторию — встретимся сначала с экранами. И из оружия у нас только мусорная катапульта с десятью пустыми ящиками...

— Ну, положим, катапульту я могу настроить на максимальную скорость выброса, — начал я, — только смысл какой? Попробуй попади в него контейнером, если и попадешь — даже не поцарапаешь...

Сергея открыл рот — и замер.

— А почему бы и нет? И почему только контейнером? Мы же идем параллельными курсами, в одну воронку!

Я не понял.

— Ну и что?

— Ничего! Иди набивай контейнеры!

— Чем?

— Почтой! Только воздух не откачивай!

Стандартные мусорные контейнеры используют не очень часто. И даже когда используют, стараются принять максимум мер к их уничтожению. Например, сбрасывают в сторону незаселенных планет с плотной атмосферой, откачав воздух из контейнера — чтобы его не разорвало в космосе до входа в атмосферу. Для гарантии в металл корпуса добавляют пирогель. А вообще хорошим тоном считается отстрел контейнера в пламя выхлопа. Поэтому даже на таких малютках, как наша, направление и импульс, придаваемые мусорному ящику, можно изменять.

Я, чертыхаясь, стал протискиваться через аварийный люк в транспортный отсек. У меня дед штурман, он мне рассказывал, как перед производством принимают такие люки. Берется самый худенький испытатель, надевает облегченный скафандр на размер меньше необходимого, и по сигналу его начинают тащить через этот туннель страховочным фалом. По техническим условиям скорость движения в ава-

рийном туннеле — полтора метра в секунду, и такую скорость туннель видит раз в жизни — на приемочных испытаниях...

Потом я взламывал ящики с почтой и засыпал ее в контейнеры. Письма, посылки, строгие правительственные конверты, перетянутые лентой самоликвидации, открытки с нетвердым детским почерком — я старался не смотреть, просто вытряхивал их в черный зев контейнера, захлопывал, герметизировал и хватался за следующий. Судя по ощущениям, Серега маневрировал — притормаживал, смещая наш кораблик в сторону.

* * *

На все приготовления у нас ушло минут двадцать. До воронки с крейсером мы встретиться уже не успевали — чуть-чуть. Истратив все топливо, Сергей снизил скорость, насколько мог — больше было нельзя, кораблю нашей массы на подходе к воронке меньше чем до одной двадцатой скорости света затормозить невозможно физически. Но экраны ушли вперед, и теперь мы двигались стройной колонной — противометеоритная защита крейсера, наш почтовый и сам крейсер, резво догоняющий нас.

— Разница в скоростях — километров пять, можно начинать, — сказал сам себе Серега, запуская сброс контейнеров, — до воронки нам осталось три минуты.

Он покосился на меня. Достал фотографию девушки и пристроил перед собой на пульте. У меня в то время девушки еще не было, поэтому я поставил на свой пульт фото Алевтины — нашей корабельной кошки, которая почти все рейсы проспала на моей кровати и пару раз попыталась нагадить под кровать Сереги. Серега, естественно, Альку нашу невзлюбил.

Сергей снова покосился на меня. Ложемент навигатора находится чуть впереди ложементов штурмана, навигатору пульт штурмана не виден, поэтому его — навигатора — реакции на фото я не опасался. Он помолчал и вдруг выдал:

— Ну, скажи что-нибудь, а то мне в голову ничего не приходит.

— Что?

— Что-нибудь значительное. Ты же историк! Типа «маленького шажка для человека...». А то отдадим концы и не оставим ничего потомкам.

Я хотел ответить в том смысле, что, возможно, и потомков скоро не останется, но постеснялся. В голову тоже ничего не лезло. Я махнул рукой и сказал:

— Засапозный.

Сергей не понял.

— Что?

— Засапожный нож. Универсальный инструмент у наших предков. Использовался для приготовления пищи, обработки дерева, если надо — в рукопашной.

Сергей внимательно смотрел на меня.

— Засапожный — это потому, что находился за сапогом, — терпеливо пояснил я.

Сергей не отрывал от меня взгляда.

— Сапог — это древнее слово, вид обуви с высоким голенищем. Голенище — часть сапога, обтягивающая ногу до колена...

— Про колена не надо объяснять, — поспешно сказал Серега, — ну что ж, принимается. Все равно других за-са-пожных, кроме нашего почтового, у Земли сейчас нет.

Пока мы так беседовали, отстрел контейнеров закончился. Выброс проводился назад, с максимальной скоростью, так что к разнице в скоростях между нами контейнеры добавили еще полкилометра в секунду. Если расчеты Сергея были верными, крейсер должен был нагнать их перед воронкой. Я поглядел на экран заднего обзора.

Зрелище было не очень занимательным. В космосе висела серая бесформенная тучка. Бортовой компьютер выдавал на экран изображение удаляющегося объекта, постоянно его увеличивая, поэтому тучка из наших контейнеров и чужих писем не изменялась в размерах. Крейсера за ними видно не было.

Так, глядя в экран заднего вида, мы и вошли в воронку.

Потом нас долго и нудно искали в пространстве, потом еще дольше тормозили. И только потом мы узнали, чем все закончилось.

Крейсер все-таки напоролся на засаду из писем и разорванных мусорных контейнеров, но прошел мимо нас. В Солнечную систему попало раскаленное радиоактивное облако с догорающими в нем спутниками.

Мы, естественно, вернулись героями. Даже Алька наша стала родоначальницей новой породы — самая модная сейчас порода, между прочим. Да что там Алька — беспощадные баталии развернулись между желающими заявить, что именно их письма и бандероли вез наш почтовый. Это и понятно — приятно сознавать, что тобой лично отправленное письмо с прозаическим: «Вышли сала, здравствуй, мама!» — послужило всему человечеству...

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ

28 августа исполнилось бы 80 лет старшему из славных братьев нашей фантастики — Аркадию Натановичу Стругацкому. О своих встречах с легендарным фантастом мы попросили рассказать Геннадия Прашкевича, которого с мэтром связывала многолетняя дружба.

Он не сильно любил разговоры о фантастике. А к научной фантастике относился, скажем так, настороженно. Он был уверен, что фантаст, даже самый глубокий, вряд ли может идти впереди науки. В высшей степени нелепая мысль, так считал он. «Разве писатель первым заговорил о теории относительности? Или указал на квазары? Или пришел к идее Большого Взрыва? И почему прожекторы «Наутилуса» должны меня восхищать?» Ширина познаний — да, интуиция — да. Отдувая усы, страшно дивился дотошности научных выкладок Георгия Иосифовича Гуревича. «Гиша, ну зачем вы тратите такие усилия на все эти научные рассуждения? Все равно они спорны и только вызывают излишние возражения. Пусть герои сразу садятся на нужный аппарат и начинают действовать». (Правда, сами Стругацкие уже в первой своей повести выдвинули изящную и вполне научную идею: первыми при-

шельцами на Земле окажутся автоматы. «До этого даже американцы не додумались», — горделиво заявлял Аркадий Натанович.)

Мне это нравилось.

Я тоже тогда выдвигал некую вполне научную идею.

Даже не идею, теорию. Так и назвал: теория прогресса. В романе «Апрель жизни» она формулировалась так: «И что бы ни происходило в мире, как бы ни складывалась жизнь, какие бы события ни радовали, ни рвали мое сердце, я не устаю, я продолжаю повторять как заклятие: ведь не может быть, ведь не может быть, чтобы к вечеру каждого прожитого нами дня мы не становились бы хоть чуть-чуть лучше, чем были утром».

Аркадий Натанович скептически улыбался.

«Роман казался бы значительней, напечатай его «Новый мир».

Но «Новый мир» нас не печатал. И не печатает. И не будет печатать.

С этим мог примирить коньяк. На время, конечно. Но передышка никогда не мешает.

В моей совершенно невинной повестушке «Сирены Летящей» воинствующие критики тут же высмотрели нечто негодное. «Неясны герои, неясно будущее. Оно что у вас — не коммунистическое?» А о каком еще писать? — терялся я. Может, придумать вообще *другое* общество, в котором действуют *другие* законы? В котором всё не как при капитализме, не как при социализме, даже коммунизм там уже превзойден? Сплошные счастливики, хранимые ноосферой и чистой совестью. Сейчас и здесь!

«Ну да, — скептически улыбался Аркадий Натанович. — Экзистенциализм — философия бездетных. Ничего красивее коммунизма люди пока что не придумали. Дело в нас. В строителях... — он скептически отдувал усы. — Ты же сам цитировал мне стихи...»

Это он вспоминал поэму одного сибирского поэта. Гришка со Знаменки упал в канаву с бутылкой водки, а бульдозер там его и присыпал. Но через много лет, даже десятилетий, в счастливый город пришел Метрострой. Вскрыли землю: Гришка истлел, а бутылку нашли. Так сказать, вот вам привет из прошлого!

Аркадий Натанович скептически улыбался:

«Погоди, вот придет «метрострой» в нашу страну, хлынет рекой свобода, и большинство тех, кто сейчас так сильно печется о свободе для литературы, начнут не язвы социальные вскрывать и не пытаться стать лучше, чем они были с утра, а подсчитывать яйца у драконов».

«Почему яйца?»

«Ну, головы-то у драконов давно подсчитаны».

Выпив, дивился. «Ты что, с дерева упал? Почему пишешь про какого-то Шпиона? Зачем? До Шпионов ли сейчас литературным чиновникам? Почитай прессу. Читатель ждет положительного героя. С кого брать пример? С твоего Шпиона? Это же идеологическая диверсия!»

«Не думал об этом, — честно признавался я, чувствуя за словами Аркадия Натановича скрытое одобрение. — Я семь лет провел на востоке. Сахалин, Камчатка, Курилы. На океанском отливе чиновники не встречаются. А вот Шпионы приходят. Иногда мы на заставах проводили ночь-другую. Там, где нам это разрешали. А переночевать на заставе можно только в Ленинской комнате, всегда набитой книжками. «Я был Цицероном», «По тонкому льду», «Ураган», «Эхо бури» и все такое прочее. Начитаешься, чего только не увидишь».

Аркадий Натанович кивал.

Он сам знал Камчатку, знал острова.

Не раз допрашивал захваченных пограницами японских браконьеров.

Рассказал, как однажды выбросили его группу на остров Алайд. Остались у него и у двух пограничников четыре ящика с продуктами. Когда открыли, выяснилось, что во всех четырех — сливочное масло, причем прогорклое. А кругом океан, с Куро-Сиво несет туманом. Сладкий ад, острова, территория греха, юность.

Так свободно об островах и океане можно было говорить только с Евгением Львовичем Войскунским. Хотя профессия, не раз утверждал Аркадий Натанович, существенной роли в писательстве не играет. Чувство языка — да, без этого не обойтись. «Мы с братом, — говорил, — обдумываем каждую фразу». Теперь я скептически усмехался. Но, наверное, обдумывали. Обязательно обдумывали. И профессия, наверное, все же играла роль. Через много лет в крошечном американском городке Стетсон по ту сторону Тихого океана я чуть не заплакал, еще раз увидев, как красив и огромен мир и как ничтожны и мелки всякие литературные и политические чиновники.

Однажды я рассказал Аркадию Натановичу про одного своего приятеля, который безумно любил

женщину, которая, в свою очередь, безумно любила своего хорька. Жил у нее хорек под кроватью. Ворчал и хрюкал, когда кровать тряслась. Они ведь тогда по молодости мучались бессонницей. Однажды ночью приятель, собравшись сменить воду в аквариуме, нечаянно наступил на хорька. Тот пукнул и умер. «Ты его убил, ты его убил!» Оказывается, та женщина любила хорька гораздо больше, чем моего приятеля. Это его поразило. А она еще, забыв про него, стала делать хорьку искусственное дыхание рот в рот. Тут хорек ее и цапнул.

«О чем я и говорю», — удовлетворенно заключал Аркадий Натанович.

И сам вспоминал странные вещи. Например, японских браконьеров — у них на куртках висели комсомольские значки. Для красоты и на всякий случай. И как добывал спирт у вертолетчиков в Петропавловске-Камчатском. Система антиобледенения вертолетов работает на чистом спирту, ужас, как много пропадает качественного товара! «Это Марсель Пруст, — почему-то вспоминал он, — ходил на нудные приемы, был снобом, заводил скучные знакомства, подхватывал редкие болезни, только потом до него дошло, что он готовился к занятиям литературой. А нас подталкивать не надо было, хотя в помощи мы нуж-

дались. Кирилл Андреев очень нам помог с «Возвращением». Иван Антонович Ефремов поначалу отзывался одобрительно, потом стало сложнее. Не думаю, что Ефремов понимал, о чем мы пишем».

Неодобрительно отдувал усы.

Тем не менее именно Стругацкие в 1989 году в письме, обращенном в Совет по фантастике СССР и РСФСР, в Совет клубов любителей фантастики, первыми потребовали: *...странный обыск в квартире покойного, и воследовавшее затем искусственное забвение И.А.Ефремова — и по сей день остаются не только мрачным, но и весьма загадочным событием в истории нашей фантастики. Нам кажется, сейчас наступило наконец время попытаться расшифровать эту загадку. Мы предлагаем всем Советам объединить усилия и от имени всех советских писателей-фантастов, а также от имени всех любителей фантастики обратиться в КГБ СССР с соответствующим запросом. По сути дела, речь идет о гласной реабилитации И.А.Ефремова. (Негласная, слава Богу, произошла уже давно.) Пусть нам объяснят: какое такое ужасное преступление совершил крупнейший фантаст СССР, что много лет после его смерти имя его находилось фактически под запретом? что такое искали в его квартире — на самом деле золото или (ходила и та-*

кая версия) рукопись некоего таинственного романа?

Получил твое письмо, — писал он мне в мае 1980 года. — Ну что тут скажешь? — (Речь в письме шла о моей очередной зарубленной цензурой книге. — Г.П.) — Выругался матерно (шепотом), облегчил душу, а толку никакого. Все скверно. Все благие порывы и начинания нашего Совета, очевидно, пошли прахом из-за нерешительности или напуганности С.Абрамова. Твои известия об ударе из Роскомиздата — только завершающий штрих отвратной картины, развернувшейся в последние месяцы перед моим изумленным взором, как говорилось в старых романах. Создавали сеть периферийных ежегодников фантастики, клялись, хвастались, истратили уймищу денег на командировки. Было? Было. А вышел пшик. Издатели объявили, что ничем подобным заниматься не будут, если им не выделят специально для этого бумагу. Ладно. Хлопотали о включении в приемную комиссию Стругацкого, дабы не повторилась позорная история с Прашкевичем. — (При первой попытке вступления в СП СССР мое дело было провалено. — Г.П.) — Клялись, хвастались, добились. Было? Было. А в результате приказа о включении Стругацкого в комиссию так и не случилось, и вот на днях зарубили еще одного фантаста из

Сибири. Ладно. Планировали ежегодный конкурс для молодых, закрытый, под девизами, с председателем жюри Стругацким. Грозилась, хвастались, восхищались. Было? Было. А в результате создали конкурс опубликованных произведений (т.е. для награждения самих себя) с Михаилом Алексеевым в качестве председателя жюри. Ладно. Договорились о том, что в Госкомиздате рецензировать писателей-фантастов будут не проходимцы, а члены Совета по списку. Клялись, хвастались, добились. А в результате Прашкевича опять забили по горло в землю. Ладно. Взались заставить изд-во «Советский писатель» издавать фантастику, договорились, обещались, хвастались. Было? Было. А в результате «Советский писатель», придравшись к юридическому пустяку, расторгнул договор со Стругацкими с вычетом у них аванса (4.5 тыс. руб.), а сборник Шалимова, где уж и юридических крючков не оказалось, загнали на рецензию в Академию наук...

И дальше:

Мы с братом сейчас плюнули на все. Занимаемся потихоньку кино, да я перевожу более или менее усердно, как ты. Тем и живем.

Нелепости смешили и утомляли его.

Когда на пресс-конференции в Коблево на Соцконе какой-то оша-

левший от водки фэн выкрикнул из зала: «Аркадий Натанович, а почему вы не напишите что-нибудь в соавторстве с Прашкевичем и Гопманом?» — он только улыбнулся.

А в марте 1981 года жаловался: *Борис, кажется, оправился от инфаркта, сегодня должен был отбыть из больницы в санаторий, еще месяц — и, возможно, начнем снова встречаться для работы. Хотя где встречаться... Живу вчетвером с малышом в двухкомнатной, сам понимаешь, каково это. Но Бог милостив, что-нибудь придумаем. Главное, оба мы с Борисом уже старые больные клячи, в доме творчества работать боязно — без жены, чтобы присматривала за здоровьем, насчет возможных приступов и т.д.*

И в декабре 1982 года: *А у меня, брат, дела плохи. Живу от одного сердечного приступа до другого...*

Невозможность издать книгу вовремя.

Невозможность поехать туда, куда хочется.

В итоге Аркадий Натанович вообще перестал выезжать.

Я приглашал его в Дом ученых в Академгородок, вместо себя он прислал Теодора Гладкова. В зале собрались работники местного КГБ, я был поражен, как их много. Даже в Брайтон (кажется, единственная зарубежная поездка) Аркадий Натанович ехал, покрхтывая.

В столах у него и у Бориса Натановича скопилась масса не опубликованных в России произведений.

Я напоминал Аркадию Натановичу о теории прогресса, он скептически усмехался.

Коньяк, да. Коньяк может помочь. Сухой закон обходить мы научились. Горячо и сладко толкалась кровь в сердце. Салтыков-Щедрин. О, конечно! Как он там про одного губернатора? «При не весьма богатом уме был еще косноязычен». Это же про людей в ЦК! А «Капитанская дочка»! Маша Миронова, устраивающая себе аудиенцию с императрицей через дворцового истопника! Как тебе, а, Прашкевич? И вдруг спрашивал о «Сталкере». Страшно ругался: «Ты еще не дорос! Это фильм двадцать первого века! И вообще «Сталкер» относится к «Пикнику», как бабочка к гусенице!». Но и Лажечников неплох. «Эта гомеопатическая ножка».

Настроение сразу поднималось.

«Ну зарубили у тебя еще одну книгу. Плюнь. Снова ходи по островам, посещай скучные приемы, прислушивайся, пиши новую. Утри слезы и сопли и начинай новую книгу. Пока пишешь, один редактор сопьется, другого выгонят, весь Госкомитет разгонят, режим сменится. Крикнут, где рукописи? А ты и явишься. Вот, мол! Пока остальные клали жизнь на то, чтобы напечатать один-разье-

динственный свой рассказик, ты сидел и писал роман».

Не верилось.

Но вдруг что-то произошло.

Как Аркадий Натанович и предполагал, ледяные айсберги ухнули в море, чудовищные фонтаны заслонили весь горизонт. «Гадкие лебеди», «Улитка на склоне», «Сказка о тройке», «Град обреченный», «Хромая судьба», первое собрание сочинений в издательстве «Текст»... Журналы и издательства выпрашивают рукописи... В газетах статьи, интервью... Мир проснулся... «Ведь не может быть, ведь не может быть, чтобы к вечеру каждого прожитого нами дня мы не становились бы хоть чуть-чуть лучше, чем были утром».

И все же прав оказался Аркадий Натанович.

Это не мы меняемся, а меняется время. И все надо успевать, обязательно надо успевать, потому что, к сожалению, к вечеру мы не становимся лучше. А жизнь так коротка. И однажды в сырой октябрьский день звонят из Москвы Виталий Бабенко, Нина Матвеевна Беркова, Саша Бачило... «Умер Аркадий Натанович»...

Прозвучало как — умер писатель Стругацкий.

Моросящий дождь. Целая эпоха ушла. Но неужели, правда, мы не стали лучше?

На этот раз вместо «Экспертизы темы» мы предложим читателям воспоминания критика, писателя и редактора, близко знавших Аркадия Натановича Стругацкого, о самой запомнившейся встрече с ним.

Вл. ГАКОВ:

Место и время: редакция журнала «Вопросы философии», 1965 год. Действующие лица: АНС — «брат Стругацкий», уже кумир поколения (после «Трудно быть богом» и «Понедельника...»), но пока не Живой Классик. Еще черноволосый и без усов. Московские философы — все больше молодые и начитанные. И я — ученик седьмого класса, запойный любитель фантастики, еще не «Вл.Гаков», но уже определенно фанат Стругацких. Насколько помню, на вопросы мэтру в той компании не решился (собрался, кажется, весь цвет философской мысли), больше слушал. Только в конце протолкался к АНС с просьбой подписать свеженький, доставшийся по благу молодогвардейский томик — «Хищные вещи века» в паре с «Попыткой к бегству».

Из всего услышанного в тот вечер больше всего запали в душу два высказывания Аркадия Натановича. Первое (в ответ на долгий спич одного из присутствующих интеллектуалов о прогнозировании будущего): «Да кто вам сказал, что мы прогнозируем будущее? Мы просто описываем мир, в котором сами хотели бы жить. И, соответственно, мир, в котором не желали бы жить ни за какие коврижки». И второе, имевшее (как я понял много позже) прямое отношение к первому (разговор крутился вокруг тех же «ХВВ»): «Мир без денег и материальных забот может стать утопией, а может и антиутопией. Страшно, если материальное изобилие свалится в руки тем, кто ничего, кроме как зарабатывать и потреблять, просто хапать, — не умеет, не обучен. А с другой стороны, лично нам с братом претит перспектива, при которой люди навечно обречены только зарабатывать и потреблять. Но как совместить первое и второе — мы не знаем».

На дворе, повторяю, стоял 1965 год. Шлейф от хрущевской «оттепели» еще не успел окончательно растаять, и слово «коммунизм» пока не приобрело бранного оттенка. До подавления «пражской весны» оставалось целых три года. И сколько всего впереди.

За точность приведенных цитат не ручаюсь: прошло сорок лет, целая жизнь. Но суть этих двух высказываний помнил все эти годы, из коих четверть века протекла для меня в личном общении с Аркадием Натановичем. Мысль, не покидающая сорок лет и не утратившая актуальности, согласитесь, это что-то значит.

Эдуард ГЕВОРКЯН:

Много можно вспомнить, много рассказать... Одна история о том, как мы с Володей Покровским во время знаменитого Малеевского семинара выследили Аркадия Натановича, которого Нина Матвеевна Беркова прятала от назойливого внимания условно юных дарований в одном из номеров Дома творчества; о том, как вломились к нему с бутылкой спирта и славно поговорили... Собственно, практически каждая встреча с ним казалась событием особенным, но почему—то часто вертится в памяти один разговор. Это было во времена, когда уже начался мор генсеков, но еще не доносились сверху громовые раскаты перестройки.

Домой к Аркадию Натановичу в тот день мы пришли, кстати, опять с Покровским. АН снял со стопки десятирублевки, лежащих на углу письменного стола, купюру и отправил Володю за коньяком. Пока он ходил, мы немного поругали чинуш, из-за которых ситуация в фантастике плачевна, и ритуально потоптали злодейскую «Молодую гвардию». Потом я увидел на столе «Обитаемый остров», изданный в знаменитой «рамочке», и сказал, что для меня в свое время эта повесть, еще в журнальном варианте, сыграла деструктивную роль: до нее я верил в так называемые объективные законы истории, после — нет, поскольку понял, что нет никаких законов, а есть игра интересов групп людей. Впрочем, добавил я, возможно, в этом и заключается единственный объективный закон истории.

Аркадий Натанович хмыкнул, а потом грустно сказал, что нам, молодым, еще повезло. Мы ведь не знаем, что даже от групп мало что зависит и что за группами могут стоять силы, возможности которых нам неизвестны, интересы, которые нам непонятны, и цели, которые для нас непостижимы. Просто в один прекрасный день все меняется, белое становится черным и наоборот, а нам кажется, что карты наконец открыты. Мы можем гадать и предполагать, кто игроки, но редко кому позволяют увидеть лицо хозяина игорного дома.

И вот теперь, посещая иногда парикмахерскую на проспекте Вернадского, я прохожу мимо казино, затем недалеко от церкви перехожу улицу и, проходя мимо дома, где жил Аркадий Натанович, порой вспоминаю этот разговор. Что он хотел сказать, в те времена я не понял, а сейчас толковать смысл его слов представляется неуместным.

Бела КЛЮЕВА:

В 1960–е годы издательство «Молодая гвардия», где я тогда работала в редакции фантастики, ежегодно командировало бригады своих авторов во главе с одним из редакторов на декаду Молодежной книги — выступать с лекциями по городам и весям Советского Союза. В 1962–м поездку в Казахстан предложили возглавить мне и даже позволили

включить в группу кого-нибудь на мое усмотрение. Не раздумывая, я пригласила Аркадия Натановича.

Бригада получилась разношерстной: два поэта-песенника, один «деревенщик», фантаст Стругацкий и... чернокожий Джим Паттерсон — тот самый мальчик-негритенок из фильма «Цирк». Так получилось, что песенники и «деревенщик» улетели раньше нас, а мы прибыли в Актюбинск лишь в четыре утра. И никто нас не встречал. Бог знает, как мы добрались по этому холодному, темному, чужому городу до гостиницы. Однако там нас выставили на улицу, ибо номера нам никто не удосужился забронировать. И тогда, не придумав ничего лучшего, мы притопали в горком партии, где сердобольный вахтер сжалился над тремя столичными горемыками и пустил переночевать в какой-то кабинет и даже электрическую плитку дал, что было очень кстати: промерзли мы основательно, бедный Паттерсон аж весь побелел и дрожал, как осиновый лист. Мы расположились у электроплитки, как у костра, безуспешно пытаясь согреться. К тому же немилосердно хотелось есть, и настроение было хуже некуда. Запасливый Джим с кислой физиономией извлек из кармана пачку печенья «Юбилейное». И тут Аркадий схватил печенье и торжественно произнес: «Провозглашается пикник с шашлыками!». После чего принялся поджаривать печеньюшки над плиткой. Более вкусных «шашлыков» я, кажется, в жизни не ела. Вот ведь — пустячок, но Аркадию и в самом деле удалось ободрить нас. Уже через несколько минут мы забыли о наших невзгодах и всюю травили анекдоты.

После Актюбинска мы отправились в Уральск. В самом конце поездки местные власти решили как-то отблагодарить нас и пригласили вечером на бешбармак. Правда, в этот же день у нас была встреча в пединституте, которая изрядно затянулась, так что на увеселительное мероприятие мы добрались уже к часу ночи. Нас ожидало немалое удивление — длинный стол ломился от яств, включая трехлитровые банки с черной икрой и бесчисленное количество бутылей с коньяком. Восседала за столом, терпеливо ожидая нашего приезда, вся местная партийная и кагэбэшная знать. Чего греха таить: гульнули мы тогда по полной программе, даже я с трудом держалась на ногах, а про мужчин наших и говорить нечего. В гостиницу мы вернулись только в шесть утра. Но самое ужасное заключалось в том, что уже в 8.30 мы должны были выступать перед учениками уральской городской школы! В восемь в ужасном состоянии я отправилась будить наших писателей. Вместо них в номере обнаружилось пять ни на что не способных «трупов». На мои уговоры и взывания к совести от подушек оторвались только две взлохмаченные головы — Стругацкого и Паттерсона. Обоим было очень худо, но они стоически отправились на встречу с детьми. И выступили просто блестяще!

Голливудские звезды

продолжают признаваться в любви к творчеству Курта Воннегута. Если в 1999 году Брюс Уиллис фактически финансировал проект «Завтрак для чемпионов», то в 2007 году Леонардо ДиКаприо вместе с собственной студией Arrian Way предполагает выпустить на экраны киноверсию еще одного культового романа знаменитого американского писателя — «Колыбель для кошки». Адаптацию истории о Льеде–Девять, заморозившем всю нашу планету, пишет автор сценария спилберговского «Капитана Хука» Джеймс В.Харт.

Захват Лувра

произвела на одну ночь съемочная группа кинофильма — экранизации популярного романа «Код да Винчи». Действие романа Дэна Брауна и фильма Рона Ховарда начинается в этом знаменитом музее, и французские власти любезно разрешили гостям из Голливуда в течение одной ночи использовать музей для съемок. Главную роль в этом стомиллионном блокбастере, премьера которого назначена на май 2006 года, исполнит Том Хэнкс. К нему присоединятся знаменитые французские актеры Одри Тату и Жан Рено.

Очередная волна

литературных НФ–премий прокатилась по странам и континентам. Всемирно известный критико–публицистический журнал «Локус» 2 июля во время Вестеркона в канадском Калгари анонсировал свои призы, вручаемые по итогам читательского опроса, проводимого журналом. Лучшим НФ–романом года читатели и фэны признали «Барочный цикл: Беспорядок; Система мира» Нила Стивенсона, лучшим фэнтези–романом — «Железный совет» Чайны Мьевилля, лучшим романом для подростков — «Шляпа, полная неба» Терри Пратчетта, лучшей повестью — «Далекий золотой город» Джина Вулфа. Там же, в Калгари, вручались призы «Аврора» — за творения канадских авторов. В номинации «роман на английском» победила «Волчья стая» Эдо ван Белкома, приз за роман на французском получил «Воспоминания арки» Мишеля Ляфрамбуаза. В короткой форме за англоязычное произведение лавры победителя достались Айзеку Шпинделю за рассказ «Когда утренние звезды пели вместе»,

за франкоязычное — рассказу «Те, кого не считают» все того же Мишеля Ляфрамбуаза.

Престижные литературные премии вручались чуть позже, 8 июля, в Канзасском университете. Приз имени Джона Кампбелла за лучший роман, по мнению жюри, достался «Рыночным войскам» Ричарда К.Моргана. Аналогичная премия за рассказ носит имя Теодора Старджона, и ее завоевал «Чип сержанта» Брэдли Дентона.

Пятый фильм

о приключениях бессмертных горцев будет снимать компания Lions Gate. Продюсером картины «Горец: Путь продолжается» станет исполнитель роли Дункана Маклауда Эдриан Пол. Режиссер выходящей в 2006 году ленты — Бретт Леонард («Газонокосильщик»). Судя по тому, что в предварительных титрах картины значится Кристофер Ламберт, исполнитель роли погибшего в четвертом фильме Коннора Маклауда, возможно, это будет приквел.

In memoriam

4 июля от болезни легких в своем доме в Илвеко, штат Вашингтон, скончался популярный писатель-фантаст Кристофер Р.Банч, публиковавшийся под именем Крис Банч. Он родился в 1943 году, совсем юным вступил в армию, где прошел спецподготовку. Во время вьетнамской войны участвовал в боевых операциях и являлся фронтовым корреспондентом журнала «Stars & Stripes». Позже занимался журналистикой, редактировал самиздатовские рокерские журналы, писал статьи для множества изданий и сценарии к телешоу. Известность как фантасту ему принес написанный в соавторстве с Алланом Коулом восьмитомный цикл о приключениях Стена, повстанца с планеты Вулкан (1982—1993). Особой популярностью цикл пользовался в России: книги сериала вышли в нашей стране суммарным тиражом около 10 миллионов экземпляров и каждый новый перевод неизменно занимал первые места в чартах продаж. В соавторстве с Коулом Банч написал также несколько фантазийных романов, в том числе и номинировавшиеся на Британскую премию фантазии «Далекое королевства». Среди романов самого Банча можно выделить трилогию «Невидимый воин». Всего в России увидели свет более сорока изданий романов, как сольных, так и в соавторстве с Коулом.

Агентство F-press

АРСЕНАЛЬ Леон (ARSENAL, Leon)

Испанский писатель, издатель, антологист, переводчик и активист фэн-движения Леон Арсеналь родился в 1960 году в Мадриде. Окончив университетский курс гражданского мореплавания, в течение пяти лет был рулевым на торговом судне, после чего полностью посвятил себя литературной и издательской деятельности.

Как писатель-фантаст Арсеналь дебютировал в 1992 году в журнале «Cyberfantasy». В 2000 году вышла первая книга — сборник «Поцелуй скорпиона», получивший высокую оценку критиков. За первой книгой последовали роман в жанре альтернативной истории «Була Матари» (2001; в соавт. с Хосе Мигелем Палларесом) и роман-фэнтези «Убийственные маски» (2004), получивший по выходе национальную жанровую премию «Минотавр». В «наградном списке» значатся также премии «Игнотус» и «Пабло Ридо». Кроме того, перу Арсеняля, большого поклонника истории, принадлежат два сугубо исторических романа — «Серебряный человек» (2000) и «Сломанные копья» (2002).

Леон Арсеналь — издатель одного из ведущих испанских журналов фантастики «Galaxia», признанного по итогам Еврокона-2003 лучшим европейским жанровым изданием.

КЕРКЛЕНД Кайл (KIRKLAND, Kyle)

Американский ученый-нейрофизиолог и писатель Кайл Керкленд родился в 1963 году в Хантсвилле (штат Алабама). После окончания школы служил в ВВС, затем закончил университет, защитил диссертацию и до начала 2004 года работал по специальности в Университете штата Пенсильвания, после чего полностью переключился на литературную деятельность.

Дебютом К.Керкленда в фантастике стал рассказ «Отчисления от ДНК» (2002). На сегодняшний день писатель опубликовал еще пять рассказов и повестей (все в журнале «Analog»). Кроме фантастики Керкленд активно пишет научно-популярную литературу.

МАРТИНЕС Родольфо (MARTÍNEZ, Rodolfo)

Испанский писатель-фантаст и активист фэн-движения Родольфо Мартинес родился в 1965 году в провинции Астурия. Первый рассказ опубликовал в 1987 году в фэнзине «Масер». С тех пор написал несколько десятков фантастических рассказов и повестей, завоевав популярность не только на родине, но и в испаноязычных странах Латинской Америки. При

этом за Мартинесом закрепились устойчивая репутация не-предсказуемого писателя-экспериментатора и даже «автора не для всех». Неоднократно становился победителем жанровых конкурсов. В числе самых известных произведений Мартинеса — повести «Мудрость мертвецов» (1995), «Улыбка кота» (1996), «Йормунганд — ничейная земля» (1996), «Алфавит плотника» (1998), «Бездна смотрит на тебя в ответ» (1999), «Небесные киллеры» (2004), рассказы «Робот», «Воздушные замки», «Сон рыжего короля».

ПОПКЕС Стивен (POPKES, Steven)

Американский писатель Стивен Попкес родился в 1952 году в Санта-Монике (штат Калифорния) и, прежде чем начать писать, перепробовал много профессий — был строителем, инструктором по рафтингу, техником в морге и лаборантом в ветеринарной клинике, а также работал в компании по выпуску авиационного оборудования (причем параллельно посещал летные курсы).

Разумеется, с таким богатым жизненным багажом С.Попкесу только и оставалось, что стать писателем-фантастом. В научной фантастике он дебютировал в 1982 году рассказом «Блюз капелла». К 2005 году он опубликовал 25 рассказов (один из которых, «Цветная зима» (1988), был номинирован сразу на две премии, «Небьюлу» и Мемориальную премию имени Теодора Старджона) и два романа — «Посадка Калибана» (1982) и «Ведьма смерти» (1985). В настоящее время Попкес с семьей живет в Хопкинтоне (штат Массачусетс), где «пытается построить ферму на двух акрах купленной земли», как написано в издательской аннотации на одну из его книг.

РЕНХЕЛЬ Хуан Хасинто Муньос (RENGEL, Juan Jacinto Muñoz)

Испанский фантаст Х.Х.М.Ренхель родился в 1974 году в городе Малага. Закончил философский факультет в местном университете. Будучи специалистом по прикладным когнитивным наукам, активно занимается научно-исследовательской и преподавательской деятельностью в университете Малаги, а кроме того, является содиректором теоретического философского журнала «Эстигма». В течение нескольких лет жил в Лондоне, занимался журналистикой.

В творческом активе Ренхеля — опубликованные рассказы, поэмы и научные труды. Он лауреат конкурса прозы «Дульсинея», проведенного фондом имени М.Сервантеса испанской Королевской Академии в 1996 году. Участник многих других литературных конкурсов у себя на родине.

Рассказ «Чужие коды» был номинирован на премию национального литературного конкурса «Город Велес–Малага» в 1998 году.

РУДЕНКО Борис Анатольевич

(Библиографические сведения об авторе см. в № 3 за этот год)

Корр.: Как ощущаете себя в родных фантастических пенатах после десятилетней эмиграции в детектив?

Б.Руденко: Ну, во–первых, за те десять лет, что я трудился на ниве детективной литературы, мои душа и мысли все равно оставались с фантастикой. Все эти годы я вынашивал идеи, которые по разным причинам не имел возможности и времени реализовать в те годы. А когда журнал «Если» вдруг предложил написать фантастический рассказ — страшно обрадовался. Трудно писать детективы, когда вся жизнь вокруг прочно превратилась в сплошной криминальный роман без надежды на счастливое окончание. Самое время возвращаться обратно — в собственные, лично придуманные миры. Там спокойнее. Процесс заинтересовал и увлек настолько, что при встрече с Сергеем Лукьяненко на каком–то фуршете возгласил: «Сережа! А мы еще посоревнуемся!». Мол, я тебя еще переплуну. Последствия фуршета миновали, насчет «пере», может, я погорячился, но доплунуть при мощном попутном ветре все же попытаюсь. Ну, просто из спортивного интереса!

ХЬЮЗ Мэтью (HUGHES, Mathew)

Канадский писатель Мэтью Хьюз родился в 1949 году в английском городе Ливерпуле, а в пятилетнем возрасте был увезен родителями в Канаду, где и проживает по сей день. Бросив университет, Хьюз работал некоторое время в газетах, спичрайтером, рабочим на фабрике, шофером грузовика, автодилером и санитаром в психиатрической клинике, а затем посвятил себя литературе и довольно быстро стал известным автором детективов.

Вклад Хьюза в фантастику более скромнен: пока на его счету всего одна трилогия фэнтези — «Глупцы, сбившиеся с пути» (2000), «Одурачь меня дважды» (2001) и «Черный бриллион» (2004). Помимо этого Хьюз выступает с рассказами и короткими повестями (в основном в журнале «Fantasy & Science Fiction»). Вместе с женой и тремя сыновьями писатель проживает в небольшом городке на острове Ванкувер у западного берега Канады.

Подготовили

Михаил АНДРЕЕВ, Владимир ИЛЬИН и Юрий КОРОТКОВ